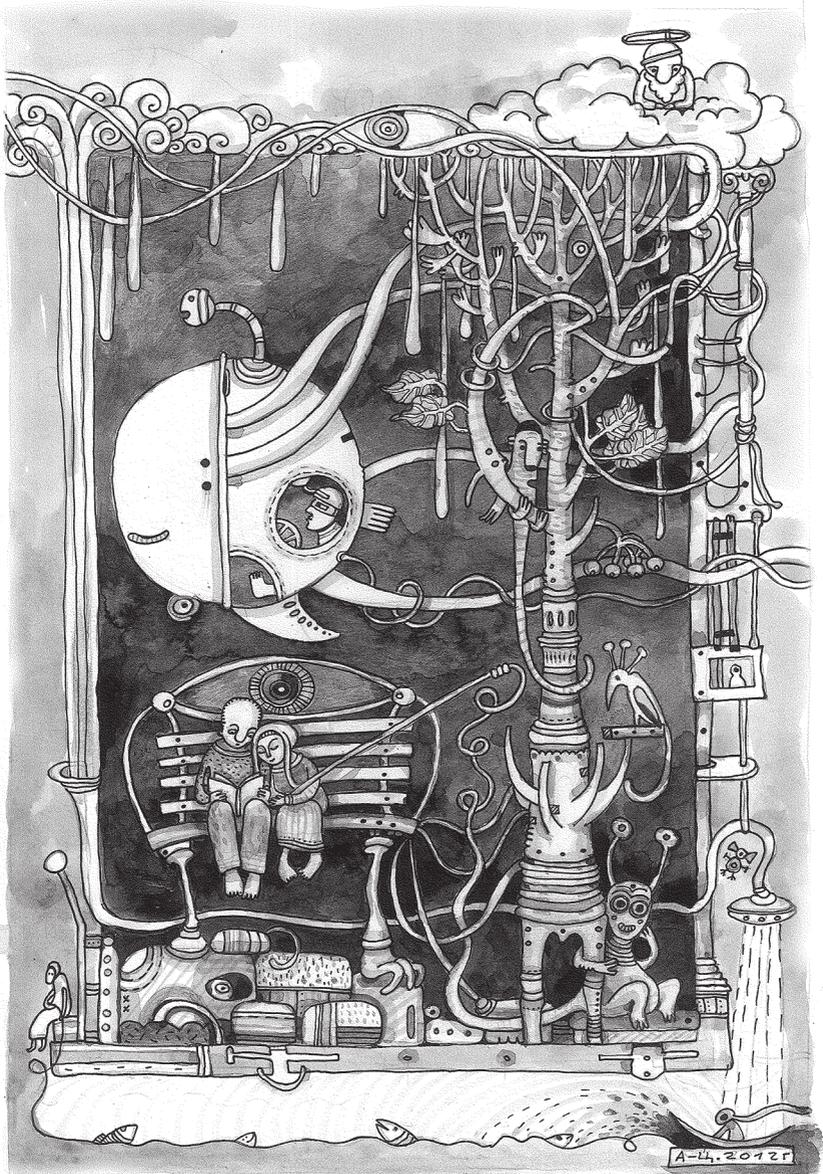

Симбиоз (греч. *συμ-βίωσις* — «совместная жизнь» от *συμ-* — совместно + *βίωσις* — жизнь) — форма взаимоотношений, при которой оба партнёра или только один извлекает пользу из другого.

Следует также помнить, что симбиоз — это не только сосуществование разных видов живых организмов. На заре эволюции симбиоз был тем двигателем, который свёл одноклеточные организмы одного вида в один многоклеточный организм (колонию) и стал основой разнообразия современной флоры и фауны.

Википедия

АЛЪМАНАХ ФАНТАСТИКИ
АСТРА НОВА

An²⁽⁰⁰⁹⁾
2017

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44
А91

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ
«ASTRA NOVA»

Print-on-Demand

Астра Нова: альманах фантастики. № 2(009). – СПб.:
А91 Издательство Северо-Запад, 2017. – 296 с.

ISBN 978-5-93835-597-2

Если ты симбионт – знай границы и строго их придерживайся!
Иначе рискуешь превратиться в паразита, а паразиты живут хотя и
счастливо, но редко долго. И даже не потому, что с ними стремятся
расправиться, применяя все подручные средства от глистогонных
до плазмомета включительно. Просто, убивая своего носителя,
паразит убивает и самого себя..

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус)
6-44

© Светлана Тулина, составление, 2017
© Авторы публикуемых произведений
© Издательство «Северо-Запад», 2017

ISBN 978-5-93835-597-2

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая **ГРАНИЦЫ ЗЕМНЫЕ**

Святослав Логинов	
ЖАРКОЕ С МОРКОВЬЮ И ДИКИМ ЛУКОМ.....	10
	Важно, чтобы пища была здоровой. Для людоеда – особенно.
Евгения Керубини	
КТО СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ МОЮ	11
	В праздник все хотят сладкого, даже праведники.
Дмитрий Гужвенко	
КЫ.....	14
	С некоторыми игрушками лучше не ссориться.
Андрей Жмакин	
КРОТ	19
	Дачник! Поднимая лопату на крота, подумай – вдруг это не крот?
Виктория Осадченко	
О ЛЮДЯХ И ДРУГИХ ОДИНОКИХ СУЩЕСТВАХ.....	24
	У кукол собственная гордость. Особенно – у брошенных.
Дмитрий Иванов	
Ирина Лежава	
КОЛЛЕКЦИОНЕР.....	29
	Иногда один рубль на двоих – это не так уж и мало!
Анна Райнова	
ШЕБУРШУША.....	43
	Твой домовый всегда на страже твоих интересов.
Владимир Яценко	
БРАК ПО ЗАЛЁТУ	51
	Веселя судьбу, главное – не перестараться.
Валерий Цуркан	
ДИТЯ МОРЯ	64
	Если в твоих жилах морская вода, дети моря тебя найдут.
Мария Акимова	
ГОРОД	70
	Когда убивают героя – из-под контроля выходит дракон.
Денис Скорбилин	
ТЕРЕМОК	79
	При подобном образе жизни главное – не съест медведя.

Часть вторая
ГРАНИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

Леонид Смирнов		
НЕДЕЛЯ КАК НЕДЕЛЯ.....	92	
		В этом мире много миров, и прилетает из них разное.
Елена Щетинина		
АФРИКА.....	96	
		Подарите ребенку Африку! Ну что вам стоит?!
Андрей Федоров		
Владимир Новиков		
БУМЕРАНГ, или ШУТКИ КОНЧИЛИСЬ!.....	104	
		Желание матери – закон даже для пиратов.
Надежда Оскарова		
НАСЛЕДНИК ТУТТИ.....	125	
		Не важно, каков ребенок. Важно, что мать считает его своим.
Лариса Тихонова		
ПОЧЕМУ НАДО СЛУШАТЬСЯ БАБУШКУ.....	129	
		Перекормленные симбионты становятся неприлично резвы.
Дмитрий Сошников		
ЗВЁЗДЫ ЗА ОКОШКОМ.....	134	
		Настоящий Дед Мороз всегда знает, как починить шар со снегом.
Светлана Тулина		
ЗДРАВСТВУЙ, ПАПА!.....	146	
		Не все отцы одинаково полезны – даже если они на самом деле отцы.

Часть третья
ГРАНИЦЫ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ

Виталий Придатко		
КРЫЛЬЯ.....	160	
		Надевший крылья – да станет икаром!
Эдуард Шауров		
ПЕРЕДОЗ.....	177	
		Не только пожарные сгорают на работе.
Тимур Алиев		
ЕТ DONA FERENTES.....	182	
		Имея кого-то – уверен ли ты, что это не тебя имеют?
Станислав Карапапас		
УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ.....	194	
		Огонь в волосах, ветер в сердце – и узел на кукле для дочки.
Лариса Турлакова		
СВОЙ.....	198	
		Всегда есть надежда на ошибку.

Игорь Ревзин. Светлана Маланина	
Бог, которого ты не знал.....	209
	Чтобы дети стали взрослыми, бог должен уйти.
Asienka (Анастасия Влади)	
ИГРА В ИГРУ.....	232
	Как выжить, если твой хозяин альтернативно разумен?

Часть четвертая
ГРАНИЦЫ РИФМЫ

Эльвира Жейдс	
ПОРосЕНКОВАЯ СКАЗКА ТАЛЛИННА.....	250
Лана (Kler) Круглова	
PRINCE CHARMING.....	253
ЦИКЛ ПО А. И Б. СТРУГАЦКИМ, «ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ»	254

Часть пятая
ГРАНИЦЫ ОБЪЕМА

Оксана Корпусова	
ЧТО СКАЗАТЬ?.....	258
	Если тебе не дадут вставить ни слова – поможет тарелка за окном.
Наталья Голованова	
ГОД ВОЛКА.....	259
	Не будите в девушке зверя!
ВЕРНЫЙ СЧЕТ	260
	Главное – знать про цвет стены.
Владислав Ефремов	
НА ВАХТЕ НЕ СПЯТ	261
	Вахтер – не профессия, а склад характера.
Алексей Донской	
ПУТЬ ДРАКОНА.....	262
	Надевая маску дракона, что еще ты берешь от него?
КОНТРАКТ	264
	Гимнасту не обязательно быть здоровым человеком.
Лариса Тихонова	
ГОРОХОВАЯ БАБА.....	265
	Гамаюнов тоже надо кормить!
Антон Филипович	
ЧЕЛОВЕТЕСТВО, ИЛИ КАК-ТО ТАК	266
	Когда на кухне двое – вечно что-то не так.
Валерий Крыков	
НАСЕДКА.....	268
	Не только орлята учатся летать.

Ольга Сафонова	
ОСАДА	269
	Люди строят качественные когтеточки.
Сергей Петровец	
МАМАША МЕДОУЗ И ЕЁ ДЕТИ.....	271
	За такой мамой - как за каменной стеной!
Виктор Кузьмин	
КУКОЛЬНЫЙ МИР	272
	Последние игрушки последнего человека.
Код ноль.....	273
	Спасибо предкам за паек наш насущный.
Ольга Юдина	
ПЫЛЬЦА НА ОКНЕ	274
	Главное – не проспать цветков счастья!
Злата Линник	
Я ВСЕГО ЛИШЬ ХОТЕЛ	275
	А Иван-Царевич пусть идет лесом!
Людмила Шутько	
СКАЗКА НА НОЧЬ	277
	Победи страх – и мир ляжет тебе на плечи.
Любовь (Лео) Паршина	
НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО.....	278
	Многие давно считали Землю адом. Ну вот и...
Владимир Марышев	
ОБХОДЧИК	280
	Иногда главное – вовремя не победить.
Александр Карапац	
ОДНА БУКВА.....	281
	Спасение мира стоит маленькой потери.
ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД	282
	Главное – вовремя что-нибудь запретить!
Сергей Игнатъев	
МЁРТВОЕ ЖЕЛЕЗО	284
	Приказ «Елочка, зажгись!» может быть понят слишком буквально.
ПАРОКАТКА, САБЛЯ И КЛЮКОВИЦА	285
	Главное помни – свиным ушам нельзя доверять!
Кирилл Ахундов	
У КАЖДОГО ЕСТЬ ШАНС	287
	Ромашка – гарант безопасности в пути.
Светлана Тулина	
ПОТОМУ ЧТО ТАК ПРАВИЛЬНО	288
	Хочешь остаться человеком? Поверь в сказку!
БОНУСЫ СУБАРЕНДЫ	291
	Вредная жиличка тоже может на что-то согдиться.
Максим Тихомиров	
ЧУЖИЕ КРЫЛЬЯ	292
	Не стоит жалеть о том, кто отдал тебе крылья.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГРАНИЦЫ ЗЕМНЫЕ

Святослав Логинов

ЖАРКОЕ С МОРКОВЬЮ И ДИКИМ ЛУКОМ

Трое суток людоед подкарауливал добычу и наконец добился своего. Ему попалась не какая-то девчонка. Поймать и съесть девицу, всё равно что украсть и запихнуть в суп соседскую курицу. Мясо у девчонок слишком нежное, погрызть нечего. К тому же девчонки принимаются дико орать, стоит откусить от них хотя бы самый маленький кусочек. И почему-то на эти вопли почти всегда сбегаются всевозможные спасители, так что поесть спокойно удаётся очень редко.

Нет, ему попался парнишка, достаточно большой и мясистый, но ещё не заматеревший мужик, жёсткий и провонявший потом, либо налитый нездоровым жиром, которого есть и вовсе противно. А этот пришёлся в самую пору, что так и просится в кастрюлю.

Добычу людоед приволок в своё жилище, уложил на кухонном столе и занялся делами. Не жрать же парня сырьём... такую вкуснотищу надо приготовить, как следует, чтобы было, что вспомнить. Натаскал дров в очаг, воды в большой котёл, начистил сковороду. Такие сковородки только у людоедов бывают, на ней можно разом зажарить всего парнишку. Затем надел поварской колпак и занялся гарниром.

— Что ты делаешь? — спросил связанный парнишка.

— Морковь чищу. Буду готовить на ужин жаркое с морковью и диким луком.

— А... — понимающе сказал парнишка и надолго замолк.

До ужина было ещё далеко, но зато наступила пора полдника.

Люди, хорошо знакомые с бытом людоедов, знают, что уважающий себя людоед никогда не ест человечины на полдник. Да и на завтрак обычно не ест, разве что с вечера кусочек остался. Распорядок дня — превыше всего; людей следует пожирать на обед и на ужин, а на полдник — ни в коем случае!

Людоед, поймавший мальчишку, кушал на полдник печеньки с молоком. Поглядеть, как он полдничает, так и не подумаешь, что перед тобой людоед.

— Печеньку хочешь?

— Не откажусь, — ответил будущий ужин.

Людоед покушал сам, покормил пленника, а потом улёгся спать, чтобы нагулять к ужину аппетит. Людоеды всегда нагуливают

аппетит во сне. Недоделанный ужин остался на столе. Хотя, что там особо доделывать? Скворода надраена, лук и морковь начищены.

* * *

Проснулся людоед от ощущения неудобства. Оказалось, что он, крепко-накрепко связанный, лежит на разделочном столе, а предназначенный на ужин парнишка возится около разожжённого очага.

— Эй, что ты делаешь? — позвал людоед.

— Вертел чищу. Видишь ли, ты очень лохматый, поэтому тебя, прежде чем жарить с морковью и диким луком, нужно как следует опалить.

— Ты что, собираешься меня съесть?

— Конечно. И с большим удовольствием. Я нагулял отличный аппетит, пока лежал у тебя на столе.

— Меня нельзя есть, я сам людоед!

— А я — людоедоед, — парнишка улыбнулся. — Я ещё не очень большой, ты моя самая первая добыча, но зато какая! Знаешь, как долго я на тебя охотился? Но жаркое сегодня на ужин будет у меня — пальчики оближешь!

ЕВГЕНИЯ КЕРУБИНИ

КТО СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ МОЮ

— Ты даже не настоящий ребёнок, — человеческая особь в украшенном к празднику дверном проёме прикрывает рукой вазочку с угощениями. Не даст. — Где твой хозяин?

— Ему нельзя выходить из дому, — Сабрина добавляет лёгкий вздох в конце фразы. Она не способна откровенно солгать на подобный вопрос, но вдруг эта самка вообразит что-нибудь вроде больного детёныша, и всё-таки отсыплет немного этих вкусных хрустящих леденцов в разноцветную полосочку.

— Не рассказывай сказки, тебя явно великовозрастный оболтус подслал. Уходи.

Взгляд женщины фокусируется за спиной киборга — приближаются биологически натуральные дети. У Сабрины припасён трюк на случай отказа, ведь сегодня можно пугать и шантажировать людей. В меру, конечно, но можно. Но сладкого хочется больше, и эффективнее сейчас поскорее уйти туда, где ряженые ещё не побывали.

Она проходит мимо ребят, один из которых изображает пародию на киберкопа из старых фильмов. Конечно, этого живого мальчика никто не спутает с разумной куклой, и он-то конфеты получит. Паренёк примерно одного с ней роста, и Сабрина прикидывает площадь его тела — не сменить ли наряд на костюм из человеческой кожи, в качестве симметричного ответа. Нет, программа лояльности не позволит ей это сделать — Сабрина не может действием или бездействием навредить репутации владельца.

Чего ещё не может Сабрина — замаскироваться под настоящую девочку. У её тела подростковые пропорции, и, чтобы комиссия по этике не придиралась, у киборгов серии Лолита снижена человекоподобность. Не человек — не педофилия. Попытка увеличить сходство с чистыми представителями породы расценивается программой лояльности как всё та же угроза хозяйской репутации.

Расчёт маршрута предлагает перспективный вариант: рядом сектор для приезжих, местные дети не стремятся ходить к чужакам, конкуренция ниже.

Тук-тук.

За дверью шоколадное печенье в руках молодого паренька, карамели нет.

— Сладость или гадость! — улыбается Красная Шапочка с красными-красными глазами.

Человек улыбается в ответ протягивает было коробку, но тут за его спиной рисуется второй, постарше:

— Веслав, кто там?

— Сегодня карнавал, как я понял, — поясняет маркированный Веславом. — Здесь принято одаривать тех, кто постучится.

— Я знаю про эти сатанинские забавы, — кривится старший. — Не поддавайся искушению в них участвовать. А вы, юное дитя, не должны разгуливать ночью без сопровождения... Так. Веслав, она же фальшивка, предупреждаю тебя.

Сабрина решает, что жест добровольного дарения всё-таки засчитывается, хватает печенку и тут же кусает, чтоб не отобрали.

— Она ест, как человек, — удивляется хранитель вкусного. — Зачем подделывать ребёнка? На, бери ещё.

— Ты не видел их раньше, да? Они умеют есть, и много чего другого умеют, но души у этих манекенов нет.

Специалист по душам присматривается к ней, Сабрина распознаёт характерный взгляд самца.

— Грешновато, — отвечает Сабрина взгляду, старший краснеет и выхватывает коробку.

— Хватит! Изыди, пустышка.

Следующие шесть попыток неудачны: кто-то не хочет подкармливать

чужого киборга, кто-то вообще не знает, что сегодня праздник. Сабрина показывает жадным и несведущим фокус: украшение причёски, две крупные красные хризантемы у висков, на самом деле вставлены в отверстия в её голове, и она вынимает их, медленно вытягивает стебли, а красный пищевой краситель, залитый в резервуары вместо воды, вытекает струйками и капает, капает, капает...

Грязновато, но веселье того стоит. В какой другой день программа лояльности позволит ей произвести негативное впечатление?

Преследователь нагоняет её перед седьмой дверью: тот, что дал печенье, только теперь без коробки, зато в белой рубашечке, чёрном галстуке и с рюкзаком за спиной.

— Постой!

В его задорной улыбке Сабрина не считывает намёков на угрозу, замирает в ожидании. Сканирует и сверяет с доступной любому киборгу базой зарегистрированных лиц.

Имя, дата прилёта, прибыл прямым с Ковчега Патриархов в составе группы совершеннолетнего молодняка тамошней общины.

— Как насчёт сделки: будем напарниками, улов пополам?

— Ты недостаточно юная особь, твой костюм не пугает, и правила твоей секты не позволяют рядиться нечистой силой.

— О, я ничего не нарушаю, — Веслав подмигивает и цепляет на грудь чёрную табличку с фамилией. — Подыграй мне.

Он жмёт на сигнал вызова сам, в руках уже книжка с древним символом на тёмной обложке. Открывает большая банка фруктовых карамелек в объёмах очередной женской особи. Особь удивляется, но сказать ничего не успевает:

— Здравствуйте! — голос Веслава полон светлой радости. — Хотите поговорить о Боге?

У Сабрины хорошая реакция, и она ловит банку в воздухе, но та была полной и часть конфет всё равно рассыпается.

Первый из гостинцев, которыми швырнут в них за эту ночь.

ДМИТРИЙ ГУЖВЕНКО

КЫ

— Кы!

— Прекращай. Ты уже мне надоел. Все, что ни выберу, тебе не нравится! Голос мамы очень раздраженный. Обычно она так мне заталкивает ложку с невкусной и горячей кашей.

— Зачем Сашке розовый круг с принцессами? Он что у нас, девочка? И что мне еще не нравится? Ну, кроме твоей мамы?

Отец нависал надо мной, словно большое дерево. И шумел он так же сильно, как дерево на ветру.

— Кы! Кы! Кы! — закричал я изо всех силенок. Ну как же они не замечают зелёного Кы, который подмигивает нам?!

Мама нагнулась и шлепнула меня по попе. Больно! Отец отпустил мою руку и одернул маму.

— Прекрати его бить. Что не так?

— Все не так! Мой белый купальник тебе не нравится! Моя мама тебе не нравится, хотя она нам в санаторий дала три закатки с помидорами и огурцами! И круг, хоть и с принцессами, подходит под его розовую кепку!

Мама чуть отступила под напором папы. Он высокий! И сильный! Когда я устаю идти к морю, то сажусь на асфальт и начинаю тяжело вздыхать. Меня сначала ругают, а потом папа берет на плечо. И тогда я вижу далеко — далеко! Вижу кан-фе-ты, которые лежат на прилавках, вижу сладкую воду, а вот теперь я увидел Кы.

— И кепка у него девчачья. Конечно, твоя мама дала нам трехлитровые закатки — не ей же тащить и не тебе. Да и вообще, она отдохала на море? Ты ей объяснила, что тут много кафе и столовых? Или мы приехали экономить?

Папа окончательно меня отпустил. Я ринулся к Кы.

— А купальник чем плох?!

— Да он, когда намокает, то весь просвечивается, — грустно произнес папа.

Вокруг проходили люди. Солнце спряталось за белую тучку, похожую на пену в ванне. Мама говорит, что тучи похожи на барашков, но я-то смотрю мультики, и там барашка хоть в белой шубке, но сам-то черный. Меня не обманешь! Я обежал стеклянный прилавок, почти подобрался вплотную к виляющему хвосту Кы, когда в меня уперся желтый палец. Запах табака заставил зажать меня нос и сказать:

— Фу!

— Сам ты фу.

Большая старуха в ярком платке и со сигаретой в зубах продолжала давить мне в лоб пальцем.

— Такой большой, а не говоришь. Сколько тебе годиков?

Я показал ей на пальцах.

— Три? Уже должен болтать. Вот как ты скажешь родителям, что хочешь Кы? Или когда волна накроет с головой, то как позовешь на помощь?

Я задумался. Старуха стояла на пути к Кы, и обойти я её не мог. Огромная, как бочка! Платье, еще и шаль, накинутая сверху на плечи. Жара. Лето. Рядом плещется море, а она укуталась в шаль. Да и глаза у нее коричневые и такие колючие, как шипы у крыжовника.

Позади меня продолжали ругаться родители. Ну и когда же они прекратят спорить? Мне так надоело слушать их громкие голоса! Они совсем перестали обращать на меня внимание, а если все же и вспоминают, так только чтобы дать по попе или запихнуть невкусную и горячую кашу!

— Ну так как позовешь? — повторила вопрос страшная старуха. Цыганка, вспомнил я слова папы, когда мы зашли в этот магазинчик.

Я развел ручонками и пожал плечами.

— Все, я решил. Не нравится — пусть тебе твоя мама вышлет еще пару закаток, продашь их и на полученные деньги купишь Саше круг с принцессами. — Папа повернулся к нам: — Вот ты где! Сашка, сейчас мы тебе купим классный круг!

Отец из каше-лька достал цветные бумажки:

— Дайте нам, пожалуйста, вот тот синий круг с пиратами. Он подойдет папану!

Старуха навела на отца палец, как ствол автомата, и отчеканила:

— Нет.

— Что — нет? — удивленно спросил отец. — Он же голубой и пираты...

— Нет значит, что я вам его не продам. Мамаша, даже не открывайте рот — розовый я вам тоже не продам. Знаете, почему?

Я аж выдохнул. Злобная старуха перестала заниматься мной, и я сразу ощутил облегчение. А вот за папу и маму стало страшно. И еще за то, что мне не достанется Кы... Кы, который смотрел на меня желтыми глазами и подмигивал.

— Почему же? — со злобной интонацией спросил папа. После такого он обычно снимал ремень, и моей попе было очень больно.

— Они все из вонючего китайского пластика. Можете понюхать и убедиться сами, — произнесла старуха и пыхнула сигаретой.

— Ой, — сказала мама.

— Так что же делать? — удивился папа.

— Кы!!! — громко закричал я.

— Да, малыш прав, только одна игрушка не воняет. Вот ее вы у меня и купите, — произнесла старуха голосом, не терпящим возражения.

Она медленно сняла Кы с веревки и дала его мне. Он оказался большим. Не как папа, а как мама, и меня накрыл с головой.

— Надувной крокодил?! — удивились мои родители.

Они так удивлялись, пока я тащил за хвост Кы. Тот лежал спокойно, даже им не махал. Видимо, решил не двигаться при папе, который помогал мне нести его, крепко схватив за зеленый нос.

Мы подошли к кафешкам, с выставленными досками-меню. На них нарисованы желтые чебуреки и пицца. Пиццу я пробовал, и она мне понравилась. Вот только что в ней плохо — это сыр, помидоры, тесто и маслины. А вообще мне всё не нравилось в пицце, кроме кал-ба-сы. Вот только мои Большие все время читают меню и выбирают то гречневую кашу, то рисовую, а то и пюре. Причем мама меня спрашивает:

— Саша, а что ты будешь на обед?

Я честно отвечаю:

— Пи! Ка!

— Какая пицца? Это все ты его угостил пиццей! — накидывалась мама на папу.

— А ты ему колбасу дала! — парировал он.

— Будешь есть гречневую, — выбирала за меня мама. Вот и зачем, интересно, меня надо спрашивать, если ни пиццу, ни колбасу потом не дают? И запихивают кашу?

Вот и сегодня.

— Саша, ты какую кашу будешь?

Я не дожидаясь слова гречневая или рисовая, ответил:

— Ага.

— Что, честно будешь есть кашу? — удивился отец.

— Ага!

Ну чего они остановились напротив этой кафешки? Ну, пальма рядом посажена в горшке, ну, телевизор показывает мультики. Да какая разница, какая каша? Главное, у меня есть Кы!!!

И надо быстрее на море!

Я потянул надутного крокодила за хвост. Мне показалось, он недовольно качнул им и выскочил у меня из рук. Я опять подхватил его.

Родители продолжили громко ругаться. Как я понял, крокодил оказался намного дороже круга. Да и мама обвиняла папу, что он безвольно уступил страшной старухе.

— Все равно перед морем нужно позавтракать. Из-за тебя проспали...

Отец же от такого заявления мамы остановился. Кы снова дёрнул хвостом и вырвался на свободу. Отец ничего не сказал, но перевернул крокодила, отдавая мне его голову. Я с радостью схватился за продолговатую морду, заглянул в его глаза... в этот момент вышло солнце из-за туч.

Желтые глаза крокодила зло заблестели, а нарисованные белые зубы укусили меня!

Больно! Ручке больно! Я бросил Кы на асфальт.

— Коль! — закричал я.

— Что тебя укололо? Не придумывай, — заявила мама.

Я доверчиво поднял морду Кы. Может, он случайно меня укусил? Зубы-то у него большие, белые. Во рту у него не помещаются, выступают...

— Коль-коль! — заорал я. Как же больно он меня клацнул за руку! Что же Большие не замечают?! Почему позволяют Кы меня кусать?

— Оцарапался? — предположил отец, но крокодила понес сам.

— Это все ты купил — вместо нормального розового круга... Давай, Саша, заходи и садись за столик. Сейчас кашу будешь есть...

Я согласен на все. Даже есть кашу в этом кафе. Я понял, злая старушка не могла продать доброго Кы. Она подсунула злого, очень злого! Вот почему она не продала папе круг!

При ярком свете солнца я внимательно рассмотрел глаза и пасть чудовища. Он смотрел на меня, не отводя глаз. Смотрел, когда меня посадили на стул, смотрел, как я ел невкусную и горячую кашу. Я испугался так сильно, что позволил запихнуть в себя всю тарелку каши. Даже выпил компот и не стал требовать сладкое какао. А какао я люблю!

Кы пытался опять меня укусить, лежал он рядом на стуле. Я увернулся.

— Какой сильный ветер! Крокодила ворочает, — сказал папа.

— Саша молодец, съел всю кашу, — похвалила меня мама и поругала отца: — Это ты положил неправильно на стул, повесил бы под потолок...

Нести Кы я отказался. Даже за хвост. Я аж расплакался. Ну как же они не видят, что он меня кусает? Ну почему они вечно спорят? Вру. Раньше они смеялись и улыбались, всегда меня хвалили. А теперь ругаются и меня ругают. Ну не получается у меня говорить. Я стараюсь, я знаю много слов, а вот произнести их не получается.

Ветер разогнал облака и заставил подняться волны. Мы прошли мимо охранника на пляже.

— Саша, смотри, барашки. — Указала на волны мама. Я отмахнулся. На небе у нее тоже барашки, и в море барашки...

— Большие волны, может, не будем купать Сашку? — спросил тихо папа.

Море я очень люблю. Как папа, я плавать не умею, да и как мама — не умею. Вообще не умею. Я быстро сбросил шортики и футболку и побежал к волнам. Они сегодня очень высокие!

Я так любил воду, даже эту соленую, что забыл про злого Кы.

Кы не забыл про меня.

— Сашка, стой! Не лезь дальше в море! Сейчас мы тебя на крокодила посадим, и ты можешь покататься на волнах.

— Коль! Бо! — закричал я. Я попытался выбежать на берег, покинуть море, но сильный папа поднял меня и посадил сверху на Кы. На злое чудовище! Оно косилось на меня, пыталось цапнуть когтями. Злая старушка, злой Кы!

— Да ты мне уже надоела! — возмущался папа.

— Говорила мне мама, не выходи за него, — возмущалась мама.

Я все же слез с Кы и остался стоять по пояс в воде. Кы кружил недалеко, посматривая на меня желтыми глазами.

Волна толкнула меня в бок, а следующая, гигантская, выше папы, подмяла меня под себя. Я открыл от страха рот, соленая вода попала... Фу! Это явно не сладкое какао! Я поперхнулся, дышать нечем! Я замолотил руками и ногами, вынырнул... Меня отнесло от мамы и папы, которые снова ругались и стояли ко мне спиной.

Еще волна, еще воды в рот... Утону? Я заметил, как злой Кы плывет ко мне. Он ворочал хвостом, поднимая пену, неся ко мне, сверкая глазами. Зубы, большие зубы сейчас вцепятся мне в живот, и я точно уто...

Кы подплыл очень быстро. Не успела прийти следующая волна, как он поднырнул под меня и подкинул вверх. Я упал ему на спину, ударился животом, и соленая волна вырвалась из меня струей.

Волна! Я почти упал со спины Кы, но он поддержал меня хвостом. Кы — добрый?! Кы меня спас?

Кы подмигнул мне и поплыл к папе. Папа ругался с мамой, одетой в белый купальник...

Кы укусил папу за попу.

— Ай! Колется!

Я плюхнулся в воду и встал. По колено.

— Вы! — Я указал на них пальцем, как старуха. — Вы лугаетесь! Вы не видите, как я тонуть! Вы только сполить! Вы уже не любите меня! Надоело! И каша — невкусная и голячая!

— Заговорил, — удивлено произнес папа.

— Какое тонуть? — спросила тихо мама. — Не придумывай...

— Эй! У вас чуть пацан не утонул! Куда вы смотрите, идиоты? Быстро из моря! Все трое! — закричал охранник пляжа.

— Заговорил. Заговорил!!! — закричал радостно отец и подхватил меня на руки, понес на берег.

— Чуть не утонул и заговорил, — тихо сказала мама и заплакала.

— Да, вовремя к нему надувного крокодила волной подкинуло. В метрах трех он был от вашего пацана. Да и пацан у вас мужик, сообразил залезть, — тараторил охранник, — непонятно, как так волной крокодила ему подкинуло... Повезло, наверное. Смотрите, отнесло вашего крокодила, не достать теперь...

Я же махал рукой. Добрый Кы уплывал за буёк. Добрая старушка, добрый Кы!

— Пока, Кы! Спасибо, Кы! — говорил я.

Он весело помахал мне хвостом и поплыл на свободу. Я проговорил Большим:

— Теперь я говорю с вами, а вы не лугаетесь. Совсем. Я так сказал.

Странные эти родители. Мама целый день плакала, а папа купил мне какао. Главное, они говорили со мной и больше не ругались.

АНДРЕЙ ЖМАКИН

КРОТ

До того, как Николай купил дачу, он считал, что крот — это милое и безобидное существо. В самом деле, что другое, кроме умиления, может (так думал тогда Николай) вызывать этот зверёк в гладкой шубке с тёмным отливом и несуразно-смешными передними лапками, которыми он потешно орудует, роя землю. К тому же, беденький, слепой. Так думал Николай раньше. И лишь покупка дачи открыла ему глаза на мерзкую природу этих пакостных существ.

Вот, скажем, вы посадили морковку и ждёте хороший урожай. И имеете на то полное право: вы засеяли грядку отборными семенами, потратив на них, кстати, свои деньги, вы поливали грядку, вы дождались первых нежно-зелёных всходов, вы проредили их, придав геометрии мохнатой морковной растительности нужную гармонию с необходимым для крупных корешков расстоянием между верхками, вы поливали на глазах увеличивающуюся ботву.

И что?

После всех трудов какое у вас будет чувство, когда вы вместо крупных и крепких морковин вытащите из земли полузгрызенные объедки?

Николай, правда, морковку на даче не растил. Он вообще ничего на даче не растил, пользуясь ею для чистого отдыха.

Впрочем, нет — растил.

Во-первых, траву, свежий зелёный вид которой, при неспешном созерцании оного, внушал чувство расслабленности и гармонии с миром, омрачаемое, правда, необходимостью эту траву регулярно косить.

Во-вторых, пару яблонь, сливу, грушу и алычу. Эти, вкупе с пятёркой кустов смородины, никаких забот, кроме снятия урожая, не требовали, поэтому их неспешное созерцание внушало чувство расслабленности и гармонии с миром полное, ничем не омрачаемое.

Но чуть не вывихнув ногу на кротовых кучах, превративших ровную до этого лужайку в изрытое колдобинами пространство, Николай проникся общим для дачников чувством ненависти к кротам, которое (чувство) буквально витало в их небольшом дачном посёлке на границе соснового леса.

Это было хорошее место. Тихое. Спокойное. Где хорошо пережить жизненные невзгоды. Каковые в жизни Николая как раз сейчас и присутствовали в виде очень серьёзной ссоры с женой. Настолько серьёзной, что он сегодня хлопнул дверью и уехал на дачу, полный решимости продумать варианты развода и разъезда.

Потому что это была не просто ссора. Это было куда более серьёзно. Дело в том... Но не будем о грустном, тем более что к нашей истории всё это отношения не имеет.

А к нашей истории имеет отношение то, что, споткнувшись на старой и полурассыпавшейся кротовой куче, прикрытой разросшейся травой, Николай с наслаждением воспринял появившийся повод излить злость вслух. И с остервенением пнул остатки кучи ногой, произнеся народную русскую словесную формулу, замечательную своей лаконичностью и приложимостью к абсолютно всем жизненным ситуациям.

Все-таки какая ж это изошрённая сволочь — крот!

И надо же такому случиться, что именно в этот момент Николай его и увидел.

Ирония судьбы. Как сразу же решил Николай, для крота — фатальная.

Николай искал глазами и тут же нашёл подходящий предмет. Возле угла дома стояла прислонённая к стене лопата. Что она там делала, было неизвестно, как и то, откуда она там взялась, поскольку Николай уже давно орудия физического труда не употреблял, а жена дачу не любила и ещё более давно здесь не была. Ну... Значит, когда-то он сюда её поставил, раз она тут стояла. Николаю, впрочем, было не до распутывания причинно-следственных связей и выяснения подробностей. Им овладела захватывающая — своей возможностью осуществления мести здесь и сейчас — идея пристукнуть этой лопатой появившегося у калитки крота.

Вопрос, откуда он там взялся, Николаю не беспокоил так же, как и вопрос о внезапно подвернувшейся ему лопате. Было достаточно, что два этих события совпали. Друг с другом — во времени, оба — с его настроением.

Убить гада.

Вот ведь сволочь какая! Сидит тут так нагло...

Николай потянулся к лопате, медленно, чтобы резким движением не спугнуть крота, одновременно краем глаза следя за объектом своей охоты, чтобы тот не сиганул куда-нибудь в укрытие. Крот сидел на задних лапах, задумчиво смотря на тянущегося к лопате человека. Это потом до Николая дошло: крот именно смотрел.

Крот не был слепым!

Однозначно!

Но в тот момент Николаю ничего такого в голову не приходило, потому что всё его внимание было занято дотягиванием до лопаты, а после того, как он дотянулся — проделыванием двух осторожных шагов. Медленно-медленно, чтобы не спугнуть зверька. Когда до того осталось расстояние вытянутой руки, Николай также медленно и плавно поднял лопату...

И за секунду до неизбежного резкого удара крот сделал левой лапкой неуловимое движение — Николаю показалось, что слабый ветерок дунул ему в правое ухо.

А ещё через долю секунды он его услышал.

— Блин, — отчётливо сказал крот, — отвянь, мудака!

Николаю даже показалось, что пасть крота чуть шевельнулась в такт произнесённым словам, а мордочка приняла недовольный вид.

Лопата застыла в верхней точки траектории своего движения к кротоубийству.

— Че? — ошарашенно произнёс человек.

— Через плечо! — ответил крот.

Глаза Николая стали расширяться.

— Чего совочком размахался? — продолжало звучать в его ухе. — Если я махну?! А ну поставь орудие труда на место!

В глазах Николая стало темнеть.

— Колян! — предостерегающе поднял лапку крот.

Лопата, готовая уже свалиться из ослабевших рук на голову, какой-то силой была остановлена в сантиметре от макушки Николая, а затем плавно отлетела от него к стене дома — туда, откуда была взята за полминуты до того.

— Твою мать, — проговорил крот, глядя на Николая с презрительным недовольством, — он сейчас в обморок грохнетя, ей богу.

И Николай грохнулся в обморок.

А когда очнулся, то очнулся уже не возле ворот, где провалился в небытие — защитная реакция, чтоб не сойти с ума. Ещё бы: у его ворот сидит крот и говорит человеческим голосом. Да ещё и пренебрежительно грубо.

Очнулся Николай в виде лежачем. На кровати. У себя в домике. В окошко привычно заглядывала слива, растущая между домиком и воротами. Теми самыми, возле которых Николаю привиделся горающий крот.

Николай облегчённо вздохнул. Хорошо всё-таки ощущать себя нормальным человеком, которому просто приснился — должно быть, вздремнул незаметно для себя — страшный сон. И этот сон развеялся с пробуждением. И всё вновь стало хорошо.

Тут в комнату вошёл крот.

— Нет, — сказал он, — я не сновидение.

И протянул Николаю чашку с прозрачной жидкостью.

— Не надейся.

И глумливо подмигнул.

Мордочка у него вообще была очень подвижна. С крайне выразительной мимикой.

— Выпей лучше, — мордочка крота мгновенно стала озабоченной. — Ты что, на голову слаб? Чуть что — в обморок бахаешься.

— Ты кто? — спросил Николай.

— Сначала выпей.

— А что это?

— Это поможет.

Николай нагнулся с кровати к полу, сам удивляясь своему спокойствию, взял из лапок крота чашку и сделал глоток.

— Ну как? — поинтересовался крот.

— Что как?

— На вкус как?

На вкус эта была обыкновенная вода. Но с каким-то неуловимым запахом.

Крот удовлетворённо кивнул:

— Ну и хорошо. Допивай до конца.

Николай сделал ещё два глотка и протянул кроту пустую чашку.

— Во всяком случае, должно, — задумчиво сказал крот.

— Что должно? — не понял Николай.

— Должно помочь.

Николай оторопело воззрился на крота. Чашка, выпав из разжавшихся пальцев, глухо ударилась об пол и, чуть откатившись в сторону, замерла, обратив к Николаю своё внутреннее пространство. Пустое.

— Что значит... — пробормотал Николай, — «должно»?

— Ну, должно же, наконец, и у меня получиться эта чёртова микстура. Я из-за неё чуть экзамен не завалил.

— Какой экзамен?

— Выпускной. Первая встреча с аборигеном всегда чревата вот такими осложнениями медицинского характера. Нам полагается уметь привести организм контактёра в чувство.

Николай оторопел.

— Так значит...

— Ага! — с готовностью кивнул крот. — Я инопланетянин.

Он поднял мордочку к потолку, поразмышлял и утвердительно кивнул:

— Ну да, этот термин, пожалуй, адекватен.

Николай икнул.

Крот подозрительно посмотрел на него:

— Ты себя как чувствуешь?

Николай неопределённо повёл плечом, не зная, что ответить. Чувствовал он себя как-то странно. И то — как будешь себя чувствовать, внезапно столкнувшись с пришельцем?

— Голова не кружится? — вновь спросил крот, но тут же, не дожидаясь ответа, махнул лапкой. — Впрочем, коньки уже не откинешь. Йымехи дошли на второй секунде.

— Йы... Что?

Крот опять махнул лапкой:

— Не заморачивайся. Просто в вашем языке соответствующий термин отсутствует.

И, оценив, ошалелое выражение лица Николая, пояснил:

— Я в твоё ухо речевой преобразователь транслоцировал. Но его возможности не безграничны. Модель не из навороченных.

Николай быстро залез пальцем сначала в одно, потом во второе ухо.

Крот отрицательно покачал головой:

— Не найдёшь. Да ты не волнуйся, он через сутки рассосётся. Этот тип предназначен для краткосрочного контакта.

В ушах у себя Николай действительно никаких посторонних предметов не обнаружил.

— А как ты сумел?

Крот взглянул на лежащую неподалёку от него чашку. Та дёрнулась, потом медленно поднялась в воздух и опустилась на самый край стола.

— Транслокация, — самодовольно прозвучало в ухе Николая. — Индуцированная левитация предметов...

Фразу прервал резкий треск. На полу, расколовшись на две части, лежала чашка, свалившаяся со стола.

— Вот ведь блин, — тихо проговорил крот, — забыл закрепить.

— Двоечник, — выпалил Николай.

— Отвянь, плесень! — обиженно заявил крот.

— Ладно, — примирительно добавил он через секунду, — согласен. Не всё получается. Но ведь лопату сумел остановить? Сумел! Да и лекарство...

ВИКТОРИЯ ОСАДЧЕНКО

О ЛЮДЯХ И ДРУГИХ ОДИНОКИХ СУЩЕСТВАХ

— Я принёс тебе подарок.

Вынимаю из кармана носовой платок с пёстрыми цветами, отковыриваю ногтём бирку. Старая кукла глядит на меня круглыми глазами, спрятав ручки за спину.

— Бери, не оказывайся. Он стоит копейки, правда. А мне приятно. Она вздыхает, признавая своё поражение. Протягивает руки.

— Спасибо...

Аккуратно складывает платок по диагонали, завязывает неловкими пальчиками на лысой голове. Волосы выпали давным-давно.

У Малики одна нога короче другой: своей она лишилась в незапамятные времена, а когда ожила, пристроила на её место ногу от другой куклы. У Малики круглые голубые глаза, нежнейшая улыбка и сложный характер. Одевается она в самые пёстрые тряпочки, какие только удастся найти. Так что мой платок вполне гармонирует с её нарядом.

Малика живёт в том самом гараже, возле которого мы сейчас сидим. Выбирается наружу через подкоп в углу — в гараже, как ни крути, скучно. А тут всё-таки компания.

— Хороша, — цокает языком Окунь. — Тебе бы ещё на платье такой платок... Жень, купи ей, а?

— Нет уж, — топает ножкой кукла, — не смей! Мне ничего не надо!

Самостоятельная. И людям не верит совершенно. Ещё бы: любили, играли, называли принцессой, а потом отправили в гараж.

Мы с Марсиком смотрим на это меланхолично и занимаемся своими делами. Я его глажу, он лежит у меня на коленях и урчит. Малика, успокоившись, садится рядом с нами на бревно, болтает босыми ножками. Ночью в марте зябко, но холода она не чувствует. А я поёживаюсь.

— Хотите, свой новый рассказ прочитаю? — предлагаю я, пытаюсь нащупать под Марсиком карман и выудить оттуда телефон.

— Опять страшный? — хмурится Малика. — С убийствами?

— Ну так! — гордо отвечаю я, выводя текст на экран. — Дарк фентези, однако.

— Читай, — разрешает Окунь, принимая в воздухе горизонтальное положение. — Что мы, убийств не видели?

* * *

Познакомились мы зимой. Я разыскивал Марсика — этот серый уличный кот, исправно приходивший за едой утром и вечером, вдруг пропал. К ночи я забеспокоился и отправился обшаривать окрестные подвалы.

— Марсик, Марсик, — неубедительно взывал я в темноту. — Кыц-кыц-кыц!

— Здесь твой Марсик, — отозвался очередной подвал. — Лежит вон.

По ту сторону зарешёченного окна стояла кромешная тьма. Моя писательская фантазия поочерёдно нарисовала в ней образы вампира, клыкастого монстра и призрака невинно убиенного сантехника. Здравый смысл предпочёл остановиться на бомже.

В таких ситуациях мои герои мужественно расправляют плечи, нащупывают за поясом холодное или огнестрельное оружие и говорят короткими, решительными фразами. Я же судорожно шмыгнул носом — это, как ни странно, меня приободрило.

— Он умер? — осторожно поинтересовался я.

— Зачем сразу умер? Болеет. Похоже на пневмонию.

Я помянул про себя недобрый словом Марсиково нежелание ночевать в квартире. Догулялся, идиот..

— Мне бы его забрать. Полечить.

Изнутри подвала хмыкнуло.

— Ну тогда ты это, не пугайся. Сейчас вынесу. Ты бы лучше погулял пару минут, чтобы на меня не смотреть, а? Я кота прям тут положу, чес-слово.

— Неси, я не боюсь, — соврал я на удивление бодро. — Ты кто вообще?

— Сосед, — ухмыльнулась темнота.

Из-за решётки выплыло серое пятно — Марсик, окружённый мутноватой дымкой. Я моргнул и понял, что туман имеет антропоморфные очертания. Кота тащил на руках маленький полупрозрачный человечек. Лапы Марсика вяло болтались — похоже, что ему было совсем худо.

У меня одновременно отнялись и язык и коленки. Поэтому я не убежал и даже не заорал. Просто стоял и смотрел, как человечек аккуратно просовывает Марсика сквозь решётку. Наверное, со стороны я выглядел очень мужественно.

Наконец человечек выбрался из подвала и протянул коту мне.

— Держи, чего застыл?

Я принял холодную тушку и сунул под куртку, придерживая обеими руками.

— Спасибо, — машинально сорвалось с языка, и мне сразу полегчало. Вот она, великая польза вежливости. — А как звать-то тебя, сосед?

Так мы и познакомились с Окунем, крышевым.

* * *

Окунь был из бывших наркоманов. Залез на крышу в поисках уединения и не рассчитал дозу. Тело нашли на пятые сутки. А сам Окунь так наверху и остался.

Поначалу он ещё мог спускаться погулять через люк с лесенкой в третьем подъезде. После того случая его, конечно, заперли, но крышевому замку не был преградой. До тех пор, пока управдом не устроил разнос каким-то техникам, тянувшим на крышу провода и позабывшим закрыть люк.

— Чтобы без моего ведома никто не смел тут ходить! — буйствовал управдом, приправляя свои слова крепким матом. Который, как известно, обладает мощным магическим эффектом. Как управдом сказал, так и вышло — больше Окуню через люк хода не было.

Года три он просидел наверху безвылазно, а на четвёртый к нему присоединилась рыжая кошка Марыська, отчаянно вопиющая с перепугу. Окунь кинулся искать дорогу, по которой она пробралась, и обнаружил, что верхние ветки одного из деревьев, незаметно подросшего за эти годы, находятся в метре от крыши. На них, страстно завывая, покачивался чёрный кот, плотоядно глядящий на Марыську. Крышей швырнул в него горстью гравия, взял кошку под мышку и прикинул расстояние для прыжка...

* * *

Когда Марсик выздоровел и мы с ним начали гулять по вечерам, Окунь познакомил меня с Маликой. У куклы были жилищные проблемы: как раз в это время на нашем квартале сносили гаражи, и она рисковала остаться без убежища.

— Вот я и подумал, — объяснил нам крышевой, — может, она, в случае чего, у тебя поживёт?

Ответом ему были два «нет» — возмущённое Малики и испуганное моё.

— Ну, принцесса у нас самостоятельная, — пожал плечами Окунь, — а ты-то что?

— А я боюсь, — честно признался я. Для этого, между прочим, тоже нужна смелость.

— Меня? — польщённо склонила лысую головку набок Малика.

— Читала бы столько ужастиков, как я, сама бы себя боялась. Живая кукла — это же классический монстр-убийца.

— И что она может сделать? — скептически хмыкнул крышевой.

Я начал загибать пальцы.

— Задушить меня своими маленькими, но сильными ручками — раз. Воткнуть мне в глаз спицу — два. Бросить в ванну включённый фен — три, только фена у меня нет...

— Ой, всё! — замахал он на меня руками. — Писатель, блин...

Малика выглядела довольной. Впрочем, решения она не изменила.

— Не хочу ни от кого зависеть, — отрезала она. — Не надо мне жилья из милости. В крайнем случае, в арыке буду жить. Или норку вырою.

В итоге гаражи возле моего дома так и не снесли, принцессе повезло. Да и нам, в общем-то, тоже: есть куда пойти вечером. Прямо по Достоевскому.

* * *

— Ну как? — с надеждой спрашиваю я, поднимая глаза от светящегося экрана. Перед глазами моментально пускаются в пляс цветные пятна, не позволяя увидеть в темноте хоть что-нибудь.

— Жуть, — доносится из-за пятен голос Малики.

— Ага, — одобрительно добавляет крышевой, — очень жизненно получилось.

Некоторое время мы молчим.

— Слушай, Жень, — нерешительно начинает Окунь, — тебе не кажется, что это неправильно?

— То, что труп Алламриэля съели крысы? — мысленно я всё ещё в расказе. — Да уж, светлым будет тяжело его опознать. Надо хоть кусочек оставить...

— С тобой неправильно, балда! — рывкает Окунь. — Ты на себя посмотри! Молодой парень, а сидишь сутками дома, даже девушку не завёл. Общаешься только с куклой, котом и со мной. Это же ненормально!

— Ну, во-первых, я постоянно разговариваю с людьми на форумах, — обижаюсь я. — И каждые две недели к шефу за зарплатой езжу. А во-вторых, если я вам надоел со своими рассказами, так и скажите.

— Да нет же, — подаёт голос Малика, — ты чего? Отличные рассказы, и ты нам вовсе не надоел. Просто мы за тебя переживаем.

— Всё со мной в порядке, — отмахиваюсь я.

— А нам кажется, что тебе одиноко, — говорит она, склонив головку в платке набок. — Я не знаю, во что играют взрослые, но, может, тебе стоит попробовать? Вдруг понравится...

— Во что они играют, мне известно, — начинаю злиться я. — В алкоголь и дурацкую болтовню — в лучшем случае. А про то, что бывает в худшем, пусть тебе Окунь расскажет. Ты думаешь, с ними страшно интересно? У большинства разговоры про девчонок, или кто какое кино посмотрел, или кто что купил. А когда встречаются умники, то ещё хуже. Затеют философский спор на три часа, а потом выясняется, что они просто одну и ту же вещь называли по-разному. Вот ништяк, да?

Я раздражённо спихиваю с колен Марсика, который как раз в этот момент вздумал выпустить когти.

— Ты понимаешь, что я в принципе так не хочу? И не могу. В то время, когда они пьют пиво, я работаю. Может быть, то, что я пишу — ерунда и никому не нужно. А может, у этого есть будущее. Откуда

мне знать? Я всё равно буду это делать, просто потому, что оно у меня получается. И я ни о чём не жалею. У меня нет друзей, зато есть миры, созданные мной...

Внутренний редактор укоризненно качает головой, и я смущённо замолкаю. Действительно, пафос зашкаливает. Писатель, называется...

Окунь и Малика тоже молчат, отводя глаза. Всем неловко. Только Марсик плевать хотел на наши высокие чувства — развалился под бревном и вылизывает заднюю лапу, задрав её над головой.

— А хочешь, я тебе запятые правильно расставляю? — робко предлагает кукла, и я понимаю, что это разновидность извинения.

— Хочу, — отвечаю я, потому что после такого разговора нельзя взять и сказать «нет». — А ты умеешь?

— Получше, чем ты, — фыркает Малика. — У меня в гараже полно старых учебников. Я и английский знаю, между прочим.

— Слушай, — у меня в голове зарождается и начинает набирать обороты безумная мысль, — а ты переводить сможешь? С английского?

— Смогу! — храбро отвечает кукла.

— Давай тебе работу найдём? Через Интернет?

Окунь одобрительно кивает головой — Интернет он ещё застал. Принцесса понимает куда меньше.

— Будешь переводить всякие тексты и получать за это деньги, — объясняю я. — На дому, как инвалиды и хикикомори. Заказчики даже не узнают, что ты не человек.

— Какие кикиморы? — не понимает крышевой. Малика более практична:

— Зачем мне деньги?

— Ну как зачем, — я вдохновенно взмахиваю рукой. — Сможешь снимать у меня комнату, как квартирантка. Ты же просто так жить всё равно не согласна. Интернет оплачивать, опять же. Нетбук я тебе отдам для работы, как раз будет по размеру. А на остатки станешь покупать платьишки на «Али Экспрессе». Там и кукольные наверняка есть.

В круглых голубых глазах зажигается огонёк. Удачно я ввернул про платьишки.

Кукла неуверенно оглядывается на крышевого.

— А ты что думаешь?

— Что тут думать, прыгать надо, — пожимает тот плечами. — В смысле, пойдёшь да попробуй.

— Пошли вместе, — я поднимаюсь с бревна и подхватываю пыльного Марсика, отряхивая его от налипшего мусора. И зачем, спрашивается, вылизывался?

Кот лениво отбивается. Малика уже топает к моему дому, крышевой летит следом. Я смотрю на них и невольно улыбаюсь. Нет, друзья у меня всё-таки есть. И да, я ни о чём не жалею.

ДМИТРИЙ ИВАНОВ. ИРИНА ЛЕЖАВА

КОЛЛЕКЦИОНЕР

(женскую партию исполнила Ирина Лежава)

Он был человеком страсти, я знаю. Чего бы ни касался, все превращал в иступление. Только увлечения его обуревали какие-то рассудочные: докопаться, понять, свести мир к бабочке на булавке... Если бы он любил других женщин, я бы обиделась и перестала добиваться его теплоты. Но он демонстрировал равнодушие к ним, и я, вопреки логике, надеялась на ответную ласку.

Сколько лет существовала я экспонатом его коллекции, посчитанным, описанным и помещенным в ячейку! Разве можно ощущать радость, будучи запертой в любовном одиночестве, как в вакууме? Ему казалось, он сделал меня счастливой, потому что мы живем вместе и у нас растут дети. А я задыхалась в нашей бесчувственной близости, засыхала не политым цветком, истончалась до призрака...

После его смерти дочь нашла в бумагах отца заметки. Наверное, Вадим пытался писать рассказ, а получилось, как всегда, перечисление признаков исследуемого объекта. Герой его лишен имени, словно автор ведет речь о пронумерованном предмете из экспозиции провинциального музея. Почему муж сделал его анонимом? Намек на недостаток в герое личности? Уверенность, что имя — это мелочь, не имеющая значения? Вадим никогда не объяснял своих побуждений — думай, как хочешь, только не обременяй своими домыслами.

Иногда мне кажется, будто он мечтал остаться безымянным и в моей памяти.

Осознавал ли он, препарировав себя перед читателем, что я буду первой и, возможно, единственной его поклонницей?

Рубль был вытертый многократными ласкающими движениями пальцев. И не просто пальцев, а всей пятерни, включая ладонь. Некоторая шершавость не вызывала неприятия. Полно, что вы. Разве драгоценные металлы, пусть и не палладиевой группы, могли заставить его думать о чём-то ином, кроме спортивных наград, которые умозрительно выглядели невероятно далёкими, незаслуженно невостребованными. А его серебро, серебро рубля, казалось не таким, как прочий «лабораторный аргентум» из разряда сокровенных металлов нашей несравненной молодости.

Впрочем, стоит ли вспоминать ту злополучную травму, после которой жизнь представилась жутко неприятной штукой, и продолжалось это никак не меньше полугода? А серебро наградного пьедестального блеска досталось кому-то другому. «У меня же есть своё

серебро, — рассудил он, — просто Всевышний уравнивает шансы, раздавая награды неимущим».

Сколько он себя помнил, столько у него был этот рубль. Серебряный, екатерининский, отчеканенный в 1782-ом году. Так-так, чем же знаменита дата сия в истории Отечества? В Петербурге на улицах число фонарей достигло трёх с половиной тысяч. Что ещё? Общество масонов приняло на своё иждивение двадцать студиозов-гуманитариев. 4 июля светлейший князь Потёмкин, уже Таврический, был замечен в числе прочих приглашённых к императорскому столу на званом обеде в честь присоединения Крыма к России. А в августе случилось ещё одно важное событие... Столетие вступления на российский престол Петра I было ознаменовано в Петербурге открытием памятника царю работы скульптора Этьена-Мориса Фальконе. Хм... Вам мало? Наверное, был знаменит тот год ещё чем-то. Например, невиданным урожаем лещины где-нибудь в Тамбовской губернии... или, скажем волнениями беспокойных башкирских батыров, не желающих нести государеву службу.

А, впрочем, какое сейчас это имеет значение... Двадцать первый век на дворе.

Как всегда! Держит в памяти множество ненужных событий. Живет в них. Бесконечно мусолит рассуждения об абстрактных ценностях. Но то, что серебряный рубль принадлежал нам обоим, ему невдомек. Что я имела и имею права, хоть и не предъявляю, — не приходит в его седую голову. Где его воспоминания обо мне, о нашем? Я двадцать три года делила постель с мужчиной, а он не заметил моего присутствия...

Когда я впервые увидела Вадима, он вертел серебряный рубль между пальцами правой руки. Монета скользила, точно живая, — нырнет под фалангу и тут же вынырнет, забавно поблескивая. Мне представилось: это плоский круглый выдрёныш, побывавший под катком и выживший, заигрывает со мной. Не могла оторвать глаза, сама не поняв как, приблизилась к незнакомцу.

— Любезная фрейлейн, вам нравятся фокусы? — спросил он с улыбкой. — И не зовут ли вас, по стечению обстоятельств, Екатериной?

— Катей... — удивленно согласилась я.

— Вот так сюрприз! — он перестал вертеть монету и нахмурился. — Вы верите в знаки?

Я ничего не ответила — не поняла вопроса. Рассматривала костыль, прислоненный к дворовой ярко-зеленой скамье, и пыльный, в разводах гипс — как смешно контрастирует с ним подвязанная веревкой аспидного цвета галоша.

— Похоже, судьба благосклонна к вам, — церемонно произнес он, протянул серебряный рубль и продолжил обычным тоном. — Возьми — станешь Екатериной Великой.

— Не хочу быть великой, — спрятала руки за спину и сделала шаг назад. — В великих Екатерин не влюбляются...

— Ну, ты и скромняга! — засмеялся Вадим, опустил монету в нагрудный карман и потянулся за костылем. — Да, ты правильно показываешь глазами: пока я травмированный спортсмен, но потом... — голос его стал напевным, как у сказителя. — Останешься до совершеннолетия тихоней, получишь подарок: звезду с неба в обертке из перистых облаков!

— Мне мама не позволит звезду дома держать, — на полном серьезе испугалась я. — Она большая и горячая — испортит мебель...

Мне было двенадцать, ему четырнадцать. С невеликого пригорка моего возраста он виделся взрослым и ответственным — я ему бесповоротно поверила. Сама удивляюсь своей глупости! Понимала, что больше его не увижу, но позволила себе фантазировать без оглядки. А он возьми через пять лет и возникни вновь в моей жизни...

Ловушка-фантом захлопнулась. Серебряный рубль нас соединил.

И всё-таки, как к нему попала эта монета? Очень любопытно. Попробуй, вспомни...

И он попробовал...

Наверное, ему пожаловал эту монету соседский соплюн Вовка в обмен на защиту от таких же, как он сам, небольших, но крайне коварных пацанов детсадовского возраста — подготовительная группа, Советский Союз. Да. Скорее всего, именно так и было.

Рубль не мог не понравиться. Он не просто очаровывал или, иначе говоря, приводил в неистовство своей древней родословной. Монета будто перевернула всю его жизнь, до того момента не имеющую, по большому счёту, никакой иной ценности, кроме невзрачного номинала среднего школьного возраста.

А тут вдруг! Он, которому уже почти тринадцать и который в курсе дела, как себя вести, чтобы дядя Жора из соседнего подъезда не докапывался, на каком берегу Иордана родилась большая часть твоих родственников...

Дядя Жора... Папа звал его Егорием, небожьем человеком. Сей странный до невероятности представитель класса люмпенов со стажем. Этаким неаккуратно побритый халдей и сатрап по складу характера, состоящий на прикорме у органов слуха и зрения «нашей родной партии», от которого, казалось, нет никакого избавления, кроме тихой затрапезной почтительности...

И вот...

Прошло время, и никому не интересны твои вторичные религиозные признаки, которые в конечном итоге являются вовсе и не религиозными... Обычные приметы социалистических атавизмов. Как? Вам

незнакомы подобные термины? Не стану делать удивлённое лицо, хотя очень хочется. Мы — это мы, и никто не в силах убедить меня в обратном... Казалось, не слишком веская сентенция. И что с того?

Его интересовали сатрапы, органы, религиозные признаки и прочая чепуха, но не девочка, которой он обещал подарить чудо. А я со дня знакомства думала о нем по любому поводу — отвлекая себя от обид, забавляясь в минуты отдыха, мечтая перед сном о том, как повзрослею. Вадим стал для меня чем-то вроде сказочного ключа от волшебной дверцы. С мелодичным звуком провернется в скважине ключ, щелкнет замок — и мир предстанет в совершенно ином обличье...

Не то, чтобы мне нравились глаза или голос Вадима и я в него втюрилась. Честно говоря, через месяц уже не помнила его лица. Не забылись только костыль и смешная аспидного цвета галоша, пьедесталом подерживающая гипсовую ногу. Они были такими необычными, — точно скипетр короля, акцентировали избранность своего хозяина, его принадлежность к исключительному и неведомому. Парень с монетой-выдрёншем, резвящимся между фалангами пальцев, казался мне особой более царственной, чем сам король, его величество. Анемичному подростку Вадим представлялся ангелом будущего, обещанием праздника, который прежде обходил меня стороной.

Родителям не до меня. Мама — медсестра, отец — военный. Существование на чемоданах, в мелькании городов, домов, равнодушных чужих лиц. И вдруг это неожиданное: «На совершеннолетие подарю звезду с неба в обертке из перистых облаков!»

И дал обещание не кто-нибудь — почти взрослый Вадим, встреченный в бабушкином раю: разве может не быть раем уголок Вселенной, где тебя всегда ждут и всегда тебе рады? Где из года в год ничего не меняется и не страшно ждать наступления завтрашнего дня?..

Бабушка сидит на скамеечке, довязывая свитер. Дедушка возится с деревцем, бывшим саженцем, купленным на собственные деньги для украшения общей дворовой территории. Я в ожидании не скорого совершеннолетия прыгаю через скакалку, задрав к небу голову, — любуюсь вязью рассеянных по бело-голубым просторам перистых облаков. Ни в одном другом городе я не видела такого высокого неба...

Как больно, что Вадим тогда шутил и запомнил свое обещание, а я была серьезна и до сих пор его помню... То самое, о звезде...

Серебряный рубль. Много ли в нём соединилось такого, от чего хотелось бы жить лет до ста, не обращая внимания на дежурные недомогания и хронический гастрит?

Его нет давно, отменного ощущения детства, от которого свежесть взгляда радуется твоё существо до самых затаённых глубин,

где по показаниям философски настроенных теологов ютится бессмертная душа.

Нет его давно, ощущения беспричинного и бессистемного счастья «за бесплатно». Осталось лишь послевкусие. Этот странный, еле уловимый признак того, что неправильно живёшь... сейчас. А тогда жил правильно? Если верить воспоминаниям — да. Боже, благослови воспоминания вчерашнего дня... тоже.

Нет, правда, стабильно же, вроде, всё. И добился этого сам: что называется — именно собственным трудом. Именно твоими усилиями, твоё всё. Без вопросов твоё, так ведь — нет. Что-то гложет, не даёт уснуть. Или даёт, но не тебе. И не твоим безумным друзьям, которым «всегда больше всех надо». Точно ты частичка единого европейского или иного механизма... а они — те, кто станут тебе пенять относительно твоих же странных предпочтений, они — эти тени сомнений, коих всегда найдётся в избытке на твою облысевшую головушку.

Серебряный рубль с профилем Екатерины Великой позвал в детство чувством нереального ощущения близкого счастья...

А ты? Кто же ты, в конце-то концов? Тебе вовсе не так грустно, ты совсем не потерян для нового мироустройства. Ты — это тот самый ты, который давно уже устал быть человеком общества презрения, кому нельзя стать новым индивидом в силу изрядной изношенности ходовой части и механизмов поворота «подслеповатой башни»...

Ушла, отзвенела молодость, и нет причин поминать трагическое. Ты удовлетворён, старый?

«Старый» — именно так мы звали друг друга тогда, и ещё «крендель», «лопух» или «кошелёк», а однокурсницы — поголовно «кошёлки» (кроме той, единственной)! Да мало ли как ещё...

Вопреки нежеланию, — уж очень тяжело продираться сквозь текст в прошлое, — просматриваю заметки дальше. Почерк неровный: то мелкий, то покрупнее, острия букв торчат, как иголки из головы мягкотелого Страшилы, — обожаемого дочерью пугала. Такой была и его речь: формулировки задиристые, а смысл округлый.

Подруги считали мужа занудой и за спиной перешептывались, жалели, а мне было приятно следовать кругами его мыслей. Как тогда, с выдрёнышем... Будто в голове его ныряет и выныривает серебряная монета, и меня тянет, тянет погрузиться в таинство мелькания смыслов. Только говорил он всегда сам с собой — я была наблюдателем, а не участником его размышлений. Так сложилось с самого начала. Кто виноват?

Когда мы столкнулись в институте — я по-цыплячьи желторотая первокурсница, Вадим на третьем, — он меня не узнал. Равнодушно

скользнул взглядом и отвернулся. С болью в сердце я наблюдала: неприкрыто влюблен в зазнайку, которая делает вид, будто он ей нравится, но, чую я, ищет другого. Сидят на подоконнике, взявшись за руки, и я прохожу мимо, намеренно беззаботно болтая с Веркой. Ощущаю нутром, как зазнайка красива и как он увлечен ее русалочьими повадками, а себя чувствую побирушкой в поисках любовного подаяния...

«Ну что в нем хорошего? — убеждаю себя. — Худой, длинный. Глядит странно. Двигается неуклюже. Не от мира сего. Витает неизвестно где, принимает тебя за кого-то другого. И даже серебряной монеты больше в руке не вертит...»

А в ушах, вопреки собственным доводам: «На совершеннолетие подарю звезду с неба в обертке из перистых облаков!»

Совершеннолетие, о котором Вадим не помнит, через три месяца. Он в конспектах, диспутах, чувствах... не ко мне...

Он коллекционировал, как это ни странно звучит, себя... Вернее, свои ощущения, своё отношение к тому или иному событию в жизни. Он просто не мог иначе. Коллекция складывалась в странную последовательность событий, от которой не оставалось ни конца, ни края, ни даже середины. Всё уносило вездесущим временем в какую-то странную даль... где укладывалось аккуратными стопочками в виде переполненных сиюминутных кластеров-чувств. И доступ туда был весьма ограничен и совсем непредсказуем. Захотелось тебе окунуться в давешнее, прекрасное... а — нет туда хода, хотя вчера ещё было проще пареной репы...

Даже друзья пугались его внезапной щедрой непосредственности, следовавшей в ответ на чувство, и не совсем ему адекватной.

Просто он всегда был таким, он понимал и даже порой одобрял предстоящую возможность недоосмысленной вакханалии и, казалось бы, такого очевидного счастья.

Он знал... Он верил... А серебряный рубль был тому порукой, тому бессменной основой...

Да что он понимает в своем рубле! В его тончайшей любовной магии, под которую я попала! Вертел им, играя, бросал, уверенный, что тот вернется... Считал символом прошлого, а рубль пролагал ему дорогу в будущее...

Так и подмывает выплеснуть покойному, чего не сказала бы живому. Молчала, потому что некому слушать. Хранила в себе. Ждала, когда вспомнит.

В тот день я проснулась от собственного крика. Было около шести — за окном темно. С соседней кровати на меня удивленно глядела Верка, привыкшая, что я сплю спокойно и никого не бужу. Третья обительница нашей комнаты ночевала не в общежитии, а то, наверное,

начала бы скандалить. Верка выскользнула из постели, достала из тумбочки плюшевого зайца:

— С днем совершеннолетия, Катенька! Чтобы детство не забывалось, вот тебе дружок ушастый! Будет хранить тебя от соперниц и невыполненных обещаний! — она ничего про Вадима не знала, просто желала удачи в чувствах.

Я обнимала зайца и глотала слезы. Вместо звезды с неба в обертке из перистых облаков глупая игрушка... Так мне и надо, дуре набитой!

В отвратительном настроении отправилась в институт, с трудом высидела первую лекцию. На перемене влезла с ногами на подоконник, где обычно миловался с любимой Вадим. Хотела разбить стекло и прыгнуть под ноги прохожим. И тут нашла потерянный им серебряный рубль. Подумала: «В день совершеннолетия верну утраченное и потом уже покончу с собой. Тогда он обязательно вспомнит, что многое мне задолжал».

Нашла аудиторию, где слушал лекцию его курс. Вадима не было. Однокурсник объяснил, что он ушел в общежитие, назвал номер комнаты: оказывается, почти точно надо мной, только двумя этажами выше. Мало соображая, что делаю, ехала в троллейбусе, поднималась на высокий этаж. Он сидел с ногами на подоконнике и смотрел вниз, как недавно смотрела я. Подошла и протянула монету.

— Оставь себе, — сказал Вадим. — Мне больше не понадобится. А у тебя грустные глаза, хочется подарить тебе радость. Может, вспомнишь когда-нибудь, что был такой парень...

— Что-нибудь случилось? — спросила я.

— Пустяки! Бросила девушка, и я учусь обходиться без любимых вещей. Тебе нравится жить?

— Я пришла за своим, — произнесла я то, что не собиралась. — Меня зовут Катей. Сегодня мое совершеннолетие, и ты обещал мне звезду с неба в обертке из перистых облаков.

Он удивленно смотрел на меня и не мог вспомнить.

— У тебя был костыль и гипс в галоше аспидного цвета.

— Боже мой, когда это было... И ты ждала?

Я больше никогда не слышала, чтобы он так смеялся... Серебряный рубль, скользнув меж фалангами пальцев, нырнул в глубину... А когда вынырнул, дело было сделано: он нас навечно соединил.

Когда-то давно, он хорошо помнил это, играли в «чику» всем двором, порой называя это мальчишеское соревнование расшибалочкой. Серебряный рубль он использовал в качестве битка. Большинство пацанов бегало по свалкам в поисках старых автомобильных аккумуляторов. Из них извлекались свинцовые решёточки, которые потом легко переплавлялись на костре, и вот вам результат — несколько превосходных битков застывают в формах, выдавленных в сыром песке.

Но всё равно это не то, что серебряный рубль. Он хоть и был значительно легче, но приносил своему хозяину неизменную удачу. Фарт не отворачивался никогда. Екатерининский дух, живущий в серебре конца XVII-го века, словно бы помогал выходить победителем из любой самой сложной ситуации. С этой тяжёлой монеты-битка началась его страсть к коллекционированию. Сначала он собирал старинные монеты, но вскоре прекратил, поскольку поиск раритетов нумизматики требовал повышенного внимания к процессу и какого-то начального капитала. Ни того, ни другого под рукой не оказалось.

Филателия — другое дело. Особенно, когда есть связи в мире почтовых марок. Точнее сказать, в кругу работников почты.

Скоро пришла первая удача. Он выменял серию «космонавтика», которую принесла ему тётя, работающая главным бухгалтером почтового отделения связи, на австрийскую марку времён ветхозаветных и могущественных Габсбургов. Когда известный по роману Ярослава Гашека престарелый маразматик Франц-Иосиф I был ещё в полном здравии и охотен волочился за десятком юбок на неделе.

Потом за него, кусочек фигурной бумаги с австрийским разлапистым орлом на штампе гашения, дали целый набор. Цветную серию из шести марок Елизаветы II-ой Английской и необычную — почтовый знак оплаты, перфорированный только с двух сторон — с изображением надутого, словно индюк, премьера сэра Уинстона Черчилля (передний план) и Елизаветы The Second (на фоне). Невероятное непочтение к монаршей особе! Правда, поговаривали, что королева всего только племянница неистового сэра. Тогда это всё объясняло.

Немного позднее он узнал, что информация о кровном родстве — чьи-то досужие домыслы. Семейство герцогов Мальборо, из которых происходил сэр Уинстон, на самом деле не имело прямых родственных связей с Виндзорами. А то, что Елизавета Вторая Английская вручила сэру Уинстону Леонарду Спенсеру Черчиллю высшую награду империи, Орден Подвязки, говорит только об исключительном таланте умницы премьер-министра, а вовсе не о его близком родстве с монаршим домом.

Но, собственно, никаких новых полезных знаний эта информация ему не дала. Главное — как идёт процесс пополнения коллекции.

Следом за тем британским успехом не замедлил обозначиться не менее грандиозный. За серию «бабочки» ему удалось выторговать марку с изображением Гитлера, а также Адольф Шикльгрюбер, 1936-го года выпуска, со штемпелем Берлинского главпочтамта и имперской канцелярии. Никто из его знакомых по-немецки толком читать не умел, поэтому относительно имперской канцелярии все поверили на слово...

И опять потрясаюсь избирательности его памяти. Сколько слов о марках, чужих сэрах, Екатерине Великой! И это итог нашей жизни?

А у меня внутри живет иное. Перед глазами картина: мы с Веркой выбираем в магазине материю на свадебное платье, и все ткани кажутся мне недостаточно праздничными. Убогий выбор! Разочарованные неудачными поисками, мы заходим в гости к сокурснице Гале, пьем чай и делимся огорчением, жалуемся, что замуж приличной девушке выйти не в чем, — напрасно пол-института собирало деньги, чтобы мы с Вадимом не ударили лицом в грязь. А Галина бабушка вынесла крепдешин... Бледно-розовый, с нежным отливом в кремовый. Мы с Веркой обмерли от восторга. Сказала, что покойный муж привез этот трофей из Германии, и теперь она хочет его мне подарить. Мы не согласились взять отрез даром и отдали за него огромные, по нашим возможностям, деньги. Но Галя, по-моему, немного расстроилась, что крепдешин уплыл. Бабушка заметила ее настроение и отстегнула от ворота жакета брошку — букет темно-красных гранатовых роз размером с нашу серебряную монету, приколола к халатику внучки и обещала ей к свадьбе лучший, чем мой, крепдешин подарить — цветом в чайную розу.

Потом вчетвером мы придумывали фасон свадебного наряда. Галина бабушка провела еще одну ревизию своих неиссякаемых запасов и вынесла немецкую ночную рубашку, похожую на бальное платье — всю в кружевах. Мы, кое-что изменив, воссоздали на пергаментной бумаге выкройку рубашки, перенесли на крепдешин, наметали, примерили... Так рождался мой знаменитый свадебный убор, который годами потом одевался на каждое знаменательное мероприятие и заносился до дыр. Рука не поднялась его выкинуть — до сих пор хранится аккуратно сложенный в одном из чемоданов на антресолях.

На свадьбе Верка все смотрела на меня сочувственно. Я не понимала, почему она так глядит, — витала в своих иллюзиях. Думала, получила, наконец, звезду с неба в обертке из перистых облаков. Все теперь у меня будет замечательно: впереди полные взаимной любви годы, мы с Вадимом сделаем карьеру и вырастим деток. А когда составрмся, станем похожими на моих бабушку с дедушкой: будем ходить друг за дружкой, помогая хозяйничать и разговаривая о внуках...

Костюм жениху одолжил однокурсник, на свой денег не хватило. А свадьба, несмотря на скудость стола, прошла очень весело: студенты должны быть бедны. Их счастьем бедность — не помеха.

Однажды, когда он уже учился в вузе, во время каникул приехал в родной среднерусский городок. И здесь, прогуливаясь по недавно засеянному полю, обнаружил раритеты, на которые тракторист, видимо, не обратил внимания, когда плугом вывернул из земли это чудо.

Меч и фрагменты кольчуги. Он недели две самозабвенно доводил найденные сокровища до блеска, счищая ржавь веков где-то вычитанным способом — при помощи ортофосфорной кислоты. Добившись

неплохих результатов (каверны и раковины, появившиеся от времени и некачественнойковки, не в счёт) он решил для себя, что коллекционировать старинное оружие следовало начинать несколько раньше. Решил, а потом сдал свою находку в краеведческий музей, позднее ни разу не пожалев об этом.

История родины — она, брат, не какой-то там кусочек бумаги с перфорацией и нанесённым на него изображением австрийских орлов, немецких стержнятников и английских особ королевского дома Виндзоров.

Только относительно екатерининского рубля ещё оставались некоторые сомнения, пока их спустя немало лет не рассеял один нумизматический каталог, из которого Прошка (наконец-то автор в конце повествования удосужился дать имя своему герою), а теперь уже Прохор Артёмович, узнал, что рубль этот серебряный оценивается экспертами в восемь-десять тысяч долларов. А сие, согласитесь, несказанно малая сумма для того, чтобы продать родину, пусть и малую, если у тебя завёлся гнусный червячок жадности в районе солнечного сплетения.

А уж о Прошке и говорить нечего... Не зря его называют бессребреником жена, друзья и коллеги по работе. Жена с любовью, друзья с завистью, а коллеги с презрением. И верно, нет теперь у него того самого серебряного рубля с мягкими, скруглёнными от частого хождения по державным финансовым трактатам рёбрами и таким несказанно близким рельефным изображением Екатерины Великой в буклях. Отдал в качестве своего взноса на операцию одной школьной знакомой. Ну, что вы, какая там первая любовь. Просто сидели за одной партией... А теперь у её сынишки что-то нехорошее с кровью.

И марки свои знаменитые тоже продал... А жена имела на них виды с норковым отливом...

Чуть до развода дело не дошло. Но не дошло же, чёрт возьми! Не для того живём... Вот хотел сказать, но понял, что неуместно это, пафосно чересчур. Нельзя благое дело словами-то забалтывать. Нельзя о себе думать возвышенно, грех посколькучу.

Бессребреник? Интересно, смог ли бы он продать свою малую родину за такую сумму? Вот большую-то Родину продают за вполне адекватные евро. Это настолько же эфемерно, как тридесятый голос группы «Мираж» четвёртой концертной ипостаси.

Зато теперь Прохор Артёмович демонстрирует внукам тот самый древнерусский меч и кольчугу всякий раз, когда попадает в родной городок российского Нечерноземья во время школьных каникул.

Вот Вадим и назвал своего героя, отделил от себя. Отделил ли? Имя-то дал условное, просто чтобы назвать. Прохор Артёмович, Прошка — как-то без воображения, неловко. Сейчас так величают развед что в глухой деревне. В городе Прошка звучит насмешливо.

И опять размышляю над тем, что он хотел выразить своей историей. Зачем делал вид, будто пишет не о себе, хотя очевидно обратное? Чужие, возможно, ему поверят...

Студенческие годы закончились, а скудость существования не спешила никуда уходить. Надо было добиваться достойного жилья — что за жизнь в заводском общежитии. Вадим считал: раз он хорошо работает, то остальное ему должны поднести на блюдечке. Мечтатель! Ради всякой мелочи я обивала начальственные пороги, нервничала, искала нужных людей и подходы к ним. Он глядел на меня с осуждением и все больше замыкался в своих Черчиллях, Виндзорах, Екатеринах Великих. Древнерусские мечи и кольчуги его еще больше интересовали, да разве походами в музеи дети будут сыты? Мне было больно, но я надеялась, что рано или поздно он поймет...

У нас с ним бывали и замечательные минуты, я вспоминаю их, и губы растягиваются в улыбке — несмотря ни на что.

.. Вот я, почти еще девочка, варю свою первую курицу, не очистив ее от потрохов, понимаю — испортила, а он ест и нахваливает...

... Ведет меня в роддом — от нашего жилья в двух кварталах. Спотыкаюсь, он подхватывает, и я чувствую, как дрожат от напряжения его бережные руки...

... Дочка заболела, ей всего семь лет, шпарит температура — лекарства не помогают. И скорая опаздывает. Теряюсь, плачу... А он вспоминает, что в соседнем подъезде обитает врач и бежит за ним...

В мгновения особого риска, на границе жизни и смерти, я была уверена в его любви. Но мгновения эти проносились быстро, и сердце опять начинало тревожиться...

Шли годы, я начала забывать парня с монетой-выдрёнышем, пляшущим между фалангами пальцев. Чувствовала себя неудовлетворенной стареющей женщиной: в заботах о муже, детях, в житейских сложностях. Муж прячется от жизни в абстрактной мути. Спасается в ней от обязательств перед семьей. Друзья для него всегда были важнее меня. Они говорят об умном, мечтают о высоком... А я... я обеспечивала материализацию возможности мечтать.

И только однажды... Когда развод стоял на пороге...

— Эй, ты! — крикнул он кривляющейся амальгаме. — Какого чёрта! Ты не можешь даже изменить свою примитивную внешность! Кто ты такой, в конце концов? Усталый странник на финише своего пути? Да, полно... Обычный меркантильный индивид, каких много по обе стороны океана. Только пытаешься выглядеть красиво и бескорыстно. А это ещё больший грех, чем быть записным грешником, не задумываясь о том...

И как ты можешь сетовать, что тебя бросили? Ты кто, Эйнштейн... Или, на худой конец, Пикассо? Но ведь и этим гениям женщины

предпочитали узколобых самцов с накачанными мышцами таза. И какое же право ты имеешь жаловаться? Смотрел на себя в зеркало... хотя бы чаще, чем бреешься? Так вот как?! Ты и бреешься очень редко. Хорошо, взгляни на это отражение. Что там видишь, изгой?

Одутловатый, невнятный в своей бесформенности сгусток протоплазмы есть ты? Да, я... И как себе думаешь, может ли это недоразумение имени твоего отсталого детства на что-то рассчитывать? На что-то такое, от чего будет не стыдно... не умирать до глубокой старости?

Вот видишь, всё узнаваемо. Всё проходит. Не так и не тогда, как предполагал премудрый Соломон. Ты видел его кольцо? Ах, ты даже не знаешь, что сей знаменитый перстень был найден.... Где? Где он найден? Чёрт меня возьми совсем! Стой, нервничать нет смысла... Тебя бросили. Ты далеко не юн, ты должен смириться. Золото не липнет к бессребреникам. Ты ждал иного?

Видишь, как всё просто... Ты остался один, и она осталась... не думаю, что одна. И что? И зачем теперь думать о неотвратимом? Всё же было ясно раньше... Господи, она, разумеется, не могла остаться с тобой навсегда. Ты совсем не умеешь писать, всего только обозначаешь своё присутствие в тексте. А этого мало.

Так что и беллетрист из тебя не вышел. Неудачник. Да, неудачник. Но не боюсь и не скрываю этого. Только дурак боится признаться, что он далеко не так умён, как бы того хотелось...

Ну и что, если получается многоумро рассуждать о всякого рода понятиях. О жизни, о королях... прости меня, О'Генри, Уильям Сидни Портер... Простите меня все вместе.

Да-да, поток сознания. Кому это нынче понравится, если ты не в силах порвать кожу зубовным скрежетом и писать артериальным беспределом по вековым обоям, засиженным клопами из созвездия тех самых, не к ночи помянутых, Габсбургских паразитов времён влияния и роскошества? Самовнушённого, большею частью, влияния и попугайского роскошества....

Помню, ты говорила... Прими в награду поцелуй воздушный... Он у тебя такой воздушный, что аж закладывает уши....

И всё. И любви нет, и не нужна она... вовсе... Только я и Высший Разум. Зачем ещё кто-то? Между нами. Не люблю, когда посредники... даже в этот чёртов четверг... Шутка. Такая нелепая. Нелепей, чем пижама из советского санатория времён торжества ВЦСПС. Теперь не ПэЭс, теперь ПиСи.... Теперь шлюзы для SQL-серверов... а раньше — для перемещения из какого-нибудь русла в очередное рукотворное водохранилище.

Из одной трубы вливается, из другой выливается...

Ферштейн? Вот именно! Как это будет по-французски? Парле ву? Будто марлю, просоленную солёными Бретонскими ветрами, порвали неосторожным движением локтя... Парле ву... Парле? Ву?

Вот видите, все остались при своих... А душа-то снова, чёрт возьми, не на месте.

И где взять того успокоительного... Где?!

Когда-то я ушла от него, потому что не могла больше жить на этом пепелище вулкана, выработанного до состояния пемзы. Но и уйдя, осталась на пепелище. Вопреки желаниям и надеждам пепелище — наша общая судьба...

Ощущала ли я приближение конца? Думаю, необратимые изменения чувств начались после потери нашего талисмана — серебряного рубля. Подумаешь, попросила помочь одноклассница. Почему он должен был пожертвовать семейной реликвией ради сомнительной болезни ее сына? Наши дети здоровы, потому что я защищала их интересы вопреки всему.

Вадим не хотел знать, какова цена нашего благополучия. Ему казалось — само собой получается, и надо помогать другим, потому что им хуже. Не признавал, что здоровье дорого стоит, что надо хорошо питаться, носить удобную одежду, жить в человеческих условиях, ездить на курорты. Слишком много я была лишена в детстве, чтобы позволить ему оставить без необходимого наших детей. Мне жаль того неизвестного мальчика, если он был действительно болен, но разве мы вправе жертвовать близкими, чтобы помочь чужим?

Какой описал он меня в своих заметках? Признал, что любила, но обвинил в планах с норковым отливом. Смеюсь и плачу, читая эту белиберду. Разве женщине есть дело до норки, когда не хватает постельного белья и хорошей посуды? Почти пять лет мечтала о стиральной машине, и только потом приобрела импортную. Соседки завидовали. Он посмотрел и спросил:

— Зачем тебе такая огромная?

— А почему должна быть маленькая?! — возмутилась я.

Он махнул на меня рукой, как на дурочку, и опять ушел в свою библиотеку.

Думаю, наш большой разлад вырос из маленького, но принципиального расхождения: я принимала жизнь, какая она есть, он же требовал от судьбы невозможного, не соглашался со временем.

Он был бессребреником и этим делал меня алчной. Таков закон природного равновесия, который мало кто понимает.

Театр закрыл занавес. Собственно, не сам театр, а его служащие. Всё кончилось благополучно. Мир не рухнул... Ещё одной коллекцией стало меньше, коллекции самоедских заблуждений. Думаю, не жалко...

Завтра соберемся с детьми и помянем Вадима. С серебряным рублем или без него, но я любила. А он? Может, так мало писал обо

мне, потому что боялся вспомнить? Странно, но и сейчас — после его ухода из жизни и, возможно, на пороге собственного исчезновения — это не перестает меня волновать.

Что в нас было неправильного? Почему счастье оказалось хрупким, а потребность в нем разрушительной? И почему девочкой я была робкой, а с возрастом превратилась в бойца?

Неужели и Екатерина Великая в юности мечтала о любви, а не о славе?

Грустной получилась наша с Вадимом история, но таковы инь и ян двадцать первого века.

* * *

День стоял замечательный. Поколебавшись, Дима махнул рукой на занятия и направился в парк. Одна лекция — это такая малость, а красота уходящей природы... Красота уходящей природы не повторится уже никогда. Её можно только запомнить.

Монеты почти не было видно. Листья осени прикрыли матовое серебро аверса, похожее на седину надвигающейся зимы. Но Дима её заметил... Этот начавший темнеть металлический кружляк. Поднял двумя пальцами, поднёс к глазам. И вдруг неожиданно почувствовал — от монеты исходит тепло. Неужели магическое?

Мороз по коже!

Посмотрел на женский профиль: интересная тётка в буклях, кто такая? Наверное, императрица, — пришло в голову. Чей еще профиль могли отчеканить на серебряном рубле? Надо глянуть в Сети, поспрашивать на форуме нумизматов.

Серебряный рубль казался вытертым многократными ласкающими движениями пальцев. И не просто пальцев, а всей пятерни, включая ладонь. Некоторая шершавость не вызывала неприятия. Будто человек, когда-то державший в руках этот кусок формованного серебра, был ему близок. Нет, не по генетическому родству — на уровне подсознательного...

Как он сюда попал, этот рубль? Кто-то случайно обронил или выбросил намеренно — разве узнаешь?

Парень эффектно подбросил серебряную монету в воздух. А потом поймал её, будто репетировал это движение очень долго, и зашагал из парка на улицу, к автобусной остановке.

Впереди его ждали посиделки с институтскими друзьями, свидание с девушкой... Терпкий вкус только початой, пьянящей возможностями жизни коллекционера...

АННА РАЙНОВА

ШЕБУРШУША

Тише, ветер, нечего так страшно завывать в оконных рамах. Не видишь, баба Оля отдыхает? Спит уже два дня, на холодный пол легла, глаза не закрыла. Неужто так устала, что до постели не дойти? В моём блюдце высохли последние остатки молока, а она всё лежит, не шелохнётся. Приглажу её растрепавшиеся волосы, может быть, тогда она вспомнит Шушу? Надо же, не шевелится всё равно. Баб Оля? Вставай! Я скучаю.

Хлопаю дверьми, гремлю кастрюлями на кухне, сбрасываю на пол тарелки. Мне нравится смотреть, как они разлетаются на множество маленьких кусочков. Раньше баба Оля мне бы этого не позволила, а теперь лежит и голову повернуть лень. Как можно столько спать? И откуда здесь взялся этот мерзкий запах? Так пахнут дохлые крысы, если завалиются в углу. Помню, в старом бревенчатом доме я громко стучал, помогая хозяйну разыскивать гниющие тушки.

Дохлые крысы? Баба Оля! Ты что? А как же Валька, её не дождёшься?

Срываю с комода Валькину фотографию. Она разбивается, разлётывая во все стороны брызги прозрачных стёклышек.

Что же делать? Не смотри на меня так, баба Оля.

Весь вечер сбрасываю со своих мест всё, что попадётся, скриплю половицами, вою в водопроводных трубах.

Водопроводных? Быстрей на кухню — сорвать кран. Из обломанной трубы вырывается прозрачный фонтанчик, окунаюсь в него, брызгаю во все стороны. Если нет молока, достанет воды. Теперь в ванную, бросаю на пол шланг от душа. Вот, натворил! Уселся в зале на комод, наблюдаю, как вода выползает из-под двери в ванную, соединяется с ручейком, текущим из кухни, поднимается. Баба Оля уже вся промокла.

Звонок, кто-то пришёл. Мы гостей не ждали. Бросаю в закрытую дверь пустое ведро. Я тоже звонить умею, почище некоторых. Голоса за дверью, не разобрать, что говорят. Шаги. Уходят прочь. Ох, баба Оля, баба Оля, на кого ж ты меня...

Опять звонок, молчу. Чего греметь? Хозяйку уже не поднимешь. Кроме соседки Марии и не заглядывал никто, да и та преставилась не так давно. Оля затосковала совсем, всё глядела на Вальку, ждала, что дочь навестит старуху. Куда там. А теперь вон сколько гостей навалило. Да только нет тут никого.

Скрежет, адский скрежет. Входная дверь распахивается. Скорее в шкаф, прижаться к теплему дереву и замереть. Голоса. Выглядываю

в щель. Ходят, брезгливо закрывая носы рукавами. Трое молодцев в одинаковых серых одёжках. Шапки потешные на головах. Тётя Сара с нижнего этажа с зятем своим. Ещё соседи. Никак хоронить Олю пришли.

— Это хозяйка квартиры? — спрашивает Сару один из молодцев.

— Да, — дрожащим голосом отвечает Сара.

— Давно умерла, — пожимает плечами молодец. — Говорите, только сегодня вода заливать стала?

— Тут такой тарарам весь вечер был, мы грешным делом подумали, Ольга с ума сбрендила, хотели скорую вызывать.

— Вызывайте. Квартиру нужно опечатать. Родственники у покойницы есть?

— Дочка, только мы давно её здесь не видели, а ведь живёт на соседней улице, стыда ей нету. Ох, Оля, Оля...

— Ладно вам причитать, идёте, здесь нечем дышать. Стояк перекройте кто-нибудь.

Гости убралась восвояси. Гляжу в щель, а там Олины глаза. Закрывать побрезговали. Эх, люди, люди. Холодно с вами. Распластываюсь по деревянному днищу, согреваюсь и проваливаюсь в забытье.

* * *

Кто это там шебуршится? Выглядываю из шкафа. Сухо, бабы Оли нет. Толстая тётка с туго затянутым на макушке черным хвостом шваброй машет. Подкрадусь-ка я к ней сзади, хвост причешу. На тебе, повернулась. Валька? Так вот во что превратилась крепкая девица с тугими косами. Помнишь, как ты высмеивала мать, когда она оставляла мне на ночь блюдце с молоком, кривилась да пальцем у виска вертела. Эх ты! Седина на висках, а души не нажила. Бросила мать одну. Постареешь, и дети от тебя отрекутся, такой грех без наказания не оставят. Шуша много наглых рож перевидал на своём веку. Приходит собаке собачья смерть. Только ради Оли тебя не трогал. А теперь... Телефон?

Ишь ты, трубку сняла, будто и впрямь здесь хозяйка.

— Да, я. Продаётся квартира...

Продаётся? Ах вот ты чего удумала! Мать, поди, только вчера на погост несла, а ты уже продаётся? Ну, держись!

Предвкушая мечь, зарываюсь в шкаф, напиток сил от старого, но веками живого дерева. Мне без него никак, без дерева, истончусь совсем. Жду.

Выползаю, когда Валька укладывается спать в Олину кровать. Просачиваюсь под входную дверь. До мусоропровода рукой подать. Забираюсь в смердящую трубу. А, вот шерхтят, рыжие твари. Вы-то

мне и нужны. Все сюда, собирайтесь. Сейчас повеселимся! Валька с детства боится вас до смерти.

Вскоре шевелящие длинными усами полчища подходят к двери, ручейком вползают в щель, добираются до спальни.

— Теперь — все на неё!

Ререстала храпеть, как трактор. Ручонками машет. Ай да молодцы, сплошь Вальку живым одеялом окутали. Отбивается. Не проснулась ишо? Ты глазёнки-то протри. Гляди, гостей сколько.

О, узрела! Верещит гнусным своим голосишкой. Ага, на кухню побежала за дихлофосом. Выстучу-ка я тебе, милая, крышкой по пустой кастрюле похоронный марш. О, застыла, дихлофос выронила. Чего уставилась на кастрюлю? Ну, гляди, гляди, авось чего и высмотришь, а я покамест тебя обработаю, как баба Оля делала. Крышку — чпок, и на беленький пенёчек нажимай, только чёрненьку точку на нём Вальке в тапки направить надо. Чего скачешь, как стрекоза? Напугал тебя Шуша?

А-а-а, в прихожую кинулась, пальто в охалку. Крестишься, чурбан зелёный? Таким как ты крестное знамение во вред. Чур меня? Ладно. Дверью подтолкну и пальтишко в щели прикрою. Намаешься, чтобы выпростать. Шуша крепко держит. Отпускаю. Бух прямо на порог. Карабкается. Беги, беги, милая.

Днями скучаю — не с кем слова молвить. Только ветер завывает в окна всё сильнее.

Это же надо как быстро от Вальки избавился, а теперь и поиграть-то не с кем.

Не тут-то было. Мне послышалось, или в замке поворачивается ключ? Дверь открылась. Чемодан? Вот ведь неугомонная Валька, мало досталось тебе от Шуши? Ну, держись! Ой! Да это ж не она.

Лицо белое, чистое и светится, что солнышко. Коса русая до пояса. Не из Валькиной породы девица. Вон как на пороге мнётся. Ладно, заходи, коли не шутишь.

Девушка отнесла в спальню чемодан и рюкзак с вещами. Продукты из супермаркета сложила в холодильник. Потом заварила чай, уж больно замёрзла с дороги.

Мама не хотела отпускать её в большой город, но Ольга всегда была упрямницей, успешно сдала экзамены в медицинское училище, сама, без всякой посторонней помощи. Правда, комнату в общепитии дали у чёрта на куличках, два часа на метро и автобусах добираться. Стала подрабатывать в больнице санитаркой. Однажды разговорилась с одной из медсестёр, посетовала, что далеко живет, а квартиру снимать дорого. Та понимающе покивала, на

том и разошлись. Вчера эта медсестра Олю разыскала, сказала, что у одной её знакомой мать умерла скоропостижно, квартира пустует, рядом с училищем и больницей. Хозяйка жилплощадь сдавать хочет за совершенно смешные деньги. Ольга как услышала цену, сразу согласилась, у неё на транспорт больше уходило. После смены помчалась к Валентине Ивановне, заплатила за полгода вперёд. Хозяйка радостно вручила Ольге ключи. Всё расхваливала, какая Оля милая и приятная.

Назавтра и переехала.

В квартире повсюду валялись дохлые тараканы и царил бардак. Оля немедля взялась за веник. Вымыла полы, перестелила постель. К вечеру её новое жилище блестело чистотой. Девушка на скорую руку приготовила себе ужин, попила чаю с баранками и уселась на диван с учебником по химии, готовится к экзамену. Углубилась в чтение и не заметила, как глаза начали слипаться, да так и уснула. Ещё бы, намаываясь. Грохот в спальне заставил её подскочить и броситься в комнату. Оказалось, упал торшер, вот и тяжелое кресло на бок валется рядом с балконной дверью. Может, вор залез? Оля на цыпочках прокралась в кухню — никого. В спальне вновь что-то ухнуло. Девушка вздрогнула и, вооружившись шваброй, пошла обратно. Оглядев комнату, заметила, что статуэтка с туалетного столика упала и разбилась. Оля глянула на окно, может, ветер сбил? Рама оказалась наглухо заклеенной на зиму. Оля удивлённо пожала плечами, пошла за веником — и услышала странное шипение в ванной комнате. Включила свет и распахнула дверь почти одновременно. Да это же вода, вот растяпа, выключить забыла. Туго закрутила кран, вернулась в спальню, а там...

На полу поверх осколков статуэтки лежала разодранная в клочья подушка. Оля огляделась, вздохнула, подняла подушку и положила её на кресло. Перо нужно собрать, выстирать и сшить новый наперник. Оля открыла шкаф, чтобы достать целлофановый пакет, а оттуда выплыла ещё одна подушка, из неё, разбрасываемые невидимой рукой, летели перья. Оля попятилась в угол, но упрямая подушка полетела следом. Ещё чуть-чуть и придавит её к стене.

— Ах ты, Шуша, пусти! Что я тебе сделала? — с испугу выкрикнула Оля.

Подушка замерла в воздухе, а потом упала, подняв белоснежное облачко. И всё, тишина.

— Значит, Шуша. Я угадала, — отдышавшись, сказала Оля. — Меня Ольгой зовут, приятно познакомиться.

Тихо. Оля пошла в кухню, налила в первое попавшееся блюдце молока и поставила на пол со словами:

— Вот тебе, Шуша, гостинца. Не серчай.

Вот ведь и в городе домовые бывают. Надо же. Оля прибрала в спальне, помолилась на ночь и легла.

Вот это да! Оля вернулась, молодая, красивая, а я — старый дурак. Нет, чтобы хозяйку приветить. Эх, Шуша, Шуша, чего натворил-то? Оленька, добрая душа, молока налила. Я уж и запах забывать стал. Благодарствую, хозяйка. Ну, обознался, с кем не бывает. Теперича заживём с тобой, как прежде, душа в душу. Шуша в обиду не даст. Уснула, личико — что у ангела небесного, волосы — шелк, расчешу и приглажу их. Улыбается, значит, хороший сон видит Оленька. Отдыхай, хозяйюшка, отдыхай, милая. Шуша оградит тебя от всех напастей.

Проснувшись рано утром и увидев своё отражение в зеркале, Ольга удивилась. Её длинные, цвета свежескошенной пшеницы волосы были уложены в аккуратные локоны, волосок к волоску, точно она только что вышла из парикмахерской.

— Ай да Шуша! — догадалась она. — Спасибо за причёску, девчонки обзавидуются.

Девушка быстро умылась, позавтракала и отправилась на учёбу, не забыв налить Шуше свежего молока. Вечером вернулась усталая, но радостная: Юра обещал в гости зайти.

Они познакомились в больнице два месяца назад. Юра навещал умирающую мать. Молоденькая санитарка с первого взгляда привлекла его внимание. Ничего наносного — чистое лицо, тихий голос, милая улыбка..

Когда-то и Вика была такой, но свалившееся на голову мужа состояние вскружило ей голову. Она быстро устала от тряпок и взялась за себя. Юра убеждал, что любит её такой, какая есть, что это опасно, но Вику было не остановить. Сначала она подтянула обвисший после тяжёлых родов живот, потом подправила грудь. Дальше — больше. Сын рос с няньками, вошедшей во вкус пластической хирургии женщине некогда было уделять внимание малышу. В погоне за внешностью Вика забыла обо всём, занятия йогой, шейпингом и постоянные осмотры в институте красоты отдалили её и от мужа. Юра и так часто задерживался на работе, уезжал в длительные командировки, а теперь и дома стал хмурым и молчаливым. После ужина закрывался в кабинете и пил. Жена никак не могла понять, почему между ними выросла глухая стена. Винила во всём лишние килограммы и возраст — ведь ей уже за тридцать. Юра же видел, как она все более превращается в говорящую гуттаперчевую куклу. Так и жили, оттягивая агонию давно переставших существовать отношений. Вика стала начинать с упреков каждый разговор, а после обычно требовала денег на новую дорогостоящую процедуру. Юра в деньгах не отказывал,

но жить переехал на дачу, мол, оттуда к офису ближе. Потом маму свалил инфаркт...

Олю смущали настойчивые ухаживания взрослого мужчины, но прекрасные букеты с трогательными записками и переполненные неизбывной тоской глаза сделали своё дело. Девушка влюбилась. Стали встречаться. Юра так берёт своё нечаянное счастье, что не стал говорить Оле о том, что женат. Сама же Оля списывала редкие встречи на его вечную занятость.

Сегодня придет! Надо успеть с ужином... Когда стол был почти накрыт, в дверь позвонили. Оля заглянула в зеркало, пригладила волосы и полетела открывать. Юра с порога принялся целовать её заиндевевшими с мороза губами:

— Как же я соскучился.

— Ой, да что же мы тут стоим, проходи, сейчас ужинать будем, — Оля помогла ему снять пальто, проводила в комнату и усадила за стол. Весь ужин Юра не мог отвести от неё взгляд.

— Юра, ты чай с лимоном будешь? — вывела его из задумчивости Оля.

— А? Да. Спасибо, хозяйшкa, накормила. Так вкусно!

— Да что ты, это так, по-быстрому, что успела, — улыбнулась Оля. — Ты ж там в своих поездках домашнего не ешь, вот и показалось, что вкусно.

* * *

Вот ведь ворохнутся всю ночь, и откуда силы берут? Любит тебя, Оленька, избранник твой, крепко любит. Заглядень и только. Вальке такого подарка век не видать, точно говорю. Ладно, пойду и я на покой. Чего глазеть?

Очнулся, свет в щель пробивается. Никак утро уже. Оля в постели одна. Крепко спит. Кавалер-то куда подевался. А, вот, на кухне, по телефону разговаривает:

— Вика, чего ты хочешь, я работаю. Нет, на выходные домой не вернусь...ты же знаешь. Не кричи, у меня тут люди. Говори, что тебе надо. Липосакция? — дверь кухонную прикрыл. — Сколько? Сними с моей карты и, очень тебя прошу, сегодня мне больше не звони. Что? Хорошо. Сына от меня целуй.

Ах ты, ирод!! Сына от тебя поцеловать? Я ж тебя сейчас поцелую. Вот она, мухобойка, по затылку его, по затылку. Будешь знать, как Оленьку обманывать. Обернулся, а за ним Оля стоит, пришла. Глаза спросонья трёт. Мухобойка на пол упала.

— Оленька, ты слышала?

— Слышала что?- потягивается.

— Ну, как я тут болтаю.

— Не слышала ничего,- Оля подняла мухобойку и на место её положила.

И правильно, мало ему мухобойки, его шваброй перетянуть надо.

— Тогда зачем дерёшься?

— Я дерусь?

— А кто меня мухобойкой по голове стукнул?

— Да? — Оля огляделась, потом улыбнулась. — Ой, Юр, это Шуша.

Меня тоже пугал. Ты поздоровайся с ним, он и отступит.

— Кто такой Шуша?

— Домовой.

— Домовой? Оля, ты что?

Опять ко мне тылом развернулся, шарах тебя шваброй по лысеющей макушке и Оленьке в руки отдал.

— Э-э, это не я, — выронила швабру Оля.

— Если всё слышала, так и скажи.

— Слышала что?

— Ладно, не хочешь говорить, не надо, — почесал затылок Юрий. —

Ты вообще здорова?

— Юра, ты о чем?

— Я умываться пойду.

Это хорошо, тарелочки твоя головушка ещё не пробовала. Обманщик! Нечестивец! На!

— Ай! Ольга, это уже не смешно.

— Милый, дорогой, прости. Больно? — гладит его по макушке, обняла. — Шуша, успокойся, это Юра, он хороший, не дерись.

Ага, хороший, знаем мы его хорошенько. Срамота!

— Оля, ты в своём уме?

Ага, телефон евоновский, скину на пол и стулом, стулом...

— Ладно, я понял, — Юра посмотрел на осколки, вздохнул. — Я пойду.

— Куда?

— Домой, к жене и сыну.

— Куда? — заиндевила Оля.

Одевается, иродово отродье, люстру тебе на башку, вместо шляпы... А-а-а? Больно? А ей каково? Как она после этого жить будет? Кому доверится?

— Юра?

— С дороги, полоумная, убьешь ведь!

* * *

Весь день хозяйка ходит по дому тихо, глаза высохли, а в них стужа лютая, даже мне холодно. Пойду в шкаф зарююсь, сил нет смотреть

на тебя такую. Ночью выбираюсь на кухню. Надо же, свежее молоко. Обиделась, а не забыла Шушу. Значит, простит, обязательно простит. Спокойной ночи, Оленька.

Свет, хозяйка шкаф открыла — разбудила Шушу. По измятой постели разбросаны вещи. Чемодан достала, складывает, сама чернее ночи. Оля, ты что ж это удумала? Уходишь? А как же я? Я ж к тебе всей душой прикипел. Не оставляй Шушу. И бывают же у зрячих слепые глаза. Я ж только добра тебе желаю. Оля!

Вот и чемодан закрыла уже, за сумку принялась. Что же делать? Шкатулка в её руках деревянная, в сумку кладёт. Ох, и колются твои украшения, тесноват новый домик для Шуши, зато с тобой, навсегда с тобой.

Ольга закрыла молнию на сумке, отдышалась. Деньги за аренду уже не вернуть, Юру тоже. Но лучше в общежитии жить, чем в этой страшной квартире. Девушка перекрестилась, присела на дорожку, и, подхватив вещи, начала спускаться по лестнице.

ВЛАДИМИР ЯЦЕНКО

БРАК ПО ЗАЛЁТУ

- Алё-доброгo-утречка-такси-вызывали?
- Да-да, спускаюсь...
- Не спешите, я только уточнить подъезд.
- Третий.
- Ок, жду.

Дабы клиент не заподозрил в давлении, тут же отключаюсь, и с облегчением откидываюсь на спинку кресла. В техзадании номер подъезда указан, но проверить: реальный вызов или нет, не помешает. Да и подсуетить пассажира тоже полезно. Хотя сейчас спешить без надобности. Напротив, сейчас мне следует всё делать предельно плавно и осторожно. Как в космосе. Никаких резких движений. Счёт идёт не в гривнах, а в часах. Главное — дотянуть до вечера. Ибо последний день. Фсё! Откатался!

Не могу сдержать самодовольную ухмылку и не сдерживаю. Меня распирает от счастья. Ещё бы: купили моё рукоделие. Только вчера на сландо разместил, а за ночь купили. И не одно изделие, — ха! — всю партию!

И задаток на карточку сбросили. Уже отправил с наложенным платежом. Завтра утром получают. Может, до вечера и деньги будут... Повезло? Или награда за бессонные ночи? А может, это мои суеверия пересекаются с реальностью?

Собственно, если бы не постоянные утренние пассажиры, которым обещано, чёрта с два я бы сегодня поехал на работу. Только пляж! Раскалённый песок и Алёнка, с которой можно далеко уплыть в море, ибо заслужил. Ну, а если уже вышел на смену, то почему не настрелять пару копеек? Напоследок? Исключительно из любви к искусству...

— Здравствуйте.

Заднюю дверь открывает симпатичная блондинка. Видит моё счастливое лицо и ещё больше светлеет.

— Доброе утро, — с максимальной приветливостью отзываюсь и завожу машину. — На Химическую?

Девушка громко хлопает дверью.

— Ой! Простите...

Трогаюсь с места и спешу её успокоить:

— Не берите в голову. Мне пассажиры дороже дверей. Пусть лучше хлопают, чем вываливаются.

Морщусь. Юмор кажется громоздким и сомнительным. Но девушка мило смеётся, а я задумываюсь о сигналах из космоса... или знаках судьбы, кому как больше нравится. В первые месяцы после дембеля,

когда родной Политех кинул с трудоустройством, и я не знал, что делать, и куда податься, определял характер грядущего дня по числу красивых женщин, встреченных утром. Потом, когда всё более-менее утряслось: работа в такси, аренда не комнаты, а квартиры, — оценивал удачу по таким, вот, искромётным знакомствам. Потом заметил, что чем больше улыбок, тем удачнее день. Но только в последний год научился к женскому смеху подходить утилитарно. Теперь я этим смехом кормлю своё будущее. Непонятно? Мне тоже. Я только учусь...

— Вы всегда такой остроумный?

— Не, только рядом с красивой женщиной.

И это правда. Заводят они меня. Потому что богини. Думаете, шучу? не-а. Всё от них, от женщин: победа или смерть. Много об этом думал, знаю, о чём говорю. Потому что ведьмы. Единственный проводник желаний к небу. Прямая линия с Господом. Во как! Поэтому и вести себя с ними нужно, как с обнаруженной поутру в постели чекой от гранаты: где-то рванёт, и рванёт обязательно, но если будешь хорошо себя вести, рванёт где-то там, а не под ягодицами...

— Можете привести пример? — охотно втягивается в беседу пассажирка.

— Запросто, только уточните адрес. У меня написано «Химическая один», но дубль-ГИС даёт два места: один рядом с Пестеля, второй — конечная восьмого троллейбуса.

— Мне на конечной.

— Ок. Тогда едем к бывшему суперфосфатному. Вы с переездами дружите? Или вкруговую, через автовокзал?

— Дружу, давайте по Столбовой, — отчётливо слышу в её голосе нетерпение. — Это вы так с темы съезжаете?

— Ничуть. Просто тяну резину, чтобы припомнить что-нибудь выдающееся. Кстати, об автовокзале. Взял из эфира заказ с Крымской на Колонтаевскую. Тринадцать часов пятнадцать минут. Красивая барышня с двумя чемоданами выходит к машине и просит точно сказать, успеем мы до двух часов на автовокзал или нет. Суть сомнений: если не успеем, зачем ехать? Пытаюсь объяснить, что я — не Господь Бог, обычно дорога занимает полчаса, но бывает всякое... «Нет, — говорит женщина. — Мне нужно знать точно. Если вы не уверены, то я не поеду». «Лады, — соглашаюсь. — Ещё пятнадцать минут препирательства, и я вам точно скажу, что вы не успеете». Но она на шутки не ведётся: «успеем или нет?» Чувствую, что заходим в тупик, и решаюсь на предложение: «давайте так, если мы опоздаем, то по вашему выбору, я или догоняю автобус, или за свой счёт привожу вас сюда, на это самое место»...

— Неплохо, — хлопает в ладоши блондинка, — действительно остроумно.

— Дык, это не вся история! Через двадцать минут дама с чемоданами выходит из машины на автовокзале, и вы ни за что не угадаете её реплику!

— «Какой вы быстрый, ковбой»?

— Если бы! — в такт ухабам сокрушённо качаю головой. — Она вышла из машины и сказала: «и что я теперь здесь полчаса делать буду»?

Ух! Как же здорово она смеётся! Звонко. Заразительно. Хотя сама история — не сказал бы, что очень смешная. Смотрю в зеркало: мисс интеллигентность. Это когда высокий бюст, длинная шея и печальные голубые глаза. Жаль, не видел, как она шла к машине. Походка о многом может рассказать. И пообещать тоже может.

— Женская логика, — пожимаю плечами. — Непостижимая субстанция, продукт эфира и мужских грёз.

— Ого! Вы поэт?

— Всего лишь скромный наблюдатель женской тирании. Вот вам ещё пример. Взял девушку с Радужного до Пушкинской, а поскольку большой любитель партизанских троп и чигирей, то и поехал не по магистрали, а напрямик, посёлком: мимо светофоров с заторами. Едем себе и едем... когда минут через пять мне в спину заряд ненависти: «почему вы всё время двигаетесь?» Поверьте, в кино вы такого не услышите. Ни одна актриса не изобразит голосом столько негатива. Сперва я даже не понял, о чём речь. Растерялся. Может, в носу ковыряюсь, или тик там какой-то на нервной почве... оглядываюсь, а она расстелила полотенце на коленях: туш, тени, пудра, помада...

— Она ждала остановки, чтобы накраситься!

— Верно... ого! а переезд-то и в самом деле открыт. У вас сильная карма.

— Но это же не конец истории?

— Нет, не конец, — чувствую усталость. Очевидная перегрузка. Чересчур насыщенный смех, как бы не надорваться. — Я попытался обратить всё в шутку, разрядить обстановку. «Нету проблемы, — говорю, — сейчас приму вправо, постоим минут пять, и вы спокойно примарафетитесь».

Да. Кончился запал. Говорю без воодушевления, высматриваю, где удобнее посадить женщину.

— Ну, и? — нетерпеливо ёрзает она.

— Накричала на меня. Сказала: «вы что, не понимаете, что я опаздываю?!» Патамушта женская логика крепче бетона!

— Негодяйка, — вздохнула девушка. — Остановите здесь, пожалуйста. А можно ваш телефончик?

— Можно, конечно. Только нет смысла, — я сыто улыбаюсь. — Последний день работаю. Машину продам и начну новую жизнь.

— Вот как? — поджимает губы блондинка. — Да я не только... вот, возьмите, спасибо...

— Без сдачи? — уточняю на всякий случай, но она уже ускакала, напоследок ещё раз громко хлопнув дверью.

— Спасибо и вам, — шепчу треснутому лобовому стеклу и зачем-то оглаживаю руль. — Завтра получим денежку, и почию тебя, милая. Поменяем стекло, залечим царапины, ходовая, топливная, электрика... а потом подыщу тебе нового хозяина. Пришло время расставаться. Здорово повеселились. Спасибо тебе. «Славная была охота»...

Лирическое настроение истончается и тает от бурчания в желудке. Смотрю на часы — половина одиннадцатого. Неудивительно, что жрать охота: в шесть утра ничего в горло не лезет, а к одиннадцати в глазах темно от голода. «Завтра! — обещаю себе, — завтра всё будет по-другому. Работа дома, никаких поездок и приём пищи по расписанию. Утром — пробежка, вечером — теннис. Через день — Алёнка... или лучше каждый день? У неё такие консервативные родители! Богатые снобы и таксистов не любят...»

Заруливаю на стоянку рядом с продуктовым и бросаю взгляд на экран планшета (три скучных заказа с противоположного конца города). Открываю дверь и бросаю на асфальт шлёпанцы. Поправляю футболку под ремнём, подтягиваю шорты и, не закрыв машину, захожу в магазин.

— Еды дайте, — со скорбным лицом прошу моложавую продавщицу с огромной копной иссиня чёрных волос.

С удовольствием наблюдаю, как у неё собираются морщинки возле губ, и бесики проблёскивают сквозь пушистые ресницы.

— Выбери, — радушно ведёт рукой продавщица.

— Бублик и минералка, — скромно уточняю заказ и показываю рукой на одну из бутылок.

— И всё? — ресницы взлетают вверх. — Колбаса? Кофе?

Глаза тёмно-коричневые до черноты. Не глаза — бездна!

— И всё, — вздыхаю, и протягиваю полный кулак бумажной мелочи. — Колбасу не ем, бо коровок жалко. А кофе могу пить только в компании красивой девушки. Но вы, похоже, заняты...

Продавщица довольно улыбается, во рту сверкает золотая фикса. Настроение сразу портится.

— Девятнадцать гривеней. А ещё могу позвать сменщицу.

— А я нет, — киваю на машину за окном. На крыше красноречиво отсвечивает оранжевым «хотелка» — пластиковый колпак с шашечками такси. — Один я. Без ансамбля...

Златозубка хмурится, радушная улыбка превращается в презрительно-снисходительную усмешку.

— Смотри, не подавись.

В недоумении замираю.

— От бублика ещё никто не умирал.

Смотрит в сторону. Досадует, наверное, что глупость сморозила.

— Я не про бублик, — говорит невнятно и в сторону, с трудом разбираю слова. — Я про твои эксперименты. Повезло, что смехом, а не слезами кормишься. Опасное дело. Кончай с этим.

— Что? Что вы сказали?

Но она уходит в подсобку и демонстративно задёргивает занавеску.

Качаю головой: — «что только от голода не послышится! Это же надо: «эксперименты»!

Возвращаюсь в машину, распечатаваю бублик, открываю минералку... стою в тени, экран планшета хорошо виден, и по-прежнему пуст, если не считать «унылых» заказов: с низким тарифом и высоким процентом админ-отчислений. Пусть дураки едут. Умные порожняк не гонят.

Кусаю бублик и запиваю кусающей язык водой. Жизнь удалась.

Высокое знойное небо, буйная зелень, пыльные воробьи дерутся из-за каких-то лушпаек, выпавших из мусорной корзины. «Другие кардуются, а и половины не имеют», — счастливо улыбаюсь я жизни.

Три года ушло на поиски стартапа с инвестициями, сопоставимыми с моей зарплатой. Утром и днём — такси, вечером и до глубокой ночи — Интернет и гараж, в котором учился собирать поделки на коленке. Но голодный недосып в итоге разродился идеей покупать комплектующие на Алиэкспресс, чтоб интеллектуальное железо продавать на Сландо. Корпуса для станков с ЧПУ, дуговые резаки-разрядники... сумма технологий. Производители сами не знают, к чему можно приложить их изделия. Если скрестить реликтовый оверхэд с экраном древнего ноута получится современный проектор, который стоит в десять раз дороже исходников. Плюс руки из плеч, разумеется. Без этого утиль так и останется олдэ шмохесом, хоть на Али, хоть на Ол-икс...

Один из заказов отвлекает от анализа состоявшегося успеха. «Нефтяников» — «Черноморск», двести тридцать! И всего десять процентов комиссии.

Рискуя опрокинуть бутылку, нажимаю указательным пальцем заказ, и тут же, не читая техзадание, подтверждаю взятие. Есть! Мой! Успел!

Внимательно перечитываю трофей: «Героев-комсомольцев, пятьдесят». Перехожу в дубль-ГИС и убеждаюсь, что адрес рядом, с моей стороны переезда. Я даже могу спокойно доесть свой бублик: в том, что успею на вызов, никаких сомнений.

«Попёрло! Вот она — светлая полоса. Прорвался. Победил. И формула удачи загадочная, но не сложная: собирать улыбки незнакомых девушек. Что-то от вампиризма, конечно, зато ненаказуемо, а в итоге любимая работа и любимая женщина... что ещё нужно самцу чтобы

быть мужчиной? И что с того, что не понимаю, как эта механика работает? Разве я понимаю, как работает Солнце? Или моя голова? Главное — нужно пользоваться пока работает!»

Переключаю эфир на предварительные заказы и жадно просматриваю список в поисках обратного вызова из сектора Черноморска. Качаю головой: а вот с азартом нужно что-то делать. О работе в такси я должен вспоминать с ужасом, а не с ностальгией. Если в цеху меня будет тянуть к людям на дороге, то очень быстро всё вернётся в старую колею. Я эту магию знаю: «береги меня Боже от вчерашних успехов, дай мне силы в дорогу на новый рубеж...»

Выхожу из машины и, распугивая воробьёв, укладываю в мусорку обёртку от бублика. Минералку потом допью. Пора ехать. Всё что мне нужно — дожждаться вечера, и покончить со всем этим. У меня будет сытая, обеспеченная жизнь. Интересная, творческая работа. Сменю вьетнамки на туфли, шорты на брюки... может, даже надену костюм с галстуком. Летом! Алёнка говорила, что умеет завязывать галстук... ради неё я в costume и в тропиках готов париться!.. Кста! А тропики — это неплохая идея...

Через пять минут уже еду по Героев-комсомольцев, сверяюсь с картой: вроде бы всё верно. Поворот, ещё один, теперь на развилке левее. Как-то пустынно всё, заброшено. Местность, конечно, дивная: плотный кустарник вдоль дороги, в такой не протиснешься. Вечером здесь, наверное, жутковато. Да и сама дорога какая-то чересчур узкая: не представляю, как со встречной машиной разминуться...

Присматриваюсь к фонарным столбам, нависающим из кустов над дорогой, и нехорошее предчувствие усиливается: на каждом — видеокamera. Ого! И куда это мы едем?

Очередной поворот, и я оказываюсь возле глухой стены. Еду медленно, внимательно рассматривая колючую проволоку перед забором и на нём. «Ага, а вот и наблюдательная вышка»... Вышка не просто в полтора роста забора, она ещё и на метр выступает наружу, к дороге. «Это чтобы вахтенный мог видеть внешние стены периметра... куда это меня занесло?»

Ещё поворот, и я упираюсь в ворота. Узкие металлические ворота с облезшей зелёной краской, на которой хорошо просматриваются красные буквы: «въезд категорически запрещён».

Как-то совсем не хочется туда заезжать. Почему-то хочется сразу ехать.

Оборачиваюсь всем корпусом, чтобы оценить, где можно развернуться. Но позади только узкая дорога, стена и плотный кустарник, тут не до разворотов. «Придётся сдавать назад...»

— Вы по заказу? — спросили доброжелательно, я даже не вздрогнул. — В Черноморск?

Присмотревшись, разглядел жестяную коробку перед воротами. В коробке концентрическими кольцами расходятся два десятка небольших отверстий. «Пещерное переговорное устройство! Из какого только музея притащили?»

— Да, в Черноморск. Выходите?

— Нет-нет, лучше вы к нам. Заезжайте!

Ворота с тихим шелестом отползают в сторону. Но за ними, в метрах десяти, высится бетонная стена.

— Дык, «категорически запрещён», — несмело возражаю невидимому собеседнику.

— Не робейте, тут раньше лепрозорий был, вот и осталось. Заезжайте. Я сейчас второй портал открою.

«Портал»?

Трогаюсь с места и протискиваюсь в узкий створ. Действительно, справа от меня ползут в сторону вторые ворота. «Это чтобы грузовиком нельзя было с разгону прорваться?» Не знаю, какие грузовики тут проезжают, но мне, чтоб завернуть, приходится выкручивать руль до упора. Жалобно скрипит граната правой стойки. «Потерпи милая, — шепчу. — Завтра! Завтра мы будем отдыхать. Возможно, это наш последний клиент. Дай Бог, чтобы этот клиент был последним!»

— Сюда, пожалуйста, ближе ко входу, — меня встречает высокий улыбчивый человек в белом халате. — Большой едва двигается, и чтобы нам его не нести, лучше бы вам подъехать поближе.

Упоминание о больном неприятно резонирует с только что упомянутым лепрозорием.

— А охрана возмущаться не будет?

— Нет, не будет, — уверенно отвечает Высокий. — Здесь нет охраны. Да, вот так, замечательно. Теперь вы тут постоите несколько минут. Сейчас мы выйдем.

Он исчезает в тёмном проёме двери, а я остаюсь один на один с тишиной и своими сомнениями. Беспokoйно смотрю в зеркало: ворота «въезд запрещён» по-прежнему открыты. Дверь за собой человек в белом халате не закрыл тоже.

Поднимаю голову и вижу ещё одну вышку. «Ещё одну» — потому что эта не над стеной, а выглядывает из-за крыши здания, у крыльца которого я остановил машину. Деревья и строения производят ощущение неестественной тесноты и скученности. У пейзажа начисто отсутствует перспектива. И это давит на психику.

Но ещё больше давит тишина. До звона в ушах. Воспоминания о недавней драке воробьёв кажутся оглушительными. Но вот чьи-то быстрые шаги. Кто-то, приближаясь, торопливо хрустит гравием. Я никак не могу понять, откуда идут звуки, пока из-за угла не показывается

женщина в блестящем на солнце скафандре биозащиты. Я такие в кино видел. Про эпидемии и карантин.

— Вы как сюда заехали? — не сбавляя шага, кричит женщина. — Почему ворота открыты?

— Врач позвал, — отвечаю сдержанно, коротко и по- существу. — Открыл ворота и сказал по переговорному, чтобы я заезжал.

— Какой врач? — у женщины на груди раскачивается респиратор. Она крутит головой: — Где охрана?

— В белом халате, высокий, лет тридцать пять... нет охраны. Уже уезжаю, нельзя — так нельзя.

Завожу машину, и задним ходом... боюсь, что она попытается меня остановить. Но женщина бежит в здание, по всему видно, что ей не до меня.

— С ума сойти! — с чувством говорю в слух. — Это не лепрозорий, а сумасшедший дом...

— Уважаемый, вы своих психов забыли!

Торможу и оборачиваюсь. Высокий уже стоит рядом, в одной руке чемодан, другой держится за ручку моей двери. А рядом с крыльцом — коренастый дедушка, жилистые руки сжимают поручни ходунков. Глаза смотрят зло и враждебно.

— Тут женщина ругалась. Только что. Врач. Сказала, чтоб выметался. Вы должны были её видеть...

— Правильно ругалась, — доброжелательно соглашается парень.

Чемодан кладёт на заднее сидение, потом снимает халат и отбрасывает его в сторону.

— Санитары приберут, — отвечает он на мой недоуменный взгляд. — Давайте-ка действительно выметаться. Только вместе, ладно? Вернитесь, пожалуйста, ко входу. Незачем Иван Ивановичу в такую даль тащиться.

— А та женщина?

— Забудьте о ней. Сейчас это совершенно не важно. Да-да, вот так, сюда.

Иван Иванович терпеливо ждёт, пока я подъеду к нему вплотную. Парень огибает машину, подходит к правой задней двери и, с неожиданной силой распахивает её. Я закатываю глаза, но эти двое не замечают, что едва не выломали мне дверь.

Дедушка неловко разворачивается и падает задницей на сидушку.

— Ноги, — внятно ворчит он. — Занеси в машину ноги, Валентин.

Парень живо обнимает ему колени, и бережно переносит ноги в салон. Закрывает дверь, и наталкивается на ходунки. Через мгновение я смотрю, как они летят в темноту чёрного коридора. «Где-то там женщина в скафандре, — приторможено думаю я. — Как бы до неё не долетело. Валентин ловко работает ногами. Тхэквандо?»

— Поехали, командир, — уже привычным доброжелательным тоном говорит Валентин. Он вальяжно расположился рядом со мной и по хозяйски осмотрел салон. — Нет-нет, разворачиваться не нужно. У нас там другой выезд. На Хуторскую. Вы город знаете?

— Думаю, да.

— Это хорошо, — хмуро отзывается дедушка с заднего сидения. — Сейчас столько пришлых в такси работает. Ездят по синей стрелке навигатора. Это нам не подходит.

— Мы торопимся, — поясняет его мысль Валентин. — Сколько там у вас по тарифу?

— Двести тридцать.

— Мы заплатим двести зелёных, если через час будем в Южном.

— Дык, в Черноморск вроде бы собирались?

— Мы передумали.

— А! — радуюсь я. И тому, что выехал из этого странного места, и тому, что получил понятные вводные. — Смена маршрута! Так бы сразу и сказали. Я сообщу оператору, пусть пересчитает.

— Это зачем? — хмурится Валентин. — Мы платим больше, чем насчитает оператор.

А я удивляюсь, что даже в таком, хмуром состоянии его лицо остаётся дружелюбным.

— Это чересчур много, — твёрдо говорю я. — До Южного мне трёхсот гривней достаточно.

— Ты какой-то странный таксист, — угрюмо хрипит сзади дедушка. — Бери зелень и будь счастлив, человек.

— Если возьму, стану соучастником неизвестно чего. Если откажусь — останусь водилой. Известное счастье лучше неизвестного. Вы не против?

Дедушка молчит, а Валентин с чувством произносит:

— Охренеть! Ты всегда такой нудный?

Отвечаю честно, как на духу:

— Только когда пахнет жареным.

— От нас пахнет жареным?

— Оставь парня, — неожиданно заступает за меня Иван Иванович. — Верно говорит и думает. И честно. Редкость в наши дни. Имя у тебя есть, водила?

— Алексей.

— Сообщи оператору, что считаешь нужным, Алексей. Порядок есть порядок. Молодец!

Смотрю на Валентина. Тот сверкает в улыбке зубом и разводит руками: «да ради бога!»

Тянусь рукой к планшету и вижу, что связь потеряна. На главной странице программа беспомощно перебирает варианты ай-пи только

что доступных адресов, но диагноз непоколебим: «статус водителя недоступен».

— Зараза! Только вчера пополнял счёт на планшете.

Пассажиры молчат. Снимаю с пояса мобилу. Валентин напрягся, но ничего не сказал. На попытку связаться с Админом робот ответил «нет связи с абонентом». Набираю номер Алёнки, — тот же эффект.

— Яма, наверное. Здесь нет покрытия?

— Она самая! — жизнерадостно подтверждает Валентин. — Яма!

Он достаёт свой телефон и демонстративно дважды нажимает кнопку вызова. Прислушивается. Через секунду изображает досаду:

— У меня тоже не ловит. Иван Иванович, а что у вас?

— Изжога у меня, — ворчит дедушка. — Надо будет где-то у магазина остановиться, купить воды.

Достаю из ниши двери початую бутылку минералки:

— «Поляна квасова». Только я с горла пил. Если не брезгуете...

Из-за спины показывается жилистая рука, покрытая чёрным волосом. Но смотрю не на волосы, смотрю на длинный коготь на большом пальце. Коготь заточен, зазубрен и вымазан чем-то буро-коричневым. Иван Иванович откупоривает бутылку и жадно пьёт.

— Вы лучше маленькими глотками. Тоже изжогой маюсь, лучше понемногу.

Дедушка смачно отрыгивает, в зеркальце вижу, как он вытирает ладонью губы.

Звонит телефон. У Валентина. Скептически приподнимаю брови, но пассажир ничуть не смущается: достаёт мобилу и смотрит на дисплей. Бледнеет. Вздрагивает, и будто становится меньше.

— Это Глеб, — отстранённо говорит он и облизывает губы. — Что ему сказать?

А я качаю головой. Мне-то казалось, что страшнее дедушки, который время от времени кряхтит у меня за спиной, ничего в мире нет. А тут ещё Глеб какой-то. То ещё, наверное, чудовище.

— Дай мне, — таким же бесцветным голосом говорит Иван Иванович. — Я сам с ними перетру.

Валентин с заметным облегчением передаёт ему трубку.

— Это я, Глебушка...

И замолкает. Секунда, вторая... минута. Вижу, как Валентин начинает разминать суставы на пальцах. Волнуется. Дедушка по-прежнему молчит. Слушает.

Наконец он отрывает от уха телефон и возвращает его доброжелательному Валентину. Тот смотрит вперёд и ни о чём не спрашивает.

— Ты дорогу хорошо знаешь, парень? — интересуется Иван Иванович. — Без навигатора вывезешь нас отсюда?

— Езжу по вдохновению и на слух, — запускаю привычную шутку,

но внезапно осознаю, что этим двоим не до шуток. И спрашивают не для поддержания разговора и не из вежливости. — Сейчас выедем на Хуторскую, потом мимо цементного и по окружной. Минут за сорок доберёмся.

— Сорок минут. Понятно.

Он снова замолкает. Валентин сидит ровно, без выражения пялится на дорогу, хотя солнце до слёз режет глаза. Опускаю ему козырёк, чтоб не слепило, а сам надеваю очки и с наслаждением окунаюсь в вечер. Но удовольствие длится не дольше мгновения.

— Вертолёт на подходе, — негромко говорит Иван Иванович. — А нам нужно избавиться от водителя.

Валентин опускает руку к поясу, но дедушка останавливает его:

— Нет. Не так.

Смотрю в зеркальце на дедушку, но вижу приближающуюся полицейскую машину с включёнными сполохами огней.

Валентин безошибочно угадывает моё беспокойство и немедленно оборачивается.

— Полиция, — негромко сообщает он деду.

— Принять вправо и остановиться, — рычит полицейский мегафон.

Рука автоматически включает правый поворотник, но левая нога Валентина уже вдавливает моей ногой педаль газа в полик до упора.

Мне больно, потому что лето. С мая по начало октября хожу в шлёпанцах, а езжу босиком. Доброжелательный Валентин топчет мне ногу, а я пытаюсь отодвинуть его локтем от себя.

— Вы с ума сошли! Что вы делаете?

— Не останавливайся, — ласково шепчет Валентин. — Нам, Алёша, нельзя останавливаться. Нельзя и всё тут. Понимаешь?

— Нет, не понимаю...

Я не успеваю пояснить ему своё недоумение: в рёбра упирается что-то очень твёрдое и злое.

— Это пистолет, — с жаром шепчет в ухо пассажир. — Если сбросишь скорость, умрёшь. Так понятней?

Да, это мне понятно. Я киваю, и давление на ногу и рёбра ослабевает.

Дед оттягивает мне ворот футболки, по груди на живот скользит что-то увесистое и холодное. Я с ужасом думаю, насколько близко его коготь от моей шеи...

— Выброси его, — бесстрастно приказывает дед Валентину. — Здесь, на повороте!

Я не успеваю ничего ни сделать, ни сообразить: дверь оказывается распахнутой, сильнейший толчок в бок, и я вылетаю из машины. Треск сучьев, искры в глазах и молнии солнечных пятен. Переваливаюсь через плотную стену кустарника и качусь по траве. Несколько

раз кувыркаюсь через голову, но всё-таки останавливаюсь. Мимо, за кустами, пролетает полицейская машина, истеря покрывками и сиреной. Первым делом хватаюсь за шею. Цела вроде. Приподнимаюсь на четвереньки, отплёвываясь от паутины и сухого мелкого хлама, который теперь у меня всюду: на голове, в ушах, в глазах... несколько раз чихаю.

Неожиданно приходит осознание: «Господи, у меня только что угнали машину!»

Хватаюсь за живот. Пусто. Футболка выбилась из-под ремня. Как был, на четвереньках, ползу обратно. Благо следы моего приземления хорошо заметны. Да. Вот он. Чёрный пакет прямоугольной формы, туго перетянутый красным скотчем. Специально для таких случаев паковали? Чтоб быстрее найти? Или бомба? Хотели бы убить, пристрелили бы в машине. Или ногтем по шее.

С третьей попытки удаётся оттянуть и надорвать краешек полиэтилена. Пачка столларовых купюр. Приличная пачка. И на «куклу» не похоже. Почему-то не удивлён.

Поднимаюсь на ноги.

Голова всё ещё кружится, но я точно в норме. Осматриваю руки: да, поцарапался изрядно. Лицу тоже досталось: горит. Ощупываю пояс: сумка с вырубкой и документами — на ремне.

Начинают дрожать колени. Сверху прилетает грохот низко летящего вертолётa. Я осаживаюсь в траву. А потом ложусь на спину. Сквозь ветки деревьев проскакивают голубые пятна неба. Слышен шорох листвы, где-то рядом поскрипывает кузнечик. А я лежу и с ужасом припоминаю, чего я ещё возжелал за это утро. «Всё отменяется, Господи! — шепчу и не верю, что Он услышит. — Ежели я ещё что-то хотел, то не нужно. Есть там у тебя глобальный Delete какой-то? Отмени, всё отмени, хватит...» И уже вслух кричу, почти реву:

— Я больше не буду!

Кричу и всё лучше понимаю, что остановки нет и не будет. Я буду всё глубже вязнуть в своих путаных желаниях, которые начнут исполняться самым ужасным и неожиданным образом. А потом сдохну, умру мучительной смертью где-нибудь под высоким бетонным забором с перепиленной ногтем артерией на шее. И только потому, что какая-то чернявая дура с золотыми зубами неправильно поймёт или перевертёт при передаче мои желания и мотивы...

Наверное, я какое-то время был не в себе. Потому что не сразу распознал звонок мобилы. А когда понял, что звонит мой телефон, не с первого раза нашёл его на поясе. В футляре, на ремне

— Триста седьмой, слушаю вас.

— Вы звонили, триста седьмой, — далёкий родной голос. Кажется, самое время расплакаться. — У меня твой неотвеченный, Лёшик. Не

знаю, почему не услышала. Вроде мобила рядом. Ждала твоего звонка. И не услышала. У тебя всё в порядке? Тревожно как-то...

— Да, милая, — шепчу в трубку. — Выходи за меня замуж.

Пауза.

— Что? Что ты сказал?

— Выходи за меня замуж, Алёнка.

Снова молчит. Слышу сопение. Быть беде. Если Алёнка сопит, значит, закипает.

— Такие вопросы нужно обсуждать лично, Алексей. И уж точно не по телефону... — и вдруг совсем другим тоном: — Это Ксюха тебе рассказала? Вот зараза! Я же просила её...

— погоди, родная. О чём твоя сестра могла мне рассказать? Я не знаю чего-то важного?

Пауза. Молчит. Думает. И сопения не слышно.

— Ты никогда не врал мне, Потапов, но если это будет первый случай, я тебя убью!

— Аллилуйя. А теперь рассказывай. Или я буду молчать, пока не признаешься...

— У меня задержка, — она всхлипывает.

Я, кажется, тоже.

— Уже две недели. А сегодня утром тошнило. Ксюха дала тестовые полоски, но я пока не решилась...

«Боже! Спасибо тебе! Какой же я червь рядом с твоей щедростью»...

— Приезжай за мной, милая. Вместе пописаем на Ксюхины полоски. Это будет лучшим приключением в нашей жизни. А медовый месяц проведём в тропиках. Я костюм надену...

— Что с твоей машиной?

— Продал.

— За сколько?

— Вместе сосчитаем. По Грушевского доедешь до кладбища и направо, на Хуторскую. Как повернёшь, позвони, я уточню, где нахожусь.

— Ты не знаешь, за сколько продал машину? — чувствую, как она хмурится, — ладно, это потерпит. Скажи ещё раз, что наш брак будет не по залёту.

— Ну, разве что по взаимному, родная. Мне тут тоже пришлось немного полетать. Выезжай. Я иду тебе навстречу... босиком.

ВАЛЕРИЙ ЦУРКАН

ДИТЯ МОРЯ

Михель сидел у моторной лодки и перебирал карбюратор. Последние два дня техника барахлила, и он опасался, что мотор заглохнет вдалеке от берега. А плыть на вёслах в лодке, до бортов нагруженной рыбой, это дело не из лёгких. Его сосед Стефан настоящий лентяй — вместо того, чтобы потратить полчаса на лодку, он лучше в кабаке посидит, а потом с моря на вёслах возвращается. А он, Михель, не пожалеет времени, чтобы потом не было лишних неприятностей.

Михель дёрнул шнур, мотор два раза чихнул, плюнул едким дымом в лицо и затих. Пришлось снова разбирать карбюратор. Нет, подумал Михель, так дело не пойдёт! Со следующего улова нужно обязательно съездить в город и купить новый.

Год назад утонул в море Марлин, отец Михеля. Море тогда было спокойное, что там произошло, никто толком не знает. Стефан говорил, будто он видел, как из воды вылезли щупальца спрута и опрокинули лодку, но разве можно верить этому пропойце? Он и не такое выдумывал! Перевернутую кверху дном лодку прибило к берегу, и кто-то из рыбаков приволок её к деревне, а отца так и не нашли. Все заботы легли на плечи Михеля. Одному, без помощников, работать было тяжело, но что тут поделаешь — брат и сестра были ещё слишком малы, чтобы ходить с ним на лодке. На рассвете он помогал матери отвезти рыбу на рынок, после чего уходил в море и возвращался, когда сронце пряталось за горным хребтом.

Его семье везло на утопленников. Когда отцу было пятнадцать лет, в море утонула бабка Михеля, да ещё и дочь с собой на дно утянула. Отец был с ними, он пытался спасти сестру и мать, но и сам едва не утонул. С тех пор он не очень-то любил море, но оно кормило семью, и приходилось рисковать. А потом и он на дно ушёл. Михель не мог простить этого морю. Не мог. Но... Море, он любил его, но любовь эта была какой-то ненормальной. Ведь оно забрало жизни самых близких ему людей. А он все равно продолжал его любить. И не мог без него жить. Будто они с ним были одной крови, будто в венах Михеля текла не человеческая кровь, а соленая морская вода.

Михель снова попытался завести мотор, но тот, сердито пофырчав, пыхнув колечками сизого дымка, работать отказался. Михель раздражённо бросил в лодку гаечный ключ, сел на тёплый песок и закурил. Он смотрел в синеву моря и думал о том, что без лодки будет совсем туго. Из-за какого-то карбюратора им придётся голодать. Нет, нужно разобраться с мотором, иначе он останется без заработка. Михель вдавил окурки в песок и решительно поднялся.

Вдруг он увидел в море чью-то голову. Кто-то подплывал к берегу, неторопливо взмахивая руками. Вскоре Михель понял, что это девушка. Её распущенные огненно-рыжие волосы разметались по поверхности воды, и казалось, что это солнце качается на волнах, а никакая не голова. Девушка была ещё далеко от берега, но он отметил её красоту и понял, что она не местная — в их посёлке таких красавиц он отродясь не видел. Говорят, что очень красивыми были его тетка и бабушка, но от них даже фотографий не осталось — в то время в этом богом забытом углу толком и не знали, что такое фотоаппарат.

Михель пригляделся к плывущей девушке, и ему показалось, что за ней всплескивает дельфиний хвост, но что только не померещится, когда ты молод! Она вышла на берег невдалеке от моторной лодки и, заметив Михеля, лёгкой походкой пошла к нему. Девушка будто летела над песком, настолько легка была её поступь. Одета она была в короткий сарафан, облепивший её стройную фигуру и сандалии на босу ногу. Она приветливо помахала Михелю рукой и присела рядом с ним на песок.

— Здравствуйте, — сказала она, голос её колокольчиком прозвенел во влажном солоноватом воздухе.

— Здравствуйте, — ответил Михель, не сводя с неё глаз. — Я вас раньше не видел. Вы откуда?

— С моря, — улыбнулась она и махнула рукой в неопределённом направлении.

У неё был странный акцент и Михель подумал, что она с Острова, там часто останавливаются иностранные туристы. Но чтобы вот так запросто доплыть от Острова до берега, да после этого разговаривать, как ни в чём не бывало? Она ведь совсем не устала! И не задыхается ничуть! Наверняка она каталась на лодке или яхте. Михель глянул на море, но увидел лишь чуть выгнутую линию горизонта, ни одного паруса. Его это удивило — такое расстояние в силах был проплыть только он, Михель, да его отец. Никто больше на подобные рекорды не замахивался.

— Вы хорошо плаваете! — заметил он, убедившись, что она действительно проплыла немалое расстояние.

— О, я очень люблю плавать! — в её зелёных глазах засверкали озорные искорки. — Я рождена морем.

— Рождена морем?

Михель не понял, о чём она говорит. Она что, правда, родилась в море? Или просто очень любит воду?

— Да, именно морем! — сказала она и протянула ему руку. — Меня зовут Олейла.

— Михель, — он осторожно пожал её хрупкую ладонь, пальцы её были тонкими и прозрачными, сквозь кожу он видел голубоватые жилки.

— А что вы тут делаете? — спросила она, разглядывая его лодку.

— Я рыбак, — лаконично ответил он.

Олейла приподняла подбородок.

— Рыбак? Вы убиваете рыб?

— Что значит, убиваю? — обиделся Михель, но, сообразив, что перед ним иностранная туристка, поправил её. — Я ловлю рыбу.

— Ловите, а потом убиваете. Не так ли? — Олейла посмотрела ему в глаза, и от её взгляда Михелю стало не по себе.

— Должен же я чем-то жить, ведь это моя работа, — сказал он. — А вы, наверно, вегетарианка? Или из этих, зелёных?

Олейла промолчала. Отвернувшись от него, она задумчиво смотрела в море и просеивала между пальцев золотистый песок.

— Вегетарианка? — переспросила она, когда он решил, что ответа уже не услышит. — Нет, я не вегетарианка. А зелёные, это кто?

— Ну, эти ... Гринпис.

— Зелёный мир? — Олейла подняла руку, и приставила ладонь козырьком ко лбу, прикрывая глаза от солнца. — Нет, мой мир синий. Значит и я синяя. Не зелёная. А вы не любите вегетарианцев?

— Глупости! — Михель рассмеялся.

Увидев, что он смеётся, Олейла улыбнулась.

— Я бы отвёз вас обратно, но на моей лодке сломан мотор, — сказал Михель.

— Обратно? В море? — спросила Олейла.

— На Остров. Вы ведь с Острова? — он показал рукой в сторону едва обозначившегося над горизонтом холма.

— Нет, я же вам уже сказала, — девушка улыбнулась уголками губ. — Я с моря.

— Не в самом же море вы живёте! — Михель не мог понять, шутит она, или нет.

— В море, — Олейла вдруг вздохнула. — Но я назад не могу. Мне нельзя назад.

— Почему? — Михель придвинулся поближе, ему стало интересно.

Девушка выбрала в песке ракушку покрупней, повертела её в руках и бросила в воду.

— Папа послал меня на берег. Здесь я должна выйти замуж.

— За кого же? — поинтересовался Михель.

— Пока не знаю, — она пожалала плечами. — За человека.

Ох уж эти туристки! Обязательно им нужно выдумывать какие-нибудь истории! Михель привык к иностранкам, которым хочется экзотики. Он всегда был готов помочь изнывающим от безделья нимфоманкам.

— А за меня выйдете? — он принял условия игры.

Олейла его поддержала.

— Можно и за вас, — сказала она. — Но я не буду вас любить. Я люблю другого. Но выйду за вас. Если вы захотите, конечно.

— Вы шутите? — спросил её Михель.

— А вы? — вопросом ответила она.

— Да, — честно признался Михель.

— А я нет! — сказала Олейла, и Михель вдруг осознал, что она говорит абсолютно серьёзно. Не то чтобы он в этом убедился, скорее всего, почувствовал, как настоящий рыбак чувствует, что сейчас косяк тунца пойдёт в сеть.

Михель снова закурил и предложил сигарету Олейле. Девушка повертела бумажную трубочку в пальцах, и с отвращением вернула назад.

— Вы странная, — сказал Михель, рассматривая успевшие высохнуть рыжие волосы. Наверняка именно это она и хотела услышать. Романтика!

— Папа тоже всегда так говорит, — ответила Олейла.

— А кто ваш папа, если не секрет? Хотя, подождите, можно я сам догадаюсь?

Михель сделал вид, будто напряжённо думает. Увидев его смешно наморщенный лоб, Олейла прыснула со смеху.

— Он нефтяной магнат? Или нет! Ваш папа капитан подводной лодки! Верно?

— Не угадали! — Олейла сняла сандалию и смахнула со ступни песок. — Он подводный царь.

— И кем же он там правит? — спросил Михель. — Кальмарами?

— Вы зря смеётесь, — Олейла надула губки. — Вы думаете, что я вру?

— Нет, что вы! — Михель, прищурившись, посмотрел на девушку. — Я думаю, что вы шутите. Я над вами совсем не смеюсь.

— Но я не шучу. И не вру. Папа правит нашим народом, — Олейла не отрывала взгляда от моря. — Мы живём на морском дне. Папа рассказывал, что когда-то мы жили вместе — люди суши и наш народ. Но потом что-то произошло и нашему племени пришлось уйти под воду. А ваше осталось на суше. Или наоборот. Не знаю точно. И никто не знает.

— Но зачем же вы приплыли сюда? — поинтересовался Михель, не понимая, для чего она всё это выдумывает. — Выйти замуж? У вас своих женихов не хватает?

Девушка посмотрела на него как на дурачка, которому объясняй, не объясняй — всё равно ничего не поймёт.

— Время от времени надо обновлять кровь, — пояснила она. — Раз в пять поколений одна девушка покидает наш город и отправляется на сушу. После того, как она находит себе мужа, то остаётся жить с ним до тех пор, пока родившемуся ребёнку не исполняется пятнадцать

лет. Потом она вместе с ним возвращается на родину.

— Это значит, что она бросает своего мужа и лишает его сына или дочери? — спросил Михель, ему эта игра уже надоела, и он думал поскорей перейти к делу.

— Что тут поделаешь, таковы законы нашего народа, — Олейла будто и не спешила начать то, ради чего она сюда приплыла. — Бывает и так, что не все дети соглашаются покидать сушу. Их находят и забирают.

— То есть, их вырывают из той жизни, к которой они привыкли? Но это жестоко! — Михель словно забыл, что всё это шутка, а может быть, настолько включился в игру, что поверил этой странной туристке.

— Да, жестоко, но таковы правила. — Девушка приблизила своё лицо к его уху, и Михель уже было подумал, что она решила перейти к действиям, но она продолжила свою болтовню. — Нашему народу нужна свежая кровь. Тем более нельзя оставлять своих родичей на суше.

Михель был недоволен собой. С последней туристкой они болтали не более пяти минут, да она и сама после нескольких фраз открыто заявила, чего от него хочет. А с Олейлой он беседует уже четверть часа, и никакого результата. А ведь ему ещё моторку нужно в порядок привести.

— И как же они это делают? — спросил он, смутно догадываясь, что у девчушки просто не все дома, и никакая она не нимфоманка. Уж он этих иностранок, повёрнутых на любви, перевидал немало! Скольким из них он подарил праздник тела и души, скольких он распластал на этом пляже! Олейла на них совсем не похожа.

— Действительно, способ этот слишком жесток, — девушка зарыла обе руки в горячий песок, и продолжала вести себя, будто её интересует только выдуманная сказка. — В прошлом году ловцы утопили лодку, в которой плыл потомок нашего народа. Он сопротивлялся, не хотел покидать мир, в котором привык жить. Но если кто попадает в наш город, то оставить его уже не в силах. Говорят, что этот человек был рыбаком и у него даже есть семья. Сейчас ищут его детей, ведь они тоже нашей крови.

Михель понял, что с ней у него ничего не выйдет, только время зря теряет. Чокнутая какая-то!

— Слушайте, а зачем вы мне всю эту дребедень рассказываете? — не выдержал он. — Думаете, я поверю в эти сказки?

Олейла посмотрела на него затуманенным взглядом.

— А вы не верите? — печальным голосом спросила она.

Это окончательно вывело Михеля из себя.

— Да кто же в это поверит? — грубовато сказал он. — Тем более, у меня времени нет, мне нужно лодку починить.

— Папа мне говорил, чтобы я выходила замуж только за того, кто мне поверит! Печально, когда любишь одного, а замуж надо выходить

за первого встречного, — Олейла встряхнула головой и — будто всколыхнулось пламя свечи — её волосы засверкали в лучах вечернего солнца. — Ну, раз вы мне не верите, тогда я поплыла дальше. Здесь где-то рядом ещё острова есть, — она похлопала лодку по алюминиевому борту. — Кстати, эта лодка мне знакома. Я её уже видела, в прошлом году. Прощайте!

Олейла поднялась на ноги, лёгкой поступью подошла к волнам, слизывающим песок с пологого берега и, не торопясь, вошла в воду. Она зашла по пояс и поплыла. Движения её были размеренны и грациозны, словно девушка всю жизнь провела в воде. Отплыв от берега метров на пятьдесят, Олейла помахала Михелю рукой, что-то крикнула и, взмахнув дельфиньим хвостом, ушла в глубину.

Он сидел, курил, думал, и смотрел в море. То ли у девчонки с головой не в порядке, то ли он упустил своё счастье. Докурив сигарету, он привычным движением втоптал окурочек в песок и вернулся к лодке. Нужно было сделать карбюратор, иначе завтра он не сможет выйти в море.

МАРИЯ АКИМОВА

ГОРОД

Он только охает, а пальцы смыкается на лезвии ножа, воткнутого в грудь. Следующий удар приходится в живот. И еще один. И снова, и снова... Без счета. Без остановок. На мостовую хлещет темная... густая... Он падает. Тихо. Словно случайно отброшенная тень. Под ноги этим... Совсем черным в темноте... Они хрипят, улюлюкают, бьют сапогами, с хрустом давят пальцы.

Я вжимаюсь в угол дома. Мне хочется броситься к ним, раскидать, разорвать в клочья каждого. Еще хочется убежать. Не видеть... Не видеть его белую руку на земле. Хочется закричать, чтобы и меня нашли. Плевать, насколько больно умирать под их ударами. Плевать... Но я молчу. Шершавый камень царапает спину сквозь рубашку. Сопящая прожорливая многоголовая зверюга беснуется в паре десятков шагов. А мне не хватает сил сделать хоть один ей навстречу. Даже вздохнуть нет сил...

Что последнее он сказал мне? Кажется, «подожди, гляну за тем сараем». И все? Что ж они, последние слова, такие... случайные. Нет, он еще крикнул: «Беги!» и вышел к ним навстречу. Наверное, тогда его уже увидели. Наверное, тогда нас уже нашли.

«Беги! — звенит в ушах. — Беги! Беги! Беги!!!»

Тело будто колода, ноги — два мельничных жернова. Неповоротливая туша. Тупая оболочка. Никчемная. Переваливается за угол, медленно бредет прочь. Пошатываясь. Не видя. Кто-то голосит: «А второй-то?! Он где-то здесь!» И снова ревом пламени отзываются сотни глоток. Сейчас примутся искать. Пускай. Все равно. Но тело упрямо тянет прочь, пригибается, заползает под настил над сточной канавой. Он слишком мал и слишком низок для того, чтобы спрятаться. Сюда не заглянут. Подтягиваю колени к подбородку, сворачиваюсь в мутной грязи, пахнущей мочой и помоями. Закрываю глаза. Нужен еще хотя бы один вдох... Мне нужно дышать. Кто-то с ревом пробегает по гнилым доскам. Те проминаются, бьют по голове, впиваются в ребра. Наверное, больно. Закрываю глаза. Пытаюсь представить, что это я умер.

* * *

— Вы — странники?

Прозвучало как «вы странные». Мы странные странники.

Девчушка улыбалась во весь рот и рассматривала нас безо всякого стеснения. Хорошенькая. Еще год-другой, и станет ссориться с сестрой

из-за женихов. Мать дернула ее за руку, отвела в сторону, принялась заплетать непослушные кудри, что-то тихо и зло ей выговаривая. И незаметно бросила за плечо щепотку соли от сглаза. Ей казалось, что незаметно, но поймав мой взгляд, все поняла, вытянулась струной: «Я здесь хозяйка. Не нравится, ступай прочь». Отвел глаза. Будь я без него, и ушел бы.

Мы с ним отличаемся как ветер и пламя. Ветру все рады: он приносит дожди. Потом уносит дожди. Наполняет паруса, крутит крылья мельниц. А что до бурь, любой, кто с ними знаком, предпочтет бурю полному штилю. Вот так-то. А огонь по сердцу разве что в очаге. Да и то камнем обложенный и железом отгороженный. Поэтому я все больше отмалчиваюсь.

— Спасибо, что приютили, — сказал он за нас обоих.

— Да чего там, — замялся старик и снова с тревогой в оконце глянул.

— Нас никто не видел, — улыбнулся он и благодарно кивнул старшей из дочерей дома, что поставила на стол плошки и горячей похлебкой. Пар от еды веял густой, пряный, на хлеб мажь и ешь. А девка от одного кивка зарделась, вытянулась и, словно случайно, словно о хозяйстве к ночи вспомнила, замелькала туда-обратно в неровном свете масляной лампы.

— Это у нас-то не видел? — не сдержавшись хозяйка в сердцах гребень под ноги швырнула. — Огромный город, кто-то да заметил. Ох, беда-беда...

— Не блажи, баба! — прикрикнул на ее старик, и глаза из-под курстистых бровей сверкнули двумя углями среди пепла.

Жена закусила край передника, и подвывая да младшенькую в спину подталкивая, за занавеской скрылась.

— Не слушайте вы ее... — словно извиняясь, протянул хозяин. — Где видано, чтобы в такую-то ночь да за порогом оставить... Отдохнете, поедите, и ничего... Ничего...

Женщина сидела, не зажигая огня, и чутко прислушивалась то к разговору, то к звукам с улицы. Все ей мерещилось: грохнут в ставни, станут на пороге, призовут к ответу. «Кого в дом пускаете, почтенные?!» И ладно, говорливый этот еще сошел бы за простого путника, но второй. Один взгляд вскользь бросишь, и понятно, кто перед тобой. Ох, грехи наши тяжкие.

— Мама, — дочка сверкнула в полумраке глазами, — а они же... да? Они... ну...

— Спи, наказание! — отчаянно зашипела женщина, и девочка, испугавшись самого страха, юркнула в постель.

Но не уснула — как тут уснешь? — лежала тише мыша под тяжелым одеялом, душно пахнущем овечьей шерстью, и слушала, как

заглянула сестра и просила не шуметь, как уговаривала ее мать не ходить к гостям, как вместо покорного послушания сердито хлопнула занавеска, как усталый женский голос принялся перебирать, нанизывал молитвы одну за другой на длинную нить бессонницы. И вот уже потяжелели веки, и слова стали неразличимы друг от друга, и кажется, что приснился ей стук в дверь, то ли испуганный, то ли облегченный вскрик матери и голос соседа: «Не к вам ли это гости нагрнули?»

Стоит в чужом дворе, как в собственном, глаза наглые, изо рта винищем смердит. Трезвый не отважился бы заявиться. Трезвого один раз только видел, тогда же и поворотил... в зашей. Тоже удумал, старшую сватать. Не для тебя, охальника, растил.

Старик весь проем дверной спиной закрывал. Тих был дом его, погасили свет на всякий случай, но все одно опасно. Вдруг да заметит чего дурень.

— Что ж на порог не пускаешь, сосед? — осклабился детина. — Не хочешь покой гостей тревожить? Так я тишком в сторонке посижу, не помешаю.

— Совсем ты разум пропил, Тено, — покачал головой хозяин. — Какие в такую пору гости? И не звали никого... Ночь на дворе, спят все добрые люди.

— Так то добрые, — сощурился нехорошо Тено-горшечник, и носом здоровущим да таким красным, ни одна темнота не скроет, в воздухе повел. — То люди. А уроды всякие... Ходят, стучатся. Кто послабже духом, тот, случается, отворяет.

— Устал я от тебя, сосед, ни ума в тебе, ни порядка. Вот отец твой...

— А ты в меня отцом не тычь! — вскинулся здоровяк. — Еще поглядим, кто тут без ума! Еще увидим! Из твоего дома духом грозovým веет! Ха-ха! Съел? Тено дурак тебе? Тено не понимает? Поглядим!

Тяжело застучали сапоги по утопанной земле двора, грохнула калитка, и зычный голос понесся над улицей, изрыгая проклятья и тревожа людской покой.

— Надо уходить, — тихо сказал я, отбрасывая в сторону козью шкуру, под которой — что ж за жизнь такая? — успел пригреться.

Он поехал, кивнул. Едва порог переступили, уже бедой заразили дом. Вот так-то.

— Да куда вам? — выскочила с женской половины старшая дочка. Мать шипела ей вслед, за руку хватала, но та только ладонь вырывала, отмахивалась, будто в самом деле грозой передышала.

— Как все уроды, подальше от жилья человеческого, — усмехнулся я.

Она отшатнулась от моей улыбки. Обычное дело, даже не обидно уже.

* * *

Пальцы давят грязь, она, причмокивая, глотает их и пузырится недовольно, отпуская обратно. Гниль и смрад. Кругом одни гниль и смрад. Нет здесь воздуха. Во всем городе нет. «Тебя не найдут, к старику в дом нагрянут», — шепот за правым плечом. «Нагрянут», — киваю, прядь волос скользит со лба, увязает в жиже. «Выходи, — шепот за левым, — Чего разлежся?» И снова правы. Распрямляю спину, выбиваю трухлявые доски. Выгребаю себя на себя уже не похожего. Всю одежду пропитала гнусь, по лицу течет, заливает глаза. Нужно идти... Старик, да. Девчонки его. Жена... Нужно идти. Нужно туда... Но стою на месте. После оборачиваюсь и возвращаюсь назад.

«Стой!» — шепот за правым плечом, и за левым ему вторит другой, — «Стой!»

Прочь пошли. Не до вас мне.

В темноте не различить где тени, где кровь. Везде кровь. Подошвы липнут. Его тела почти не осталось. Где не порвали, там пожгли. Вместо лица... Ничего. Провал. Обломки костей и месиво. Лучше уж так. Так лучше, да. Не хочу видеть его глаза мертвыми. Так лучше. Так просто мясо. Обычное мясо, в которое они забивают скот.

В груди клокочет. Дерет горло. Трещит в висках.

«Не надо», — просят за правым плечом.

«Поздно», — вздыхают за левым.

Этот город стал ему могилой? Ну, что ж, могилой, так могилой.

Ватная тишина отступает, слышу крики и брань. *Эти* все шарят в ближайших подворотнях, думают, буду прятаться. Улыбка кривит губы, а рядом никого, чтобы испугаться.

Пальцы вслепую шарят вдоль стен. Камень царапается, кусается, осыпается пылью. Длинный след покалеченных, исцарапанных домов остается за спиной. Мне нужно знать: каков этот город на ощупь. Такое же барахло, каким и кажется.

Знакомая калитка робко отступает. За окошками приземистой хибары темно, но, известное дело, никто не спит. Как тут спать? Гудят улицы, факелы мелькают будто бабочки вокруг фонаря. Еще не додумались сюда завалиться, но то — дело времени. В чью-то голову да придет мысль светлая. И в доме знают об этом. Чего ж вы жили-то среди *таких*, а?

Старик, не разбирая кто дверь отворил, вылетает навстречу. В руках дубина, но держит он ее... Нет, не боец. И размахнуться толком не умеет. Перехватываю его руку, притягиваю хозяина ближе. Он узнает, вздыхает с облегчением и тут же рукавом лицо прикрывает. Да, разит от меня, что из ямы выгребной.

— Как же вы...

Что, запачкался как? Талант не иначе.

Отмахиваюсь:

— Не важно. Собирайтесь!

— Куда? — все голоса в одном вопросе слились, только старшая девка и прибавила тихо: — А с другим-то что?

Не нужно! Не сейчас! В груди рвется, клокочет, давит и жжет. Не сей час!! Сжимаю кулаки и через силу выдыхаю:

— Собирайтесь.

— Но почему мы должны?! — вскидывается старуха. — А?! Одного, видать, поймали, так и этого гаденыша изловят! Эй, лю...

— Мама, ты что?! — обе дочери бросаются на нее, повисают на плечах, обвивают, шагу не дают ступить.

Она оседает под их натиском, только беспомощные едкие слезы текут по ладошкам, зажимающим рот. Сестры бормочут ей что-то ласковое, прощения просят, но не отпускают. Старик гаркает на всех разом, понять не понимает, но чувствует беду. Как зверь, что от земной тряски из под крова уйти старается. Умолкают женщины, покоряются, тихо и скоро увязывают барахлишко в платки. То за одно хватаются и бросают, то о другом вспоминают и опять бросают. Больше мечутся. Хозяин спокойно сумку с инструментом с крюка снимает, забрасывает на спину. Видать, не впервой ему.

— Уведу *тех* к северным воротам, а вы через восточные. И назад не глядите. Не нужно.

— А ты как же? — спрашивает вдруг.

Отворачиваюсь, гляжу в ночь, изукрашенную всполохами. Старик касается моего плеча и отдергивает руку, будто обжегшись.

— Что ты задумал, парень?

— Ничего, — отвечаю. — Дышать мне нечем.

Он не понимает, конечно. Ох, дотянуть бы до утра, дать им время скрыться. Добрые люди, чтоб их разорвало! Ведь струсили бы да прогнали, и обошлось бы. Не случилось. Куда бы нам еще? Один здесь и был приют. Эх, доброта беззубая, тварь старая.

Ноет в груди, вспучивается волной до хруста в костях. Сухой, трескучий кашель рвет тело, тревожит соседских собак. Те остервенело брешут, воют, рвутся на привязях, клочья пены летят на изгороди и остывшую землю. Факелы, что беспорядочно мелькали в паутине улиц, замирают, разгораются ярче и вереницей оранжевых муравьев тянутся на шум.

— Вышло время. Бегите! — бросаю через плечо и срываюсь с места, молотя кулаком по заборам, зля псов и разбивая костяшки в кровь.

«Беги!» — звенит в ушах его последний крик. А что мне еще? Этых-то спасти нужно. Ты бы стал их спасать, а я только за тем и пришел, что ты бы так сделал. Но остальное — лишь мое. «Остальное — лишь ты», — поправляют за правым плечом. И оттуда же, справа накатывают

бурые тени, потрясая огнем над головами. Топчутся. Замечают. Замирают. Не верят. Напирают. Ликуют. И с ревом следом. Дальше. Дальше! Прочь от старика с его бессильной добротой. От старухи с бессмысленной злобой. От старшей с бесплодной любовью. И от младшей — безгласой. Дал им время. Все, что мог.

Волной катит толпа. Улюлюкает, ревет, трещит.

Задыхаюсь. Ныряю под арку. Вжимаюсь в тень. Пропускаю особо ретивого. Бью поддых, с ног сбиваю, затыкаю глотку узкого проулка и бегу. Без оглядки. Проклятья летят над головой. И камни следом словам. Гудит, вспухает толпа, сама себя давит, квашней выползает. Но медленно. Слишком медленно. Уже ушел. Упустят. Замедляю бег. Ловите. Чего там?

Сверху, с крыш летит крюк. Впивается в плечо. Веревка дергает, железо рвет тело. Смех. Гортанный, будто воронье разошлось. Срываю кожу с ладоней вцепляюсь в пеньку. Тяну раз. Другой. Цепляюсь ногами за балку и, срывая жилы, дергаю. Ослабевают путы. С криком летит тело. Разбивается о мостовую. В отметки, в мясо. Вырываю из плоти крюк. Кровь не унять. Не до того. А от боли только светлее стало.

Бегу. Бегу. Поворачиваю. Пугаю. Отшатываюсь. Бью. Бегу. Задыхаюсь. Сердце бухает в ребра. Трескаются губы. Застилает глаза. Бегу. Бегу.

Хватило бы сил до рассвета. Мне теперь. Только рассвет. Нужен.

* * *

Каменная кладка совсем остыла за ночь. Высокой стеной обнесен город. Ни одному врагу не прорваться внутрь. Хорошее дело — высокие стены. Надежное.

В голове пусто и холодно. И телу холодно, и сердцу пусто. Светлеет. Сам удивляюсь, как сумел. Теперь-то даже не встать. До самого дна растратился. Вот так-то...

«Не сумеет», — выдыхают за левым плечом.

«Не сумеет», — вздыхают за правым.

Поглядим. Не один я тут. Этим тоже право голоса положено. Голосят, выходит, и право на то имеют.

«А если тут есть другие?» — шепчут за левым плечом.

«И где же они были?» — отзываюсь.

«Не все в этом мире герои».

Смеюсь в ответ, от боли и озноба ойкая. Вот уж мне эти «не все герои», которые почему-то всегда «другие». Какие? Те же людоеды, только руки моют чаще. Сами в драку не полезут, других осудят, но... Но... Но... Погоняй коней! Не гляди по сторонам! Не пачкайся в чужой грязи. Мы ведь «другие» — тихие, мирные. Добрые. Что такое доброта?

Это мира пестрота, это чья-то там улыбка, это песенка кота. И другая ерунда. Лишь бы делать ничего не приходилось.

«Стоит ли его распалать? Он и сам в этом хорош», — насмешливо бросают из-за правого плеча. За левым тишина.

Хорош-то хорош, да сил не рассчитал... Кружится голова, глаза закрываются... Глоточек бы воздуха, но нет мне больше дыхания... Ветер раздувает пламя, ветер его и умирят... Здесь больше нет ветра. Не того убили. Первым не его нужно было. Он один... ну, пошумел бы. Пошумел да простил. Всех прощал. Всегда. Не того убили... Выгорит сорная трава. Придут дожди. И вырастет трава новая.

«Откуда дождям?»

«Новая ли?»

Не разберу, откуда что звучит.

Лицо чужака от грязи и запекшейся крови казалось маской мертвеца. Только глаза цвета старого серебра горели ярко.

Занималось утро. Свежее и звонкое, что вода в ключе. «Воды бы», — шершавые языки терзали пересохшие губы. Головы гудели от недосыпа и хмеля, ныли ноги, факелы погасли и большей частью валялись где-то в глубине улиц. Вообще, вся эта история по утру... Гаденькая, в общем, история вышла. Безликая человеческая глыба рассыпалась на песчинки, и каждой хотелось убраться подальше. Да поскорее забыть обо всем.

— Ну, чего? — раздался чей-то неуверенный голос.

— Так поймали тварюгу. Не видишь чё ли? — ответ был сердитым, но тот, что говорил, больше на себя сердился.

— Вижу. И чего? Он, поди, скоро сам сдохнет.

И то ли от того, что сам, то ли от того, что недостаточно скоро, топтались на месте, не знали, куда деваться. Тут еще и горшечник — увалень толстозадый, что всех всполошил, — доковылял. Растолкал соседей, вперед высунулся. «Ыыыы!» — затряслась на губах усмешка. И отвернуться бы, не слушать, по домам разойтись, но будто пелену набросили, даже утро почудилось тусклым, зябким. Скверный-то денек наступал. Мутный. То ведь беда, беда в город заползла. Скверна и грязь. Сама земля гудит, требует очистить ее! Вопят камни! Беда! Сгниют на ветках плоды. Протухнет вода в колодцах. Птицы падут на иссохшие пашни, и такие чудовища полезут из мрака, что содрогнуться небеса. Как и позабыли-то! Тено, даром что без ума живет, напомнил. Да пошлют небеса жизнь долгую, доброму человеку сему.

И вновь заискрило, прежним духом потянуло.

— Вот он, урод! — ликующий, хоть и запыхавшийся голос, ввинчивается в уши и возвращает меня обратно.

«Мало, — думаю. — Неужто все, что осталось?»

— Ублюдок! Тварь! — визгливо несется из глотки, что весь мир пожрала бы, дай ей волю. — Погань! Травить таких! В клочья рвать! Живьем жечь! Живьем!

Отталкиваюсь, встаю во весь рост так быстро, что толпа отшатывается. Очень хочется увидеть того, кто крикнул: «Жечь!» Но все они одинаковые. Сотни лиц, слившиеся в одно — оскаленное, с лихорадочным блеском изголодавшихся глаз. Как они живут-то? От крови до крови? Пошатываюсь, но для них и то, что поднялся — преступление. А то, что не падаю — приговор. Мол, жалобил, обманом надеялся уйти от кары праведной.

Отхлынули на палец, накатились на локоть. Но не морской волной, тягучей лавой. Кричит лишь один, а во многих головах отзывается. Будто и сами всегда так думали. «Да, да! Жечь!» — щерятся рты. «Жечь!» — сжимаются кулаки. Гул рождается заново, обретает голос, полнится гневом. Отдается в моих жилах. Солнечный луч упирается в затылок, выталкивает к ним навстречу. Туда, где занимается жар.

Старая лампа, совсем худая. Фитилек короче мышинного хвоста. Чего ее гасить? Там и масла-то на доньшке. Подрагивает огонек, беспомощно вылизывает сухое дно, едва живой за лохматый шнурок цепляется. Сердится. Как же так? Был нужен — лелеяли, и вдруг бросили. Другую забаву нашли, а ты погибай. Дрожит, вспыхивает напоследок... и столб деревянный опалает. Бежит по нему, плохо струганному легкими искрами, вцепляется в полотенце. Славная тряпка, мясо жарили, руки от жира оттирали. Много ели, жадно. И ему оставили. Наливается пламя, тяжелеет, на стол срывается. Где пергамент разлеся царственно. Нет, не надолго это. Хорошие ли, худые мысли на тебе записаны, ни к чему разбирать. Все сгодится, что горит...

Все сгодится. Поднимается солнце над городской стеной. Поднимается жиденький дымок над хибарой доброго нашего хозяина. Из глубины чрева людского тоже поднимается... не разберешь злость или просто досада. Кричит толстый человечек, поводит красным носом в воздухе, будто крыса дурной болезнью всех сородичей заражает.

И некому больше сказать: «Они не звери. Просто день такой...»

Я тоже не злодей, просто день такой. Ну, а вы-то куда подевались? Эй, за правым плечом! Ау, за левым! И нет никого. Они занудствуют и вертятся рядом, пока живой, а как... исчезают, будто и не было. Все исчезают. Даже старик успел убраться, отсюда и не услышать, как ударила дверца в воротах. Едва заметно колыхнулся воздух и снова застыл. Пылят по дороге деревянные сандалии. И, подгоняя женщин своих, чуть слышно бормочет беглец: «Не надо было пускать. Кто ж знал, как обернется? Но не надо было... Уж сильно они отличались».

«Вы будто бы похожи», — слышит в ответ, и только пуще вперед ковыляет. Даже не оглядывается. Помнит.

И зачем тут все эти стены-ворота, если никто за ними не глядит?

Многоликий морок пляшет перед глазами. Ночью они были тенями, теперь у теней оказались лица. Лица на одно лицо, но вспыхивает то здесь, то там краска смущения. Они гасят ее, хмурятся, желваками играют. Не так-то легко при свете? Ладно, мне тоже времени чуть-чуть нужно, так что распаяйтесь, полнитесь гневом *праведным*. И *святой* ненавистью. И любой другой дрянью, которой вы себя разжечь можете.

Город — сам город, не жители его, — притих, затаился. Чувствую его всей кожей. Всей, что на виду и цела. И пока гомонят горожане, я врастаю в него, втекаю в раствор, вгрызаюсь в кирпич, сращиваю дерево и металл. Сам себе строю очаг. Ведь пламя по сердцу только камнем обложенное и железом огороженное.

В лицо летит комок грязи, шагов пять не долетает — оплывает, шлепается вниз с тем звуком, с которым коровы лепешки роняют. Как не улыбнуться? И тут уже не землей кидают, топором. Обух в десяти шагах добела раскаляется, в полете за миг каплями на землю стекает. А топориче пеплом рассыпается, заметить не успеваешь. Оттого и страшнее.

Жар окутывает, жалит, рвется во все стороны. Земля под ногами трещинами пошла, змеется она, свиваются, глотают мелкий мусор. Те из людей, что ближе стоят, прочь прянули, вминаются в толпу. Но продолжают лететь в меня слова и дрянь всякая. Недолго. Пока от жара не начинают трещать волосы и пот не выступает на лицах. Тогда замолкают. Тогда возвращается страх. И жалкая мысль о том, что небо их защитит. И взгляды поднимаются ввысь. На солнце. Недоброе. Кроваво-красное. Будто раскаленная головня. Да, вы правы в своем ужасе — небу нет дела до нас.

— Ну что? — трескаются губы, в горле першит, а в груди клокочет так, что уже ни скрыть, ни унять. — Ваша очередь убежать.

И запылала камни.

ДЕНИС СКОРБИЛИН

ТЕРЕМОК

«КАКОЙ ТЫ, НАФИГ, ТАНКИСТ?!»

Автомобиль успокаивающе покачивало на ухабах. Вот что значит хорошая подвеска — даже на сто сорока дорога не чувствуется. Сейчас бы расслабиться и помечтать о чём-нибудь, пока авто проглатывает километр за километром... Но Аркадий расслабиться не мог. Он ссорился с женой.

— А я говорила: «давай собираться!». А ты всё тупил со своими Фёдоровыми!

— Да нормально мы выехали, Анют, ну чего ты...

Ссора только начиналась, а Аркадий уже понимал, к чему всё идёт. Она сказала, он сказал, она сказала...

— «Нормально!»! Приедем поздно вечером, а мне ещё на работу собираться, и убирать кто будет, ты что ли?

— Да зачем убирать-то? Квартира два дня без нас стояла, не надо ничего убирать.

— Ну тебе-то точно не надо, привык жить, как в хлеву!

Здесь Аркадий почувствовал, как упирается в развилку. Если промолчать, ссора притихнет, как угли в остывающем костре. Конечно, они будут молчать и секса вечером не обломится, но и не больно-то хочется. Дома Аркадия ждали похмельные баночки пива в холодильнике и ноутбук с «Танками». Достаточно просто промолчать, и жизнь будет... ну, хотя бы привычно-сносной.

— Это где же я в хлеву жить привык? С тобой за три года, что ли?

Аня с шумом вобрала воздух в лёгкие. Эх, понеслась, подумал Аркадий, глядя на дорогу впереди. Старый, с выбоинами, асфальт мелькал в свете фар. Да, пожалуй, стоило выехать на полчаса раньше. Или даже на час. Но возвращаться с пикника не хотелось, ведь дома вечно одно и то же.

— ... палец о палец не ударишь! «Танкист»!

— Ой, ну вот не надо! Когда надо, я всегда впрягаюсь, и опять ты за «Танки» пилишь?

— У других мужья после работы в спортзал идут, с жёнами время проводят, а ты никак не навоюешься! Жирный стал, пиво хлещешь, смотреть на тебя противно!

— Ой, ну ты на себя-то посмотри, — Аркадий сосредоточился на дороге и автоматически проскочил развилку между лёгкой ссорой и Большим Скандалом. К пиву и ноутбуку добавился сон на диване в кабинете. — И, знаешь, давай не будем, как там у других, а то я тоже начну.

— Что начнёшь? — Холод в голосе жены заставил Аркадия всё-таки отвлечься от серой ленты асфальта впереди и сосредоточиться на действительно важных вещах. — Что ты начнёшь? С Фёдоровой сравнивать? Думаешь, я не знаю, чего ты на эти пикники таскаешься, а потом в туалете дочишь?

— Да ты... Что...

Аркадию в какой-то степени повезло, отвечать на колкий выпад Аньки не пришлось. Он слишком поздно заметил поворот, крутанул руль и на полной скорости влетел в яму. В первый миг Аркадию ещё казалось, что ситуацию можно выправить, главное, не отпускать газ, как учили бывалые мужики. Затем машина накренилась, её понесло. Анька глубоко вдохнула, но закричать не успела. Краткое ощущение полёта — и кувыркнувшийся «паркетник» влетел в дерево на обочине. Аркадий и Аня погибли мгновенно, поэтому не услышали взрыва и ничего не почувствовали, когда огонь добрался до их тел.

ПОВАРЕННАЯ КНИГА МАОРИ

Бомж Виталик не ел уже сутки, добавок после ботинок дальнобойщика зверски болело всё тело. Помня о беззаботной юности, когда у него ещё были зубы и кожа не приобрела землистый цвет от выпитого и прожитого, Виталий попробовал склеить дальнобойщика. Мужичок как мужичок, лет сорока, с плешью и строгим лицом правильного мужика — именно такие чаще всего и снимали молодого Виталика, чтобы пошатавать ему дымоход. Но то ли комплексы уводили потрёпанного «Камаза» оказались сильнее страсти, то ли чутьё Витали начал давать сбой от регулярных приёмов настойки боярышника, но вместо лёгкого секса и ещё более лёгких денег Виталик получил крайне весомых тумачков.

Оклемавшись, Виталик отполз с обочины в лес, где отлёживался и вонял, рассчитывая поймать на живца какого-нибудь зверька-падальщика. Но хитрый зверь не шёл, час пролетал за часом, и в желудке бурчало всё сильнее. Из голодного обморока Виталию выдернул рёв мотора и глухой удар, за которым последовал громкий хлопок. Бывалый бомж, не раз совершавший паломничества вдоль магистралей, немедленно поднялся на четвереньки и пополз на звук. Без сомнения, это авария и, значит, у него появился шанс разжиться деньгами или ещё чем-нибудь.

К разочарованию бродяги, он застал уже охваченный пламенем китайский «паркетник». Машина ярко пылала, огонь добрался до салона, где без движения лежали изломанные тела. Кошельки, телефоны и любые другие ценности, которые могли быть внутри, сгорели, и, по-хорошему, Виталику надо было рвать когти до прибытия полиции. Но он не ел так давно, а жареное мясо пахло так вкусно, так сладко, что бомж решил остаться и подождать, пока пламя уляжется.

Когда-то Виталий Вениаминович Кураре трудился аспирантом на кафедре этнографии в местном университете. И хотя потом его сманила дорога приключений, полная пьяных податливых бомжихи волшебных фанфуриков, мастерство не пропёшь. Перед глазами изголодавшегося алкаша возникли образы танцующих новозеландских маори, расписанных примитивными татуировками. Маори потрясали копьями, метя остриями в горящий автомобиль. Звёзды на вечернем небе моргали в такт невидимым барабанам, и ноги Виталия сами собой пустились в пляс. Ум-ум-хуца-хуца-ум-ум-хуца-хуца!

Мясо Ани порадовало изысканным вкусом. Сбалансированное правильное питание и фитнес не прошли даром. Зато Аркадий оказался не в пример более нажористый, а уж пожрать Виталик любил даже сильнее, чем кататься с дальнобойщиками. Набив пузо, бомж раскаялся, всплакнул, но услышав вдали рёв сирен, ретировался обратно в чашу. Там и заснул.

Утром, продрвав глаза, Виталик понял, что в его голове поселились новые жильцы.

ЧЕТВЁРТЫМ БУДЕШЬ?

Строго говоря, Спиридона нельзя было назвать бомжом. У него имелась однушка в центре, с неплохим ремонтом и оплаченной наперёд коммуналкой. Но там Спиридон появлялся в лучшем случае раз в месяц, чтобы помыться, разобрать электронную почту и посмотреть телевизор. Всё остальное время Спиридон «Сивый» жил полнокровной настоящей жизнью: дрался с другими бродягами на розочках, охотился на голубей и вместе со своим корешем Виталой снимал самых дешёвых проституток, каких только можно было найти. Пол значения не имел — начитанный Спиридон гордо именовался пансексуалом и трахал, кого хотел. Виталик и вовсе отличался довольно... эластичной моралью в вопросах сексуальных отношений.

Таким Спиридон был не всегда. Как и все, кто коротал жизнь между звёздами и теплотрассами, ему было что рассказать о прошлой жизни. Об удушливо-тёплом быту, чтобы как у всех. О капкане, в который превратились отношения, и как он с мясом вырывался на свободу. Но Спиридон ничего никому не рассказывал. Незачем ворошить былое, когда можно украсть в магазине бутылку вискаря и распить её с Виталиком.

Явившись на свалку, Спиридон сразу понял, что пить с Виталой они сегодня не будут. Корешан не сортировал мусор, отбирая пластик. Не спал. Не клеился к другим обитателям. Виталик сидел на стопке сложенных картонных коробок и монотонно раскачивался взад-вперёд. Спиридону сначала показалось, что ему послышалось, но он подошёл ближе и понял, что слух всё-таки не обманул: Виталик тихонько мычал

поднос одну протяжную ноту. Сразу вспомнилось, что Витала несколько дней назад ходил в лес и вернулся каким-то странным. Ещё Спиридон обратил внимание, что на этом участке свалки кроме них никого не было, хотя свежие порции мусора уже привезли. Намётанный глаз немедленно выхватил чугунную сковородку, радиоприёмник и моток кабеля, а также с десяток пластиковых бутылок. Однако никто не торопился забирать это сокровище. Где же все?

— Ну и долго ты будешь мычать? — резким, необычно высоким голосом спросил Виталик.

— Я? Э. Братан...

— Пока вы не уберётесь нахер! — Заорал друг своимобычным хриплым голосом.

— А нехер было ротяку разжевать, с-скотина прожорливая! — Виталик отвесил самому себе сочную оплеуху и тут же прошипел:

— Чья бы корова мычала, танкист грёбанный. Следил бы за дорогой, нормально доехали бы!

— А нефиг меня отвлекать! Вечно мозги долбишь! Долбишь, долбишь, долбишь!

— Ну так ты меня не слушаешь никогда!

— Братан, братан! — Спиридон подсел к Виталику и обнял за плечи. — Ты насовсем кукушечкой поехал или прикидываешься?

— Плохо мне, Спирия! Совсем эти двое меня заели. Был бы у меня ещё кто-то, мы бы спиной к спине стали и отмахались бы, как от футболистов когда-то.

— Виталья, не ссы. Всех уделаем! Я тебя не брошу, братан, сейчас в больничку поедем...

— И точно, Спирия, у меня же ты есть! Спасибо!

Обрадованный Виталик пырнул друга ножом, который до этого прятал в кармане грязной спецовки. Боль скрутила кишки Спиридона, и он упал, заливая кровью картон. По двенадцать-двадцать, между прочим, принимают сегодня, обиженно успел подумать Сивый. Могли бы сырок купить...

Последним, кого увидел умирающий, был счастливый Виталик с охапкой дров.

* * *

Шёл я лесом-камышом,
Видел Фрейда нагишом.
И такая хренотень
Снится каждый божий день

Миша Фейдман определил свою судьбу ещё в школе, когда его поймали дrouchащим возле раздевалки для девочек, и нетипично

образованный физкультурник придумал ему кличку «Фрейдман». В целом, хотя в старших классах Фрейдману училось тяжело, но приобретённым прозвищем он остался доволен. Проштудировав Фрейда, Миша решил, что страсть к публичной мастурбации у него от затянувшейся стадии фаллической фиксации, как и прилегающий к ней комплекс «мачо». Миша бросил спортзал, засел за учебники по психологии и удачно женился на профессии.

Правило Парето, о котором он услышал во время игры в гольф с одним инвестбанкиром, действительно работало. Двадцать процентов клиентов приносило восемьдесят процентов дохода, и это был настолько жирный гешефт, что светочу психоанализа Мише стало не западно проводить бесплатный приём бедняков. Тем более что так, глядишь, и на диссертацию материал соберётся. В отличие от настоящих клиентов, бедняки не подаю в суд за раскрытие врачебной тайны, не говоря уже о визитах службы охраны и прочих издержках работы с депутатами и миллионерами.

То, что сегодняшний пациент станет жемчужиной его научного труда, Михаил Срулевич Фейдман понял, едва тот переступил порог. На первый взгляд это был грязный и оборванный бомж, но с первых же слов доктор понял, что проблемы пациента выходят далеко за вульгарный алкогольный психоз.

— Доктор, вы мне скажите, что с этим мудаком не так?

— Вы имеете в виду себя, я правильно понимаю?

— Да не себя, а этого вот бомжа! Я за него мазу тянул, братаном звал, на двоих очко тыщу раз делили! И вообще... А он! Он! Заманил, ножом пырнул и сожрал! Ну как вам?!

— Ой, всё! Нашёлся главный страдалец, все сюда! — голос мужчины внезапно изменился, убрав гнусавые нотки и перейдя в ещё более неприятный фальцет.

— Реально, мужик, не позорься, мы тут в одном танке горим. — Фальцет также резко переменялся на бас.

— О, да, доктор, тут ещё двое потерпевших, муж с женою. Она рот на замке держать не может, а он — баранку в руках.

— То есть, вас четверо? — Фейдман всё схватывал на лету.

— Ага.

Фейдман непроизвольно потёр руки. Строго говоря, диссоциативное расстройство личности считалось профилем психиатров, но последние исследования в этой области были довольно неоднозначны, и у доктора появился шанс раскрутить популярную тему. Если исходить из того, что диссоциативники не имеют отношения к шизофрении и их личности являются самостоятельными субъектами, а не производными, значит, с ними можно попробовать семейную терапию...

СТРАСТИ НА КУШЕТКЕ

— ... А вот я и говорю: да что же это такое?! Вы срёте, а жопу одна я вытираю!

— Аня, такая ситуация действительно неприемлема, я с вами совершенно согласен. Но вы уверены в... физиологическом аспекте?

— Доктор, вы попроще можете? Я институтов не кончал!

— Конечно, Виталий, спасибо за ремарку.

— Чё?

— Я имею в виду, что жопа у вас одна на четверых. Как же так выходит, что вытирает всё время Аня?

— Да они же беспомощные все, одно слово «мужики», а за ним и нету ни хрена. Как я задолбалась, что в браке, что сейчас, всю душу извели, с-скотины!

— Аня, Аня! Прошу вас, успокойтесь. Мы же собрались здесь, чтобы решить проблему, а не оскорблять друг друга. Эхм. Помните, на прошлом сеансе мы обсуждали, что когда вы были в браке с Аркадием...

— Я и сейчас с ней в браке, между прочим!

— Да-да, вы совершенно правы, Аркадий. Так вот: вы всё время строили отношения с Аркадием так, чтобы он оправдывался перед вами.

— Ыгыгы, тр-р-р-ряпка!

— Потише, господа, скоро мы приступим к вашей паре. Эхм. Так вот. Аркадий, в свою очередь, неоднократно саботировал ваши совместные дела, чтобы вернуть контроль над своей жизнью хотя бы...

— То есть, это они специально сговорились жопу не вытирать?!

— Я хотел сказать не это, а подчеркнуть, что вам нужно работать с контролем ситуации. Его вы берёте на себя, а нужно иногда отпускать...

— Да нет же, всё верно: эти три козла сговорились! Специально срут и не вытирают! Саботируют, значит! Ну я вам задам! Раз я жопу вытираю, значит мне и решать, кому её подставлять!

— А и пожалуйста, это Витальки жопа, мне насрать!

— Так и мне нормально, Анька! Подставляй мою жопу, сколько хочешь. Только деньги бери, чтобы на бухло хватало!

— Эй-эй, мужики! Мужики! Я тут натурал вообще-то! Мне эти приколы не нравятся!

— Да кому ты лечишь! Ты пока живой был, в «Танки» играл! Даже болжи знают, что у танкистов мотор сзади!

— Ухыхы! Верно, Сивый!

— Ну конечно ты натурал, Аркашка! Уж как пялился на чужие сиськи, век не забуду! Позорил меня, скот!

— На себя посмотри! Изменила мне со слесарем!

— А кто тебе виноват, что дома гвоздя забить не можешь?! А Петрович — мужик! Хоть пенсионер, а хер стоит как у молодого!

— Когда мне гвозди забивать, когда я на работе всё время!!!

— Стойте, пожалуйста, остановитесь. Помните, что все вы — жители одного дома. Это необычная ситуация, когда все вы знаете друг о друге, причём в таких, хм, подробностях, но, напоминая, что дом у вас один и жить в нём нужно дружно. Мне очень нравится способность Ани к организации, и очень нравится готовность Спиридона отстаивать свои права.

— Ещё бы! Я как снова женился, и хренушки ты мне на шею сядешь, Анька! Я тебе не Аркадий!

— Эхм. Вам нужно выстроить график дефекаций и сопутствующей уборки. А также систему наказаний и систему противовесов, чтобы отдельные личности не злоупотребляли властью. Также, Аня, нам нужно проработать ваше стремление контролировать партнёра. И с вами, Аркадий, мы тоже сегодня поработаем. Вы были женаты три года, хорошо узнали друг друга и, наверняка женились не просто так.

— Да я и не знаю, зачем женился. Мне даже девушки другие нравятся.

— Ну так и мне парни нравятся совсем другие. Думала этого перевоспитать, но хрена с два.

— Я думал, она хоть не будет мне по мозгам ездить, а всё наоборот вышло.

— Так ты свалил на меня весь быт и за работой спрятался. А я тоже на работу хожу, и почему это ещё и стирка на мне и жрачка? Сахарный, что ли? Я каждый раз жду, что ты сам поймёшь хоть что-то, но ты постоянно ведёшь себя как идиот.

— Это очень хорошо, что вы перешли к конкретным претензиям. Давайте успокоимся и составим списки взаимных претензий, а потом попробуем пройтись по ним. Виталий и Спиридон, ваша пара следующая, можете пока собраться с мыслями. Меня крайне интересует Спиридон, который осознанно выбирает для себя маргинальный круг общения, вместе с тем подчёркивая своё превосходство. Это может быть связано с вашей прошлой жизнью, там кроется какой-то мощный якорь. Вы чувствовали когда-нибудь, что не соответствуете своему статусу в обществе? А почему? Думали о дауншифтинге?

Затянувшийся уик-энд

Миша Фейдман накинул ветровку и вышел из офисного центра, где арендовал кабинет. Летняя жара наконец-то спала, и воздух дышал приятной прохладой. Впереди выходные, и поскольку Михаил не соблюдал шаббат, в ближайшие сорок восемь часов он планировал повеселиться как следует. Ещё и не один. Оставалось только дойти до машины, как вдруг...

— Доктор, спасибо вам ещё раз! От нашего дружного, хи-хик, коллектива!

... навязчивый пациент с диссоциативочкой преградил путь. В руках бутылка, изо рта пахнет, как на спиртзаводе. Ну, теперь начнётся! Честно говоря, мысль сдать умалишённого на стационар мелькала, и не раз, но результаты терапии были слишком уж интересны. Да и перспектива защитить докторскую маячила в полный рост. Не то чтобы он не мог её купить — конечно мог, все так и поступали. Но защитить самому... В этом был особенный кайф. И за приём можно будет брать в два раза больше.

— Я рад помочь вам, Виталий. Ваш прогресс — лучшая награда для меня.

— «Рад помочь, Виталий» — тьфу! Это дискриминация, игнорировать нас на основании, что этот алкаш в теле дольше живёт! И вообще, это Аркаша с вами заговорил, Виталя опять бухой!

— Рад он, ага, я ща описуюсь от счастья. Если наш прогресс такая награда, что же ты нас всего два дня принимаешь? А остальное время?! Бабки с богачей косишь?! — последние фразы личность, называющая себя Спиридоном, проорала доктору прямо в лицо, обдав смрадом гнилых зубов.

— Серьёзно, мужик, почаще бы видеться, — поддакнул Аркадий.

— Эхм, — Михаил прочистил горло и секунду помолчал, подбирая слова, — Аркадий, ваш товарищ совершенно прав. Я действительно люблю деньги, и мне правда нужно их зарабатывать. Расширить бесплатную практику я пока не могу. Счета, знаете ли, приходят каждый месяц. Не могу же я переселиться на улицу, чтобы проводить с вами все дни напролёт...

— Вообще-то можете, — хотя Виталий произнёс это обычным голосом, Михаил ни секунды не сомневался, что с ним говорит Аня. — Вы можете проводить с нами всё время. Всё.

Парализованный страхом Миша смотрел, как полупустая бутылка взмывает над головой Виталя, сверкая в оранжевых лучах заката. На долю секунды психологу показалось, что время остановилось и безумный алкоголик так и останется стоять статуей с хрустальной булавой в дрожащей грязной руке. Но хрупкий миг истончился, и стекло двинулось в обратном направлении, обрушив звенящий гнев на голову Фрейдмана...

Занкоку на тенши но йоуни

— Доктор, когда я решил схарчить Спиридона, мы крутые кенты были. Ну я так думал. Он втирал за братство, спина к спине, что всегда жопу прикроет. А теперь посмотрите на этого эгоиста! Ноет и ноет, ноет и ноет. Походу, ему вообще никто, кроме себя, не был нужен!

— Виталий, вы убили меня, расчленили и съели. А теперь хотите, чтобы я продолжал терапию?

— Но мне же плохо, доктор Фельд... Фрель... Ну как там тебя? Я тоже хочу счастья, и у меня были мечты. Я не всегда был таким! У меня была работа, я преподавал студентам, хоть и стеснялся быть на публике. Имне грустно, что я докатился до того, что мне нужен психиатр.

— Вообще-то я психолог, но вы правы, психиатр вам тоже нужен. Вам всем. Что же случилось, Виталий, с вашей прошлой жизнью?

— Ну там была одна студентка... А я ещё тогда ни разу, понимаете? Ни разу! У меня было строгое воспитание, а тут она... Ну и за пару месяцев всё полетело под откос. Она вертела мной, как хотела, потом бросила, а у меня гены, дурная наследственность, вот и запил... А с дальнбойщиками трахался, ну, чтобы, ну... Отомстить ей, что ли?

— Эх, братан, да если бы та баба тебя не кинула, ещё хуже было бы. Оказалось бы, что и она не та, какой ты её себе представлял, и ты не тот, и начали бы вы друг друга жрать пожирать, да мозги выедать. Я еле спасся, хоть и сивым стал — полбашки выбелило.

— Вы только посмотрите на эти мужские страдашки! Бедные-бедные! Я тоже чего-то другого от брака ожидала! Или думаете, нам только кольцо на палец надо? Дебилы, небось так и думаете! Господи, какие же вы все тупые в этом Виталькином теремке. Хочется адекватного отношения к себе. Я не хочу быть набором из жопы и сисек, хочу быть интересной своей половинке, как человек. Чтобы разговаривать, сопереживать. Я хотела поддержку чувствовать, а он...

— А меня ты поддерживала, Анют? Меня поддерживала?! У меня тоже были мечты.

— Какие мечты? Стать блогером?!

— Да! И это моя жизнь, и я имел право хотя бы попробовать!

— Ну так и попробовал бы, и так целыми вечерами играешь.

— Я бы попробовал, но ты меня стебала, типа я не мужик! Попробуешь тут с таким давлением...

— Хватит! Хватит! Я не обязан больше вас выслушивать! Вы обманули меня и убили!

— Это не мы, это всё Сивый придумал!

— Скотина, это ты первая предложила, не отмазывайся теперь!

— Хватит! Хватит вашего нытья! У меня была прекрасная жизнь! Любимая работа, деньги, шикарная квартира и маленький домик за городом, где я отдыхал. Один! Мне никогда не нравились люди, и я надеялся, что хоть старость встречу так, как всегда мечтал жить: в тишине и покое сажать тюльпаны и читать!

— О, Мойша разнылся! Утютю! Считаю, уплотнили тебе домик. Теперь в коммуналочке поживёшь, ыгыгы.

— А вот хрен вам, а не психоанализ!

— Так это тебе сильнее нужно, чем нам, старичок! Вон, Виталик уже совсем кукушкой от нас поехал, да и наша сладкая парочка не подарок!

- Ыыыы, бе-бе-бе!
- Спасибо, Витала. Ты как всегда ровно застелил, уважаю.
- Пук-пук-пук!
- Сам видишь, «дорогой доктор», дело — труба. Надо тебе впрягаться и наши мозги в порядок приводить. И не ссы! Наладим житуху! Сам посуди: если дровичь, то Анька есть, подержит.
- Пф! Очень мне надо!
- Так я сзади пощечочу, чего ты! Одно дело делаем! Так вот... о чём я? А! Пожрать тоже можно. Здоровье, конечно, так себе. Виталька себя не жалел. Но если бабок раздобудем, ещё покоптим небо, ага? Надо только бабки найти.
- У меня дом и квартира под охраной, так что номердохлый. За километр бомжа не подпустят.
- Ты не понял, старичок. Нам нужно не пачку баксов спереть, а научиться зарабатывать.
- Хватит называть меня старичком! Я ещё не старый!
- Так и не скрипи, тютя. Короче, я покумекал: никто из нас бабла поднимать не умеет. Значит, нужно получить советы от тех, кто умеет. И помнить, что мы теперь в одной лодке. Навсегда. Все готовы впрячься?
- «Ты хочешь слиться со мной, Синдзи?».
- Нихера не понял, но, походу, Аркаша суть уловил. Я тоже хочу слиться.
- Я с вами, хоть вы меня и бесите, мужики.
- Иго-го!
- Чёрт с вами, давайте попробуем уж выжить как-нибудь. Что вы задумали, Спиридон?
- Ну, для начала нам нужно будет достать ружьё, электрошашлычницу и нож для разделки мяса. Потом мы...

Семинар по повышению личной эффективности

Фёдор Быстряков поправил галстук и оглядел аудиторию. Отличные ребята собрались. Тысячники МММ, золотые продавцы пылесосов, бриллиантовые впариватели косметики. Элита продаж! Поначалу Федя даже волновался, чему он может научить этих людей? Но затем вспомнил, что ему самому говорил бизнес-наставник перед тем, как угворил переписать на него «Солярис» и умчался из Федькиной жизни на всех парах.

Настоящий учитель не учит, говорил этот великий человек, он лишь помогает ученикам обмениваться знаниями друг с другом. Только это и есть настоящее образование, где каждый одновременно учитель и ученик. Я просто покатаюсь на твоей тачке, мне надо съездить кое-куда, буду через полчаса, не дрейфь. И запомни, организатор

семинара только стрижёт капусту и модерирует дискуссию. Всё. Ну ещё кофе-брейк организуй.

Выждав небольшую паузу, Быстряков начал:

— Итак, друзья, а вы для меня именно друзья («мои овечки, наконец-то я закрою ипотеку»). Я поздравляю вас с тем, что вы всё-таки смогли сюда попасть. Как вы помните, это семинар с ограниченным участием, поэтому билетов было всего десять, и любая фото и видеосъёмка запрещены («ведь в будущем я ещё не раз проверну этот трюк — и спойлеры мне не нужны»). Пожалуйста, выключите телефоны и сложите их в сейф. Очень хорошо!

Дверь в конференц-зал распахнулась, и в зал ворвался неопрятный бомжара, при виде которого Фёдор впал в ступор. Это был микс из всех его детских страхов: бедность, безумие, алкоголизм и быть похожим на дядю Диму, который показывал детям гениталии и загремел за решётку. Но хуже всего было то, что бомжара держал в руке ружьё и — о, нет, неужели Федя так и не съездит на Сейшелы в следующем году — убивал его учеников одного за другим.

Бах-бах. Бах-бах.

Каждые два выстрела бомж перезаряжался, но эффективные менеджеры оказались не готовы к борьбе. Даже самые подкачанные просто заползали под сидения и оттуда пытались уговорить безумца прекратить их убивать.

— Всегда знал, что все качки — трусливые педики, — прошептал окровавленным ртом умирающий Фёдор. Заряд дроби разорвал его прекрасное мускулистое тело, выпустив наружу целый мешок кишок. Стоило, спрашивается, качать пресс? Какое свинство! Фёдор успел ещё подумать о том, что, если бы существовал профсоюз маньяков, Фёдор бы засудил их за разрушенную жизнь и, отдельной строкой, за сорванный семинар. А потом понял, что именно по этой причине маньяки и не создают профсоюзы и немедленно умер от огорчения.

Виталий с подельниками разделали туши убитых. Насадил мясо на шампур, добавили базилика и чёрного перца. Скоро в воздухе запахло сладкой человечиною, и у обитателей Виталькиного теремка начался собственный семинар по повышению личной эффективности.

Немного смущало лишь то, что жильцов в голове Виталика заметно прибавилось.

С НОВЫМ ГОДОМ!

Уважаемые граждане!

Дорогие друзья! Через несколько минут мы встретим новый, 2018-й год.

Приближение этого чудесного мгновения между прошлым и будущим знакомо нам с детства. Мы ждём его с радостью, надеждой

и волнением. Верим в самое лучшее и светлое. По традиции отмечаем этот праздник в кругу семьи, с самыми близкими друзьями.

Конечно, не всем удаётся встретить Новый год с родными. Надо работать в больницах и на производствах, исполнять служебный и воинский долг, охранять границы. Нести постоянное дежурство, обеспечивая нашу безопасность на суше, на море и в воздухе.

Мы благодарны всем тем, кто днём и ночью, в будние дни и в праздники — всегда на посту. А сегодня особо хотел бы поздравить с праздником тех наших военнослужащих, которые сидят на бутылках и тарарчат дирюблики. Гища! Ща! Ырча!

Вы знаете, до того, как я взвалил на себя эту тяжелейшую ответственность за судьбу страны, я пережил немало драматических моментов, и в гробу вас видал, сволочи, ненавижу, всю жизнь мне испортили, с-скотины, даже тут не могут себя в руки взять. Ахабар-махабар в дышло вам, дорогие граждане. Ведь жизнь простого человека, маленького человека с его маленькими интересами должна быть самым ценным достоянием нашего государства. Должна, но раз вы меня с домиком прокатили, то иго-го, касатики. Сами расхлёбывайте!

Дорогие друзья!

Сейчас, в новогоднюю ночь мы особенно остро чувствуем, как дороги нам наши близкие. Как важно, чтобы всё у них было хорошо, чтобы все они были здоровы. Срал я на вас, срал и ссал, игого, бучкрыкы, бурудавочки, срал, срал, срал!

И любить вас всех конём, майонез, горох, селёдка, это лучшая лебёдка, угощаю всех овсом, и останусь молодцом. А любовь и отзывчивость, душевная щедрость и милосердие будут нашей опорой в каждодневных делах.

До наступления Нового года остались считанные секунды. Давайте возьмём говно в фужерах и пожелаем друг другу говна на лопате, радости и счастья! Говна вам, граждане. Гов-на. Гы-оооооввфффф-н-н-н-на-а-а-а-а-а-а. Поблагодарим друг друга за понимание и поддержку. За участие и чуткость. И обязательно произнесём тост за процветание и благополучие нашей страны!

С праздником вас! С новым, 2018-м годом!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Границы НЕБЕСНЫЕ

Леонид Смирнов

НЕДЕЛЯ КАК НЕДЕЛЯ

ПОВЕДЕЛЬНИК

На рассвете прилетели марсиане. Без боевых треножников, на обычных «тарелках». Длинные, худые, костлявые — на мумий похожи. На лица натянуты углекислые маски — вылитые собачьи морды.

Ходили марсиане по городу, зыркали, чуть что не по ним — плевались. К вечеру совсем злые стали, почернели аж. Видно, не понравилось им здесь. Вызвали мэра на ковер. Строго-настрога запретили людям красное носить. Дома и заборы красного цвета приказали немедля перекрасить. И листья красные с деревьев оборвать. Священный красный цвет разрешен лишь жителям Красной планеты.

Мэр, понятное дело, со всеми претензиями согласился. Когда в небе растаяли реверсивные следы, он почесал затылок и заявил философски: «Спешить не будем». Затем пошагал домой — выпить рюмочку, поесть да почивать... И то верно: листья к следующему марсианскому прилету сами собой опадут — октябрь на дворе, а дома все равно перекрасить не выйдет — покупку краски и белил раньше второго квартала по городскому бюджету не провести. Ну а красная одежда, глядишь, из моды выйдет...

ВТОПНИК

Венерианцы прибыли к обеду. В прозрачных белых пузырях бультыхались какие-то темные сгустки — то ли клубки червяков, то ли их помет. Пузыри проплыли по городу несколько раз — пересекли из конца в конец, а потом венерианцы предъявили мэру претензии: слишком мало выделяете парниковых газов — это никуда не годится.

Мэр тотчас распорядился разложить в центре города костры и жечь палые листья, благо дворники собрали едва ли не тыщу мешков, а вывезти на свалку было все никак. И вот уже над городом поднялись хвосты едкого серого дыма. Венерианцы убыли довольными.

СЛЕДА

После завтрака город слегка трянуло. Казалось, все небо раскололось, но обошлось малым. Над детской площадке в сквере Бакунина возникла пятиметровая трещина, откуда повалил народ в одинаковых черных костюмах. С виду самые обычные люди, но не нашенькие, конечно, — из соседнего измерения.

Гости, как водится, сначала прошлись по городу, осмотрелись и говорят: «У нас ну все как у вас, только лучше». Старикам после

семидесяти пенсию они не платят — чего зря деньги переводить? Писатели, коли хотят книгу издать, или певцы — спеть, сами приплачивать должны. Солдатам довольствие не положено — пусть харчатся за счет местного населения. А чиновники, понятное дело, кормятся от места... «Тут надо все менять, — объявили мэру, — экономика должна быть экономной». И прежде чем нырнуть в свою трещину, обещали скоро вернуться и привезти подробный план всеобщего переустройства.

ЧЕРВЕРГ

Утром в городе завоняло сероводородом и аммиаком — прилетела делегация с Юпитера. Над площадью Ленина зависло розовое облако, похожее на огромную сигару. Из него по прозрачному трапу спустились скафандры, полные клубящегося дыма.

Мэр проявил находчивость: обрядил заместителей и секретарш в костюмы из краеведческого музея и выстроил почетным караулом у входа в горисполком. Встречали гостей хлебом-солью. Во главе делегации был его превосходительство губернатор Большого Красного Пятна. Через дымного переводчика он предложил добровольно перебраться на орбиту Юпитера — «под крыло старшего брата». Земле там будет уютно. Планету прикроет кольцо орбитальных крепостей. Прозвучало как плохо скрытая угроза.

Мэр не знал, что и ответить. Пришлось снять с уроков учителя астрономии. Лохматый очкарик в потертом пиджаке должен был спасти город. Астроном выслушал дипломатическую ноту, поправил на переносице очки и сказал: «Ну, это нормально. Жители газовых гигантов все как один больны — страдают гигантоманией и полны наполеоновских планов. Предложите им...» — и что-то зашептал мэру на ухо.

Тот расправил плечи и бодро произнес: «Уж лучше вы к нам. Перебирайтесь-ка поближе к Солнцу. Здесь энергии на всех хватит. А мы с переездом как-нибудь подсобим. Станете горячим Юпитером».

Губернатор Большого Красного Пятна обещал передать наше предложение в Имперский Совет Великого Юпитера и убыл в облаке вонючих газов.

ПЯДНИЦА

Под конец рабочей недели появились гости из будущего. Посреди площади Столыпина медленно материализовалась железячина навроде товарного вагона. Из него дружно высыпали мужики в грязных рабочих комбинезонах.

Потомки наши были какие-то мелкие, с зеленоватыми лицами, слезящимися глазами. Мэру они заявили, что в тридцатом веке все плохо — исключительно из-за нас. Народ, мол, вымирает, культура

на нуле, природные ресурсы иссякли и экология ни к черту. И во всем виноваты мы, подлые предки. А потому надо выявить и выполоть всех, кто повинен в бедствиях планеты, кто ведет человечество по ложному пути.

Гостей было больше сотни. У каждого ведро с краской и малярная кисть. Разделившись на тройки, они двинулись по городу, ставя на дверях квартир и частных домов жирные белые кресты. На вопросы отвечали, что в следующий раз придут уже не отметчики, а ликвидаторы. И тогда жизнь в будущем непременно наладится.

Мэр призадумался — электорат терять не хотелось. А когда белая краска у гостей закончилась и машина времени растаяла в вечернем воздухе, его осенило. Мэр едва не заплясал от восторга — придумал, как одним выстрелом ухлопать двух зайцев. Отмобилизовал расклейщиков афиш и разносчиков рекламы. И те до полуночи заклеили все белые кресты предвыборными плакатами и листовками. Новые выборы только через год, но мэр приказал напечатать их заранее — пока деньги водились, вернее, черпались. Теперь и народ спасен, и избирательная кампания началась досрочно и ударно. Пусть прибывают господа потомки — их встретят тысячи улыбающихся физиономий мэра...

СУВВОТА

К полудню прилетели товарищи с Сириуса — на огромном уродливом «самоваре». Перед посадкой они высыпали на город несколько тонн крупных семян, вроде как от тыквы.

«Самовар» выпустил облако теплого пара и медленно опустился на футбольном поле. Сириусяне были запакованы в неуклюжие бронированные скафандры на колесиках, с суставчатыми манипуляторами и громкоговорителями вместо шлемов. Самих пришельцев внутри скафандров было не видеть. Может, и нет их там вовсе.

На встрече с мэром сириусяне сказали, что несут нам, дикарям, семена культуры и прогресса. Пахли инопланетные семена чем-то приторно сладким. Ощувив присутствие людей, они отращивали конечности. Быстро перебирая маленькими ножками, как тараканы, они устремлялись к горожанам.

Чтобы дети случайно не наелись этой гадости, в городе было объявлено штормовое предупреждение. Двери школ и детсадов заперли — впрямь до особого распоряжения. По радио и телевидению передали распоряжение: родителям детей из дому не выпускать.

На борьбу с семенами были брошены дворники, пожарники, полиция и даже пациенты психбольницы. Людям помогли городские птицы: вороны, галки, голуби и воробьи. Они клевали семена или утаскивали их про запас. Правда, юным натуралистам и сердобольным бабушкам было жалко самоотверженных птичек — потравятся того гляди.

Сириусяне смертельно обиделись. Они заявили, что семена нужно съесть. И тогда они прорастут в людях, дав жизнь целому поколению колонистов. Самим сириусянам жить на Земле ну никак не возможно. А потому надо вырастить расу гибридов, которые будут приспособлены к ядовитым условиям планеты. Именно они понесут людям разумное, доброе, вечное. И каждый гражданин Земли должен быть горд и счастлив, что стал кормом для зародыша великой культуры.

На это мэр, большой дипломат, ответил, что у нас свобода и демократия, и сначала надо организовать референдум. Потом принять городской закон, послать его в Конституционный суд... Ведь принуждение в таком священном деле недопустимо. Если человек будет ненавидеть носимый плод, ничего хорошего не вылупится.

Сириусяне, скрипя зубами, согласись подождать. Улетели осеменить аборигенов у следующей звезды.

ВОСКРЕСЕЛЬЕ

Снова прилетели марсиане. Раньше обещанного срока. Вышел большой скандал, ведь в городе ничегошеньки не изменилось. Листья красные как висели, так и висят, дома на проспекте Гарсиа Маркеса по-прежнему краснее красного, да и городские модницы на зимнюю черно-серую палитру переходить не торопятся.

Пошли песьеглавые марсиане по городу и стали срывать с прохожих красные пальто, куртки и шапки. Пять человек сильно застудились на холодном ветру и подали жалобу в Межпланетный Суд. Там обещали рассмотреть в порядке общей очереди — не раньше следующего века. В ответ марсиане пригрозили, что доставят на Землю лучи смерти. Но мало кто испугался — привыкли уже к чужим угрозам.

Завтра новая неделька начнется. И посыплются с небес новые напасти. Но может и ничего — как-нибудь обойдется? Вон командир соседней воинской части обещал в порядке шефской помощи прислать фуру с погаными метлами...

ЕЛЕНА ЩЕТИНИНА

АФРИКА

Отбирая у людей их родную землю,
вы лишаете их не только, собственно, земли,
но и прошлого, корней, души.

Карен Бликсен, «Из Африки»

— «У меня была ферма в Африке, у подножия нагорья Нгонг...»¹, — вслух прочитала Сашка и подняла голову. — Мама, что такое Африка?

Марина пометила стилусом место на графике и развернулась к дочери:

— Это же континент, разве нет?

— Конечно, я помню, что это континент, — Сашка покрутила рукой в воздухе. — Кусок земли в океане... Но какая она — Африка?

Мать растерялась.

— Ну... большая. Жаркая. Там... ну... ты же читала про нее? Смотр... слушала фильмы.

— Да, я знаю... — Сашка подняла лицо к потолку — она делала это тогда, когда обычные люди закрывают глаза, чтобы вспомнить или подумать — и заученно продиктовала: — Африка, второй по площади континент после Евразии, омываемый Средиземным морем с севера, Красным — с северо-востока... еще Атлантическим и Индийским океанами. Африкой также называется часть света, состоящая из материка Африка и прилегающих островов. Площадь Африки составляет около двадцати девяти миллионов квадратных километров... ну и так далее.

— Ну вот, — кивнула Марина, к стыду своему понимая, что сама она из этого помнит только половину — и конечно, в эту половину не входят ни площадь, ни Красное море. — Прекрасно, разве этого мало?

— Это ничто, — Сашка снова повернула лицо к матери. — Как выглядит остров? Я понимаю, что это маленький кусок земли в океане — но как он выглядит? Что такое квадратный километр? Я знаю, сколько нужно пройти по коридорам, чтобы получился километр — но как нужно ходить, чтобы ощутить квадратный километр? И вообще, это все мелочи... Что такое — Африка? Какая она? Папа, ты тоже не знаешь?

Марина вздрогнула — она так и не привыкла к тому, что Сашкин слух — по вполне понятной причине — гораздо острее, чем у обычных людей, и обернулась к мужу, тихонько стоявшему в дверном проеме. Видимо, он незаметно для нее появился в самый разгар беседы.

Олег пожал плечами — для Марины — и уже для Сашки громко сказал:

¹ «Из Африки», Карен Бликсен

— А еще там много животных. Самых разных. Ты что, не помнишь? «В Африке акулы. В Африке гориллы. В Африке большие злые крокодилы...». Не ходите дети, в Африку гулять, в общем.

— Но ведь они не только в Африке, — резонно возразила Сашка.

* * *

— Марина, что такое Африка? — спросил он жену вечером, когда дочка уже спала.

Та пожала плечами:

— Жирафы. Верблюды... или нет, верблюды не там? Пустыня... Маленький Принц, кажется, он тоже куда-то в Африку упал... Пальмы? Жара, песок... желтый цвет... Олег, я не знаю... Континент, похожий на голову лошади... куча стран, которые я никак не могла запомнить, не говоря уже об их столицах... Вот как-то так.

— Как-то так, — кивнул он. — Как-то так... У меня тоже все как-то так. Зебры. Колючки. Львы. «Вельд»... это рассказ Брэдбери, где потом родителей сожрали...

— Мы с тобой разные книжки читали, — рассмеялась она.

— А толку-то, — вздохнул он. — Что такое Африка?

— Африка... — теперь настал ее черед вздыхать. — Это то, что мы больше никогда не увидим.

* * *

«Левиафан» — огромный, неповоротливый, на первый взгляд даже нелепый — плыл в черноте и тишине космоса. В нем все было идеально — размеры, вес, даже внешняя нелепость на деле были четко просчитаны математиками и физиками. Все — кроме одного.

Он не был Землей.

Корабль поколений. Гигантский ковчег на несколько тысяч — небольшой город — человек. Однажды отправившийся в никогда и в нигде — с надеждой, что когда-нибудь прибудет куда-то. И все эти несколько тысяч — небольшой город — верили в это. И может быть, именно поэтому «Левиафан» все еще летел.

В нигде — куда-то.

Его создатели учили все возможные ошибки. Они изучили не только доклады психологов, расчеты социологов и выкладки медиков — но и зачитали до дыр наследие фантастов, где хоть как-то упоминалась подобная ситуация. Каждый из этих текстов удостоился отдельного научного исследования и обязательного включения в школьную программу будущих детей «Левиафана». «Пасынки Вселенной» Хайнлайна, «Плененная Вселенная» Гаррисона, «Поколение, достигшее

цели» Саймака, «Без остановки» Олдиса, ««Левиафан» отправляется на север» Госта и прочие, и прочие, и прочие — пусть сейчас все эти описания звездолетов и их обитателей казались нелепыми и смешными, наивными и фантастическими, но дело было не в описаниях. Совсем не в описаниях. Это были предупреждения — о том, что нельзя забывать свою родину, забывать откуда ты, предавать забвению самого себя. И этим предупреждениям внимали. Как могли. Как умели.

Информация о Земле бережно хранилась — люди смотрели документальные фильмы, читали книги, слушали музыку. Информация о Земле бережно хранилась — информация, но не память, не сама Земля.

Олег и Марина успели родиться на Земле.

Им было по двадцать, когда «Левиафан» отправился в свое бесконечное путешествие. Первых переселенцев разделили на две группы — тех, что работали во время отлета, и тех, кого погрузили в анабиоз на ближайшие полвека. В анабиоз отправили гуманитариев, инженеров-теоретиков, ученых, социальных организаторов, стажеров — всех тех, чьи умения не требовались в ближайшее время, чьи профессии дублировались, чей возраст позволял подхватить дела старших товарищей.

Так что Олега и Марину разбудили лишь через пятьдесят лет после начала полета.

И...

Ничего не произошло за эти полвека. Корабль не затянули лианы, космонавты не мутировали в кровожадных чудовищ, экипаж не раскололся на враждующие лагеря. Все было очень просто и обыденно — неожиданно просто и обыденно. Может, лишь чуть-чуть поменялся язык — появились новые, ситуативные, жаргонизмы. Немного изменились манеры — новый образ жизни потребовал своего этикета. Но в общем и целом все так и осталось до обидного привычным.

Через год Олег с Мариной поженились. Еще через два года у них родилась Сашка.

Врачи предупреждали исследователей, что неизвестно, как тот или иной организм поведет себя в пусть и так старательно приближенных к земным, но все же чужих условиях. Что, может быть, обострятся какие-то обнаруженные при исследовании на Земле болячки, немного изменится психика, какие-то клетки поведут себя не должным образом... Вряд ли, конечно, но... Из всего экипажа на несколько тысяч — небольшой город — выпало это почему-то только на долю Марины и Олега.

Саша родилась слепой.

Там, на Земле, даже в том далеком прошлом, когда начался перелет, с этим можно было бы справиться, провести операцию, вживить имплантат. Там, на Земле. Но не здесь. И им пришлось смириться.

Сашка адаптировалась достаточно быстро и ни в чем не уступала другим детям — в данном случае играли на руку замкнутость пространства и неизменность декораций жизни на корабле. К десяти годам она уже проглотила все, что нашла на Брайле — к счастью, библиотека «Левиафана» по какой-то счастливой причине была укомплектована и такими книгами — и бойко интересовалась всем, что происходит вокруг нее. Обычный ребенок — просто чуть лучше слышит, чуть сильнее реагирует на вибрации, и да, совсем не видит.

И вот тут этот внезапный вопрос — «Что такое Африка?»

Вопрос, на который они, два взрослых человека, с пятью образованиями на двоих, так и не смогли ответить ни ребенку, ни друг другу, ни себе.

Может быть, стоило поступить так, как поступали миллионы родителей до них — отмахнуться и забыть. Сказать «не знаю», «посмотри в книге», «спроси у учительницы», «что, в ЛокалНете забанили?». Столько вариантов, каждый из которых облегчил бы им жизнь и дал бы забыть об этой дурацкой Африке!

Может быть.

* * *

— Ын, можешь сделать мне песок?

Химик-лаборант поднимает голову. В дверном проеме стоит Олег, инженер связи.

— Песок? Зачем он тебе? — удивляется Ын Чи. Песок не нужен на корабле. Это грязь, лишний вес, среда для бактерий — даже растения в оранжерее растут на питательном геле. Зачем связисту измельченный диоксид кремния?

— Надо, — уклончиво отвечает Олег.

— На пробирку наберу, — прикидывает Ын Чи.

— Ящик. Мне надо ящик.

— Ящик?

— А лучше два. Или три.

— Ты хоть понимаешь, о чем просишь? Это же не платина! Это же песок!

— Понимаю, — кивает Олег.

Ын Чи начинает интриговать это задание.

— Ну хорошо... хорошо, — делает он вид, что решение дается ему с большим трудом. — Через неделю приходи, будет тебе три ящика.

— Только нужен как настоящий. Не чистый кварц, а еще какие-нибудь примеси, хоть немного.

— Он еще и заказывает! Иди отсюда! — вслед Олегу летит смятый комок бумаги.

Бн Чи продолжает синтезировать поливалтол, но задача приятеля не дает ему покоя. Наконец он чертыхается и отодвигает стенд с пробирками в сторону.

Песок? Как настоящий?

Но какой он — настоящий песок?

Бн Чи закрывает глаза и копается в памяти...

... — Эй, лягушонок, — кричит за его спиной дедушка Лю. — Не топчись так, я не поспеваю за тобой.

Бн Чи три года, он бежит по кромке пляжа, а босые ноги вязнут в густом песке. Дедушка, конечно, притворяется — в его одном шаге три таких, как у Бна.

— Эй, лягушонок, не стой, засосет, — дедушка Лю легко подхватывает его подмышку. Песок с разочарованным чвяканьем неохотно отпоскает ноги мальчонки. — Мне тут чайки по секрету сказали, что воооон за той дюной целая колония мидий. Пошлепали туда?

Бн Чи чувствует, как по его щеке катится что-то горячее.

* * *

— Марьям, можешь собрать систему сухого тепла?

Техник коммуникаций с удивлением отрывается от своего обеда. Рядом с ней — а она и не заметила — присел Олег.

— Теоретически да, — пожимает она плечами. — Не так уж и сложно.

— Практически, Марьям, практически.

— Практически... — начинает прикидывать она, но осекается. — Но зачем?

— Надо, — Олег смотрит куда-то в сторону. — Ничего особенного, скорее даже на один раз.

Марьям смотрит в тарелку. Там свернулось что-то коричневое, именуемое «жидкая котлета».

— Попробую, — говорит она. — Ничего не обещаю, но... с одним условием, потом верни мне. Детали подотчетны, списать не смогу, буду разбирать обратно.

— Спасибо! — Олег чмокает сестру в щеку и убегает.

Марьям снова смотрит на жидкую котлету, а потом резко отодвигает тарелку.

И закрывает глаза.

... — Майям! Майям! — маленький Олег гольшиком прыгает по залитой солнцем веранде. Она, щурясь, чтобы не прогнать послеобеденный сон, выглядывает.

— Олег, а ну оденься, обгоришь!

— Майям! — брат не удерживается на ногах, плюхается на пол и заразительно смеется.

Она вздыхает, хватая со спинки стула какую-то рубашонку и выходит на веранду.

И на нее обрушивается солнце.

Оно везде — в волосах, в носу, на кончиках пальцев, трепещет где-то под ребрами и пытается вырваться через босые пятки. Солнце обнимает ее и прижимает к себе, к всему миру.

— Майям, Майям! — заразительно смеется солнце.

Марьям чувствует, как на ее губах пляшет улыбка.

* * *

— Добро пожаловать в Африку, — говорит мама.

— Добро пожаловать, — вторит ей папа.

Тепло. Оно везде. Оно везде — в волосах, в носу, на кончиках пальцев, трепещет где-то под ребрами и пытается вырваться через пятки. Тепло обнимает ее и прижимает к себе, к всему миру.

— Это... — пытается понять Сашка. — Солнце?

«Майям, Майям!» — начинает звучать в ее ушах. Сашка тянет руку к тому, что могло бы говорить — и понимает, что это везде. Отец — она узнает его пожатие — перехватывает ее руку.

— Сюда, — говорит он. — Песок.

Под пальцами хрустит и сыплется. Чуть покалывает кожу и, щекача, забивается под ноготь.

«Лягушшшшшонок» — шуршит песок. — «Лягушшшшшонок».

Чуть позже, с дуновением — это же называется ветер, да? — приходит терпковатый и пронзительно свежий запах. И Сашка понимает — в джунгли пришел сезон дождей. «Только по лужам не бегать!» — предупреждает сезон дождей. — «Полные сапоги наберете».

«Покорми птиц», — вместе с клекотом птиц над головой приходит тихий усталый голос. — «Покорми. Зима скоро, им еще лететь через океан. Покорми их — а может быть, кто-то нашего папу в его путешествии покормит».

Упругий и напористый рык разрывает остальные звуки — и вместе с ним эхом врывается негромкое ворчание и бормотание «Я злой и страшный желтый лев, я съем вас вместе на обед... ну, я так не играю!». Свет заслоняет огромная тень — она покачивается и негромко трубит, и в этом трубном глазе прячется удивление «Этот корабль такой большой... он точно сможет подняться и полететь с нами в космос?»

...Под ладонью волнами перекачивался мягкий ворс — и весело лаяла собака, которую кто-то кликал «Дружок» и учил приносить

тапки. Ноздри щекотал запах кофе — неужели он — или оно — так всегда пахнет? — и стучала ложечка в чашке, и суровый мужчина осведомлялся, точно ли к третьей паре.

Шею трогали шелковистые губы — и совсем рядом с ними какой-то мальчонка испуганно ныл и спрашивал, не плюнет ли верблюд...

— Так много людей, — говорит Сашка.

— Где? — удивленно спрашивает мама. — Мы тут только втроем.

— Так много людей, — повторяет Сашка. — Так много людей в этой Африке...

* * *

Пробы воздуха, воды и почвы, проверенные на тридцать первый раз всеми возможными методами и способами, неуклонно утверждали одно и то же: эта планета абсолютно пригодна к обитанию в большинстве ее областей.

Капитан дала приказ погрузить три четверти населения корабля в анабиоз с возможностью досрочного выхода — и опуститься на планету.

Посадка была мягкой — тряхнуло лишь чуть, когда второй пилот от волнения выпустил стойку раньше на пару секунд, и та зацепила край каменной гряды. Возможно, даже никто, кроме капитана, и не заметил-то эту небольшую вибрацию. Еще полчаса — долгих, томительных полчаса — на то, чтобы улеглись поднятые песок и пыль — их же можно было так называть, да? — чтобы стабилизировался радиационный фон и на тридцать второй раз из лаборатории доставили анализы воздуха, воды и почвы.

Наконец трап опустился.

И первые люди сделали шаги по поверхности еще никогда не видавшей их планеты.

Капитана выкатили в коляске — несмотря на то, что по кораблю последние десять лет она передвигалась на антигравитационном кресле, ступить — если так можно сказать — на новую планету она захотела именно в этом древнем, зачем-то и для кого-то захваченном еще с Земли, монстре.

— Капитан, ученые передают право дать название этой планете вам, — наклонился к ней первый помощник.

— У меня была ферма в Африке, у подножия нагорья Нгонг... — прошептала она.

— Что, капитан?

— Африка, — громко сказала она. — Я нарекаю ее Африкой.

Первый помощник с удивлением обвел взглядом пейзаж.

В ослепительно, невозможно голубом небе светило три фиолетовых солнца. На горизонте поднимались белые, сверкающие так,

что глазам было больно, — анализы говорили, что это чистая соль — многокилометровые пики.

Это никак не напоминало ему то, что он видел в документальных фильмах и книгах об Африке.

— Африка? — неуверенно переспросил он.

Она кивнула.

— Хорошо, — ответил помощник. — Я передам им.

— У меня была ферма в Африке... — совсем неслышно шепнула она, когда все шаги удалились.

Тепло. Оно везде. Оно везде — в волосах, в носу, на кончиках пальцев, трепещет где-то под ребрами и пытается вырваться через пятки. Тепло обнимает ее и прижимает к себе, к всему миру...

На горизонте садились три фиолетовых солнца. Белые пики погружались в лиловую темноту.

А капитан сидела в кресле и прислушивалась к голосам, которые вновь — как сто три года назад — наполняли ее и мир вокруг. Она дарила этот новый мир им — и их дарила этому новому миру.

Она прибыла в свою Африку.

В их Африку.

Она привезла в эту Африку Землю.

БУМЕРАНГ, ИЛИ ШУТКИ КОНЧИЛИСЬ!

Всем давно известно, что отпуск больше всего необходим тому, кто его только что отгулял. Как же непередаваемо тяжело возвращаться на службу после кровью и потом заслуженного отдыха! Особенно когда провел его вдали от цивилизации: солнце, небо и полный пляж аборигенок в соломенных юбках. Я даже форму не надел, желая подольше не расставаться со сказкой по имени Курорты Внутреннего моря. Так и явился на космодром в пестрой гавайской рубашке и шортах. Плюс огромные солнцезащитные очки и сожженный загаром нос — яркое олицетворение образа беззаботного туриста.

На посадочной площадке уже было несколько человек. Дежурный по причалу, Савельич — наш каптер — и пара молодых людей. Один — который повыше — постоянно зыркал по сторонам, а другой смотрел только перед собой и что-то нашептывал под нос. Я подошел, поздоровался с Савельичем, взглянул на часы и скинул с плеча сумку. Парочка не удостоила меня даже взглядом.

— Где этот чертов пилот? — сварливо спросил тот, что повыше.

Каптер проигнорировал вопрос, а вот второй паренек, все так же не отрываясь от нарисованной на линии горизонта точки, укорил товарища:

— Успокойся, Великая Протоплазма не одобряет суетности.

Этого мне еще не хватало! Не иначе как из этих, из нео-агностов. Сектант на корабле хуже женщины: не только к беде, но и мозг вынесет качественно, с любовью.

Второй, услышав увещание, только раздраженно фыркнул:

— Твоя Протоплазма ничего не одобряет... Вы не знаете, где пилот? — спросил парень уже у дежурного. По его лицу я заключил, что не в первый раз. Тот пожал плечами, мол, я — не я, и пилот не мой.

— Угу, — буркнул Нервный и опять посмотрел на часы.

— Успокойся, брат, — полным благодати голосом проговорил его товарищ. — Время — ничто, макрокосм вечен... Если пилот задерживается, значит так нужно Вселенной.

— Да уж, — Нервный начал ходить взад-вперед. — Да уж... Не работал он с Сосновским. Тот бы его научил вовремя приходить. Подумаешь, пилот... А помнишь, — снова обратился он к просветленному товарищу, — как мы на хоботунов втроем... Эх, были времена... Савельич, подтверди!

Савельич, хитро ухмыляясь в бороду, подтвердил.

— Эй, мальчишки, не меня ждете? — раздалось откуда-то из-за спины сексапильное контральто.

Мы, как по команде, обернулись и замерли. Опершись плечиком на бетонную колонну парапета, там стояла и с озорством поглядывала на нашу разношерстую компанию женщина моей мечты. В смысле, все как я люблю: высокая, рыжеволосая, ноги от ушей. Все прочие аппетитные прелести очень удачно обтягивал и подчеркивал костюм звездной пехоты. Смертоносное очарование в чистом виде, взрывоопасная смесь... Такая легко сделает каждую из ваших ночей незабываемой... или в порыве ревности вырвет позвоночник. А может быть, и то и другое одновременно. В смысле, вырванный позвоночник — такое уж точно не забудешь!

Нервный, видимо, был в этой парочке лидером и сразу постарался взять быка за рога. Ну, может, не быка, и даже не за рога совсем... В общем, он сразу решил произвести на даму впечатление. Парнишка не дурак по женской части, видать.

— Рад вас приветствовать, леди. Меня зовут Игорь, я научный сотрудник БОТАН — Большой Трансгалактической Академии Наук, а это мой товарищ — Семен, он...

— Ну-ка захлопнись, тушкан, — небрежно обронила она, и нервный ловелас, кляцнув челюстью, утих. — Ага... Это вы, значит, мертвый груз... Хорошо, кто из вас, ребятушки, пилот?

Я бросил сигарету — робоуборщики потом подберут — и помахал девице рукой. Все, исключая Савельича, ошарашено посмотрели на меня. Да, иногда правда шокирует.

Первой оправилась от культурного шока рыжая бестия, сказался уровень подготовки и опыт. Видала, наверное, что-то и похуже, чем пилот в гавайке. Она кивнула мне, а затем, чеканя каждое слово, — куда только девался вальяжный тон? — обратилась к юнцам:

— Значит так, меня зовут Кристина, и я буду вас опекать. Сержант Сосновский, с которым вы познакомились во время своего прошлого полета, в данный момент находится на выполнении важного правительственного задания. Поэтому...

— Лично вас... — она повернулась ко мне. Я воспитанно поклонился и представился:

— Алекс.

— Лично вас, Алекс, он просил позаботиться об «этих щенках» и сказал, что «с него магар». Однако хочу сразу внести ясность — это мой пенцы. И вы к ним не суётесь.

Я кивнул и постарался мило улыбнуться в знак согласия и примирения. Если она будет их муштровать одна — мне же лучше. Обещанный магар все равно ведь получу. Люблю, знаете ли, ничего не делать, и чтобы это приносило мне прибыль.

Я уже подумывал было огласить этот мой взгляд на вещи, вставив попутно два-три комплимента, однако меня грубо остановил Савельич:

— Тпру, командир! Ладно эти, — он кивнул на студентов, — увидели юбку и все, мозги всмятку. Ты-то куда?! У нас взлетное окно через полчаса, а мы тут сюсюкаемся!

Уж если Савельич прав, так он прав. Мы похватили снаряжение и галопом понеслись в сторону корабля. Я бежал позади всех, обоснованно считая, что без пилота все равно не улетят. Эта позиция позволяла мне поглядывать с самого выгодного ракурса на нашу новую знакомую. Она, к слову, властно покрикивала на своих подопечных, выцеливала острой коленкой их пятые точки, но бить пока не решалась — для этого необходимо познакомиться поближе.

Впрочем, даже с такой вот скромной стимуляцией мы вовремя успели забраться в корабль, плюхнуться в нуль-кресла и отчалить до момента, когда рассвирепевший диспетчер начал бы употреблять в эфире ненормативную лексику.

«Сарторис» легко вытащил наши сплюсненные перегрузкой тела на орбиту и швырнул их к звездам. Полет начался!

* * *

Кто рано встанет — быстрее всех проголодается. Железное правило. Вот и сейчас я очнулся, выполз из своей крио-камеры и поздоровался с соседом по рубке — здоровенным кактусом в мощном горшке. Он давно путешествовал со мной, поэтому я ему даже имя дал — Жорик. Так вот, Жорик промолчал, а вот мой собственный желудок тут же отозвался урчанием. Все-таки нормальный человек на этих инъекциях толком не проживет. Ну какая сытость может быть от питательной жидкости? С другой стороны, я представил, как аппарат жизнеобеспечения пытается засунуть в вену кусок мяса, и стало не по себе.

Так, отставить глупости!

Первым делом проверить показания приборов. Голографическая панель с удовольствием рассказала, что корабль в полном порядке и через несколько часов пойдет на снижение.

Дозаправка — дело простое. Обычно моего участия не требуется, автоматика делает все сама. Сама получает сигнал радио-маячка, отправляет опознавательные коды, ложится на курс и заводит корабль в технологические доки. По большому счету, мне можно и не просыпаться до самого старта, но я предпочитаю не пускать дело на самотек. Мало ли? Посижу, посмотрю, что да как. Ну, и если повезет, переброшусь двумя-тремя фразами с местными, я им анекдот — они мне несколько. Будет что потом рассказать в «Комете», там бармен любит послушать. Посмеется и, глядишь, третью рюмашку поднесет бесплатно. Говорил ведь, что люблю дармовщинку?

Бух-бух-бух! Тыдыщ!

— Пилот, откройте!

Ага, оказывается, я не один бодрствующий. Кому там еще не спится? На видео панели отчетливо виднелись три человека: наша бравая десантница и ее подопечные. Сделать вид, что сплю? Потопчутся у двери — и уйдут. Не мои проблемы.

— Сейчас же открывай, любовник ксеноморфа! Я знаю, ты не спишь! Открывай... Или я вышибу дверь!

А вот это вряд ли. Дверь у меня хорошая, новая. Не та фольга, что в базовой комплектации. Однако в голосе Кристины было что-то такое... близкое к отчаянию? Довели ее сопляки? Слегка поколебавшись, я буркнул в микрофон:

— Не горячись, открываю.

И открыл. Вот так отзывчивость нас, пилотов, и губит. Ни за какой дверью ее не спрячешь. Пока мои гости заваливались в кабину, я даже успел с грустью укорить себя за доброе сердце.

В каюту влетела вся троица: Крыся, Сеня и Игорек. Причем парни стояли так, будто их случайно занесло в мою монашескую келью, а Кристина... Вот уж настоящая валькирия! Ее очаровательные глазки метали молнии. Очень красиво, жаль только, что в мою растерявшуюся особу.

Прямо с порога она набросилась на меня. Хорошо, что напасть она решила лишь словами, могла бы и острым девичьим кулачком приложить. С нее станется!

— Алекс, что за ерунда?! Ты здесь пилот или сахарную вату продаешь?

Я попытался отшутиться:

— Ну, это зависит от предложенных комиссионных, — но тут же понял, что шутки для меня сейчас — путь в никуда, а точнее — в реанимацию. И замолчал.

— Какого дьявола мы заходим на эту планету?

— Дозаправка, мэм, запланированная.

— Хорошо, дай сюда карту!

Я обернулся к монитору и вывел на просмотр область вселенной, в которой находился наш корабль:

— Вот, пожалуйста.

— Теперь покажи наше точное местоположение.

Я еще немного поколдовал и предоставил воинственной девице требуемое.

Так же мило улыбаясь, я ткнул стиллусом в экран ... и обмер. Мама дорогая! Все было вроде неплохо, и маячок автозаправщика обнадеживающе мерцал рядом с «Сарторисом». Вот только подмигивал он мне из полной, абсолютной, несомненной пустоты открытого космоса! Мы только что совершили контролируемую автоматикой посадку на планету, которой нет!

Тут я и сел. Кристина кивнула:

— Вот и моя карта то же показывает. Понял, наконец, летчик, мать твою, пилот?!

Я понял. Но не понял.

— Этого не может быть!

— Сама знаю, что не может. Но факты — штука упрямая. Ваши предложения?

Из-за ее спины выглянул один из подопечных, вроде Семен, если я правильно запомнил, и сказал:

— Я за то, чтобы выйти на поверхность яичка и осмотреться.

— Так, а теперь давай взрослые дяди и тети будут решать, ладно? — осадила его десантница.

Он нахмурился, хотел что-то добавить, но, увидав злющий Крыськин прищур, смолчал.

— Я вот что думаю — черт с ней, с картой. Может, врет, мало ли. Поэтому давайте, как запланировали — тихонько заправляемся и подалее отсюда. Я — спать, вы... чем вы там хотели заниматься, и всех все устраивает, — предложил я.

Кристина, все еще не до конца успокоившись, кивнула и глянула на птенцов. Те тоже в ответ закивали. Интересно, что она им приготовила, если подняла так рано?

В этот момент мерно заработали причальные насосы, закачивая топливо в баки. Этот звук подействовал на меня очень успокаивающе. В конце концов, правильно, возможна ошибка, по возвращении доложим кому следует, а большие умы пусть разбираются.

Все было спокойно, спустя несколько минут насосы замолчали, закончив свой нелегкий труд. Жаль только, так и не удалось перекинуться парой словечек с местными. Видно, накрылась моя бесплатная третья рюмашка. Ну да ладно, я на попутчиках больше заработаю.

Команда моя тоже успокоилась и разбрелась по своим нуль-креслам. Еще полчаса, и можно будет всем вместе отойти ко сну. Подумав так, я сладко потянулся и запустил двигатели. Точнее, попытался это сделать — а в ответ тишина. Вот тут уже у меня все упало и покатилося по полу. Баки были сухими, как мой любимый мартини!

Нас обобрали с такой элегантностью, что лучшие вору-карманники удавились бы от зависти. Должно быть, внутри топливного шланга проходил второй, по которому топливо выкачивалось быстрее, чем вливалось. Бортовая система просто не успевает распознать подвох. Я слышал про такой фокус, но вот увидеть довелось впервые.

— Почему не взлетаем? — в кабине вновь появилась Крыся.

— Все, отлетались.

К ее чести — и моему облегчению — она не набросилась на меня с кулаками, Видимо, поняла нутром, или чем там еще женщины

чувствуют, что дело — дрянь. Лишь выглянула в коридор, закрыла за собой дверь и приказала:

— Выкладывай.

Я, разумеется, выдал все, хоть и не должен был. Она выслушала, неэлегантно, по-мужски поскребла подбородок и сказала:

— Дураку понятно, что это попытка захвата корабля. Старые пиратские штучки. Странно только, что еще никто пока не лезет внутрь и не пытается перерезать нам глотки. Ну, или хотя бы требования выставить.

Сглазила. Не успела она договорить, как молчание в эфире оборвал низкий женский голос:

— Добро пожаловать на Базилевс одиннадцать. Предлагаю вам добровольно открыть главный шлюз и сдаться.

— Кто это там вякает? — осведомилась Кристина.

— С тобой не «вякает», а разговаривает губернатор вольного поселения, поэтому повежливей, — выдал эфир.

— С каких это пор пираты стали считать себя вольными поселенцами?

Это ее замечание осталось без ответа, поскольку голос невозмутимо продолжил:

— Повторяю, открывайте главный шлюз и сдавайтесь. Тогда я, может быть, оставлю вам жизнь. У вас десять минут.

Крыся ответила и отключила связь. Я всегда не понимал, как сочные, спелые девичьи губки могут произносить грязные ругательства. А тут заслушался — такого отборного, квалифицированного мата я не слышал даже от грузчиков в космопорту.

Не теряя времени на раздумья, десантница кликнула своих подопечных и скормила им запись переговоров.

— Так, сопляки, слушаем меня, — начала без предисловий. Фразы: «К вам это не относится, капитан» я, естественно, не дождался, но возмущаться не стал.

— Если не сообразили, корабль в данный момент пытаются захватить пираты.

— Пиратки, — безмятежно внес поправку Семен.

— Пираты, — с нажимом продолжила Кристина. — Нас четверо, Савельича в расчет не берем. Пока он «отдает», пройдет не один час. Помощи ждать неоткуда. Придется делать все самим.

Извечный вопрос дополнился еще одним словом и повис в воздухе.

— Что именно делать? — осторожно поинтересовался я.

— Оружие есть?

— Есть, — я кивнул на небольшую панель за ее спиной, — стандартный набор.

Она мигом очутилась у нее.

— Пароль?

Я слегка покраснел и назвал набор цифр.

— Дилетант! — прошипела валькирия. — Кто ж заводские пароли на оружейном шкафчике оставляет?!

В этот момент даже Игорь с пресвятым Семеном смотрели на меня осуждающе. Я пожал плечами. Ну а что тут такого? В мире, где все ставят индивидуальные пароли, кто про мой дефолтовый догадается? Я не прав?

Кристина вытащила бластер, батареи и повернулась к нам.

— Негусто, но для того, чтобы некоторое время держать оборону, пойдет. Жаль, что в оружейную комнату не попасть без каптера. Или, может, там такой же пароль, как у тебя на ящике, разгильдяй?— последняя фраза предназначалась мне. Однако пришлось признать, что каптер смыслит в безопасности больше пилота:

— Не, я разок попробовал ввести для смеху — безрезультатно.

— Эх, жаль, летун, я не твоё начальство. Ты бы у меня отгреб «за нарушение должностных», как пить дать.

— Смотрите, — завопил Игорь и пальцем ткнул в монитор, на котором отображался вид взлетного поля вокруг «Сарториуса». — Вот сволочи!

И действительно — к нам, не торопясь, следовала группа местных. На глаз, человек тридцать, в массивных скафандрах рудокопов. Картинка напоминала бы компанию отмечающих зарплату шахтеров, если бы впереди себя толпа не гнала девочку лет двенадцати. Чтобы лучше ее рассмотреть, я увеличил изображение, насколько позволила оптика. Одета девчужка была в лохмотья. Под глазом красовался огромный синяк, на губах запеклась кровь. Иногда она спотыкалась и падала на серый, ноздреватый грунт, но ее тут же поднимали на ноги и пинками подгоняли в нашу сторону.

Остановившись метрах в пятидесяти, пираты — а сомнений в этом не было никаких — рассредоточились полукольцом около главного шлюза. От толпы отделилась одна фигура. Лица я не разглядел, все скрывал матово-черный гермошлем. Бандит схватил девочку за шею и поволок к входу в корабль. Забравшись под самое брюхо «Сарториуса», пират замер и сбросил защитный шлем. На нас смотрело женское лицо, а когда дамочка заговорила, я понял, что это она требовала нашей добровольной сдачи:

— Видит Бог, я не хотела, но вы меня заставили. Итак, правила изменились. Если вы отказываетесь сотрудничать, пойдём другим путем, — в ее руках появился огромный тесак. — Даю минуту и начинаю отрубать девочке все выступающие части. Начну с руки, а чем закончу, зависит уже от вас, дорогие гости.

Услыхав это, пленница задергалась, но вырваться из захвата ей не удалось.

— Минута пошла, — крикнула разбойница и нервно хохотнула.
— Она блефует, — сказала Кристина, но я ее уверенности и спокойствия не разделял.

— А вот сейчас и увидим — осталось-то пятнадцать секунд, — напомнил не к месту Игорь.

— Может по ней влупить из лучемета? — полез с бесполезными советами Семен.

Кристина пожала плечами:

— Как? Мы же внутри, а она снаружи?

— Нет, я имею в виду те, что закреплены на обшивке.

— Не достанешь под космолетом, — она кивнула на монитор. — Эта баба знала, где встать.

— Пять...четыре...три...один, — услышали мы усиленный внешними микрофонами голос пиратки.

— Стой! — гаркнул я. — Если тронешь девочку — врублю из бортового лазера по твоим кодрадам!

Потянем время. Тянем-потянем, да вытянуть не можем.

— Время тянешь, герой? — будто, прочитав мои мысли, хмыкнула пиратка, подняла тесак и...

Дьявол! Эта тварь не блефовала — тесак рухнул вниз. Девочка истошно завизжала, из отрубленной руки брызнул фонтан крови. Она упала на колени, держась за культу.

— У нее еще осталась правая. И чудные ноги. А там постепенно доберемся и до смазливой мордашки, — тут голос пиратки изменился до неузнаваемости, превратившись в звериный рык. — Открывайте!!!

Поймите меня правильно, я повидал многое. Я убивал, меня убивали, не до конца, правда. Но видеть такое и бездействовать — не научился.

— Стой! — заорала Кристина, но было поздно. Наш шлюз открылся.

— Быстрее, закрывай! — Крыся ударила меня по руке и попыталась восстановить статус кво. Однако разгерметизация — штука серьезная, плавная, поэтому у внешней двери отклик секунд семь-восемь. За это время пираты уже успели заскочить внутрь и парализовать створки какой-то дрянью.

Оставалось лишь обороняться. А чем, если на четверых у нас один лучемет?

Мы бросились к входу, похватав на бегу все, что попало под руки. Мне достался металлический прут длиной около метра. Против людей в скафандрах просто смешно... успеть бы посмеяться!

А эти самые люди уже всю хозяйничали на моем корабле. Первой в коридоре показалась женщина двухметрового роста. И в ширину примерно столько же. Настоящее осадное орудие с ногами. Она обходилась вообще без скафандра, Видимо, такого размера просто

не существовало в природе. Либо кожа у леди-танка была дубленой и в защите не нуждалась.

— Ну-ка стой спокойно, опусти оружие, и тебе ничего не будет, — прогудела бабища голосом настолько низким, что завибрировал пол. Уверен, она могла бы петь инфразвуком.

— То же самое хотела сказать и тебе, мамонтиха, — парировала Кристина, все так же целясь в пиратку. Целиться было нетрудно. Огромная туша занимала весь проход, и проскользнуть мимо нее у взрослого человека не получилось бы. Плюсы: миновать ее также не могли и другие пираты. Минусы: она одна вполне справится со всеми. Вполне возможно, что нас четверых как раз хватит, чтобы удовлетворить ее суточную потребность в мясе.

— Отдавай девочку, и тогда, может быть, мы поторгуюемся. И молись, мымра, чтобы она все еще была жива! — крикнула Кристина.

— Девочку? Ах, девочку. Что же, можно и девочку. Все равно эта падаль скоро очокурится. Эй, давайте сюда девчонку.

Еле разминувшись с громадиной, в коридор протиснулась та самая маленькая заложница. Нижняя губа ее по-заячьи дергалась от пережитого шока, глаза на зареванном личике запали. Из окровавленного рукава торчали лохмотья кожи. Медленно, будто бредя сквозь толщу воды, она сделала несколько шагов навстречу Кристине. Тут худенькие, все в синяках и шрамах, ножки подкосились, и девочка упала бы, если бы ее не подхватила десантница. Обняв Кристину, пленница тихо прошептала:

— Спасибо, тетенька.

Внезапно девочка распрямилась, как высвобожденная от гнета пружина, и ударом оставшейся руки выбила бластер. Все произошло так быстро, что Кристина не успела среагировать. А бывшая заложница отпрыгнула назад и залилась истерическим смехом.

— Доверчивая дурочка! А-ха-ха-ха, ...»тетенька», цирк, да и только! — изменившимся звонким голосом заорала она. — Барбура, взять!

Но огромная бабища не спешила нападать. Напротив, она великодушно предложила Кристине:

— Будь умницей, сдавайся, и тогда я не оторву руки заморышам и тому красавчику.

Против воли я ухмыльнулся.

— Чего лыбишься, заморыш? — фыркнула годзилла в мою сторону. И настроение у меня сразу испортилось.

— Такая большая, могла бы и знать, что десантники не сдаются! — зло ответила Крыся.

— Десантники, значит... Военные, значит... — лицо пиратки потемнело, и мы с парнями застыли.

— Испугалась, жаба? — Кристину нельзя было обвинить в умении читать по лицам.

— Я уж думала тебя в живых оставить. Да видно не судьба. Что ж, тварь, держись... — и туша ринулась на нас. А точнее на Крыську, отчего-то здесь предпочитали лупить и калечить только женщин.

Как драться с такой махиной? Единственный шанс — вымотать. Подбежал — ударил — беги. Если успеешь. Не успел — умри. Все просто. Но это если есть куда. А в нашем случае — узкий коридор метра три шириной. Вмазать можно ... разок...ну, два-три от силы. Не по потолку же драпать?

Подвернись Крысе под руки талисман на счастье — обрезок трубы или бита — вот тогда бы — куда ни шло. Но, как назло, ничего такого не случилось. Поэтому Оно выставило перед собой клешни, пытаясь сгрести Крысю в охапку. Та отпрыгнула, сделав кувырок назад. Все — спина ее уперлась в стену. До столкновения — доли секунды. Однако Кристина вывернулась — крутанула колесо влево, а ее противница врезалась в холодную сталь. Готов спорить — на металле остался отпечаток.

Другой бы от такой встряски помер на месте, а слониха лишь встрянула головой — и снова в бой.

Кристина встретила ее боковым в челюсть и добавила коленом по ребрам. Еле успела увернуться от пронесшейся над головой ручищи. Двойка в корпус и укороченный локтем под дых. Мимо, локоть увяз в колоссальной груди и вреда не причинил. Отскок — удар ногой с разворота навстречу — тот же эффект. А отступать снова некуда.

Крыська бросилась пиратке в ноги. Благо, наступить на нее та не успела. Быть бы тогда нашей десантнице плоской. Но нет, кувырок, и она вновь на ногах. Взметнулась вперед и вверх — локтем сверху вниз. С расчетом попасть в висок.

Вот тут великанше, видимо, надоело, что ее бьют. Она прогнулась всем телом вперед и ударила бесхитростно — животом. Кристина отлетела, будто куль с песком, и рухнула бесформенной массой. Клянись, я бы уже не встал, но она, пошатываясь, попыталась подняться. Поздно — чудище взмахнуло ногой. Удар приподнял Кристину в воздух и впечатал в стену. Испутив тихий стон, девушка сползла на пол.

— Барбура! Хватит с нее! — хлестнул голос, и Крушительница Небоскребов замерла. В кают-компании появилась наша старая знакомая с тесаком. Без попугая на плече, с полным комплектом конечностей и глаз. Но все равно с первого взгляда было понятно — перед нами пиратский капитан. Зеленые глаза мечут молнии из-под густой копны спутанных волос, почти мужской — только без щетины — волевой подбородок с ямочкой, и голос, привыкший повелевать.

— Может, пригодится еще. Доставим на Землю нашу посылку, а там уже посмотрим, что с ними делать.

Тут она подошла к девочке-оборотню и погладила ее по голове:
— А ты, Мышка, молодчина. Отлично сыграла. Жаль, протез твой малеха испортили. Ничего, новый тебе справим, лучше прежнего.

— Протез?! — у меня глаза вылезли на лоб.

— А у нас здесь, знаешь ли, уран везде, — взглянула на меня капитанша, — детки разные рождаются. Иногда всё на месте, а бывает, что и не всё. Ладно, мужики, кто тут пилот? Надеюсь, не эта ваша боевая соплячка?

Упираться не было смысла, поэтому я поднял руку.

— Угу, — смерила меня взглядом пиратка, — все ясно. Барбура, девчата, заприте их куда-нибудь.

Уж не знаю, кто из нас троих был красавчиком, но руки Барбура не стала отрывать никому. Нас почти ласково проводили в каюту, хотя напоследок кому-то из Кристинкиных птенцов отвесили пинка. Кристину занесли и положили там же. Ох, и крепко ей досталось. Сознание потерялось и в скором времени, похоже, не вернется.

Пока Игорь с Семеном кряхтели и шепотом жаловались друг другу на жизнь, я осмотрелся. Ничего, что бы облегчило нашу участь или помогло сбежать, в каюте не оставили. Вынесли все, кроме привинченных к полу коек.

— Да точно они, я тебе говорю! — вдруг раздался крик Игоря.

— Этого не может быть, — со всей убежденностью правоверного утверждал Семен, — у нас в храме им давно спели заупокойную песнь. Значит, Протоплазма приняла эти несчастные души.

— Кого приняла? О ком вы? — живо заинтересовался я разговором.

— Да пиратки эти чертовы! — Игорь обрадовался, что нашел слушателя, а Семен только покачал головой.

— И что там с пиратками?

— Я про них когда-то доклад писал! Это один из наших — федеральных, в смысле — спутников. Там когда-то добывали уран и прямо на месте превращали в оружие.

— И?

— И когда колонии восстали, со спутников этих все выгребли. Ну, сам, наверное, помнишь, тогда Федерации плохо пришлось, времена были отчаянные.

— Что значит «все выгребли»? — уточнил я.

— То и значит. Всех мужиков — на фронт, все оружие — туда же, всю мало-мальски пригодную технику — тоже. В общем, все. Остались одни бабы и минимум оборудования для поддержания жизни.

— И что дальше?

— Дальше ничего, — вмешался Семен, — Эти планетоиды были уничтожены силами колонистов. А те, что не были — их полностью расформировали.

— Да ерунда это, — поморщился Игорь. — Колонистам не до того было, чтоб полудохлые шахты уничтожать. Просто после мирного соглашения вспоминать об этих астероидах было как-то не с руки. Поэтому про них и забыли. А те, которые подавали признаки жизни, усмирили войсками.

— Но официально...

— Ну, да, официально! Ты еще Протоплазму вспомни, она тоже очень официальная!

Семен нахмурился и сжал кулаки, Игорь с вызовом посмотрел на товарища.

— Плутоний, значит... Вот как этот танк ходячий на свет появился... — я не обратил на назревающую драку внимания. Какая-то мысль крутилась в голове, но все никак не могла оформиться. — Теперь понятно, чего они так спецназ не любят. И Землю тоже.

Сказал, и осенило:

— Стоп! Игорь, оружие, говоришь, там делали?

— Ага. Бомбы, всякие двигатели, генера...

Секунда тишины. Нехорошей такой. Когда все всё понимают, но вслух никто говорить не хочет.

— Значит, посылочка, которую они везут... Это может быть...

— Да. Это может быть! — вдруг раздался Крыськин голос.

Вот десантура, вот молодцы, умеют воспитывать кадры! Кристина даже в сознание пришла как-то по-армейски собранно, организованно — открыла глаза и резко села, свесив ноги с кровати. Встряхнула гривой, чтобы разогнать оставшиеся после удара спецэффекты, и ехидно спросила:

— Ну? Что же вы не встряли, пока я ее мотала? А, дрыщи?

Молодняк отвечать не стал, видимо, привыкли уже к таким эпитетам, а я попытался оправдаться:

— Я не дрыщ! Я — джентльмен, и женщин не бью!

Не прокатило.

— А где ты разглядел женщину в этом мастодонте? — грубо осведомилась Крыся. — Если сиськи на грузовой звездолет налепить — тоже будет женщина?!

Я представил картину, как эта могучая космо-грудь будет трепетать при заходе на посадку, и невольно улыбнулся:

— Для меня таких слов, как сиськи не существует. Грудь, бюст...

— Бюст — это голова с плечами в старинном музее. А здесь — сиськи. Самые настоящие!

— А может, мы об этом потом поговорим? — вклинился в разговор Игорь. — У нас есть и посерьезнее проблемы!

— А чего переживать? — удивилась Кристина. — Лететь нам еще до-о-олго, будет время и план какой-нибудь обсудить и сись...

Но тут лязгнула дверь, и Крысю грубо прервали:
— Очухалась-таки, зараза? Крепкая.... как таракан!
— Тараканы не крепкие, они живучие, — парировала наша амазонка и вскочила. Вернее, попробовала. Травмы все еще давали о себе знать, поэтому она с оханьем села на койку. В дверях, согнувшись, стояла Барбура.
— Пилот, давай на выход, — буркнула она, и я, делать нечего, дал на выход.

* * *

За столом — за моим любимым столом! — сидела капитанша пиратов. Пристально поглядев на меня из-под спутанной гривы, она предстала:

— Звать меня Хельга. Я здесь главная.
— Меня звать Алекс, и я здесь пленник, — мрачно ответил я.

Она ухмыльнулась и продолжила:

— Ты человек военный, Алекс, и меня поймешь.

Эта фраза вызвала у меня прилив адреналина. Подобные обороты частенько используют боссы, и, как правило, это значит, что ничего хорошего ждать не приходится.

— Добровольно сотрудничать ты, скорее всего, откажешься, — я кивнул. — Поэтому самое простое решение — шантаж.

— Шантаж? — выдавил я.

Капитанша кивнула.

— Старый добрый. Ты — ведешь хорошо себя и корабль. А твои дружки — спят в своих холодильниках, и ничего с ними не происходит. Ну, как? По рукам? Или готов пожертвовать кем-нибудь, затягивая решение?

— Да! — поспешно сказал я. — В смысле нет, жертвовать никем не надо. Я согласен.

— Вот и прекрасно, — улыбнулась капитанша, чего я от нее никак не ожидал. Как-то не вяжется жестокая бандитка и такая добрая улыбка. — Хорошее решение. Барбура?

В следующий миг Разлучительница Собраний подхватила меня и взвалила на плечо. В ответ на мое удивленное ойканье, капитанша хмыкнула и пояснила:

— Курс к Земле мы проложить сможем. Вы понадобится на подлете. Спите спокойно, пилот, — и уже минут через десять меня погрузили в крио-камеру.

Споры ученых мужей о том, видят ли люди в состоянии крио-покоя сны, ведутся с того самого момента, как эти камеры были введены в строй. Кто-то утверждает, что процессы в организме

настолько замедленны, что ни о какой мозговой активности и речи быть не может. Кто-то упирает, что это возможно, но только, когда человек начинает оттаивать... В общем, и по сей день вопрос, снятся ли замороженным людям мерзнущие овцы, остается открытым. Кто прав, я не знаю, но...

...мне снилась странная сцена: на каменном троне сидела Барбура — отчего-то вся зеленая, раздувшаяся и с хвостом. Ее лицо стало раза в три больше, но все равно было узнаваемым. У трона на коленях примостилась Кристина в очень фривольном костюмчике, похожем на позолоченный купальник со странной юбкой. Вид портил только ошейник и цепь от него в лапах Барбуры. Рядом с тронном на корточках сидел Игорь. Узнал я его не сразу — во сне он обзавелся длинными ушами и уменьшился в размерах. Где-то слева виднелся тип в странном костюме с реактивным ранцем. Шлем скрывал его лицо, но судя по сложенным в молитве рукам, — типом был Семен. Я обнаружился на заднем плане. Уж не знаю, что мне хотело сказать мое подсознание, но я был больше похож на гипсовое изваяние, барельефом торчащее из стены. А моя поза... будто я пытаюсь сдвинуть с места Барбуру, выражение лица — соответствующее. И самое противное — мне казалось, будто все это уже было. Было давным-давно в далекой-предалекой... вставайтека? Какая еще «вставайтека»?!

— Вставайте-ка, товарищ пилот, — голос Бабмуры разбудил меня окончательно. Я открыл глаза и принялся выбирать. Заморозили меня не в «пилотской» камере, поэтому «отходняк» был делом долгим и тяжелым. Это там меня бы мигом привели в чувство всякие препараты. А тут — все куда безопаснее, но так долго! Организм медленно приходил в себя. Слабость постепенно отступала, в желудке снова просыпалось стандартное чувство голода. Примерно через полчаса я сумел подняться и побрел в капитанскую рубку.

Там уже сидела капитанша, Мышка и какая-то строгая дама, видимо, их местный аналог пилота. И, что особенно неприятно, моего друга кактуса Жорика выставили куда-то далеко в коридор. Чем он им тут помешал?

— Что у нас плохого? — хрипло поинтересовался я. Вышло здорово. Очень по-пиратски.

— Неважно выглядишь, Алекс, — покачала головой Хельга. — Сможешь управлять кораблем?

— Еще и не такое смогу, — пробурчал я.

— Вот и хорошо. До Солнечной системы лететь еще часов восемь. За это время как раз оклемаешься. Нам же не нужны неожиданности, так?

— Успокойтесь, пройдем мы все кордоны. Меня там знают, коды я помню. Все будет нормально.

Пиратки кивнули и удалились, оставив меня наедине с электроникой. Я уселся в кресло, вызвал пару панелей, проверил показания приборов. Маршрут был проложен грамотно, автопилот спокойно мог вести корабль до самой Земли. Но вводить код опознавания нужно вручную. Иначе зачем вообще нужны эти пилоты? Это шутка была, если что. Так вот, повалявшись в удобном кресле, окончательно придя в норму, я начал готовиться к предстоящей наспех выдуманной операции по освобождению.

* * *

Бух-бух-бух! Тыдыщ!

— Пилот, открывай!

— Алекс, открой!

— Добром прошу, летун, открывай!

— Сопло ты алюминиевое! Сто парсеков тебе в дизель!

— Так, девочки, ломайте дверь. Он не откроеет, хемуль субатомный.

— Не откроешь добром — я на тебя комбинезон красный примерю, понял намеки?

— Ну-ка, девочки, расступитесь, щас я ка-а-ак навалюсь!

— Ай, Барбу...

— Ну я же говорила, расступитесь...

Я упоминал, что дверь у меня отличная? Жаль, что я уже был далеко и не слышал все эпитеты, которыми награждали меня пиратки. Поставив таймер на запоре двери, я спрятался. Долго ждать не пришлось, мадам капитан решила проверить, как там дела, послала ко мне Мышь. Ну и понеслось. Караул! Ужас! Пилот заперся и молчит! Только музыка ревет!

— Ох...

— Давай, давай, Игорь, не кряхти.

— Ох...

— Как-то вы с Семеном одинаково кряхтите! Можно концерт устроить. Потом. Да вылазьте вы уже! Времени мало!

— Уйди, пилот, мне тошно...

— Кристина, родненькая, а мне какво? Я так каждый раз встаю! Без моих пилотских стимуляторов вы бы час раскачивались.

— Да, да, понимаю... Уже... встаю... Эй... Вы двое! А ну живо вставать!.. Ох...

Игорек и Сеня сделали вид, что стараются. Должно быть, прошло не более десяти минут с того момента, как я извлек их из камер. Но для меня это время тянулось невыносимо долго. Поглядывая то на дверь, то на своих ребят, — и девчат! — я весь извелся.

— Ну? Ну?! Быстрее, мертвецы ползучие.

Так, Кристина, кажется, уже пришла в норму, вылезла из капсулы и принялась вытаскивать птенцов. Почему мне не пришло это в голову?

— Надо же. Товарищ пилот, вы здесь, а мы вас обыскались.

Мои зомби и их храбрый предводитель застыли. Как в ужасах каких-нибудь я медленно обернулся. В комнату входила капитанша с бластером в руке, а за дверью виднелись крупно-габариты Барбуры. Как они умудрились подкрасться так тихо?

— Эээ... Мадам капитан? А что вы тут делаете? Какая неожиданная, но, не скрою, приятная встреча...

— Алекс, мы же договорились. Ты ведешь себя хорошо.

— Так я и веду!

— А это что у тебя за спиной?

— Мои друзья.

— Хватит чушь нести, сукин кот! — рявкнула вдруг Хельга, и мои зомби, не выдержав, посыпались на пол, как кегли. — Хотела с тобой по-хорошему, а ты...

— СТОП! — вдруг, испугав самого себя, заорал я. Хельга так удивилась, что даже забыла начать угрожать.

— Мадам, вы меня не так поняли. Я вовсе не хотел доставлять проблем. Просто... Просто... Мы с ребятами — одна большая, дружная семья. Если ты понимаешь, о чем я, — тут я ей подмигнул как можно развязнее. И уж никто бы не сказал, что я вру, не моргнув и глазом.

Кристина и ее заморыши в это время уже стояли за моей спиной. Капитанша нахмурилась, видимо, не совсем поняла. Эх, трудно одновременно улыбаться и скрипеть зубами. Вот так, мучая мышцы лица, я подошел к Игорю с Семкой и одного чмокнул в щеку, а другого хлопнул по заднице. Семен отреагировал как всегда — никак. Видимо, Протоплазма и не такое разрешала своим верным слугам, а вот Игорь мгновенно вспыхнул и, похоже, собрался выступить с возражением. Кристина — умница, девочка! — обняла нас обоих, меня нежно, его — не особо. Бунтарь ойкнул и передумал выступать.

— Не обращайтесь внимания, он у нас такой шалун, — проворковала Крысы и куснула меня за ухо. Вот! И на мою улицу пришел праздник!

Глянув на нас с подозрением, капитанша с минуту подумала, потом решила:

— Бес с вами, извращенцами. Морозить вас уже поздно. Но учтите. Я за вами слежу. Если вдруг что — космос станет чуть менее пустым, вы меня поняли?

Мы, конечно, поняли.

— Марш в каюту. Барбура, проводи.

* * *

Брифинг в плену. Есть в этом какая-то романтика космических приключений.

— Ситуация такова, — сидя на полу, рассуждала Кристина, — пиратки заселили пассажирские каюты. Ящик с посылочкой стоит в кают компании. Возле него постоянно дежурит пара мордovorоток. Как туда пробиться, если нас постоянно держат на виду или взаперти?

Я предложил:

— Ну, конечно, можно попытаться свалить из капитанской рубки и освободить вас. Но получится ли...

На что Кристина лишь покачала головой:

— Ага, тут под дверью постоянно дежурит этот ходячий эсминец. С ней ты что планируешь сделать? Залюбить до смерти?

— Э, нет, это у вас не выйдет, — злорадно сказал Семен. — Ее сердце занято Игорьком. Достала уже: «Игорь красавчик, Игорь душка». Гудит и гудит под дверью. И еду всякую таскает с камбуза. Ну дети малые!

Он еще не успел закончить, а у меня в голове уже сложился план побега. Видимо, я просиял, как надраенный фюзеляж, потому что Кристина сказала:

— Давай, выкладывай.

— Не думал, что когда-нибудь это скажу, но Семен, ты гений. Порядок — кто нам мешает, тот нам и поможет, — и я с энтузиазмом потер руки. — К тому же у меня приготовлен небольшой сюрприз, вам понравится.

Под дверью, и правда, не умолкая, гудел басок Барбуры:

— Малыш, а хочешь, я тебе покушать принесу? Хочешь пироженку?

— Пироженку? Ты ее под дверь, что ли, просунешь? — капризно огрызнулся Игорек. — Нет уж спасибо. Я буду пирожное лопать, а остальные — мне в рот глядеть?

— Так я на всех принесу, — не сдавалась леди-танк. — Ах, черт, у меня же ключей нет!

Игорь замолчал, но после того, как Кристина пригрозила ему кулаком, продолжил:

— Добрая ты девушка, Барбура.

— Стой, как ты меня назвал, повтори еще раз?

— Ну, Барбура...

— Да нет, не это, раньше.

— Добрая ты... э... девушка?..

За дверью воцарилось молчание, а потом послышались негромкие всхлипы.

— Что уже снова не так?

— Девушка... Меня уже пятнадцать лет так никто не называл, — от- лично, процесс охмурения Барбуры шел как по маслу.

— Прости, я не хотел...

— Да нет, мне очень приятно.

Еще одна молчаливая Крыськина угроза, и Игорек решил:

— Странные у вас там люди, на Базилевсе. Не замечают женской красоты. А вообще, у вас же там мужчин почти нет.

— Четырнадцать, — сквозь участившиеся всхлипы уточнила Барбура.

— Тогда понятно. Я бы на их месте не прочь был за тобой приударить, Барби.

За дверью исчезли даже всхлипы. А потом раздался грозный голос расчувствовавшейся охранницы:

— Отойди в сторону.

Дверь содрогнулась от сильнейшего удара, не удержалась на пет- лях и рухнула.

В каюту-камеру ворвалась Барбура, вид у нее был немного по- мятый: свидание с сотней килограммов нержавеющей стали — вещь неприятная. Но лицо ее лучилось счастьем. Раскрыв широченные объятия, она воскликнула:

— Я иду к тебе, мой пенчик!!! — и сгребла в охапку несчастного Игорька, да так, что, казалось, хрустнули кости. Или не казалось? Ее жертва тут же обмякла, будто набитый ватой манекен.

Хрясь!!! Это наша валькирия, выскользнув в коридор, вернулась с огромным цветочным вазоном и обрушила его на голову Барбуре. Та повалилась на пол, как подкошенная. Хорошо хоть перед этим выпустила «пенчика» из богатырских обнимашек. Он еле дышал, однако всем видом старался показать, что в порядке. Увы, кактус героически погиб — бедный Жорик!.. — но смертью своей добыл нам свободу. Путь к ящику был открыт.

Как назло, Барбура была не вооружена. Хотя зачем ей оружие? Она сама по себе — страшная разрушительная сила, заключенная в человеческую оболочку. И если эта оболочка очнется — нам всем не поздоровится. Поэтому мы, как ни сопротивлялся дамский угод- ник Игорь, раздели «спящую красавицу» и связали ее же одеждой. Огромный бюстгальтер, в котором легко уместилась бы пара школьных глобусов, пригодился, как кляп. Получилось неказисто, но некоторое время эта сбруя удержит нашу бывшую охранницу.

А нам много и не требовалось, все решится в считанные минуты. Все или нечего. Пан или пропал. Корабль уже подлетал к Земле, поэтому времени на подвиг совсем не оставалось. Думать о том, что сделают с нами, даже если затея удастся, совсем не хотелось.

— Ф-фу ты, квадратическая сила! Я уж думал, что вы не появитесь, — раздался хриплый, прокуренный, но такой родной голос.

— Савельич, как ты тут? — я открыл саркофаг крио-камеры.

— Как вошь под ногтем! — ругнулся он. — Ты же, ирод, божился, что на полчаса! А я по твоей милости в этом пенале часа два бока отлеживал.

Это и был мой обещанный сюрприз. Тогда я ухитрился разморозить всех, но Савельича уговорил остаться в камере. Я промолчу, чего мне это стоило!

И сейчас у нас появился не только надежный союзник, но и ключ к оружейной комнате. Этот самый ключ, костеря меня на чем свет стоит, выбрался из пенала и сказал:

— Ну, пойдем, сорванцы, дам вам пукалки.

До оружейной комнаты наш отряд добрался незамеченным. Эх, не додумался я раньше развесить по стенам мечи и топоры, как в старинном замке. Сейчас бы оченьгодились.

План наш особой хитростью не отличался: врываемся в рубку и даем Кристине время поколдовать над бомбой. А там — колесо фортуны: либо ей удастся уничтожить взрыватель, либо... ох, это второе «либо» заставляло подкашиваться мои колени, что тут говорить об Игоре с Семеном. Чтобы не подоспело вражеское подкрепление, кто-то должен был остаться охранять дверь. Вызвался Савельич.

— Я слишком стар для всего этого, — буркнул он. — Силы у меня уже не те, что раньше, но за десять минут я вам ручаюсь.

Ворвались удачно — двинули дверь молоденькую пираточку. Та шлепнулась на пятую точку. Один-ноль, барышни!

А вот дальше начались неприятности. Сектант сразу заорал как полоумный: «Простите, люди добрые!». У правоверных, видимо, так положено — сначала прощения просить, а потом стрелять. Ну, хоть шуганул противника. Пиратки мигом очутились под столами и стали огрызаться. У них на этот счет никаких ритуалов не предполагалось. Краем глаза заметил, что Кристина метнулась к ящику с посылкой. Значит, все по плану. Нам бы выиграть время!

Нет, ну этих двоих надо было не Земле оставить! Один орет, второй, Игорь, решил поиграть в героев. Вместо того, чтобы палить во все, что движется, он бросился вслед за Крыськой и прикрыл ее собственной впалой грудью. Дуралей, в двоих легче попасть, да и стреляют всегда по скоплению!

За дверью слышались выстрелы и мат — Савельич времени даром не терял. Надо было спешить. Рванул Семена на себя, сбил с ног. Вовремя — еще секунда, и он встретился бы с Протоплазмой. Правоверный, кажется, сообразил что к чему и быстро пополз под стол неподалеку, оценив задумку пираток. А я, что делать, прикрывал его, потом кувыркнулся и пристроился рядом. Осторожно выглянул.

Пиратки спрятались. Кристина с Игорем — тоже. Сидят за ящиком и высунутся не могут. Пат? Да какой, к черту, пат, вот-вот ворвутся остальные пираты, надо что-то...

БАХ! ХР-Р-РЯСЬ!

На мгновение я оглох, поэтому дверь влетела внутрь почти беззвучно. Следом вкатился Савельич — живой! — и тут же предпочел ретироваться за диван. Мгновение ничего не происходило. Из проема раздался голос Хельги:

— Девчата, прекратите огонь! Может, вместо того, чтобы потрошить друг дружку поговорим, а, капитан?

Она вошла в комнату, подняв руки перед собой, мол, безоружная.

— А что, можно и поговорить, — согласился я. Теперь время работало на нас — Кристина тут же принялась возиться с замками ящика.

— Чего ты добиваешься, Алекс?

— А сама как думаешь? Нам очень не нравится ваша посылка, вот — решили от нее избавиться.

— Избавиться, говоришь?

— Угу, сделаем вашу бомбочку беззубой, а не получится — взорвем все к чертовой матери.

— А, так вот оно что. Послушай, а если там не бомба?

— Если? Если бы у бабушки был миллион кредитов, то это была бы не бабушка, а миллионер! Конечно, бомба. Все сходится: и урановые шахты, и поставки оружия, и, мягко говоря, неприязнь к матушке-Земле.

В это время за моей спиной раздался скрип — Крыська отперла ящик. Вот, момент истины. Ну?

— Что за хрень?!!

Неужели все так плохо? Но голос Кристины звучал скорее удивленно, чем испуганно. Хельга скрипнула зубами и прорычала:

— Повежливей, пигалица! Это моя мать, а точнее все, что от нее осталось. Закрой крышку, дура!

От неожиданности Кристина повиновалась.

— А ты, летчик, опусти пушку. Мы вас не тронем. Зуб даю.

Ее зубы мне были точно ни к чему, но я опустил. Уж больно уверенно держалась Хельга.

— Все правильно у вас вышло, да только не учел ты, Алекс, что Земля — наша родина, а ненавидеть родину... Правительство — да, вояк трусливых... сейчас бы любому из них глаз на локоть натянула. Потому как бросили нас, отмахнулись. Неприличные мы. Неудобные. Свидетельство их бессилия и позора... Но причинять вред Земле нам незачем.

Хельга грозно оглядела нас.

— А в ящике и правда останки моей матери. Она боевым космо-летчиком была, коллега твоя, значит. Часто говорила: хочу, мол, как

подружка моя, сгореть при входе в атмосферу. А желание матери — закон, будь ты пират или святоша.

Я отвел взгляд. Почему-то мне было очень стыдно.

— Теперь довольны? Раз так, хватит тут балаган устраивать. Давай, пилот, тащи свой зад в рубку. Прилетели уже почти.

В этот день я в первый, и надеюсь, в последний раз в жизни увидел, как плачут космические разбойники.

* * *

Мы стояли на верхней палубе «Сарториуса» и любовались, как из-за края планеты кокетливо, будто женская коленка из разреза юбки, появляется Солнце. Первые несмелые лучи нахально вламывались в этот величавый мир. Жар растекался все дальше, еще миг и, нежась в потоках света, трепетала вся Земля.

От борта корабля отделилось небольшое темное пятно и плавно поплыло в атмосферу, увлекаемое притяжением планеты.

Ящик с останками все удалялся. Вот он встретился с атмосферой, вокруг него образовался огненный кокон, и металл ярко вспыхнул. Посылка доставлена. Прах к праху...

Когда все закончилось, я спросил у предводительницы разбойников:

— Послушай, Хельга, а дальше что?

Но вместо капитанши ответила Мышка. Она незаметно подкралась ко мне сзади, обняла за то место, где у барышень талия, а у меня — непонятно что, и сказала:

— Слышь, служивый, подбрось-ка девочек домой, — потом, алчно зыркнув на Игорьку с Семеном, добавила. — И дружков своих с собой захвати. Сам понимаешь, двенадцать мужиков на всех не хватает.

И скривившись, будто проглотила морского ежа, сквозь зубы бросила Кристине:

— А вот тебе, смазливая, там трудно придется: конкуренция — вещь непредсказуемая!

НАДЕЖДА ОСКАРОВА

НАСЛЕДНИК ТУТТИ

Задраенный иллюминатор с нарисованными ситцевыми шторками создаёт иллюзию уюта. За ним — множество звёзд и планет. И холод. При мысли об этом холоде у мальчика-киборга болит грудь. Если он захочет, то увидит все эти звёзды и планеты. И выпотрошенный транспортник, который уже превратился в точку, неотличимую от звёзд и планет — всё равно увидит...

Малыш протягивает руку за треуголкой, лежащей на прикроватном столике. Он мечтал о «шляпе, как у настоящего пирата», и синтезатор не подвёл. Из старого комбеза получилась маленькая, но самая настоящая пиратская треуголка.

— Тише-тише, швы разойдутся... — Женщина осторожно приподнимает голову малыша и надевает шляпу. — Как только в ней спишь, неужели удобно?

Мальчик лукаво улыбается.

— Не болит? — Она смотрит на приборы, чуть щурится. Человек на его месте ещё не отошёл бы от наркоза.- Может, дать лекарство?

— Лучше расскажи сказку.

— О чём, маленький?

— О рыбах.

Это его любимая сказка. Он знает её наизусть, но всегда задаёт одни и те же вопросы. А часто и засыпает на полуслове.

— Хорошо. Слушай. Далеко-далеко, в пучинах небесного океана, меж звёзд, плавают огромные рыбы. У них острые чёрные плавники и большие механические сердца. И, как свита короля, окружают их маленькие серебристые рыбки с удивительными, гибкими плавниками. Большим рыбам некого бояться на своём великом пути, они могли бы жить вечно... Но, увы, сердца их открыты для всей боли мира. И они вмещают столько боли, что быстро изнашиваются. И лишь маленькие прониры могут починить их. Они проникают внутрь короля сквозь жабры и рот и ловкими плавниками меняют изношенные детали.

— А откуда они берут детали?

— Они страшные и безжалостные разбойники, эти маленькие рыбки. Нет такого корабля, который смог бы уберечься их. Острыми, как иглы, носами, вспарывают обшивку, а, когда воздух покидает корабль и приходит холод, ищут нужные детали для починки огромных сердец.

— И всегда находят? — мальчик поворачивается набок, подсовывает ладонь под щёку, готовясь уснуть.

— Нет, мой маленький. Они же не знают, есть ли нужные детали, и порой корабли гибнут безо всякой пользы. Пустые скорлупки

плавают и плавают в космосе... Мало кто знает о больших и маленьких рыбах. И о том, как они нужны друг другу. Огромные пропадут без маленьких. А маленькие собьются с пути, ведь большие ведут их к самому краю вселенной, на нерест.

— Что такое нерест?

— Так маленькие рыбки продолжают свой род. Вот только цена этого — жизнь. Выбрасывая миллиарды икринок, погибают серебрянки. Но мальки, мальки потом продолжат межзвёздное странствие.

— А большие? — мальчик всегда переживает за больших рыб. Вот и сейчас вскидывает голову от подушки — вдруг сказка изменилась?

— Увы, они не в силах вынести страданий, впитанных на пути. Великаны чувствуют каждую погасшую жизнь, отданную ради механических сердец... И умирают, выполнив свой долг. Тела их распадаются на мельчайшие частицы, которые потом становятся основой звёзд...

Дыхание малыша становится ровнее, и вот уже он спит. Нелепая треуголка, счастливая улыбка... Женщина проверяет приборы, добавляет в капельницу обезболивающего.

— Сладких снов, сынок, — произносит одними губами и тихо уходит.

Роботы ещё убирают переоборудованную в операционную гостиную. На полу у стены, сидит мужчина, рассеянно наблюдает за уборкой. На кончиках длинных влажных волос собрались прозрачные капли. От него пахнет шампунем и мылом. Женщина садится рядом.

— ИскИн закончил диагностику корабля?

— Пару минут назад.

— И?

— Нам не успеть, Тая. На то, чтобы догнать и захватить последний транспортник, ушло слишком много энергии. На её восстановление нужно двадцать часов, не меньше. В таких условиях расчётное время прибытия увеличивается до пятидесяти пяти часов. А мальчик изнашивает сердца всё быстрее. Так что в самом лучшем случае он продержится двое суток, как с последним сердцем... И больше менять нечего. Из трёх подошло одно...

— Ян, а если повезёт, и мы наткнёмся на корабль?

— То сможем лишь пожелать ему счастливого пути. Даже если он подойдёт вплотную и не придётся за ним гнаться, притянуть не сможем... Прости, родная. Кажется, наша удача закончилась.

Женщина закрывает глаза, бессильно приваливается к стене.

Удача... Удача, что денег от продажи двадцатиметровой квартиры на девяносто пятом этаже хватило на взятку, и выбракованный маленький киборг вместо переработки достался им. Поддельные документы и сердце, которое должно остановиться через несколько суток — в комплекте. Удача, что Ян хирург и сумел через знакомых

знакомых выяснить, где и кто делает нелегальные операции киборгам. Да, далеко. Но возможно. Удача, что Тая работала инженером на верфи, и они, балдея от собственной смелости и наглости, смогли украсть старый, но полностью укомплектованный крейсер «Пеликан». Удача, что полиция до сих пор не остановила их... Сама судьба выстлала этот путь. События подобрались как бусины в ожерелье — знай нанизывай.

А не хватило удачи на то, чтобы завести своих детей. Потом на то, чтобы их включили в программу по усыновлению. И вот на эти последние дни — тоже не хватило.

Загадывать надолго они себе запрещали. Жили наперегонки со временем. От сердца к сердцу. От пересадки к пересадке. Человеческие сердца в теле киборга изнашиваются быстро.

Яни и Тая знали, что надо делать. Отсекали чувства. Должны -сделаем. Такая мантра. Волновались безумно, когда захватили первый корабль. Прогулочную яхту. Семь здоровых сердец, и три подошло. Ян говорил — остальных надо отпустить. Тая — что это самоубийство, что всё тогда напрасно, что свидетелей оставлять нельзя... Тот, первый катер, с четырьмя негодными сердцами на борту, они расстреляли. Зря, конечно. Слюнтяйство. Может, и хватило бы сейчас энергии... Потом негодных стали выбрасывать в шлюз. Годных, после операции, в мусосжигатель.

Научились выбирать беззащитных. В основном транспортные корабли. И брони считай нет, и команда больше. Потом нужно догнать, иногда обстрелять для острастки, подойти на доступную для «луча» дистанцию, притянуть... Никто не сопротивлялся. Пиратам нужен груз, зачем из-за страховки рисковать жизнью? Вот только грузом были они сами... Ян усыплял команду газом, проводил обследование. Кого в шлюз, кого в криокамеру-операционную-мусоросжигатель.

Не думать, действовать. И лететь вперёд.

В маленькой уютной комнате боролся со смертью удачливый мальчик-киборг. Сын. Он не жаловался — улыбался. Порой Яну и Тае казалось, что они всегда были его родителями. Даже воспоминания какие-то появлялись. А помнишь, как он упал, как мячик, а мы, глупые, испугались? Как чуть потоп в ванной не устроил? А помнишь...

Когда мальчик спал, они шептались как воры в ограбленном доме, считали прошедшее время как монеты из сундука. О будущем не говорили. Впереди была пустота. Дойдут до неё — заполнят новыми воспоминаниями.

И вот перегонки закончились. Время выиграло.

— Нет, нет, нет, так быть не должно, так не может быть!

Женщина с силой, ладонь к ладони, сжимает перед собой руки. Раньше так молились. Тая — сосредотачивается.

— Маленькая, но что мы можем?

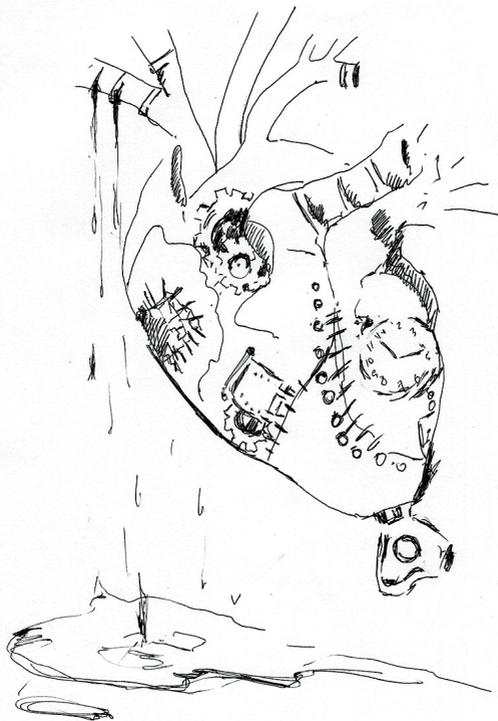
Ян знает это выражение лица. Сейчас жена принимает решение, и спорить с ним нельзя. Потому что оно будет верным.

— Кое-что сможем, Ян. — Тая протягивает мужу руку неестественно прямо, локтем вниз, хоть сейчас вводи в вену иглу. — Проверь на совместимость меня и себя.

Сначала он хочет сказать «не буду», потом — «ты с ума сошла?», потом ему очень хочется выругаться. Всё это проносится в голове за пару секунд, а потом он встаёт и берёт со стола портативный анализатор. Что ж такого? Он делал это много-много раз. Пока это ничего не значит, не влечёт никаких действий. Еще пару секунд... Когда появляются результаты, руки Яна начинают дрожать.

Тая обнимает его сзади, вжимается лбом между лопаток.

— Всё правильно, милый. Вот теперь всё правильно. Подумай, смогла бы я сделать операцию? Всё хорошо. Я стану почти настоящей мамой. Только не я буду чувствовать сердце ребёнка, а он — моё... Мы успеем, слышишь? Мы выиграли. Удача вернулась к нам.

ПОЧЕМУ НАДО СЛУШАТЬСЯ БАБУШКУ

На исходе пятого дождевого периода Туум изменила мужу с его же симбионтом. А после никак не могла поверить, что такое действительно могло произойти, но факт оставался фактом — тихое вялое существо в то утро словно подменили! Шокированная необычным поведением симбионта, Туум поспешила за советом к матери, но та, много прожившая и опытная, вдруг растерялась.

— Что?! — выкрикнула она, в смятении топорща складку на шее, — Да как такое вообще возможно! И почему мой зять оставил сожителя дома? Он же должен носить его на себе!

— Откуда я знаю! Симбионт ещё с вечера здорово объелся и отвалился, но лежал вместе с нами в постели, они ведь это очень любят. Утром я проснулась, ощутив повышенное внимание мужа... — Туум на мгновение замолчала и горестно раздула заушные пузыри, — оказывается — Ааара уже нет, а этот взял и воспользовался-я-а... Нет, мама, я не могла прекратить, было уже поздно! Что же теперь делать? Говорить об измене или не говорить?

— Похоже, сожитель твоего Ааара заражён паразитом! Надо бы посоветоваться с бабушкой, в своё время у неё было совершенно неприличное количество мужей.

Бабушка гостей не ждала, поэтому занималась консервацией. Она была большая модница, очень за собой следила и регулярно консервировалась, вот только зрители во время омолаживающей процедуры были ни к чему. Агрессивная слизь, пузырясь и хлопая, разбедала старую шкурку до состояния неприглядных ошмётков, поэтому вид у старушки был ужасный — краше запечатывают в посмертную ячейку. Мать, совсем не пользующаяся косметикой, вынести такого зрелища не смогла и выскочила вон. Ну а Туум осталась, надо же довести дело до конца.

Бабушка, выслушав проблему внучки, вдруг пришла в игривое настроение.

— Не-е-ет, то не паразит! — объявила старушка, причём все глаза её, и основные, и крошечные боковые, азартно переливались. — В дни моей молодости некоторые симбионты проявляли активность в отсутствии мужей, но самой испытать не довелось! С удовольствием бы поглядела на твоего шалунишку, да только как высунешься в таком виде? Может, поймаешь нахала да сама сюда и принесёшь?

— Что ты, я теперь и близко не подойду! Вдруг он опять!

— Ясно, — почему-то оскорбилась молодящаяся старушка. — Тоже меня о чём-нибудь попросишь...

Когда Туум вернулась домой, её уже поджидали две Распорядительницы из Материнского Садка. Обе синхронно подняли свои жезлы, и удручённая Туум поняла — день не задался. Сейчас примутся нудить, что давно пора обзавестись потомством, тем более что Материнский Садок заполнен лишь на треть. А потом предложат стандартную коррекцию организма. Многие, очень многие, в том числе мать Туум, смогли пополнить Садок только после коррекции, вот только насильственное вмешательство весьма болезненно. Оттого Туум никак не могла решиться, но скоро, а возможно — уже сегодня, — на коррекцию её отправят насильно.

Ходили упорные слухи, что так было не всегда. Когда-то, давным-давно, потомство зарождалось без всякого вмешательства. Материнские Садки планеты кишели молодняком, из-за надвигающегося перенаселения рождаемость пытались даже ограничить. Нам бы их проблемы!

Тем временем одна из Распорядительниц заговорила:

— Моя дорогая, мы к вам с очередным осмотром. Давайте ка проверим репродуктивные органы и назначим повторные лечебные процедуры. Напоминаю — семья, так и не выполнившая свой долг перед обществом...

— Считается семьёй мятежников! — перебила вторая Распорядительница, буравя отшатнувшуюся Туум злобными глазками.

— Моя соратница чуть погорячилась, хотя и абсолютно права, — мило раздуваясь, опять вступила в разговор первая. — Но не бойтесь, если всё дело в муже, мы его заменим.

— Как замените? — растерялась Туум. — Зачем? У нас всё хорошо.

— Тогда где потомство? И можно ли, наконец, войти?! — рывкнула вторая.

— П-пожалуйста... Только мужа сейчас нет, один только симбионт.

Обе Распорядительницы застыли и покрылись неряшливыми пятнами, переживая сильнейшее потрясение.

— Брошен собственным сожителем? Вы пытаетесь его уморить?! — придя в себя, развопилась сердитая. — Немедленно предъявите бедняжку!

Туум торопливо провела их в сумрак и сырость спальни, очень надеясь, что за время её отсутствия симбионт никуда не исчез. Это раньше она считала, что маленький бездельник лишний раз не пошевелится, но после утреннего нападения приходилось ожидать чего угодно. Однако переживания оказались напрасны.

Разворошив упругую пену тёплой и влажной постели, Туум с облегчением продемонстрировала недовольное существо, съжившееся от перепада температуры.

— Какой упитанный! — восхитилась доброжелательная Распорядительница. — Может, когда подберём вам нового мужа, этого бодрячка пожелаете сохранить?

Конечно, она сильно преувеличивала, создание было донельзя вялым и пассивным. Любой симбионт большую часть своей жизни либо дремал, присосавшись к телу партнёра, либо им же питался, деля довольно болезненный прокус. И партнёр терпел — обязан был терпеть! — из-за нескольких дней, когда сожитель становился по-настоящему ценен. В эти считанные дни несурзное и даже вредное существо работало органом для продвижения семенной жидкости от мужской особи в женскую, будучи промежуточным посредником. Без такого посредничества потомство на планете Таоса не появлялось.

— Так за вами оставить нынешнего? — опять переспросила доброжелательная, в то время как сердитая уже начала раздражаться.

— А-а? Нет-нет, можете передать его следующей семье. По правде говоря, я уже... — зачем-то соврала Туум, не желавшая больше делить постель с обнаглевшим симбионтом.

— Ах, вы оплодотворены! Почему же не сказали сразу! — возликовали обе Распорядительницы, и принялись выкрикивать наперебой:

— Поздравляем!

— Напоминаем, что забота о молодняке — первейшая задача общества, но вы также можете поучаствовать...

— Закрепив за собой особо понравившийся участок Садка!

— Или произвести личный отбор нянек!

— Ещё раз поздравляем!

Туум, совершенно точно зная, что оплодотворённая особь жуткая капризница, решительно потеснила их на выход, и всеильные Распорядительницы безропотно подчинились. После их ухода она одумалась, испугавшись последствий глупого вранья, выбежала следом и собралась догонять, но в это время вдруг послышались звучные шлепки.

Старый иач, ездовое животное её бабушки, целеустремлённо полз по полужидкому грунту, используя всё ещё мощные мышцы живота и помогая на разворотах лапами. Бабуля восседала на его шее почему-то в паланкине, хотя обычно пользовалась открытым седлом.

«Ах да, она же после консервации! Не хочет показываться в неприглядном виде» — подумала Туум, наблюдая, как наездница лихо обрушивается вниз.

Сняв с головы целую конструкцию из модных в том сезоне щитков, старушка молча скакнула мимо внучки, показывая, как же она на неё сердится. Но когда оказалась в жилище, не выдержала и заговорила первая.

— Специально приехала из-за твоего живчика.

— Какого живчика? — не поняла Туум.

— Да симбионта же! Так кто тут у нас неприлично себя ведёт?

— Уже никто. Забрали Распорядительницы, — мрачно сообщила внучка, косясь на отвалившийся от бабушки лоскут лиловой кожи. — Я зачем-то насочиняла, будто ожидаю потомство. Когда всё раскроется, объявят мятежницей и накажут. За то, что подрываю устои.

— Значит, моя внучка — лгунья и мятежница? — задумчиво пробуркала старушка и тряхнула головой, с которой моментально отвалился ещё один лоскут старой кожи.

— Вот именно, — согласилась убитая горем Туум.

— Ну и отлично, а то я уж думала — уродилась в тихоню мать! Та не только соврать или завести себе нового мужа, обычной косметики боится. Погляди, как буду выглядеть, когда полностью облезу! — расхвасталась бабуля, задирая мускулистую ногу к самым внучкиным глазам.

Участки новой кожи на ноге были яркими и переливчатыми, к тому же почти не имели возрастных бугорков.

— Очень красиво, — вынуждена была согласиться Туум. — Но, извини, о косметике сейчас думать не получается. Вот что, что мне теперь делать!

— Ты уже сообщила муженьку?

— Ах, да! Ведь пострадает ещё и Ааар!

— Ничего и не пострадает, если официально от тебя откажется. А вот если не откажется и захочет помочь, то проводит этой ночью к Дикому Садку.

— К запрещённому? Ой, нет! Нельзя!

— Не вопи, а слушай! — жёстко оборвала бабушка. — Кому очень надо — туда давным-давно потихоньку бегают.

— Зачем! — ахнула Туум.

— Чтобы избежать коррекции. Больно надо мучиться! Думаешь, я четыре раза пополняла Садок, потому что ходила на коррекцию или часто меняла мужей?

— Не знаю... запуталась...

— Глупышка, да не нужно всего этого! Только молодой бодрый сожитель, добытый в Диком Садке.

— Но ведь симбионтов специально выращивают Распорядительницы! Это долгий и трудный процесс, поэтому семейных сожителей мало и каждый так ценен!

— Враки! Распорядительницы сами таскаются к Садку за живчиками. Только зря их используют многократно — симбионты, попавшие в семьи надолго, нагло приспособляются! Хороший уход и обильное питание становятся предпочтительней, чем здоровые природные

инстинкты. На месте Распорядительниц я бы делала так: не можешь выполнять своё предназначение — пошёл вон обратно в лужу!

Туум верила и не верила. Всё так просто?

— Бабушка, почему ты так не любишь Распорядительниц?

— Потому что эти лживые иачки ради власти и привилегий устроили заговор с якобы недостаточным количеством симбионтов! Потому что их волнует не пустой Материнский Садок, а как бы передать свои должности исключительно собственному потомству! Потому что они выдумали коррекцию! Потому... слушай, мы долго будем сидеть и болтать? Я так вообще правнуков не дождусь!

— А как подманить нового бодрого сожителя? — отчего-то стыдась, тихо пробулькала Туум.

— Как только войдёшь в Садок, сами приплывут и налипнут. Ещё замучаешься лишних отдирать! Ох, только смотри не польстись на пёстрога! Опозоришься, потомство будет не в масть...

Тьма накрыла истекающий влагой, хлюпающий лес. Туум и её верному мужу Ааару пришлось пробираться почти на ощупь, поэтому мятежная семейная пара в конце концов заблудилась.

Утро они встретили в зарослях низкорослой, но шипастой суульки, еле из неё выбрались и долго кружили, пока не наткнулись на важный ориентир. Огромный камень, походивший на вставшего на дыбы иача, словно дрожал, искажаясь в обильных утренних испарениях.

Дикий Садок нашёлся рядом — небольшой водоём, полускрытый разросшейся по берегам вездесущей суулькой. Над поверхностью торчало множество любопытных хоботков с активно принюхивающимися ноздрями. Выбирай любого и неси поскорее домой — налаживать личное счастье!

ДМИТРИЙ СОШНИКОВ

ЗВЁЗДЫ ЗА ОКОШКОМ

— Дэн, и как ты находишь это местечко?

Дэн пытался оглядеться сквозь некстати запотевшую оптику. Он выдохнул, прокашлялся:

— Нет, Ник, не нравится мне эта планета.

Ник хохотнул:

— Ну извини, другой у меня нет. Уж куда послали...

— И надо было лететь сюда на полной скорости? — ворчал Дэн, медленно идя вперёд. — Чуть бошки не свернули. Это же... Слушай, — он остановился, — чья это была идея? Катьки?

— Ну да.

— Ожидаемо. Ну, сейчас я ей всё выскажу...

— Дэн, ты только скафандр здесь не снимай! А то туземцы не поймут. Платить ещё за него заставят...

— У них нет в продаже таких вещей, — огрызнулся Дэн и потянулся к наплечному карману, откуда уже доносились надоедливая трель. — Легка на помине. Ага... Катька? Это Денис. Я говорю с другой планеты по межгалактической связи. Да, доех... Долетели. На звездолёте. Чуть не огребли звездюлей. Это Николай ржёт. Ты мне скажи, за каким счастьем ты отправила нас сюда? Это же не магазин, а, извини, чёртова барахолка с дешёвым Китаем! Я что здесь должен выбирать, а?

— Да я сейчас пробегусь, у меня тут список, — успокаивал Ник. — Ты расстегнись, космонавт, а то сварись в полярной куртке.

— На дорогах чёрт-те что, а ты гоняешь нас по барахолкам! А нам ещё по адресатам всё развозить! Что? Нет, это я спрашиваю: почему нельзя было закупить раньше?

Ник тем временем прикатил тележку.

— Дэн, ну пошли шопиться уже, — шутливо протянул он. И затем серьёзно добавил: — Давай, время не терпит.

— Я ей потом вломлю, — фыркнул тот, пряча телефон на место. — Где это видано, а?

— Смотри, тут недорогая детская одежда. Сейчас наберём по списку.

— Сложно было рассчитать заранее? Ну скажи! Сложно, да?

— Тут и взрослому можно приодеться, — Дэн придирчиво осматривал вещи, затем возвращал их или откладывал, сделав пометку в бумажке. — Вот, смотри: штаны пацанской чёткости, плюс пять к репутации. Берём?

— Господи, срамота какая!

— Тихо ты, тут их, может, кто-то сейчас меряет и обижается слегка. О, шорты для сёрфинга, четыреста рублей. Хочешь посёрфить на морозе?

— Болтун!

— Ага, — хмыкнул Ник. — Смотри, а коробочка-то наполняется. Сейчас в обувь — и закончим. Боты с Шеньчженьского тракторного завода не желаешь? Нет? Ну как так?.. Ладно, возьми там пять пар тапочек. Не стой.

Так они прошли весь магазин насквозь.

Кассирша недоверчиво осмотрела покупателей.

— Эту куртку вы сейчас взяли? — спросила она Дэна. Ник сзади уже еле сдерживал хохот.

— Я же тебе говорил, Дэн!.. «Не снимай скафандр!»

— Это моя куртка, — серьёзно и зло ответил Дэн. — Уже три года моя. И стоит, как пять ваших.

— Точно?!

В ответ Дэн отогнул полу и ткнул кассирше в лицо шильдиком.

— Этим торгуете?

Та поправила очки, прочитала, затем подняла глаза и сказала, как ни в чём не бывало:

— Нет, таким мы не торгуем. Знаете, тут всякие люди ходят: бывает, и на себе выносят. А с нас потом вычитают.

— То есть вы взяли и огульно приравняли меня к жулью. Вы хоть понимаете, что только что ни за что оскорбили незнакомого человека?

— Вы покупать будете? — недовольно процедила кассирша.

— Господи, Дэн, да отстань ты от неё! — смеялся Ник. — Барышня, заворачивайте нам, да быстрее, а то за нами уже стоят и изнемогают. И копию чека выпишите.

Барышня вздохнула и принялась быстро-быстро прогонять ворох одежды через кассу. Какой-то неряшливо одетый мужчина возмутился было, что очередь задержали разговорами, но Дэн так посмотрел на него, что тот счёл нужным немедленно заткнуться. В этот же момент Ник с довольным лицом получил увесистый пакет с положенной сверху серой бумажкой-чеком.

— Магазин «Планета одежда и обувь» желает вам счастливого Нового года, — дежурно оттарабанила кассирша и тут же отвернулась: — Следующий!

— Мне интересно, — заметил Ник, — почему они не склоняют название? Правильно же — «одежды и обуви», так?

— Господи, ты серьёзно? Это же дешёвый магазин с дешёвыми сотрудниками. Набравли дураков по объявлению, они и пишут что попало. А контингенту плевать, они сюда ходят не синтаксис учить. Слушай, — Дэн вытер пот со лба, — я уже измаялся весь, поехали отсюда. Нам ещё в две точки, потом всё расфасовать и везти.

— Вот, а я говорил, что ты слишком тепло оделся. Давай застёгивайся, полярник, не хватало ещё поймать воспаление лёгких.

— Да сейчас... Сейчас вот звездолёт заведу — и полетим с планеты одежды в мир обуви, или вселенную игрушек, что там у нас по списку...

— Спорю, что чёрная дыра заправки!

Они вышли на заваленную снегом парковку возле торгового центра, где, спрятавшись за сугробами, их поджидал не по сезону грязный вседорожник. Пакеты с одеждой полетели в багажник со сложенным заранее задним сиденьем.

— Никто не говорил, что волонтером быть легко, — хохотнул Ник.

— Не дай бог сейчас опять через двойную сплошную, — вздохнул Дэн. — Ненавижу Новый год.

— Только из-за дорог?

— Да как сказать? — поморщился он. — Пробки, толпы людей в магазинах, тонны дрянной еды на прилавках... Подарки эти дешёвые. Знаешь, что меня примиряет со всем этим?

— Что?

— Что хотя бы раз в году я делаю что-то полезное. Я вот ругаюсь на Катьку, а она ведь, между тем, думала о том, что кому-то не хватает. Дети в детдомах, в частном секторе бедные семьи... Им же тоже нужен праздник, понимаешь? Им он даже важнее, потому что это я могу раздумывать над подарком, а там еле наскребают на еду. Вот эта одежонка... Я её ругаю, но понимаю ведь, что она лучше, чем ничего. Это — то, что делать нужно. Необходимо!

Ник задумался.

— А что ты даришь своим?

— Хочу купить «Ардуино». Дам пособирать: пусть ребёнок проникается электроникой. Хоть поймёт, чем отец на хлеб зарабатывает. И программирование начнёт осваивать заодно.

— Моя просила кукольный домик из «Лего». Третий по счёту. А я что-то не захотел: и так никакого спасения... Купил такую штуку — снежный шар называется. Я, когда ребёнком был, себе такую хотел, только у нас не продавали. А сейчас вот вырос, деньги завелись...

— А у тебя всё равно снежного шара в детстве не было.

— Ну да, ну да... — Ник усмехнулся. — Вот, купил дочке: пусть у неё будет. Ну и я покручу-поиграю, что уж там...

Дэн уже не слушал: он проталкивал машину сквозь нескончаемый поток транспорта, то просясь, то нагло протискиваясь, то и вовсе в нарушение правил выкатываясь на обочины и тротуары. То охал, то ругался — но успел: Катька, бойкая женщина двадцати пяти лет, сноровисто раскидала вещи по пакетам и снабдила их бумажками с указанием, кому что везти, и всё — до трёх часов дня.

— Так, — озадаченно читал Дэн, — тут детский дом, там — что, многодетные? Что ж они на разных берегах-то? А это что за место?

— Частный сектор, — деловито ответила Катька. — От детдома недалеко. Женщина и три ребёнка: небольшой пакет.

— Частный сектор? Рядом с улицей Ногина? Нахаловка, что ли?

— Ну да, она самая.

— Да вы издеваетесь, — вздохнул Дэн. — Я же там вовек ничего не найду.

— Не переживай, — встрял Ник, — у меня есть карта.

* * *

Когда за ними закрылись ворота детского дома, был уже вечер. Дороги всё так же были забиты, так что полупустые улицы частного сектора казались бы отдыхом, будь они только почищены от снега.

— Дэн, ну давай я подменяю!

Но тот даже не считал нужным отмахиваться и, сжав зубы, упрямо вёл машину по узким улочкам Нахаловки.

— Дэн!

— На карту смотри! Переулки эти чёртовы, не разбери что... Как они тут живут?

— Да хреново они живут, Дэн, хреново. Вот сейчас переулок и на нём налево.

— Налево?!

— Налево. И прямо домов так пять.

— А ничего, что здесь тупик?

— Э... Да тут запарошило. Ездят редко. Ты ходу давай, ходу!

Дэн ругнулся, перешёл на передачу ниже, заблокировал дифференциал. Машина завывала и поползла вперёд. Ник вперился глазами в смартфон.

— Так, ещё два дома... Вот здесь.

— Николай, грёбаный ты Сусанин, и смартфон твой китайский... Ты посмотри по сторонам! Тут вообще что-то есть?

Ник вышел из машины и сразу же утонул по колено в сугробе. Ближайший фонарь был на оставшемся позади перекрёстке, а здесь, кроме фар машины и звёзд, не светило ничего. Заборы были занесены снегом, а низенькие дома едва угадывались в темноте. Даже собаки не лаяли, не скрипели цепями: тишина и тьма.

— Ну что? — раздался из машины голос Дэна.

— Да вот по карте... Вроде на месте, — ответил озадаченный Ник.

— Выкинь ты свой телефон. В общем, бери фонарь и свети назад, я буду выбираться.

— Тут это... Можно вперёд проехать, там вроде как разворот...

Тут Дэн не выдержал и высказался ёмко и доходчиво, но так, что стало ясно: ни на сантиметр дальше он в эту темень не поедет.

— Короче, — закончил он, — бери фонарь и свети.

Медленно, аккуратно машина тащилась назад к перекрёстку. Ник отчего-то подумал, что это похоже на то, как рисуют клиническую смерть: крошечная тьма и полёт к свету. Вот он всё ближе, ближе...

Машина как-то странно взвыла, зашуршала колёсами.

— Ты куда светишь, а?! — орал Дэн. — О чём ты думал? Блин, ёлы-палы... Мы в сугроб провалились из-за тебя, бестолочи.

— Да ладно, мы сейчас кого-нибудь позовём.

— Ага, все так и бегут на помощь, на ходу в штаны впрыгивают. Эх, Коля-Николай...

— Может, вон там спросить?

Ник ткнул пальцем в занесённый снегом домик, в котором угадывался тусклый свет. Дэн вышел из машины, посмотрел на место, куда попала машина, поцокал языком.

— Если сами будем выбирать, нужны будут доски и хорошая лопата... Можно, конечно, побеспокоить.

— К стати, судя по карте, это и есть тот самый дом.

— Ты всё с телефоном?

— Ну тебе же нужна лопата!

— Ник, язык без костей...

Калитка была изрядно занесена снегом. Или ходили через неё редко, или чистили плохо. Шли медленно: Ник звал хозяев, а Дэн подчищал дорогу сапёрной лопаткой.

Наконец они добрались до дверей.

— Давай, Дэн, стучи ты, — произнёс Ник. — У тебя лицо доброе.

Дэн, больше похожий на медведя в очках, только хмыкнул. Он постучал в дверь, да так, что, казалось, стены хибары затряслись.

— Эй, хозяева! Открывайте! Мы — волонтеры, с подарками пришли!

За дверью закопошились.

— И это, застряли ещё немножко... — сказал Дэн открывшей дверь женщине.

Выглядела она странно: непропорционально высокая и тощая, с широко расставленными большими глазами и выдающимися скулами, с высоким лбом.

— Заходите, — сказала она низким грудным голосом. — Извините, у нас тут небогато...

— Да нормально, мы привычные, — засмутился Дэн. — В общем-то, мы как раз и помогаем, чтобы богаче было. А вы одна живёте?.. В смысле, мужчины нет? А то нам машину подтолкнуть... — И тут же вспомнил, ткнул Ника в бок: иди, мол, за подарками.

Потому как вслед за женщиной выскочило трое ребятишек, все — такие же скуластые и глазастые, как мать. Две девочки и мальчик.

— Дядь, а ты кто? — спросил тот.

— Я? Зовут меня дядя Денис, я детям подарки развожу, и взрослым тоже. А вон там — дядя Николай, он мне помогает, он хороший и весёлый.

— Подарки? Это как Дед Мороз?

— Ну, почти. Сейчас, дядя Николай придёт..

Ник уже тяжело дышал в маленьких сенях: запыхался, запутался в снегу.

— Привет, улыбнулся он. — Да, мы Деда Морозы. Я вот Дед Мороз — синий нос, а он — Дед Мороз — в сугроб завёз. Но мы так-то обычные люди, а когда наступает Новый год — превращаемся и ездим с подарками.

— А Снегурочка у вас есть? — спросила одна из девочек.

— А как же! Она нам адрес ваш дала, вот мы и приехали на волшебных санях. Только они сейчас на машину похожи — ну, чтобы спрятаться.

— А мы тоже прячемся, — сказала девочка. Мать зыркнула на неё и тут же повела в комнату:

— Не болтай, Нэль. — И добавила что-то на незнакомом языке.

— Ну ма-ам! — ответила девчонка.

Друзья улыбнулись.

— Странные они, — сказал Дэн.

— Ага, — согласился Ник. — На Анжелину Джולי похожи. Причём все. Ну что, дедушка, айда по бородам?

— А вы подарки будете дарить, да? — спросил мальчик.

— Конечно, — ответил Дэн. — Только сначала нужно надеть бороду. Без бороды подарки никак не получают.

— А я думал, что у Деда Мороза настоящая борода.

— Конечно. У меня вот самая настоящая борода из всамделишного синтепона. Ты знаешь, что если взрослый дядя наденет волшебную бороду, он сразу превращается в настоящего Деда Мороза?

— Не-а! А правда?

— Конечно! Только ты никому не рассказывай, это тайна. Когда ты вырастешь, то тоже сможешь превращаться в Деда Мороза.

Мальчик смотрел на волонтёров изумлёнными глазами.

— А вы подарите космический корабль? — с надеждой произнёс он.

— М-м... Не знаю, наверное, нет, — огорчённо произнёс Дэн. — Но зато у нас есть много тёплой одежды и разных вещей. Например, альбом для рисования. Ты любишь рисовать?

— Я хотел космический корабль, — огорчённо сказал мальчик.

— Ты знаешь, — сказал Ник, — он очень большой и не влез бы в мешок. Но, может быть, у нас найдётся игрушечный...

— Я настоящий хочу!

— А мы весной поедem на космодром. Я тогда уже не буду Дедом Морозом, но подарок всё равно организую. Станем смотреть с тобой на ракеты...

— Вы проходите в комнату, — позвала их запыхавшаяся хозяйка. — Я там немного на стол собрала.

— Да не надо стола, — ответил Дэн. — Мы же понимаем, в каких стеснённых условиях вы живёте! Мы помочь приехали, а не объедать.

Он нацепил, наконец, бороду.

— Так, детишки, — сказал он другим, дедовым голосом, — пойдёмте принимать подарки!

В комнате было бедно, но на удивление опрятно. Пусть стены и не радовали взор, но дыры были заделаны, пол — чистый, вещи — разложены по своим местам. Женщина явно делала всё, что могла, чтобы оживить старый домишко. Да и дети — красивые и ухоженные, хоть и странные на вид. Из Средней Азии они приехали, что ли? Волонтёры, наконец, раскрыли мешок и начали раздавать подарки: одежду, обувь, девчонкам — сласти, мальчику — альбом с фломастерами. Игрушки — всем и сразу, и ещё матери тайком — муку, сахар, консервы, баночки с витаминами для всех.

— Ну вы всё-таки присядьте, поешьте, — упрасивала женщина.

— Да не стоит, — отвечал Дэн. — Мы же от души. Нам ещё вот машину вытягивать, да домой поедem: завтра — последний день в году, надо дела на работе закрыть... У вас-то, смотрю, по дороге не часто ездят?

— Нет, — покачала она головой. — Только грузовики, которые по-выше. А так...

В окно вдруг засветили фарами, негодуяще заорал клаксон.

— Чудеса... — проговорил Дэн и бегом бросился вызволять машину из сугроба. Ник дал себя уболтать и присел за стол, взял чашечку чая.

— А вас Елена зовут? — спросил он хозяйку. Та могла позволить себе присесть, пока дети разбирали свои подарки.

— Да, Елена, — ответила она.

— Вы издалека приехали? У вас странный акцент.

— Из Казахстана, — быстро сказала женщина. — Байконур знаете? Дети до сих пор скучают по ракетам. Вот, просят космический корабль, — она виновато развела руками.

— И, конечно, настоящий.

— Да, — она вздохнула.

— А каким ветром вас сюда занесло? — спросил Ник и тут же добавил: — Если не хотите, не отвечайте. Просто у вас — правильная речь, всё очень опрятно: вы явно образованный человек. Мы просто уже помотались по городу, видели всякое. Что-то случилось? Если нужно, я поговорю с коллегами, мы постараемся помочь.

— У нас просто... Транспорт сломался. Я с детьми переезжала к мужу, и так получилось... В общем, мы оказались здесь, в городе. Документов не было, просто попросились, куда смогли.

— А что муж? Он не смог помочь? Или...

— Он просто далеко, — спокойно ответила женщина. — Он знает, что с нами что-то произошло, просто ему нужно время, чтобы до нас добраться и найти. Но он справится, я верю. А пока... Вот, пока мы здесь живём. Я подрабатываю, чем могу, какие-то деньги есть. Мало, конечно: детей одних не оставишь. А их ещё и учить надо. Но, думаю, летом нас заберут, главное — продержаться.

Ник согласно кивнул. Он смотрел на неё и думал, что, конечно, она справится — она держится этой своей верой в мужа, в то, что помощь близка. И, наверное, не может принять то, что её, скорее всего, бросили, или же муж сам попал в беду.

Кто знает, какая сила вытолкнула семью с родного места и погнала через города и страны?

А ведь у неё даже родни здесь, наверное, нет. Надо сказать Катьке: семья хорошая, женщине надо помочь. Документы сделать, детей в садик оформить, женщину устроить на работу... Вывести их из этой халупы.

В сенях зашумел вернувшийся Дэн, уронил в темноте что-то, заохал. Хозяйка бросилась к нему на помощь. А к Нику подошла девочка, что спрашивала про Снегурочку.

— Дядя Николай, — сказала она, — а вы умеете чинить вещи?

— Ну, смотря какие, — ответил он. — А это что такое?

Девочка отдала ему стеклянный шар. Он казался прозрачным, но на просвет было заметно плетение переливающихся нитей, словно кто-то сделал голограмму-абстракцию. Под одним углом картинка была похожа на плетёную параболическую антенну, под другим — на стопку микросхем, под третьим можно было представить стопку цилиндров, похожих по форме на обычные батарейки.

— Удивительная штука, — вырвалось у него. Он осторожно вернул шар. — Что это такое?

— Мама говорит, что у него кончилась энергия. А если её зарядить, то к нам с неба прилетит папочка. Только, — девочка сделала большие глаза, — это секрет, мама не разрешает нам говорить. А дедморозы умеют заряжать энергию?

Ник опешил.

— Ты... Знаешь, я такой штуки раньше не видел. Я, конечно, умею менять батарейки, только я не знаю, куда их там вставлять, и... Ты слушай маму, она всё правильно говорит. Никому про эту штуку не рассказывай.

Тут в комнату наконец зашли Дэн и хозяйка дома.

— В общем, — довольно сказал Дэн, — тут «Газон» проезжал, дёрнул меня, чтобы я не мешал на дороге. Так что если что, можем ехать. О, а это что, хрустальный шар? Красивый...

— Нэль! — вскрикнула женщина. — Я же говорила тебе не доставать эту вещь!

Она выхватила шар из рук дочери и понесла в один из шкафов.

— Мужнин подарок, — зачем-то сказала она. — Старый уже. Дети привязчивы к таким вещам...

— Знаете, — зачем-то сказал Ник, — мы, конечно, не волшебники... Ну, за исключением того, что Деда Морозы, конечно. Но вот Дэн — дипломированный схемотехник. Я могу ему показать этот ваш шар? Вдруг случится чудо?

Женщина удивлённо и в то же время с подозрением посмотрела на него.

— Людей и вещей я повидал достаточно, — спокойным голосом сказал Ник. — Не думаю, что люди могут сделать такую штуку. И скажу честно: не похожи вы на казахов. И вообще на людей не совсем походите. Но вы похожи на тех, кто попал в беду. Я не собираюсь выяснять, откуда вы и куда идёте. Просто я хочу помочь. Мы — волонтеры, а завтра Новый год, праздник... Я очень хочу сделать какой-то хороший подарок. Эта вещь, шар — это же передатчик?

— Маяк, — сдалась женщина. — Аварийный. И он не работает.

— Сломался?

— Не знаю. Они очень крепкие... Но я не умею их чинить. Я знаю, ваши женщины не умеют ремонтировать автомобили, даже если на них ездят. Я... Я тоже.

— Так, а о чём речь? — поинтересовался Дэн. Ник молча отдал ему стеклянный шар.

— Ого! — сказал тот через минуту.

— Скажите, вы можете его запустить?

— Честно? — Дэн наморщил лоб. — Скорее нет, чем да. Я понимаю в общих чертах, что это и для чего, и какие там должны быть детали, как они сложены, но уровень технологий... Кстати, а как вы выучили наш язык?

— Есть специальные приборы, они помогают.

— Понятно, — Дэн всё рассматривал шар под разными углами, то и дело изумлённо качая головой. — Да, увы. Тот редкий случай, когда я совершенно ничем не могу помочь, потому что ничего не понимаю. Простите, — он вернул шар владелице. — Тут, по-хорошему, нужен микроскоп, нужны сканирующие приборы, ну а с тем набором, что у меня с собой, это как оперировать глаз топором. Кстати, а как оно должно работать?

— Он включается сам при аварии, — ответила женщина. — Падение, неполадки, любая проблема. И он тут же запускается. Вроде бы его можно запустить вручную, но я не знаю, как. Пробовала голосом, касанием, ставила на солнце...

— Так... — Дэн оживился. — А бить его пробовали?

— Что? — опешила хозяйка.

— Он на какую нагрузку рассчитан? Если его уронить с орбиты и приплюснуть сверху несколькими тоннами металла, он заработает?

— Да, должен. Он же аварийный!

— Не разобьётся? А если, скажем он будет гореть в пожаре?

— Вы что имеете в виду?

— Вы как приземлились? Без проблем, нормально?

— Ну да. У нас были проблемы, но мы перешли в спасательную капсулу, а маяк взяли с собой. Правда, мы приводнились, и корабль утонул...

— Ладно, — сказал Дэн. У него хищно загорелись глаза. — Попробуем исходить из того, что устройство исправно, а конструкция верна. Скажите, уважаемая, есть ли у вас дома кувалда?

— Простите, что? — опешила хозяйка.

— Кувалда. Такой большой молоток, очень тяжёлый.

— Нет... Нет такой вещи...

— Мама, мама! — крикнул мальчик. — Я видел такой большой молоток под старыми вещами! Дядя Денис, давайте, я покажу!

Тот ушёл с мальчиком и через минуту действительно вернулся с кувалдой.

— Так, разойдитесь, — попросил он, затем размахнулся и ударил что есть сил.

Совет был не лишним: удар пришёлся чуть вбок, кувалда отлетела в одну сторону, шар — в другую. Пол под железякой жалобно скрипнул.

— Нет, так не пойдёт, а то я тут всё разнесу, — Дэн вернул шар на место, прицелился точнее. В этот раз кувалда пришлась точно в середину шара. Пол скрипнул, на нём образовалась вмятина, а сама кувалда полетела Дэну в лоб и лишь чуть промахнулась. Он полетел назад и упал бы, если бы его не поймал Ник.

— Так, — произнёс, отдышавшись, Дэн, — ну её к чёрту. У кувалды слишком слабое воздействие для этой штуки. Не берёт. А я убьюсь, или перебую здесь всё. Переходим к огневым испытаниям.

— Что?! — одновременно спросили Ник и хозяйка.

— Печка есть? Углём топите?

— Да...

— Отлично! Открывайте!

И Дэн ничтоже сумняшеся закатил странный шар прямо в огонь.

— Теперь смотрим, что произойдёт. — с волнением произнёс он.

— А что должно?

— Не знаю, — честно ответил он. — Может, завопит на всю округу, может, полетит вверх. Может, ничего не будет.

— А может, сгорит?

— Не должно быть так. Но может быть. Вдруг это какой-то макет?

Взрослые и дети сгрудились вокруг печки и ждали чего-то. Огонь горел, уголь дышал жаром, и ничего не происходило.

— Я помешаю угли, — разочарованно сказал Дэн. — Может, не хватает температуры?

— Мама, мама! — вдруг закричал мальчик. — Смотри, там светится синим!

Все присмотрелись. Где-то в глубине печи, пышущей оранжево-красным, разгорался холодный сине-белый свет. Дэн не скрывал радости.

— Так, все отойдите! — крикнул он. — Активация прошла, теперь достаём колобок! Осторожнее! — И он кочергой выкатил стеклянный шар, светившийся ярким светом.

— А чего это он дрожит? — спросил Ник.

— Меняет центр тяжести, — ответил Дэн. — Перекачивается, чтобы правильно направить антенну.

Шар тем временем укатился под ёлку и светил оттуда пульсирующим светом.

— Ура! — кричали дети. — Дед Мороз подарил космический маяк!

А женщина разрыдалась у Дэна на плече.

Ник поднялся и тихонько вышел из комнаты.

— Так, ну всё, хватит, — Дэн чувствовал себя неловко. — Я же ничего не сделал! Просто я подумал про то, как проверить систему пожаротушения, если не знаешь, где у неё контрольная кнопка, и вот... Кстати, а куда делся Ник?

— Да вот он я, — вбежал тот из сеней. В его руках было что-то, завернутое в подарочную бумагу. Ник подошёл к мальчику, протянул ему свёрток:

— Это тебе. Последний подарок на сегодня.

Тот удивлённо посмотрел на Ника.

— Вскрывай, не бойся, — сказал он. — Эту вещь я хотел подарить своей дочери, но теперь мне кажется, что она будет нужнее тебе. Раз у тебя скоро будет космический корабль...

Мальчик осторожно потянул за верёвочки, распутал бант и развернул свёрток. И с удивлением достал оттуда стеклянный шар.

— Смотри, эта штука называется снежным шаром, — сказал Ник. — Встряхни его.

Мальчик послушался. И тут же внутри закружилась вьюга. Хлопья снега летали и опускались на миниатюрный город, подсвеченный

огнями печи и светом луны из окна.

— Это память о нашем мире. Видишь ключ сбоку? Поверни его вот так. И ещё, до упора, только не перестарайся.

В основании шара заиграли тонкие колокольчики. Ник улыбнулся:

— Конечно, это не маяк. Это просто сувенир, игрушка. И там очень простая механика: пружинки, шестерёнки, молоточки. А внутри шара — вода, и он хрупкий, его нельзя ронять. Это просто на память, чтобы ты вспоминал нашу планету.

Он вздохнул.

— А теперь нам пора.

Они вышли из маленькой избушки, поднялись до перекрёстка. Дэн открыл машину.

— Всё же хороший подарок мы сделали в этот раз, — заметил он.

— Да, — согласился Ник. Вдруг он поднял голову и отчаянно замахал рукой, словно приветствовал кого-то.

— Ты что, видишь там что-то? — озадаченно спросил Дэн.

— Да нет! — крикнул Ник. — Просто — ну мало ли, вдруг там хорошая оптика и всё видно. Я хочу, чтобы там знали, что мы им рады. Всё-таки у нас праздник. Пусть прилетают!

— И то верно, пусть.

Дэн плюхнулся в привычное кресло, завёл машину.

— А теперь, — сказал он другу, — поехали уже по домам. Нас тоже ждут на наших планетах.

И бережно направил машину в сторону города.

Яркая звёздочка мигала им в ответ.

СВЕТЛАНА ТУЛИНА

ЗДРАВСТВУЙ, ПАПА!

Такую сукку, как Ру, ещё поискать, это вам в Куббсвилле всякий скажет. Днём с огнём. И не факт, что найдёте. Вот и Ви подтвердит, а кому и знать-то, как не ей — вместе росли.

А всё дело в том, что Ру — традиционалка. По мнению Ви, так даже несколько и чересчур. Сами подумайте, кто в наши дни придерживается всего лишь пяти строго зафиксированных стабилей, при этом тщательно соблюдая все условности, налагаемые обликом? Дикость какая! Подобное добровольное самоограничение совершенно несвойственно свободной личности. В конце концов, оно попросту старомодно и может служить лишь материалом для очередного анекдота из серии: «слышали, что опять учудила эта Руул?»

Вот и в то праздничное утро всё пошло наперекосяк потому, что Ру захотела побыть самою собой. То есть, блондинкой. Поскольку была убеждена, что твёрдые предпочитают именно таких. Ру вообще во многом была убеждена просто так, без малейших на то оснований. Ви могла бы поспорить, если бы имела желание. Но спорить Ви не любила, тем более по таким пустякам. Нравится? Ну, так и пусть. Ви была фаталисткой и считала, что случайностей в этом мире не бывает. И потому совсем не удивилась, что это именно Ру первой встретила Керби.

Сначала Ру долго не везло. Она пребывала в белокуром и пышногрудом стабиле с самого утра — хотя, конечно, в Куббсвилле представления о восходах и закатах существуют только в виде умозрительных конструкций, но все уже как-то привыкли делить суточные ритмы на приблизительно равные «день» и «ночь». Условные, конечно же. И разделяемые столь же условными «утром» и «вечером». Ещё один дар пришельцев, вряд ли осознаваемый самими дарителями, но принятый с той же радостью, что и все прочие. Ведь так гораздо удобнее, чем говорить: «Это случилось в начале шестнадцатой сотой части пятого суточного ритма от восьмого полнолуния после равноденствия». «Утром пятого апреля» — звучит куда короче. И понятнее.

Второе правило, незыблемо соблюдаемое Ру, гласило: «Если делаешь что-то — делай хорошо». И потому на фоне её нынешней блондинистости любая иная белокурость смотрелась бы тускловатой пергидрольной фальшивкой, не более. Ру не просто изображала красотку с белыми кудряшками — она являла собой настоящую квинтэссенцию

блондинистости, этакий суперконцентрированный экстракт, незамутнённый даже малейшим намёком на присутствие мозгов.

Она держала этот облик вот уже несколько часов и изрядно скучала. Любая другая давно бы покинула добровольный пост у Западного портала, сообразив, что сегодня тут ловить нечего. С утра пораньше крутилось немало всяких-разных, изменчивых и непредсказуемых, но Ру интересовали только твёрдые. Такие все из себя стабильные и непрошибаемые. А их-то и не было. Ни одного. А с тех пор, как над Центром релакса взлетели светящиеся рекламные феечки, всякие-разные тоже подрассосались.

Ви, конечно, могла бы сказать, что ждать твёрдых сегодня тут так же бессмысленно, как и восхода. Или заката. Они, конечно же, где-то бывают, но не в Куббсвилле. И не у Западного портала пятого апреля, когда празднуется День Прихода и в Центре релакса пришельцам скидки. В Центре три своих портала, посетителям не обязательно тащиться через весь город, если интересуют их только удовольствия. Но Ру слышала лишь то, что слышать хотела, и всё никак не могла связать танец рекламных феечек над Центром и пустоту западной предпортальной площадки. Просто огорчалась, вздыхала и продолжала ждать.

И дождалась.

Приёмная мембрана пошла радужными полосами, выгнулась вперёд, задрожала и рассыпалась веером гаснущих блёсток, оставив на почти чёрном покрытии площадки молодого пришельца. По тому, как он моргал и старался не озиаться, даже Ру было ясно — это его первый визит в Куббсвилль.

Перворазка!

Такая удача выпадает нечасто.

— Привет! — она шагнула вперёд, ослепительно улыбаясь и протягивая руку. — Меня зовут Руулэн, для друзей можно просто Ру. А тебя?

— Ухтыж!..

Похоже, сукку он тоже видел впервые — во всяком случае, наяву. Тиви и десятой доли передать не способен. Ру сполна насладились восхищённым выражением его лица (такого настоящего, такого твёрдого!) и решила, что пришелец очарователен. Немного моложе, чем она обычно предпочитала, зато перворазка. Девчонки обзавидуются!

— Это твоё имя?

В ответ он очаровательно покраснел, засмеялся, продемонстрировав очаровательную ямочку на левой щеке, пожал, спохватившись, давно уже протянутую руку и сказал, что его зовут Керби. Ру удовлетворённо отметила, что у него очаровательно прохладные и твёрдые пальцы, да и весь из себя он тоже такой... ну... да, очаровательно твёрдый, иначе и не скажешь.

В этом стабиле у неё был небогатый словарный запас.

— Ты здесь первый раз? Это очаровательно! Погуляем? Я покажу тебе город!

Она глубоко вздохнула, с удовольствием наблюдая, как затуманивается и становится восторженно-бессмысленным взгляд Керби — молодые твёрдые всегда так реагируют на глубокие вздохи, если вздыхать правильно, пустячок, а приятно. Она как раз собиралась взять Керби за руку и посмотреть, как он опять покраснеет, когда мембрана за его спиной снова пошла радужными разводами, выгнулась вперёд и осыпалась искрами, а на предпортальную площадку шагнул невысокий пришелец пострепродуктивного возраста в тёмно-сером плаще. Его лицо кривила брезгливая гримаса, подбородок укутывал широкий шарф в чёрно-белую клетку, в морщинистой, покрытой коричневыми пятнами руке покачивалась белая трость. Сделав шаг, он осторожно потыкал тростью покрытие, словно то было подозрительной кочкой на болоте. Обвёл взглядом пустую площадку, морщась и поджимая тонкие губы. Посмотрел сквозь Керби. Скривился — юнец-перворазка с отвисшей челюстью и выпученными глазами показался недостаточно интересной жертвой. Белая трость застучала по чёрному покрытию в сторону Центра...

Ру не видела всего этого — ей хватило шарфа и трости, ноги сработали сами, она даже испугаться толком не успела. Рванулась в ближайший проулок, нырнула в туннель, пронеслась мимо закрытых по случаю праздника наконных щитков и лишь за третьим поворотом испугалась.

Остановилась, по инерции всё ещё придерживая обеими руками грудь. Бегать с таким украшением неудобно, но сменить облик ей и в голову не пришло. Тем более — сейчас, когда опасность позади. Белая Трость никогда ни за кем не бегают, его уличные жертвы всегда случайны. В Центре — там да, кому не повезло с дежурством, тому и... не повезло, короче.

Даже инки недолюбливали Белую Трость, хотя к ним он не приставал никогда. Сукки же его ненавидели. Все. И боялись — те, которым не повезло. Ру не повезло один раз, давно ещё, и того раза было более чем. По кускам потом собирали. Больше удача её не оставляла, вот и сегодня — не её дежурство, не обязана, а уж не нарваться на Тросточку в узких и запутанных туннелях Куббсвилля даже у блондинки ума хватит.

Куда теперь?

Ру надула пухлую губку, размышляя. Домой? Скучно. В салон ради праздника? Вот ещё! Праздник. Наверняка над Центром будет светошоу. А потом танцы. Это красиво, твёрдые любят.

А ещё твёрдые любят блондинок...

Ру улыбнулась, поправила растрёпанные кудряшки и пару раз глубоко вздохнула — для тренировки.

Вот туда и пойдём. Но торопиться не будем, пусть сперва Белая Трость найдёт себе новую жертву. А Ру подождёт, она никуда не торопится.

О Керби она даже не вспомнила — у блондинок короткая память. Зато Керби запомнила Ви, выведенная коротким всплеском паники из состояния медитации. А Ви на память не жаловалась никогда.

Второй раз Ру встретила Керби на площади перед Центром релакса, уже после окончания светошоу, среди шумной праздничной толпы. Внимание её на тот момент было рассеяно между очередным коктейлем и только что начавшимися танцами, поэтому потребовалось чувствительно толкнуть и мурлыкнуть прямо в ухо:

— *Ты смотри-ри, кто там! Кр-расава!*

Он стоял перед прайс-витриной релакса, листал номинации в слайд-режиме и вид имел потерянный и несчастный.

Ру сразу же окрысилась:

— *Он мой! Я его первая забила! Не смей вылезать, ясно?*

— *Хор-рошо, хор-рошо, не спор-рю...* — Ви отступила вглубь, скрывая улыбку. — *Когда надоест — дашь поигр-раться?*

Вопрос был излишним — Ру не жадная и всегда делится тем, что добыла. Ей нравится делиться — и нравится, когда спрашивают. Почему бы и не?

— *Конечно. Потом. А пока — исчезни...* Керби! Привет!!!

А может быть, вечное соперничество вовсе и не причём было, и Ру просто его пожалела — блондинки сентиментальны. Или же сказались те три коктейля, которыми угостил её твёрдый по имени Винс — очень симпатичный твёрдый, жаль, что сегодня занят, но от её чип-визитки не отказался, а это обнадеживало. День не прошёл зря, Ру была счастлива и хотела поделиться хотя бы частичкой этого счастья со всеми, кому не так повезло. И особенно — с очаровательным перворазкой, который рассматривает лучшие предложения Центра с таким видом, словно ему только что сообщили о смерти любимой бабушки.

— Привет, Ру!

Кажется, он обрадовался.

— Я думал, будет проще, а тут... Никто ничего... и так шумно... Ру! У тебя есть полчаса? Мне надо найти...

— Я тебя не слышу!

Вокруг взрывались петарды, гремела музыка. Ру вручила Керби свой бокал — четвёртый, кстати. Вертелась вокруг, пританцовывая и тормоша. Коктейли в Центре релакса хороши, после них трудно стоять на месте, пузырьки поднимаются из живота, щекочут горло.

— Пошли танцевать! Я рыбка! Я сегодня твоя золотая рыбка! Любое желание! Но сперва — танцевать!

— Нет, Ру, нет! Послушай, мне надо...

— Я тебя не слышу!

Она схватила его за руку и поволокла за собой сквозь веселящую толпу, смеясь и пританцовывая. В ритме танца двигаться было проще, Керби пока ещё этого не понял, болтался сзади, уже почти не упираясь, но всё равно тормозя, покорный и несчастный. Толпа кончилась внезапно, вот только что толкали со всех сторон, и нету, остались сзади плотной спрессованной массой, качающейся в едином ритме, а впереди — край площади и проём боковой улочки.

Ещё не туннель — свода над головой не видать, только глубокая чернота. Но уже достаточно узко. Шум праздника отгорожен двумя поворотами, доносится глухо. Ру смеётся:

— Видишь? Здесь можно слышать друг друга! Я — твоя золотая рыбка! Ты захотел, и — ап! Загадывай новое желание! Ну? Чего ты хочешь?

Керби улыбается, растерянно и немного смущённо:

— Не знаю, сможешь ли ты... Тут такое дело... Понимаешь, я ищу одного инкуба...

— Ооо...

Как с разлёта об невидимый свод. Ру так обидно, что даже танцевать больше не хочется. Надо же, такой молоденький и красивый. И — мимо. Не угадала...

— Да... тут я тебе вряд ли чем-то смогу...

— Да нет же! Ты не поняла! — он ещё очаровательнее, когда краснеет. — Я ищу конкретного инкуба. Вот этого!

Над экранчиком древнего мнемика развернулось стерео — твёрдая в обнимку с Викингом-14 стандартной модели, модификации минимальны или вовсе отсутствуют. Когда-то Ру и сама от такого была в полном восторге, но сейчас лишь надувает губки:

— Такая линия плеч давно вышла из моды! А эти бёдра... Фу! Зачем тебе такое старье?

— Он мой отец.

Сверху падает припозднившаяся феечка, чуть не задев Ру истрёпанными крыльями. Керби отшатывается, Ру не обращает внимания. Она смотрит на Керби, хмуря красивый лобик и топыря пухлую губку. Он, конечно, очень молод. Но достаточно ли он молод, чтобы ему никто ничего не объяснил? Сезонов пятнадцать, не больше, у твёрдых это вроде как даже не вылеток ещё, скорее — первая куколка. Много ли можно объяснить куколке?

Керби уставился на феечку — та упрямо пытается взлететь, несмотря на то, что и так отлетала чуть ли не вдвое больше нормы. Изорванные

крылья не держат, феечка падает, скулит, молотит по чёрному гляncу покрытия маленькими кулачками. Злые слёзки текут по детскому личику, промывая на чумазных щеках грязные дорожки.

— Что с ней?

Керби пытается подойти и наклониться к скулящей истеричке, но Ру быстрее, и решение ею уже принято. Вклиниться между — и ловко отгеснить, спасая глупенького.

— Не суйся к ней. Ещё укусит, лечись потом...

Глаза у него вовсе не серые, а голубые. С очень красивым зелёно-коричневым ободком. Это хорошо видно, когда они становятся вот такими, почти квадратными...

— П-почему?

— Ну, это же феечка! К тому же — очень злая сейчас, не налеталась. Они совсем безмозглые до первой линьки. Только летать и любят. Не переживай, её скоро найдёт кто-нибудь из опекунов, феечек опасно одних оставлять, это все знают. Пошли!

— Куда ты меня тащишь?

Спросить удалось лишь у выхода на верхний мостик, где они остановились, пережидая группу организованных туристов-иномирян в сопровождении местного гида с острыми эльфийскими ушками и глазами в пол-лица — мостик был узкий, разминуться на нём невозможно, туристы шли гуськом, посверкивали мнемиками. До этого Керби приходилось бежать за своей проводницей, спотыкаясь и почти что падая, да он бы давно и упал на бесконечных лестницах и переходах, если бы странная красотка не стискивала его ладонь так, что и при желании не вырваться. А ведь пальчики такие изящные вроде, и кисть тонкая... но удивляться тоже было некогда, как и задавать вопросы. Дыхания не хватало, сердце грозило выскочить из груди, билось чуть ли не о зубы, горло горело, тут уж не до расспрашиваний.

Красотка моргнула удивлённо, пожала плечиком. Под переливчатой туникой качнулась роскошная грудь — слишком близко для сохранения внутреннего спокойствия. Керби сглотнул и поспешно перевёл взгляд на её лицо. Тоже хорошего мало. Вернее — много. Слишком...

— К винтажникам, конечно же!

Ярко-розовые пухлые губы — свихнуться можно! — раздвигаются в довольной улыбке, глаза сверкают в обрамлении пушистых ресниц.

— Твой папа, он... — точёный носик сморщен в лёгком недовольстве, — такое сейчас не носят! Было модно давно, сезонов пятнадцать назад. А то и больше. А винтажникам — самое то, они любят старьё!

Туристы проходят. Высокий измождённый парень в компенсаторном поясе захватывает мнемиком и Керби — словно случайно, вместе с панорамой. Керби делает вид, что не заметил. С обитателями спутников

отношения и без того натянутые, лишний скандал ни к чему. Лунник последний в группе, проход на мост свободен, но белокурая красotka не спешит, перестаёт улыбаться, смотрит озадаченно. Наконец решается:

— Слушай, а зачем тебе?.. Твоя мама наверняка заключала контракт, иначе просто не бывает...

Керби смотрит в сторону, передёргивает плечами. Улыбка выжата одним усилием воли, как слишком тугой эспандер. Зачем? Самому бы знать...

— Так... интересно, — выдавлиывает, наконец. — Подумал — а вдруг и ему... интересно будет?

Красotka смотрит с сомнением, тянет задумчиво:

— Ну, не знаю... может быть... но контракт точно был, ты это учти! Так что никаких претензий.

Но Керби уже удалось взять себя в руки, и улыбка выходит вполне естественной.

— Какие претензии, ну что ты?! Мне улетать скоро, вот и захотелось... подумал — а вдруг больше вообще никогда...

Красotka удовлетворённо кивает, сияя фарфоровой улыбкой. Похоже, сумбурные объяснения Керби её полностью успокоили.

— Тогда пошли! Тут недалеко.

Под ногами слегка пружинит тонкая лента моста, перила холодят ладонь. Внизу — площадь в переливах праздничных огней, далеко-далеко, шум сюда почти не доносится, даже феечки танцевали ниже. Красotka идёт впереди, легко, словно танцует. Туника чуть светится в полумраке, руки не касаются перил. Да что там перила! Она и на сам-то мост вроде как не наступает, призрачным язычком пламени скользит над его чёрной лентой.

Странная она.

Хотя... Кто из людей может сказать, что является странным, а что нормой для уродённой суккубини?

Ру не любила бывать в винтажной ячейке, такое обилие немодных силуэтов огорчало её чуть ли не до слёз. Она бы ни за что сюда не пришла, если бы не Керби. Очаровательный... как же называют феечек активного пола у твёрдых? Ах, да — мальчик! Это, конечно, не совсем верно, Керби не феечка, но и не вылеток, а как называются куколочки твёрдых — Ру не имела ни малейшего понятия. Так что пусть будет мальчик. Очаровательный мальчик.

Она уже не помнила, зачем ему надо было к винтажникам — у блондинок память короткая. Но так приятно доставить удовольствие такому приятному... ах, да — мальчику.

Счастья добавляло и то обстоятельство, что ячейка оказалась почти пуста — никаких тебе ужасных плеч и древних линий подбородка.

Только скучающая Эллейевин, одна из опекунш-основательниц, добровольно взявшая на себя дежурство в праздник, когда все веселятся. Так что какое-то время Ру была счастлива.

Пока не заметила новый облик Эллейевин.

Модель манга, но — конечно же! — тридцати, а то и сорокасезонной давности! Теперь Ру тихо страдала, разглядывая новые подробности и всё более и более ужасаясь. Эти брови! Кошмар!!! Их уже сезонов двадцать никто-никто! А ногти! Какой жуткий старомодный оттенок! А волосы! Ужас-ужас-ужас...

— Тебе нужен такой же? — Эллейевин разглядывала древнее стерео с неподдельным интересом. — Насколько я помню наших инков-викингов, шестеро последнее время как раз придерживаются четырнадцатой модели, и двое из них почти немодифицированы. Сейчас ещё рано, но к вечеру кто-нибудь обязательно заглянет, и ты сам сможешь удостовериться...

Керби вовсе не выглядел довольным — настолько не выглядел, что это даже немного отвлекло Ру от переживаний по поводу формы губ Эллейевин — хотя они были ужасны! Трижды ужасны! С такими губами нельзя никому на глаза показываться!

— Вы не совсем поняли... Мне не нужен похожий. Мне нужен именно этот.

Какое-то время Эллейевин молча разглядывала Керби. Ру занервничала. И уже совсем было собиралась сказать, что они зря сюда пришли, и уходят. А если понадобится — то и силой утащить бедного мальчика от этой старомодной любительницы разглядывать чужое. Но тут Эллейевин наконец заговорила — нейтрально и вроде бы о постороннем.

— Это ведь старый снимок, так? Сезонов двенадцать?

— Пятнадцать.

— Пятнадцать сезонов назад викинг считался одним из самых популярных стабилей. Это сейчас он винтажен, а тогда вовсе нет. Твой инка — явный стильник, он не может быть нашим. И потому сейчас он кто угодно, но только не викинг, ведь викинг — больше не стильно, да вот хоть у своей подружки спроси! Зачем ты вообще пришёл именно к нам?

— Ру сказала, что такие есть только у вас.

Смеялась Эллейевин тоже отвратительно — раскатисто, взхлёб, с какими-то взлаиваниями и подвизгиваниями. Ру даже не представляла, когда такой вот смех мог бы быть популярен.

— Она тебе что — ничего не объяснила? Ру, детка, эта модель не доведёт тебя до добра! Смени стабиль и растолкуй ребёнку...

— *Р-ру, не пугай пар-рня. Смотри-ри, у него глаза опять квадратные. Хочешь, я р-расскажу? Или пусть Кр-рошка, ему пр-роще...*

- Зззгинь! Он мой, ясно?! Мой! Сама! И не суйтесь!
- Хор-рошо, хор-рошо, я что, я ничего, пр-росто хотела как лучше...

Они сидели на качелях — в Верхнем саду нет простых лавочек, только подвесные. Очень спокойный Керби и глубоко несчастная Ру.

— Мы непостоянны, ты же должен был знать! Всегда разные. Или такие, как надо, понимаешь? Вы же нас за это и любите! Я бы тебе помогла! Я же твоя золотая рыбка! Но я не знаю, как...

— То есть, сейчас он может быть каким угодно...

— Ну да... не все же придерживаются традиций, стили меняются. Появилась куча новых моделей... Слушай! А, может, ты его имя знаешь?!

Одним из основных качеств Ру было мгновенное переключение настроений, вот и сейчас переход от полного отчаяния к восторженной надежде свершился за долю секунды.

— Имя — это куда круче, чем модель! Имя важнее! Даже если неполное, оно укажет на клан, а там уже будет прощел!

— Лэнни.

— Лэнни — что?

— Мама его так называла. Этого хватит, чтобы узнать клан?

— Нет.

Надежда умерла так же быстро.

— Лэнни — это вообще не имя. Детское прозвище, что-то вроде «малыш». Большую часть инков так называют.

Почему-то к отчаянию примешивалась лёгкая паника. Ру отмахнулась от неё, как всегда отмахивалась от непонятного. Пусть другие тревожатся и обдумывают причины, а у неё и своих огорчений полно. Вот, например, как объяснить Керби, что сменить можно не только внешность, и что тот викинг, который когда-то замутил контракт с его мамой, сегодня может быть не только каким угодно, но и кем угодно...

— А ещё он подарил маме вот это.

Маленький переливчатый ромбик на кожаном шнурке. Не цепочка, на цепочку нельзя — вирруулэн не переносит металла.

Паника.

Перламутровый ромбик — чешуйка детского кокона. Крестик на карте, птичка курсора, чёткое указание — найди меня. Такое дарят не всем, с кем заключают контракты. Далеко не всем. Такое вообще почти не дарят.

Они индивидуальны, эти чешуйки, и каждый, только увидев, уже знает — чьё, и как зовут разорвавшего кокон, потому что имя тоже рождается в коконе, феечки не только безмозглы, но и безымянны...

Вирруулэн из рода Эль.

Паника.

Паника, паника, паника...

— Нет! Нет, нет, нет, не хочу!

Она затрясла головой так отчаянно, что качели мотнуло в сторону, а хлынувшие слёзы разлетелись веером. Схватила за голову, застонала, выгнувшись.

— Не хочу! Прости, прости, я не справилась! Я не могу! Прости... и — не пугайся, ладно?!

* * *

Здесь всё было не так!

Он пересмотрел кучу реалити про Куббсвилль и думал, что хорошо подготовился.

И в первую же секунду, ещё на порталной площадке понял, насколько ошибся.

Запах.

Свет.

Звук.

Всё как будто чуть мерцающее, совсем иное, непривычное — и в то же время словно бы как раз такое, каким оно и должно было быть всегда.

Одно слово — Куббсвилль.

Рай, за одностороннюю визу в который пришлось выложить целое состояние.

И гнусный старик, который смотрел на всё это странное великолепие так, как будто не в рай попал, а в грязную вонючую лужу, и теперь боится запачкаться. Раньше Керби даже и представить не мог, что в Куббсвилль можно придти и вот с таким выражением лица. Оказывается — можно. В странном искрящемся городе есть место всем.

Станным тут было всё. Дома, местами совсем как у людей, а рядом смотришь — и не понимаешь, жилище ли это, растение, или же произведение искусства? Абстрактные скульптуры, перетекающие в стены, и стены, оканчивающиеся подвесными мостами. Каменная паутина, внезапно оказывающаяся живым садом — во всяком случае, если он верно понял слова этой странной блондинки. Сама блондинка, так внезапно потерявшая лицо — и не только...

Впрочем, теперь уже не блондинка.

Какое-то время её тело ломалось, сминая черты и оплывая, словно восковая статуэтка под горячей водой, таяло, уменьшалось, перетекая в новую форму, меняло цвета. Но сейчас вроде бы изменения завершились. Чёрная короткая стрижка, больше похожая на бархатную шёрстку, округлые ушки, в смеющихся зелёных глазах нет белка и зрачок вертикален...

— Ру?

— Вообще-то Эль-Ввир-руулэн, так правильно... но тебе разрешаю звать меня Вви.

Улыбка быстрая и острая, и зубы такие же острые. Мелькнул дразнящий розовый язычок, тоже острый и быстрый. Миниатюрная женщина-кошка уютно свернулась на скамейке — так, как умеют только кошачьи. Косила насмешливо зелёным глазом. Улыбалась ехидно, только что не мурлыкала.

— Впр-рочем, как хочешь. Всё р-равно я скор-ро пер-редам р-руль. Р-ру — дурр-рочка, бер-рёт то, что р-рядом. Тер-рпеть не могу р-разговор-ров... Ты умный пар-рень и сам всё уже пр-росёк, пр-равда?

Приподнялась, опираясь на локти, недовольно хлестнула по скамейке хвостом. Произнесла укоризненно, глядя мимо Керби (он с трудом удержался, чтобы не обернуться):

— Эй! Пр-рекр-ратите. Это гр-рубко. Р-решили поспор-рить — давайте гр-громко, чтобы все пр-присутствующие в кур-рсе. Эй! Я пр-редупр-реждала. Кр-рошка, я свор-рачиваюсь, твоя очер-редь.

Новая волна изменений, словно кто-то смял кусок пластилина. Качели ощутимо просели и слегка перекосились.

— Что случилось? — *Спроси его, спроси!* — *После стольких сезонов!* — *Ты ведь не случайно пришёл именно сейчас, да?* — *Ну спроси, ну что тебе стоит!* — *Зачем спр-рашивать, вы же и так всё уже пр-рекр-расно ...* — *Прости, прости, я не хотела!* — **ЗАТКНИТЕСЬ ВСЕ!**

Керби зажмурился, помотал головой.

Тишина.

А потом:

— Она просила что-то... передать?

Голос низкий. И — какой-то неуверенный, что ли.

— Нет. То есть, не знаю... Она умерла. Две недели назад. А мне придётся теперь в интернат, вот я и подумал...

Он открыл глаза, оскалился, снова потряс головой и то ли всхлипнул, то ли хихикнул:

— Здравствуй, папа?..

* * *

— В моём классе у четверых пацанов отцы из ваших! И ещё у двух девчонок! Зачем ты врешь?!

Лэнни досадливо хмыкнул и поскрёб ногтями щетину на квадратном подбородке. Вообще-то, викинг у четырнадцатой модели щетины не полагалось, но контрактные барышни млели от подобных мелочей, и потому столь незначительную модификацию мог себе позволить даже и такой закоренелый традиционал, как Вирруулэн из клана Эль.

Эль-Вирруулэн терпеть не мог объяснялок. В любом стабиле. Хотя иногда и приходилось. Некоторым барышням щетины недостаточно, им ещё и разговоры подавай...

— Ты же учил биологию, должен понимать. Мы слишком разные, скрещивание попросту невозможно.

— Всё ты врешь! А если не врешь — то ещё хуже! Мама тебя любила! А ты ей изменял! Если не врешь сейчас — то даже тогда изменял!

Лэнни опять вздохнул. Где-то глубоко плакала и просила прощения Ру, от неё сейчас помощи ноль. Ви молчала, но молчание это было скорее одобрительным. И то радость. Остальные... А что остальные? Они тут ни при чём.

— Я не вру. И я её тоже любил. Все полтора года. Контракт — серьёзная штука, не любить невозможно. Но ей ведь ещё и ребёнка хотелось. Тебя. А я могу быть любовником, но не отцом. Только переносчиком. Вот и пришлось. Измениться. И... ну да, изменить. Всего один раз. И появился ты. Твоя мама считала, что оно того стоило.

Керби больше не плакал. Смотрел тускло и с отвращением. Передёрнулся. Спросил сквозь зубы:

— Кто мой... настоящий? Или ты тоже — не помнишь? Столько их было, что где уж упомнить?

— Почему же... Помню. И маму твою тоже. Она была самой лучшей. Это не только моё мнение, ты и сам знаешь. Иначе бы её не премировали полторагодовичным контрактом. А ещё она была очень красива. Очень...

— Не смей, слышишь!

— Не буду. Ты просто помни, что она была лучшей. Самой лучшей. А отец... так, случайность, турист-транзитник. Просто случайный донор. Он больше здесь и не появлялся.

— Его можно найти?

— Если тебе так важно... Я постараюсь.

— Не напрягайся. Всё равно я здесь больше не появлюсь.

— Как скажешь...

Обратно шли молча.

Лэнни был рад, что папан пересилил себя и попросил проводить. Иначе пришлось бы навязываться и окончательно всё портить, но не отпускать же его одного в ажурные туннели верхнего города, где любой неверный шаг чреват долгим падением с не слишком эстетичным финалом внизу для тех, кто не умеет изменяться или хотя бы летать. Надо обладать мозгами настоящей блондинки, чтобы затащить сюда твёрдого.

Сначала говорить было просто некогда, приходилось следить за каждым его шагом в ежесекундной готовности подстраховать. При этом делая вид, что ничего подобного не происходит, и ты просто идёшь рядом, показывая дорогу. Когда же покрытие под ногами перестало напоминать каменное кружево, молчание стало уже привычным.

Так и молчали — до самой предпортальной площадки.

— Ты всё же заходи, если вдруг случай будет. Я оставлю открытую визу. И постараюсь что-нибудь разузнать.

Именно так. Как о чём-то не очень важном. И зубами перемолоть в труху уже почти что вырвавшееся «буду ждать» — чтобы и следов не осталось.

Керби, не оборачиваясь, дёрнул головой. То ли кивнул, то ли мотнул отрицательно, самому непонятно. Мембрана выгнулась, рассыпалась искрами, сплелась коконом вокруг. Втянулась обратно в пазы, оставив пустую площадку.

* * *

— Закр-рутил пар-реньку усы косичкой? Пр-равильно. Некотор-рым так пр-роще.

— Заткнись.

— Ай да Кр-рошка! Пр-равдивый Кр-рошка. Нет, пр-равда, я в востор-рге. Не пр-редполагала, что ты умеешь вр-рать. Пр-ричём так хор-рошо... и что тепер-рь?

— Не знаю.

— Р-разумеется. Увер-рен, что эта мр-разь сможет быть хор-рошим р-родителем?

— Нет.

— Пр-равильно не увер-рен. Помнишь, какой была Р-ру — до того дежур-рства? Думаешь, с пр-редставителями своей р-расы и даже в какой-то мер-ре р-родным р-ребенком эта др-рянь с тр-росточкой будет остор-рожнее?

— Не думаю.

— Кр-расава. Тогда почему не р-рассказать пар-рню, что его отец был пр-рекрасным человеком. Храбрым, мудр-рым, кр-расивым... Но умер-р. Как гр-рустно. И все р-рады, всем хор-рошо.. Почему не совр-рать? Или таки довр-рёшь пр-ри втор-рой встр-рече?

— Думаешь, он вернётся?

— А ты — что нет? Вер-рю, вер-рю...

— Если вернётся — так и скажу. Наверное.

— Ой, Кр-рошка, Кр-рошка... себе можешь вр-рать. Мне — непр-робуй.

— Но мальчику нужен отец!

— А кто-то спор-рит?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ГРАНИЦЫ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ

ВИТАЛИЙ ПРИДАТКО

КРЫЛЬЯ

В конце концов мунт жалобно замычал. Затапал копытом, разбрасывая в стороны побуревшие ошметки старых газет. Дурная кровь растворилась в жгучих слезах: теперь выкатившиеся глаза в пушистых телячьих ресницах выражали только страдание и желание бежать в стойло.

— Совсем дурак? — негромко спросил я, откровенно скучая: минты — не лучшие клиенты, прут на рожон через одного, небезосновательно полагая, что мало кто рискнет портить с ними отношения. Так что для меня здоровенный бугай в подогнанной под мощные рога федоре и плотной шинели до земли не оказался сюрпризом.

Никак не пойму, почему их-то так удивляют мои плохие манеры. Или, выбегая в соплях и крови из захламленного дворика с дюжиной тупиков между завалов старой мебели, дров и заброшенных киосков, они тут же обо всем забывают — или предпочитают не гадить на собственное реноме. Бараны.

То есть, поправил я себя, уныло глядя на согнувшегося в три погибели минта, — быки, разумеется.

— Совсем дурак?! — добавил громче и дернул за толстое кольцо с наклепанным жетоном. При желании такая штука запросто вырывается полностью, но тогда может понадобится минта гасить, и гасить всерьез, а это морока.

Ребята они здоровые, хоть и тупые.

Мунт сглотнул, переступил с копыта на копыто и довольно правдоподобно изобразил извинения. Он, ну, не хотел, ну, зла. Пришел, ну, потому что ему сказали, тут навивают новые клубки... ну, старые, опять же, подновляют. Ну, ждать-то, ну, некогда было, на службе он, ну, прикрикнул...

— У Ари есть удостоверение мастерицы, — процедил я, глядя в дурацкие круглые глаза, — есть и лицензия. Так какого чуда ради уважаемый страж порядка ведет себя так, словно нагрязнул с инспекцией к драному нелегалу? Расценки для всех одинаковы. Как представитель Минуса, ты мог бы претендовать на, скажем, пятипроцентную скидку... но это — если бы не быковал, дружок. Если бы не быковал...

Мычание. Правда, теперь я уже поостыл настолько, что вижу лысоватую гарпию, отчаянно сковыривающую какие-то пергаменты с фонарного столба, и Улисса-лотошника, который методично и не торопясь движется по двору, лавируя между грудями хлама и просто

мусора. Нырнул между покосившимися этажерками, исчезнув из виду, а через некоторое время снова появился, уже держа в руках соприелое рванье, и устремился за поставленный набор драный диван с торчащей ватой и проступившими ребрами. Так всегда. Снова и снова Улисс перебирает каждый тупик во дворе, пока не находит чей-нибудь подъезд и не устраивается на ночлег.

Говорили, что прописан он все же по этому адресу, хотя проверить было бы затруднительно: на моей памяти Улисс так ни разу и не попал домой, всегда ночуя возле лестниц под кашляющими и клекочущими гипокаустами с облупившейся побелкой.

— Ну, так что? — снова тряхнул минта, — Нужен клубок, или как?

Минт сопел и кряхтел. Мялся, все еще надеясь выйти сухим из воды. Потом смущенно попросил все-таки продать ему клубок, согласившись даже на маркированную нить. Протянул три мятых ассигнации, отказываясь от сдачи.

Я смотрел в глаза, отчетливо поблескивающие звериной хитрецей. Забрал деньги, поглядывая на гарпию; этим верить нельзя, половина гарпий в городе — первостатейные стукачи, того и гляди и этот взовется над крышами и кликнет икаров. Потом — говорю же, не впервой! — достал клубок из кармана. Средний, на восемь точек фиксации. Нить в клубке хорошая, прочная, с зеленоватым отливом, а с помощью лупы на ней можно прочесть стандартную ворожбу маркировки.

Это, конечно, не пустые нити, которые можно использовать для чего угодно; но и не табельные клубки стражи Миноса, на которых погореть — ничего не стоит. В конце концов, ссориться с минтами нам с Ари тоже не с руки: они получают то, за чем приходят. Как и любой другой.

Минт сдавленно вымучил «спасибо»: явно же надеялся, что я отпущу его, чтобы сходить в квартиру за товаром. И окажусь спиной к полупудовым кулачищам. Нет уж, телок, не в этот раз и не с этим человеком.

Я отпустил наглуемую мохнатую морду, борясь с желанием отереть пальцы о штанину. Вежливо показал в сторону ворот, ведущих на просторную солнечную улицу, на которой уже поскрипывала, грузно одолевая подъем, трамвьева, глухо стучали на брусчатке обутые в шины колесницы.

Отступил на шаг, второй, третий — пятак, чтобы успеть среагировать на удар. Руки у минтов действительно длинные, достают почти до колен, что при двухметровом росте внушает если не почтение, то осторожность. Бить их просто, но не легко; а сегодня еще и незачем — бугай вполне компенсировал весь возможный ущерб, не исключая и моральный.

Минт вздохнул, утерев нос, мотнул ушастью башкой и развернулся. Разочарованно завопила гарпия, уносясь прочь. Вот кому никакого клубка, канальям...

Копыта звонко процокали по камням двора, и огромный незванный гость, горбясь, стал выбираться вон, сматывая ниточку довольно-таки потрепанного клубочка.

Минтам не нужны клубки — в лабиринте своего города, а может, и вообще любого города, сколько их ни развелось на белом свете, минт ориентируется уверенно и безошибочно, лучше старожилы-человека. Это в них сидит отроду; потому минтов и вербуют в службу Миноса — практически всех.

Но в дворах вроде нашего, где честно зарабатывают только Ари, старьевщик Метерфлаш и, наверное, тот самый Улисс, знают неприятное свойство минтов лучше, чем старик Минос. Как и то, что своим ходом из рукотворных лабиринтов минт почти не способен выбраться. А всем остальным даже лучше думать, что мы тут отребье, не желаящее знать ни санитарных, ни противопожарных норм, не говоря уж о приличиях и порядке.

Я покачал головой, наблюдая за минтом, что взмок, бережно вытягивая нить. Дюжина пар глаз сторожко отслеживала каждое движение здорового болвана, но ему, конечно же, невдомек.

Потом поднялся в квартиру, спрятал деньги в кубышку, стараясь не думать о том, как их мало. Подошел к Ари, сидевшей у окна, и нежно поцеловал в висок. Она вздрогнула и поглядела на меня слегка рассеянно. Ари слишком занята сейчас, чтобы прислушиваться, что творится вокруг нее.

Как сказал Аск, она умирает.

* * *

— А, ч-черт, Язон, все, больше не могу говорить. Да, буду, да. Обязательно.

Зеркальце померкло, и я уставился на ступени, на торчащие колени шествующего Луца.

Вся группа уставилась, между прочим, даже Эсхил.

Луц приходит последним, воротник рубашки развязан, демонстрируя любопытствующим тощую грудь с алеющими пятнами свежих засосов. Как и всем нам, парню приходится подрабатывать. Такова жизнь. Сам-то он тешит себя надеждой, что сумел обвести старую актерскую сволочь вокруг омфала, изобразив жуткого бонвивана и бабника. Мы же видим больше, чище, точнее — и не забываем. Ни зеленых теней, не до конца стертых с век, ни типично бабьих румян, отличающихся от акцентированной сценической косметики,

как ночь ото дня, ни ухоженных рук... на что, казалось бы, актеру ухоженные руки?

Мы делаем ставки, чьим любовником Луц будет сегодня, чьим — завтра. Как ни крути, для постоянной связи косметика у него чересчур дешевая и наряды безнадежно вызывающи. В то же время на дешевую порну, тем более, порну-эфеба Луц не смахивает.

А актер из него... никакой из него актер.

Кушать подано из него актер, да.

Вот и сегодня все то же: воротник, рубашка, манжеты, узкие штаны, стоптанные сандалии. У Луца бенефис, засмеялась Ирида, забыв о пестуемых ноготках. Да уж, смотрите все, держите шляпы, тихонько заржал Имре, по-лошадиному встряхивая головой. И все до единого усталились на Эсхила.

Эсхил нервно посмотрел на Луца, но поскольку увидеть был способен не меньше нашего, а то и больше, на то он и драматург-постановщик номер раз в городе, не стал ни распекать, ни журить, ничего. Только тяжело вздохнул и сделал знак присоединиться к труппе. Имре удивленно тряхнул гривой, Ирида приветливо улыбнулась пацану, а я, прячась за спинами, записывал зеркальце в кисет. Увидел бы Эсхил — изошел бы на вопль и брызганье слюной.

Скоро очередной фестиваль, и Эсхил здорово переживает. Ему мерещится, что из новой пьесы, «Крыльев», не изливается, не излучается энергия и катарсис. Ему мнится, что нас освищут, а то и вовсе закидают помидорами — и не важно, что помидоры нынешним летом не уродили, да и сезон миновал.

— Начали, — вздохнул он не хуже давешнего минта, и мы начали.

Внекотором городе, где лабиринт составлен просто и строго, и почти каждый мог покинуть семивратные стены, где вместо рабов колесницы двигали паровые машины, а воздух не был отравлен мануфактурами и фабриками, жил-был человек, который имел крылья, но не желал знать преград...

Луц преобразается, когда играет роль: это его первая главная роль, и я бы поклялся, что крылья у него за спиной — совсем не бутафорские. Как обычно, сегодня глупый мальчишка по-прежнему путал реплики — правда, всего треть, а не каждую, как было прежде, как обычно, скакал лягушкой вместо гордого взлета. Как обычно, у Луца горели глаза, и Ирида вдруг беззвучно выругалась, смахивая слезу со своих — зеленых фонариков под рыжими бровями.

Она играла возлюбленную мечтательного крылана, и, как обычно, никто бы не отличил игру от подлинного чувства.

Я же изображал главу икаров города, жаждущего вернуть раз и навсегда заведенный древний порядок: крылья — для тех, кто придерживается верного курса, кто не устремляется ни ниже, ни выше

положенного; и подтянутый, строгий, могучий я взлетал и садился с отточенными движениями десятки лет полосуемого небо крыльями часового. Взлетал и садился. Взлетал и садился. Как, черт его дери, Луц держится на ногах с этими неуклюжими деревянными фальшивками?

Потом гулко зазвенела клепсидра, и Эсхил, по-прежнему невеселый и задумчивый, раздал нам заработанные монеты.

Я вышел за стены театра и со стоном расправил затекшие плечи. Деревянные крылья ужасно тяжелы и неудобны; интересно, какими были бы настоящие. Тощая девчонка в заношенном хитоне замедлила шаг, испытующе глядя на нестарого еще дядю. Не дождавшись, смачно отхаркнула на проезжую часть и пошлепала через улицу наискось: не самый хлебный участок выделил ей ее бахус, что и говорить.

Мимо со стоном прокатила триербус, судя по раскраске паруса — в направлении к центру, домой. Я остался стоять на обочине, вдыхая холодную морось. Курил и думал о том, что неплохо было бы позвать Аска уже завтра. Или послезавтра. На лицензированного врача нас не хватит так и так, но у Аска есть источники патентованных снадобий; я надеялся, что Ари источники выручат тоже.

Потом бросил окуроч в урну и остановил маршрутную арбу, следовавшую на окраину.

* * *

На ферме светло и тепло. Вроде бы колхидские бараны меньше нервничают при стрижке, если в помещении не завывают сквозняки; а может, Язон привычно темнил, если не вовсе врал напропалую. Есть у него такая мода.

А светло — ну, понятно и так, да? Представьте, что на вас выходит полуторатонный баран с золотыми рогами и золотым руном. Бараны — не быки, на красное не реагируют. Просто бросаются и бьют рогами все, что не пришлось по душе. У них, видишь ли, взрывчатый горской характер — и уйма способов его проявить. Смотреть приходится в оба, и даже пристальнее: зазеваешься — изувечит.

Мегилл, с которым мы работали уже, наверное, шестую стрижку кряду, прихрамывает: в прошлый раз здоровый приземистый валух Нька притер Мегилла к занозистой дощатой стенке станка для стрижки. Занозы давно вылезли и зажили, а вот трещина в ноге залечилась плохо и давала о себе знать, особенно перед переменной погоды.

— Дождь будет? — спросил я Мегилла, и тот улыбнулся одними глазами, потому что первый на сегодня баран, кусачий ублюдок по кличке Шон, уже дожидался в станке, неотрывно вглядываясь в лица.

Во время стрижки лучше не говорить. Не отвлекаться самому и не подставлять товарищей. Следующие три часа мы вкалывали в тишине, изредка разрушаемой блеянием очередного клиента.

Когда заперли, наконец, даже Ныка, подмели сарай и аккуратно сгрузили золотое руно на тачку, Язон материализовался снова, панибратски хлопая по плечу и всячески выказывая понимание нашей усталости.

Язон долго ухитрился держать свое предприятие в тайне от минтов и негласных хозяев улиц, но года два назад, когда банды его вычислили, предпочел лечь под Миносowych ребят. Теперь он терял две трети прибыли с каждой стрижки — зато и стерегли ферму покруче иного банка. Банды пару раз все же пытались наехать на Язона, даже спалили сгоряча ему хату. Тогда делом занялись минты — и Кривой быстро возместил Язону понесенный ущерб, впопыхах, наверное, почти вдвое переплатил и перестал отсвечивать навсегда.

Но жил Язон теперь на втором этаже фермы, над драгоценным своим бараньем.

Расплатившись полновесной монетой, Язон выпроводил нас за дверь, прямо в начавшийся дождь.

Добравшись до дома, я вымок до нитки и начал чихать. Если бы не это, Аск, наверное, не дождался бы меня, уехал домой и огорчил бы с утра.

Но — услышал. Встал со скамьи, кажется, даже скрипя. Подошел ближе.

* * *

Ночью лабиринт города засыпает. На основных улицах делается тихо и безлюдно, толпы разбредаются по норам, спеша воспользоваться временем, которое не присваивает себе магистрат. Некоторые проходы, знаю точно, запираются на ночь вообще.

Зато открывается ночная половина лабиринта, и стоит свернуть не туда, как перестанешь узнавать родной Неаполь. Десятки потайных проходов, сквозных лазов, лестниц и отнорков возникают там, где днем, кажется, были незыблемые стены. Кто бы ни строил город, он хорошо знал человека. Человеку скучно жить в раз и навсегда изученном лабиринте, человеку хочется еще и тайны, секрета, знания, которое делает его выше прочих.

Конечно же, минты способны ориентироваться и в ночном лабиринте. Но кто сказал, что из лабиринта не выйдут только заблудившиеся?

Пояс оттягивали кошель со всем, что получилось накопить, прирабатывая, где только можно, и рукоять армейского клинка. Можно было бы выйти, как порядочные люди, на улицу и подождать редко, но все же

движущегося по маршруту триербуса или трамвьеры, но я предпочел не встречаться ни с кем, даже не рисковать встретиться — и поехал с извозчиком по ночным переулкам. Не то чтобы я сумел сегодня настроиться на хищную красоту ночных тупиков и площадей, нет.

Просто так быстрее, намного быстрее, а утро уже топталось за спиной у звездного неба.

...Мне был нужен Дед. Нужен — и все тут.

Дед жил недалеко от вокзала, в квартале, забитом щербатыми бетонными заборами и стеснительными складами, прячущимися за ними. В крохотном частном домике, двор которого был забит поленищами дров — не из предосторожности, конечно; а просто Дед здорово мерз в течение всего года, не считая пары недель в июле.

Минтов здесь кишело каждый день: курочка по зернышку клюет, мало ли чем можно поживиться практически у ворот в город. Некондиционный груз, бой, лом... ну, и усушка-утруска, как без нее? С минтами быть — мычать, чтоб жить. Обратно же, гефестодорожники жить хотят не меньше прочих. И не хуже прочих.

Понятно, что по ночам с теми же целями здесь кучковались совсем другие люди. Я постарался выбрать время, когда еще не полностью залегли сумерки, чтобы не слишком светиться ни тем, ни другим. Дед, конечно, давно захлопнул ставни и демонстрировал полное равнодушие к окружающему миру.

На стук, условленное заранее «три долгих, короткий, короткий» — и то не сразу ответил.

Я подождал. В конце концов, Дед был единственным мастером, способным сделать крылья.

* * *

— Эх, — сказал Дед, — в другое бы время... Эх, Малой...

Я смолчал о том, что упреки следовало бы адресовать Ари, так не вовремя слегшей с болезнью, против которой даже Аску не удалось достать ремедиума. Просто взял амфору и налил в высокие керамические стопки с танцорами. Себе и Деду. До краев, не разбавляя водой.

Ахнул, прислушался, как катилась кисловатая, слегка жгучая жидкость вниз, к желудку. Посмотрел на Деда. Подвинул ближе кошелек. Меч в доме Деда все равно доставать не стоило: кому бы я угрожал — человеку, что обучил меня всему, что я знаю о фехтовании? Очень глупо...

— Да не в том дело! — возмутился Дед, опрокидывая стопку и крикая в густую седую бороду. Кинул в широкую пасть пару маслин, впился крепкими желтоватыми зубами, скривился.

— Ты меня знаешь, Дед, я...

— Послушай, — он поднял руку, — послушай, Тес. Ты знаешь меня, я знаю тебя, это хорошо, и монеты в кошельке звенят тоже недурно. Но.

Он перевел дыхание, прислушался к грохоту гефестелеги, медленно вползающей в ворота города, к свисткам гефестодорожников. Как и мне, Деду были хорошо слышны голоса минтов, почему-то наводнивших вокзал.

Мастерскую переполнял шелест крыльев: некоторые были уже готовые, иные — неисправные, но живые. Большинство из таких время от времени сонно встрепенались, топорщили перышки. Оглушительно пахло горячим куриным духом.

— В городе очень серьезно взялись за крылоделов, сынок. Ходил слух, что сюда пустили пандорынь за каким-то рожном. То ли спровоцировать всех, кто способен рваться за пределы лабиринта, то ли просто проредить... — Дед криво ухмыльнулся, — пол-пу-ля-ции. Поэтому любые варианты бегства пересекают заблаговременно... а какие ж, сам знаешь, тут варианты-то? Крылья — и basta.

Тут дед был прав: после того, как научились перекрывать реку и договорились с подземными духами, ни подкоп, ни нимфические проказы городу уже не страшны. Все до единого клубки, изготовленные в городе, ведут только до стен, не дальше, а стены охраняются безупречно. Мы, как ветераны Похода Пяти, знали лучше прочих. Все платформы гефестелеги досматриваются — и наверняка, усиленные наряды минтов означали ужесточение таможенных проверок.

— Очень жаль, Дед, — подумав, сказал я, — Извини, что побеспокоил. Отдыхай. Задай им всем жару.

И встал, забрав кошелек со стола. Не пошел — побрел, покачиваясь. В городе хватало крылоделов и помимо Деда, но их еще следовало найти и уболтать. А это — время, которого навалом у меня, не у Ари. К тому же, ведь из всех я служил в одной роте только с Дедом. И надеяться по-настоящему мог только на него.

— И что будешь делать? — окликнул меня Дед уже на пороге. — Пойдешь к другим?

— Ну, если ты не можешь ничего... — я сглотнул и твердо закончил, — то кто-то другой обязательно соорудит все, что нужно. Надо будет — заставлю, — я хлопнул ладонью по рукояти меча под плащом.

— Дурак, — протянул Дед не то разочарованно, не то даже со странным таким восхищением, — Как есть дурак. Очертя голову...

— Это Ари, — повторил я в десятый раз, вспоминая кудряшки на висках, миндалевидные глаза, небольшой тонкогубый ротик, — Ари не должна умереть.

— А ты?

Я пожал плечами и взялся за дверную ручку.

— Стой.

В голосе Деда вдруг прорезались капральские нотки, как в старину. Я медленно повернулся, преодолевая желание выполнить команду «кру-угом» как положено по строевому уставу. Дед протер слезящиеся глаза и укоризненно покачал головой, глядя на меня. Протянул широкую лапищу за кошелем.

— Я не говорил, что не могу. Сейчас у меня большой заказ от икарыйского дозора, так что ты, может, даже верно сделал, что пришел. Кроме того — посмотри на себя, а? Ты думаешь, кто-то из молодых бестолочей учтет, насколько ты отъелся на вольных хлебах?!

* * *

В тупичке кто-то застрял. Я осторожно прислушался к возне, ожидая смачных ударов, криков, треска ткани, а может, и донельзя характерной мелодии изнасилования. Не то чтобы кто-то из соседей жаловал насильников, не для того лабиринт городили... но бывают ведь и гастролеры.

Слышались только всхлипы и время от времени вялый стук — будто кулаком в деревянную стенку. Понятно. Лоха уже оставили в покое, но он заблудился. Пока что лох боялся подавать голос, опасаясь, что обидчики вернуться, но когда окончательно задубеет, начнет орать во всю глотку. Перебудит весь дом, так что кто-то обязательно спустится и погасит дебила окончательно: пожалеет — не выпускать же недоразумение обратно!

А тем временем Ари проснется, ее сон так чуток в последнее время. Боль отпускала ненадолго и недалеко, и моей девочке оставалось только дремать, едва за плотный полог над кроватью прокрадывалось неверное, слабое облегчение. Аск сказал, скоро и эти передышки закончатся. Останется только мука.

Я направился в тупичок, доставая меч. Не знаю, что за муха меня укусила: обычно я не применяю клинок направо и налево; уж больно, однако, все складно ложилось в узор — и болезнь, и пандорыни, и пьеса... Хотелось почувствовать себя человеком. Не горожанином, которого унижает всяк, кому не лень, а человеком, равным магистрату по уму и воле. Солдатом. Нет: воином.

Клинок мягко разворачивался из рукоятки, лепесток за лепестком складываясь в полную длину.

— Кто вы? — испуганно спросил лох, когда я на фоне неверного свечения сумерек показался из-за поворота. Вернее, спросила лохушка. Девке было лет пятнадцать на вид, и просто чудо, что не сидела враскаряку, использованная не один раз и по-всякому... но тут клинок засветился, замерцал огненной прядью, отсветы заполнили

тупичок и осветили золотую кожу. Ясно. Девка была талосой, дорогой игрушкой богатеев — металлической куклой, способной ходить, говорить и прислуживать. Талосы снабжались уймой секретов, предотвращающих их похищение и перепродажу другим желающим попользоваться экзотической штучкой. Потому их могли попытаться убить, но не насиловать. А вот грабить подобную машинерию хоть и хлопотно, но вполне осуществимо: талосы имеют четко вписанную команду предохранения от повреждений, потому как стоят кучу монет. Впрочем, учитывая, что в случае неудачной попытки убить талос может уничтожить все и вся... убивают их редко, и никогда — без нужды. Я знал, как уничтожить человекообразный механизм, и крепко задумался, не стоит ли сделать это безотлагательно.

Талоса медленно встала, сверкая и переливаясь под сиянием меча.

— Ох, — сказала она, — какое у вас лицо красивое, — идиотка! Как мне тебя теперь отпускать? — спасибо за свет, я тут... я совсем потерялась, очень плохо ориентируюсь в темноте, знаете.

— Пойдем, выведу, — сказал я вслух, напряженно выбирая, куда бросить тело — в дворовой колодец, ведущий к Подземному Чертогу, или на мусоросжигательный поддон. Так и не решил; между тем она кошачьим шагом приблизилась, и я вздохнул уже удивленно.

У нее была изрядно сбита коленка.

Видите ли, талосы — металлические. Убить талоса дворянского дома очень просто — если армейским оружием, а вот обычным, городским, надо бить либо в пятку, либо в затылок. Что примечательно — на удар в критические области машина отвечает смертным боем без всякой пощады. Учитывая, что шанс один из трех, невеселая намечается лотерея.

Вот только металлическому талосу, даже дворянских моделей, не дано сбить коленки о камни обычного двора.

— Ты кто, а? — спросил я негромко и по остановившемся лицу талосы понял, что она уже представила себе недополученный урок в виде насилия, а то и увечий, — и какого хрена размалевана?

— Я... Уника, — выдавила она, стараясь отодвинуться подальше и натываясь то на ножку поломанного стола, то на ветхий торшер, — я талоса.

— Угу. А я икар, — хмыкнул я, — служишь какому-то франту, да? Любит, наверно, пыль в глаза пускать, скот-тина? Нет монеты на настоящих талосов, так людей красит?

Уника молчала, потом всхлинула и кивнула.

Убежала бы, сказал я, лишь бы не молчать. Меч налился силой и, казалось, просил ударить хоть разочек. Нельзя, захныкала Уника, бежать — никак, потому монета нужна, у меня пап болеет, и мама тоже слегла, у них какая-то хворь, даже знахарка не взялась, а Бруха

знахарка хорошая, у ней патенты... Ну, отпусти, хочешь, я сама, сама тебе, только не бей, не убивай, никому не скажу, никто не узнает...

Я взял ее за хрупкий локоть — крепко, уверенно, и Уника вздрогнула, захлебнулась не то вскриком, не то стоном. Мне захотелось отхлестать по роже себя ж самого: напугал девку, а? Напугал? Геро-ой, говоришь?

— Пошли отсюда.

Мы выбрались из двора секунд за сорок, и «талоса» радостно засмеялась, увидев улицу, трамбьеру и колесницы, освещенные рядами фонарей. Даже запрыгала поначалу, дыша полной грудью и не помня, что машине следует казаться солидной и внушающей почтение к богатству владельца.

Я быстро отступил в тень, стараясь не оставлять ей слишком много воспоминаний. Меч недовольно гудел, складываясь в рукоять, а я молился Олимпу, магистрату и черту лысому, чтобы эта девчушка стала выкупом за жизнь Ари.

Молился — и, кажется, верил.

Наступало утро, и от крыльев меня отделяли уже каких-то два дня.

* * *

Впервые я почувствовал на себе взгляд утром.

Маршрутная арба, раскачиваясь и поскрипывая, катила вдоль Бронной, пыхтя черным смолистым дымом, в кабине битком натолкались работяги, воняющие чесноком, рыбой и обильными женщинами, ждущими дома с непропорционально хрупкими колечками на сильных шершавых пальцах. Обычно в театр я выбираюсь часами двумя позже, но сегодня предстояла репетиция, Эсхил взвинчено носился туда-сюда, обзвонил труппу ни свет ни заря... и было, было что-то еще. Кроме Эсхила.

Не доезжая до станции метрополитена, я подскочил на обитой войлоком лавке, почувствовав острый, нацеленный между лопаток взгляд. Пожалел, что оставил дома клинок. Порадовался, что оставил клинок дома. После вчерашнего руки просто чесались ввязаться в добрую свару, хоть это и значило остаться без крыльев.

Взгляд вонзился в спину еще несколько раз, я приник было к окошечку в холщовом верхе арбы, подозрительно разглядывая легко одетых девиц и парней, между которыми сновали старушечки нераспознаваемого возраста. В этот момент запищало зеркальце — и взгляд пропал. Тут же — и насовсем.

Медленно я расшнуровал кисет и вынул небольшое зеркальце с вытершимся серебрением. Коснулся стекла, разрешая разговор. Звонил Эрат. Это неудачно вышло — что Эрат; для его соколов я

уже делал работу — ничего предосудительного, парочка довольно простых ликвидаций. Сейчас, как ни крути, влезать в такого рода задания было бы глупо; ну, послушаем.

— Слушаю.

— Тес. — Откуда в голосе у видавшего виды заправили банды такое облегчение? — Ты цел еще... Ну, славно.

— Спасибо, Эрат. На работу еду. С Ари все хуже, спасибо, что спросил.

Он замаялся, глаза виновато вильнули в сторону. Вот собака, подумал я, ну, что же ты на этот раз хочешь, алмазтовый ты мой?

— Ты не сердись, Тес, — примирительно проворчал Эрат, поглаживая бороду. Этот жест он подсмотрел у папашки, видного разбойника из настоящих, да только криво: не понимая, что он означал в исполнении старика Квазура.

— Я не сержусь, Эрат. Мне некогда, понимаешь, дорогой?

— Вот! — радостно воскликнул он. — Понимаю! Об том и речь! Тут говорили, у тебя скоро появятся крылья...

Несколько десятков капель я собирал осколки самомнения в кучку. Вот тебе на, друг Тес, вот тебе где твоя секретность. Еще не факт, что икары не нагрянули домой... впрочем, Ари успела бы брякнуть, да, думаю успела бы. Но если Эрат знает, значит, каждая вторая собака смотрит сейчас на арбу со значением и прикидывает, кому бы слить сведения. Здорово.

Что-то Дед потерял нюх, я смотрю...

— ...только доставить, ничего назад тащить не надо! — заключил Эрат пламенную речь, мной, к сожалению, не услышанную.

— Да, да, — согласился я, думая, где придется ночевать уже сегодня. — Да. Да...

Отключил зеркальце, прервав Эрата на полуслове горячей благодарности. Ощущение взгляда так и не вернулось, но теперь я точно знал, что меня пасли.

Потому что не могли не пасти.

Уже на выходе из вагона зеркальце зазвонило снова. И снова.

И снова.

* * *

Первым поручил мне доставить весточку на ту сторону стены сам Дед, и я согласился без колебаний. Не знаю, рассчитывал ли и впрямь выжить, чтобы выполнить обещанное, или просто хотел получить крылья, спасти Ари, а там уж все будет хорошо, даже если меня собьют или выследят. Не знаю. Но я обещал.

Вторым был Эрат.

Эсхил стал седьмым.

Генеральная репетиция прошла на удивление превосходно, актеры были на подъеме, радовались, хлопали в ладоши, пили и горланили песни. Звенели кружки, плескалось вино, жизнь пилась вкуснее амброзии — для того, кто понимает толк в театре, конечно.

Эсхил возник рядом, когда труппа основательно набралась, а Ирида, обнимавшая Имре, явно спланировала крайне любопытный вечер. Кентавр смущался, нервно ржал, топал ногами, но встречаясь взглядом с улыбающейся примой, таял на глазах. Луц забавно ревновал, а остальные развлекались за счет троицы кто во что горазд.

— Тес, — мягко, хорошо поставленным голосом начал наш драматург, — у меня тут дело насчет твоих крыльев.

Я выругался, не выбирая выражений, и нагло посмотрел в глаза Эсхилу.

— Если понадобится моя помощь, — процедил цитату из старой нашей пьесы, — так я там же, где был, когда мне нужна была ваша.

Эсхил ухмыльнулся и побледнел. Цыкнул зубом и залпом опрокинул в себя полстаканчика крепленого. Зажмурился, пережидая вспышку в потрохах, а потом уставился на меня.

— Справедливо. Не спорю. Справедливо.

Он посмотрел на сцену, на которой плясали полуобнаженные актрисы труппы, призывно глядя по груди Луца. Что ж, какая-то мера успеха все же ему досталась, подумал я, отворачиваясь к столику.

— А сколько всего умрет от болезни — знаешь? Кто умер у Луца? Кто умер у меня?

— Крыльям не потянуть двоих! — кричу я в голос. — И если вам всем так дороги покойные родичи, почему вы не решились достать себе крылья?! Почему я один?!

— Потому что большую партию минтам куда легче отследить, — говорит Ирида, неизвестно когда возникшая рядом. — Потому что много неопытных летунов — всего лишь много удобных мишеней. А если вести речь о лекарстве, то достаточно и пары крыльев. И одного человека. И всех наших денег...

Я потянулся к ее губам, чтобы помешать молоть чушь, но вдруг почувствовал влажный жар поцелуя на костяшках пальцев, и понял, что риск возвращения домой откладывается. Так я об этом думал — как о риске попасть в лапы неизвестным прислужникам икаров; и Ари изгладилась из моей памяти ровно до следующего утра.

Поутру же я вышел из театра и увидел Эрата, мрачно усевшегося на капоте колесницы.

— Надо бы отменить, — сказал он с деланным спокойствием бывшего бандита. Ужасно, неопишимо фальшиво.

* * *

Дело было в Деде.

По дороге к привратному району Эрат рассказал, что старика замели чуть свет, причем все крылья, от готовых до едва намеченных болванок, выгребли чохом, погрузили в фуру и увезли. Не сделали исключений даже для отданных в починку служебных крыльев икаров.

Удивительно, но самих икаров нигде не было видно — даже обычных патрулей; похоже, поимка Деда нарушила их привычный распорядок. Сегодня бы и лететь, подумал я мельком, и тут только осознал происшедшее.

Мы проехали по улице мимо Дедова домишка, отмечая сразу пятерых минтов, отборных бугаищ, бдительно надзирающих за всем происходящим окрест. Огромные уши мерно трепыхались подле мощных рогов, среди блях не видно было ни единой железной: Дед, видимо, погорел основательно. Среди немногочисленных прохожих и зевак примерно половина с первого взгляда опознавалась как легавые; большинство остальных притворялись немного лучше. Убежище Деда обложили надежно — и, похоже, надолго.

Я понял, что вот-вот взвою при мысли о деньгах, оставшихся в конторе у старого крылодела. Еще одной проволоочки Ари не выдержала бы.

— Видел? — печально спросил Эрат и засопел: — Вот и я тоже видел. Так что — не в претензии к тебе, ничего. Но пакет мы сейчас поедем к тебе и вернем, да?

Да запросто. Хоть все пакеты сразу.

Колесница прокатилась до конца улицы, свернула, уходя из поля видимости минтов, и резко прибавила ходу. Клубок на панели датчиков вертелся как ошпаренный: Эрат не поленился вбить точку фиксации возле моего дома, не надеясь на память. Центр лабиринта пока не перекрыли, видимо, не слишком хорошо у служб Миноса и Урана со взаимодействием. Потом я понял, что меня если и ищут, то не так уж рьяно: Деда замели со всеми крыльями, улететь мне было не на чем. А в лабиринте любого раньше или позже отыщут минты.

Оставив колесницу в паре кварталов от нашего дома, мы с Эратом добрались до двора пешком и спустя минуты три уже углубились в доморощенные закоулки. На мусоросжигательном поддоне задорно шкворчали несколько трупов, уже как следует обуглившись и неузнаваемых сходу. Я остро ощутил отсутствие клинка и тут же услышал, как запел, разворачиваясь, меч Эрата. Потянуло стынью: Эрат почему-то выбрал ледяное зачарование, когда мы сдавали экзамен на унтер-офицеров. В отличие от меня он обожал прохладу и терпеть не мог зной; я долго подсмеивался над этим, когда уверенный в себе, целеустремленный и бессовестный Эрат вернулся в Неаполь да и поселился здесь навсегда.

Ни в подъезде, ни у квартиры нас не ждали, если не считать засадой громко храпевшего Улисса, нежно льнувшего к гипокаусте.

В прихожей на столике уже накопился целый ворох конвертов и посылок. Эрат ловко выудил самую большую, криво усмехнулся и отсалютовал мне клинком. Спустя минуту я остался наедине с холодной квартирой и Ари, сидевшей где-то у окна спальни.

Конверты бередили душу хуже язвительной насмешки. Чужие надежды и расчеты, рухнувшие в ничто одновременно с моими собственными.

Один из них, длинный и неровный, был и вовсе поставлен в угол, возле сваленной грудой обуви. Я удивился было, затем вспомнил причудливые привычки Эсхила и почти засмеялся. Достал конверт, осмотрел, не нашел подписи и принялся распаковывать. Почти сразу из грубой упаковочной бумаги выпал лист пергамента.

«Тес. Я же говорил, что фуфельная это идея, ну да что уж. Похоже, выследили тебя, сынок. Они не до конца проверены, так что решать тебе. У меня на подгонку просто нет времени, да и у Ари, думаю, тоже. Но если ты все же решишься — врежь там им и за меня. Дед»

Внутри были крылья. Большие, пестрые, как у лугового луны, усиленные крылья, не похожие на стандартные комплекты икаров.

Кажется, я сел там, где стоял.

* * *

Застегнув ремни и крепления, я прицепил к поясу сумку с письмами и кошельками. Неудобно, но, к счастью, не слишком тяжело. Подхватил на руки Ари, легкую как пушинка, и отправился на верхний этаж.

Взобраться на чердак было несложно, а на крышу вели довольно просторные даже для меня слуховые окошки. Переполошившиеся коты злобно шипели, а голуби старались ущипнуть длинными твердыми клювами. Ари тихо бормотала сквозь горячку боли. В сгустившихся сумерках серые крылья должны были быть менее заметны, чем белое оперение икаров. Это, разумеется, тоже запрещалось законами города.

Я взлетел и понесся напрямик к городским стенам.

Сначала старался лететь невысоко, чтобы не стать чересчур заметным. Пересек несколько улиц, чувствуя, что пьянею от ощущения свободы и возможности двигаться без подсказок клубков и указателей.

На улице Сов нас обстреляли с земли, арбалетный белът мощно дернул сумку с письмами, и мне пришлось уходить вверх, вверх.

В закат, который еще был виден здесь, в вышине.

Икаров нигде не было видно, и я уже предвкушал, как пересеку стену, как помчусь над вольными хлебами, над веселыми селениями, над сверкающей рекой.

Они возникли сразу со всех сторон — целая дюжина икаров с нацеленными на Ари луками. Мы едва успели достичь стены, так что спускаться пришлось недолго. Чувствуя опустошенность и безнадежность, я осторожно опустил Ари на стену и попросил у молчаливых стражей неба:

— Вылечите ее и делайте со мной, что хотите. Вылечите!

Икары расступились, и я увидел талосу.

В свете мощных фонарей икаров она выглядела совсем другой. Изучающе смотрела, жестко, колко и неприятно усмехаясь, потом обернулась и кивнула кому-то.

Так я и увидел в первый раз полковника Гели. Глава икаров подошел ближе, брезгливо переступив через Ари, твердой рукой взял меня за подбородок и внимательно посмотрел в глаза. Воля полковника вливалась в меня беспрепятственно, словно я был несмышленьким, а не бывалым солдатом. Только теперь я понял, почему Миноса, Гели и прочих считали богами. Только теперь осознал, кому адресовались мои молитвы. Понял, кто именно раньше прочих предал меня и мой замысел. Это были последние мои самостоятельные мысли на многие годы вперед.

— Годен, — четко и ясно сказал Гели, и я вдруг понял все, чего не понимал раньше. Город повернулся ко мне новой, неведомой гранью, жизнь обрела смысл и предназначение. Я разобрался, кому следовало служить, от кого следовало защищать. И сумку, полную преступных чужих желаний, я швырнул со стены прочь — обратно в город.

— Ари?.. — спросил я остатком прежнего себя, бормоча и запинаясь. Уже зная ответ.

Полковник остановился, даже вроде бы заколебался. Потом достал пистолет и дважды выстрелил в голову моей жены. Маленький клубочек, ее последняя работа, сиротливо выкатился из разжавшейся ладошки. Тело тут же подхватили и скинули со стены — наружу.

Я поклонился, давая понять, что осознаю: меня пощадили, решив не устранять лишний балласт собственными руками. И эту милость придется долго, очень долго отрабатывать. Выпрямился, осторожно пряча подобранный клубочек в карман.

Затем расправил крылья и взмыл со стены — безупречный икар среди прочих.

* * *

Премьера удалась на славу.

«Крылья» гремели, им рукоплескали долго, охотно и без усталости. Представления повторялись целых две недели ежевечерне, а потом труппа Эсхила собиралась начать работу над новой пьесой.

Все спорилось у них, потому что они надеялись на скорое прекращение жуткой эпидемии, на шанс вырваться за пределы лабиринта, раз и навсегда отведенного им в качестве целого мира. Единственного мира.

Они не видели икаров, что прилетали смотреть представление с вышек по краям открытого амфитеатра. Они не обращали внимания на одного из летунов, с заостренными мощными крыльями, стремительно терявшими былую пестроту и делавшимися не то белыми, не то серебристо-седыми.

Они не слышали слов, которые икар шептал в полубабытье, глядя, как на сцене обнимает и отчаянно целует любимого несломленного мечтателя с крыльями прекрасная знойная женщина. Как волшебный клубок ведет их прочь — за пределы сцены, за стены, за границы... в жизнь.

Не слышали.

В том-то и было их счастье.

ЭДУАРД ШАУРОВ

ПЕРЕДОЗ

Марина танцевала, как богиня. Олег знал её всего-то с сегодняшнего утра, но чувствовал, что влюбляется, как пацан, безнадежно и бесповоротно. Пол под ногами мигал цветными узорами, воздух плыл сверкающими звёздами, а между звёзд летело, кружилось лёгкое светлое платье и короткие, до плеч, пшеничные волосы, и голые бронзовые руки над хитро скрещенными лентами бретелей.

Бывает такое, что знаком с человеком всего ничего, а уже готов принимать его целиком, от маленькой родинки над бровью до стройных лодыжек. Чёрт! Олег даже не думал ущемлять чьих-то прав на вариативность. Пускай! Пускай будут пухлые блондинки, и субтильные брюнетки и, наверное, даже неважно, как именно выглядела его новая знакомая, он любил её всю, вдыхал, как аромат изысканных духов, пил, будто крепкое дорожное вино.

Раскрасневшиеся и возбуждённые они плюхнулись за свой столик. Официантка принесла очередные коктейли с кубиками льда, и они пили через край, выбросив соломинки.

— Давай свалим! — блестя глазами, прокричала ему Марина.

Олег вопросительно приподнял брови, указывая на пустые бокалы. «Плевать, — прочёл он по губам девушки. — Или тебе слабо?» Улыбаясь, она кивнула подбородком на выход.

— Давай! — прокричал Олег.

Марина встала и, пританцовывая, двинулась сквозь весёлую толпу. Олег тоже поднялся. Удрать, и всё. Ему стало страшно. А если поймают? Сразу представились унижительные разборки, возможный мордобой, полиция. Но вместе со страхом внутри рождался азарт. Слегка подрагивая от возбуждения, Олег нащупал в кармане маленькую ампулу-диффузор, прижал к сгибу руки, чуть ниже закатанного рукава. Торкнуло почти сразу. Страх, мешаясь с восторгом, струёй ударил в голову. Лавируя среди танцоров, Олег устремился за гибкой фигуркой, двигавшейся через зал.

Охранник догнал их на середине парковки:

— Минуточку! Молодые люди! Вы ничего не забыли?

Бритый наголо амбал в двубортном пиджаке с бейджем. Останавливаясь, Олег судорожно крутил на языке оправдания, типа: «Извини, братан. Случайно вышло. Всё уладим». От здания клуба к ним спешили ещё два охранника. «Влипли», — подумал Олег, и в это время Марина со всего маху вонзила каблук-шпильку в туфлю охранника. Крякнув от изумления и боли, тот согнулся, и Олег двинул ему основанием ладони снизу вверх, под крепкую челюсть. Охранник кувыркнулся на спину.

— Бежим! — закричала Марина, сбрасывая туфли, и они побежали.

Сначала Олег боялся, что девушка начнёт отставать, но его опасения оказались напрасны. Пара стремглав мчалась мимо уличных фонарей, и звуки погони постепенно отставали, растворяясь в поворотах и боковых проездах.

Они затормозили на мосту и некоторое время стояли, переводя дыхание и беззвучно смеясь от восхитительного чувства победы, а потом, не торопясь, пошли вдоль решётки парапета. Марина так и шла босиком, ступала узкими пятками по тёплым плитам дорожки, помахивая остроносими туфельками и подставляя разгорячённое лицо ночному бризу.

За отбойником катили редкие в этот час электромобили, внизу шумела река. На самой середине моста девушка вдруг остановилась и, перегнувшись через перила, заглянула вниз, в тёмную далёкую воду.

— Хорошо плаваешь? — вдруг спросила она и, не дожидаясь ответа, перелезла через ажурную решётку. Открыв рот, Олег в ужасе шагнул к ограде, и в тот же миг Марина изящной рыбкой прыгнула в черноту ночи. Спустя пару секунд раздался приглушённый всплеск, а ещё через несколько секунд прыгунья, чуть задыхаясь, прокричала снизу:

— Давай! Вода просто класс!

— Вот чёрт, — пробормотал Олег.

Прыжки с моста в его планы никак не входили, но отступить было поздно. Пальцы нащупали в кармане ампулу.

Уже на узком карнизе, над чёрной пропастью, ему стало по-настоящему страшно. Сделав над собой отчаянное усилие, Олег разжал руки и прыгнул.

Нет ничего упоительнее чувства обречённости, когда, шагнув в бездну, ты уже ничего не можешь изменить, и просто падаешь, свободный, как птица.

У самой поверхности реки Олег, повинувшись какому-то шестому чувству, сгруппировался и пятками врезался в волны. Он с головой ушёл в холодную водяную массу и сразу отчаянно заработал ногами.

* * *

Они выплыли на маленький каменистый пляж почти километром ниже моста мокрые и счастливые. Марина блаженно растянулась на гальке, закинув голые руки за голову. Вымокшее платье облепило её грудь и бедра. Олег сидел, скрестив ноги, проверяя раскладной экран умных часов и поглядывая на девушку. Ткань брюк и рубашки уже перешла в режим сушки и приятно щекотала теплом живот и спину. Маринин профиль в зыбком лунном свете походил на старинную фреску, губы улыбались.

— А ты, кажется, большая любительница почудить, — проговорил Олег.

Марина медленно повернула лицо.

— Чудить, — сказала она нараспев. — Чудо. Чуждый. Чужой... Это всё потому, что я уже чужая.

— В смысле?

— Туфли утопила, — невпопад ответила девушка.

— Почему ты чужая? — тревожно спросил Олег.

— Слышал про проект «Одиссей»?

— В общих чертах.

— Я в экипаже.

— Шутишь? — Олег выпрямился.

— Ни разу. — Марина тихо засмеялась. — Завтра вылетаем на комплекточную базу. Через две недели старт, а сегодня последний день предполётного отпуска.

— Ничего себе, — потрясённо выдохнул Олег. — Значит, ты летишь к Сигме. Обалдеть!

— Да уж, — согласилась Марина и, поёжившись, села. — Три года туда, три — обратно, два года на поиск и исследования. Восемь лет. За это время на Земле пройдёт больше шестидесяти. Когда я вернусь, ты будешь старым седым дедушкой... В инвалидном кресле.

Она протянула руку, чтобы щёлкнуть Олега по носу, но он поймал тонкое запястье и притянул девушку к себе. Губы у Марины оказались нежные, податливые, с лёгким привкусом вина и помады. Её пальцы скользнули в его влажные волосы.

Они целовались, как безумные, пока не поплыло перед глазами, потом откинулись друг от друга и Марина хрипло сказала:

— А здесь, поблизости, есть отели?

* * *

Чёртова простыня совершенно запуталась, и Олег спихнул её на пол. Они лежали на кровати в душном номере, и лунный свет, проникая сквозь жалюзи, разрисовывал их тела узором из голубоватых линий. Линии, изгибаясь в глубокой ложбинке Мариной спины, плавно стекали на бёдра. Олег протянул руку и провёл пальцами по тёплой бархатной коже.

— Знаешь, — сказал он негромко. — Кажется, я тебя люблю.

— Зря, — сонно отозвалась Марина. — Я уже мираж, я тень между Стрельцом и Козерогом. Глупо любить тени.

— И мы не можем быть вместе...

— Можем, если ты планетолог с местом в основном составе.

— Без вариантов?

— Без вариантов... Хотя мне жутко жалко.

Олег перевернулся на спину. Рядом с ним лежала женщина, которую он искал всю жизнь, та самая, неповторимая, лучшая, и она улетает от него на рассвете, навсегда, к проклятым звёздам, а когда вернётся, он уже будет дряхлым старцем. Олег провёл ладонями по лицу. Сейчас он должен был ощущать горе, безысходное, неизбывное, до жути, до собачьего воя. Но горя не было, была горечь, досада, разочарование, но только не горе.

Он нащупал на стуле штаны и спустил ноги с кровати.

— Ты куда? — прошептала Марина.

— Я сейчас.

В ванной, Олег присел на край унитаза. Нужна мука на грани срыва, нужна смерть неотвратимая и ужасная. Он выгреб остатки ампул из брючного кармана, выбрал одну. Чёрт! Уже пятая за сегодня. Секунду Олег колебался, потом прижал диффузор к сгибу локтя. Отчаяние захлестнуло его потоком ледяной воды, прорвавшей плотину, но этого было мало. На секунду вынырнув на поверхность, он вдавил в предплечье ещё одну ампулу, а затем ещё одну. Лампа над головой вдруг мигнула и начала гаснуть. Подняв кверху мокрое от слёз лицо, Олег почувствовал, что теряет ориентацию. Потолок медленно перевернулся перед его глазами. Щека мягко ударилась о фаянсовую плитку. Олег со стоном подтянул колени к животу. «Как глупо», — подумал он, медленно проваливаясь в ватную и бесформенную пустоту, простреленную дырками звёзд...

* * *

— Чувев Олег Викторович, — проговорил инспектор вирт-отдела, сверяясь с планшетом.

— Известная шишка? — спросил Сергеев, наблюдая, как хорошенькая ассистентка инспектора с нашивками младшего сержанта склоняется над трупом.

— А вы не поклонник сенсумматорных романов?

— Нет, — Сергеев покачал головой. — Я сторонник классики. Хотя дети потребляют.

Инспектор кивнул:

— Довольно известный писатель, миллионов на семь подписчиков.

— Почему писатель, — удивился Сергеев, — а не какой-нибудь сенсумматор или ощущальник?

— Ну, так они же едят. — Инспектор ткнул пальцем в паутину шнуров, протянутых от сеточки на бритом черепе покойного к вычислительному блоку станции, занимавшей треть комнаты. — В режиме онлайн работают единицы. Большинство творит реализ в записи.

Пишут, потом корректируют и толкают... Кстати, когда вам поступил сигнал?

— Вчера, от его агентши, — сказал Сергеев. — У них была назначена встреча, но он не пришёл, на звонки не ответил, вот она и забеспокоилась.

— Выходит, что лежит не меньше двух суток, — задумчиво констатировал инспектор.

— Выходит, так, хотя запаха нет.

— Так бывает... из-за макса. — Инспектор показал на пакет с остатками прозрачной жидкости, висевший на штативе слева от кресла.

От пакета к диффузору, приклеенному пластырем к руке трупа, тянулась гибкая трубка со счётчиком дозатора.

— Из-за макса? — переспросил Сергеев. — Что-то по вашей части? Вирт-наркотик?

— Сильнодействующее средство, — поправил инспектор. — Условно разрешён. Многократно усиливает реакции. Если слушаешь под максом анекдоты, можно помереть со смеху, если долбануть его в плохом настроении, рискуешь впасть в глубокую депрессию или кого-нибудь пришить. Писатели частенько его принимают, чтоб заострить рефлексы. Публике, знаете ли, нравятся яркие переживания... Вам знакомо выражение «умереть от горя»? Думаю, как раз наш случай.

Сергеев хмыкнул.

— Значит, не криминал?

— Похоже, нет. Вероятно, нейроболический шок, но окончательный вердикт за экспертами.

— Игорь Львович, — вдруг позвала хорошенькая ассистентка. — А что мне написать в графе «предполагаемая причина смерти»?

— Сгорел на работе, — криво, улыбаясь, предложил Сергеев.

Инспектор, укоризненно покосился на коллегу.

— Конечно, нет, Лидочка, — сказал он. — Какое ещё «сгорел»? Пишите «передоз».

ТИМУР АЛИЕВ

ET DONA FERENTES

Всю ночь за Олегом бегали голые развратные бабы, и, вырвавшись поутру из пропитанного эстрогеном сна с эрегированным членом, он понял, что по жизни ему катастрофически не хватает секса. Последний раз Это было у Олега чуть ли не под Новый год. Между тем на дворе уже всюю буйствовал месяц май.

Жениться что ли, даже подумал Олег, но быстро отогнал сдуру забжавшую мысль. Это с какой стати? Молод он для семьи, тридцатник всего, успеется еще посадить себе на шею обузу.

И только хотел Олег похвалить себя за правильное понимание жизни и вернуться в сон, как в дверь постучали.

Кого с утра принесло, недоуменно подумал он, натягивая просторную спортивку и подбредая к дверному глазку. Олег не ожидал кого-то из знакомых. По новым — мобильного времени — правилам этикета гости всегда звонили перед приходом: дома ли хозяин? Визиты сюрпризом ушли в прошлое вместе с соседскими посиделками на лавочке у подъезда. Значит, очередной коммивояжер принес что-то на продажу.

Расколотый дверной глазок не прояснил ситуацию. Олег вздохнул — сколько раз говорил себе заменить глазок, — и приоткрыл дверь.

На площадке топтались двое крепких парней в красно-синих спец-овках. Они словно сошли с рекламного плаката какой-нибудь «грузта-келажмонтаж» — «Перевезем за полчаса».

— Поберегись! — зычно отозвался один из них, и Олег едва успел отшатнуться. Мимо него пронесся длинный ящик, за концы которого держались рекламные красавцы. Судя по сноровке, с которой они обогнули углы крохотной прихожей, не задев длинным ящиком ни один из них, ребята были те еще профи.

— Эт что... такое? — оторопело отозвался Олег.

— Опрыжкин Олег Петрович? — Молодцы успели опустить ящик на пол, и один из них, помоложе, протягивал хозяину квартиры какие-то бумаги.

— Он самый, — отозвался Олег и сглотнул.

— Распишитесь, — радостно усклабился грузчик.

— Зачем? — Олег опасливо взял в руки листок. На нем действительно стояли его фамилия и имя.

— Не за чем, а на чем, — скалабурил наглый грузчик. — На извещении о получении.

В голове у Олега пронеслось вычитанные в интернете страшилки об аферистах и нечистых на руку фирмах.

— Я н-ничего не заказывал! — ответил он, слегка отталкивая руку грузчика и отступая на шаг. — И платить не буду.

— Оплачено! — бодро прокомментировал тот. — Насчет остального — ничего не знаем. Наше дело — доставка.

— А вы вообще кто? — поинтересовался Олег. Мимоходом он подумал, что должен был спросить это с самого начала.

— Мы из будущего, — пояснил грузчик.

Олег оторопел и вскинул голову. В глаза тут же бросилась надпись на спецовках — ООО «Будущее».

«Чего только не придумают!» — подумал он и подмахнул протянутую бумагу.

Грузчик аккуратно свернул лист и спрятал его в верхний карман. Оттуда же он достал визитку и протянул ее Олегу:

— Если что, звоните.

На картонном прямоугольнике значилась та же надпись, что и на спинах грузчиков. И номер телефона со странным префиксом.

— А это что за... — Олег хотел уточнить, что за дополнительные цифры указаны в номере, но в прихожей уже никого не было. Пока он рассматривал визитку, грузчики из «Будущего» словно испарились...

* * *

Про Олега, если использовать литературные штампы из прошлого, можно было сказать — «хорош собой». Высокий, со спортивной фигурой, с открытым лицом и всегдашней улыбкой, слегка кудрявящиеся волосы — женщины считали его видным мужчиной. Менее удачливые с внешностью сверстники прикладывали массу усилий по завоеванию женщин, а Олегу они сами падали в руки. Именно поэтому он не слишком часто пользовался своей внешностью. Предпочитал быть разборчивым. Он не мог позволить себе даже легкого флирта — сдержанность в отношениях создала ему среди женщин репутацию серьезного мужчины. С таким не секс на раз-другой, а прочные отношения строить нужно. Женщины воспринимали его слова не как простое заигрывание и требовали ответа. Причем серьезного. Не интрижки, не флирта, но прочных семейных уз.

А Олегу хотелось легких отношений, секса на вечер и безболезненных разрывов. Попав несколько раз впросак и разрушив миллионы нервных клеток, Олег на время зарекся связываться. И в итоге пришел к тому состоянию, при котором голые женщины начинают преследовать тебя даже во сне.

* * *

Ящик из белого гофрированного пластика, длиной метра в два и по полметра в высоту и в ширину, занимал чуть ли не половину гостиной.

«А вот хрен вам! — решил про себя Олег, обходя стороной неожиданный подарок. — Не открою и все тут».

Стараясь не смотреть на ящик, Олег прошел на кухню, попил воды из-под крана, щелкнул кнопкой электрочайника. Вернулся в гостиную, включил телевизор, снова выключил. Посмотрел на свое отражение в глянцево-черной поверхности экрана, рукой пригладил вздохмаченные ото сна волосы.

Загадочный ящик не давал покоя, притягивал его магическим образом. И Олег сдался...

Однако вскрыть его оказалось делом непростым. Ящик несколько не походил на те почтовые посылки, что Олегу доводилось отправлять-получать в детстве. Сделанный из прочного пластика, он казался, не имел швов и зазоров.

«Как же его открывать?» — недоуменно подумал Олег. И в эту секунду увидел выдавленную прямо в пластике кнопку-стрелку.

Едва обозначенное нажатие большого пальца, даже не встретив сопротивления материала, раскололо ящик ровно посередине. С легким щелчком он раскрылся наподобие цветочного бутона. Вот только внутри него вместо нектара в полупрозрачной обертке неподвижно лежало женское тело...

— Ёпрст! — Олег отскочил от коробки, словно его долбануло током. Ноги ослабли, на лбу выступил холодный пот.

Вот же гадство! Так он и знал, это какая-то подстава. Бесплатный сыр, бла-бла-бла... Блин. И что делать? Звонить в ментовку? Первого и загребут ведь.

Что делать, что делать? Минуты три Олег усиленно тер лоб, вертел в потной ладони телефон, набирая и стирая ноль двадцать два. Мысли в голове прыгали и скакали. Вдруг его беспорядочно блуждающий взгляд уперся во что-то инородное на полу гостиной. Какой-то листок бумаги. Издалека выглядело как этикетка. Выпало из коробки?

Он аккуратно приблизился, стараясь не смотреть внутрь «посылки», и бросил взгляд на бумажку. Так и есть, артикул. И самыми крупными буквами на нем значилось «Сексмашина. Метаморф. Жен.».

Олег шумно выдохнул, узел в желудке ослаб. Ну конечно, в ящике никакой не труп, а просто кукла из секс-шопа! Кто-то из друзей решил помяться над ним. Приколисты, блин! Кто же такой умный? Толик? Вряд ли. Этот жадоба цветы жене на 8 марта дарит искусственные, где уж ему раскошелиться на такой розыгрыш. Вовчик?

Уже смело Олег заглянул в коробку и, развернув обертку, поразился мощи современной секс-индустрии. Кукла предстала перед ним во всей красе — словно живая, только без сознания. Волосы, кожа, даже ногти — все естественного вида.

Он ухватил ее под мышки — о, теплая, — попробовал вытянуть из ящика. Но неожиданно для себя не сумел поднять куклу — та оказалось чуть ли не тяжелее человека. Хм, как бы не повредить драгоценный сюрприз, ведь придется возвращать. Подсознательно он все время ожидал звонка в дверь и бешеного хохота друзей за дверью — «улыбнитесь, вас снимает скрытая камера».

Олег сунул руку в ворох обертки, провел ладонью по бедру сюрприза. Теплая, идеально гладкая кожа слегка пружинила. Он повел руку вниз, осторожно просунул внутрь, между бедер, подсознательно опасаясь, что те вдруг сожмутся и захватят его в капкан. Но кукла оставалась недвижима, зато рука проскользнула дальше, и пальцы Олега нащупали что-то на дне коробки.

Сжал пальцы, он потянул что-то, и на свет появился целлофановый запаянный конверт с тоненькой книжицей и устройством навроде айпода...

Следующий час Олег, сидя на диване и попивая кофе, изучал книжицу, оказавшуюся инструкцией по эксплуатации куклы из ящика. Если верить ее авторам, это была действительно секс-машина.

Инструкция была предельно лаконичной. На двух листах она советовала включить оказавшийся дистанционным пультом «айпод», что Олег тут же и сделал. Самым загадочным местом в инструкции выглядела дата выпуска, указанная 2210-м годом. Олег вспомнил надпись «ООО «Будущее» и решил, что это такой фирменный стиль.

Экран выдал надпись «перед первым включением систему необходимо конфигурировать. Вы согласны?».

Успокоенный привычным а-ля виндоус вопросом, Олег любезно согласился. Дальше пошла калька — «вы являетесь обладателем устройства под названием секс-машина серийный номер 025867560869. Данная серия обладает способностью к метаморфизму в пределах установленных нормативов. Относитесь к Сексмашина предельно бережно и она прослужит вам незаменимо долго».

Затем следовали вопросы: фенотип, текстура кожи, параметры фигуры, цвет. И так далее, включая «режим молчания». Олег по привычке не заморачивался, нажимая на клавишу «по умолчанию». Лишь один раз он изменил себе, со словами «джентльмены любят блондинок», поставив галочку возле опции «платиновый» в отношении цвета волос.

Наконец экран выдал долгожданное: «Установка завершена. Запустить устройство?» И Олег нажал на «Йес», с любопытством ожидая что же последует.

В следующую секунду он с громким «йопт» отскочил в сторону от ящика, где, словно чертик из табакерки, поднялась секс-кукла. Ее глаза были раскрыты и устремлены на Олега.

Сейчас он чем угодно мог, что перед ним стоит не кукла из секс-шопа, а самая настоящая женщина. Ее взгляд был осмысленен и ясен. Олег даже покраснел и прикрылся диванной подушкой, застеснявшись своих голых ног и семейных трусов.

Женщина же, ни говоря не слова, переступила стенку ящика и двинулась к Олегу. И от нее исходила такая мощная волна эротизма, что вместо того, чтобы испугаться ожившей куклы, Олег прям аж прогнулся ей навстречу. А когда она прильнула к нему теплой, идеальной пропорции грудью второго, нет, третьего, размера, и Олег посмотрел ей в глаза, то понял, что противиться нету сил...

Первый раз все закончилось в зале: она — сверху, он — извиваясь на ковре. Второй — там же, через пятнадцать минут, и уже на диване. Третий — на кровати в спальне, в казалось бы банальной миссионерской позиции, но сейчас почему-то такой сладкой...

После третьего раза измочаленный Олег впал в отчаяние. Силы его были на исходе, а желание не исчезало, неугомонная партнерша только урчала да постанывала, вводя Олега в иступление. В какой-то момент он вспомнил о пульте, но обратиться до него было не так просто. Олег опрометчиво оставил его в прихожей. Теперь же кукла висла на нем, едва он отрывался от нее. Пришлось волочить ее за собой в прихожую.

Слава богу, на панели горела активная кнопка «отключить». На нее Олег и надавил большим пальцем. Кукла замерла и отвалилась от него, словно насосавшаяся пиявка. Все ее эстрогенное очарование исчезло, она снова превратилась в красивый манекен.

Обессиленный Олег долго рассматривал неожиданный подарок. Внезапно он заметил некоторую странность. Цвет волос. Сейчас он отливал платиной, хотя изначально был безусловно русым. Между тем опцию «очень светлый» он сам устанавливал на пульте при первом включении.

Пожалуй, к устройству стоило присмотреться внимательнее. Что Олег и сделал. Внизу экрана виднелись три кнопки: включить, спящий режим и настройки. Олег нажал на третью...

Ему хватило нескольких часов. Секс-машина оказалась гениальным изобретением. Помимо изменения физических параметров «сексмашины», которую Олег окрестил Анжелой, в нем были заложены и стандартные модели — на все вкусы — блондинки-брюнетки, полные-худые, белые-черные и так далее.

Для любителей селебрити была своя фишка — в памяти хранились фото знаменитостей — «сексмашину» можно было настроить на них.

А еще позволялось внести в память фото любой женщины и настроить Анжелу по этому образу и подобию. Олег поставил эксперимент — собрал из Одноклассников фотки своей начальницы, и тут

же не удержался — сфоткал ее в голом виде, после чего переслал ее мужу. Так тебе и надо, стерва, думал он, будешь знать, как годовую премию мне урезать.

Эксперименты с известными людьми быстро приелись. Олег поставил вариатор внешности на рандом, запустил. Фу, чуть не блеванул — появившаяся старушка была как две капли воды на голую Татьяну Пельтцер из киношного детства Олега. Нет, с рандомом нужно поосторожнее.

Олегу оставалось лишь недоумевать — индустрия какой страны настолько продвинулась в технологиях, что может позволить себе такие игрушки? Даже у японцев их быть не могло. О варианте «будущее» Олегу думать не хотелось — уж слишком он отдавал фантастикой с оттенком безумия, а Олегу и без того казалось, что его крыша съехала и уже не может остановиться...

Чтобы окончательно не повредиться рассудком, Олегу срочно требовалось с кем-то поделиться своей новостью. Не слишком привечавшему гостей Олегу пришлось пригласить друга детства Толика — по телефону он все равно не поверил бы.

Толик долго отнекивался — из трубки доносились звуки клубного рейва.

— Дело на миллион, — сказал тогда ему Олег. — И еще бабы.

* * *

Заинтригованный Толик постучал в дверь минут через сорок. Он был обычно помят, взъерошен и полон оптимизма. В больших дозах Олега оптимизм друга раздражал, но в малых — способствовал повышению настроения.

— Пгивет! — бросил Толик с порога, грассируя как обычно. Олег подозревал, что дефект речи не является врожденным, а выработан годами тренировок. Не зря Толик любил представляться по отчеству Абрамовичем, на самом деле будучи Антоновичем. — Ну что там у тебя?

Олег выдержал паузу и широким жестом открыл дверь стенового шкафа. Сексмашину он оттащил — с глаз подальше. Вначале он накрыл ее простыней — чтобы не запылилась, — но сейчас для пушного эффекта полностью обнажил.

Толик заглянул в шкаф и прибалдел. Однако быстро пришел в себя.

— Голая женщина — это хогошо! — одобрил он. — Только почему спит? И почему стоя?

Олег хмыкнул и взял в руки пульт.

— А это видел? — Он запустил программу настройки. В полноценный режим сексмашину он запускать не решился. Неизвестно, на кого сработала бы загадочная игрушка.

— Эт-то чего? — поразился Толик при виде стремительно меняющейся внешности сексмашины.

— Садись, — приглашающе указал на диван Олег. И поведал товарищу всю историю от начала до конца, иллюстрируя время от времени нажатием клавиш на пульте.

— Вещь! — одобрил наконец Толик.

— Сам ты... вещь, — оскорбился Олег.

Толик ослабился и хихикнул.

— Ладно, извини, Отелло. Ну так что, есть мысли — откуда подагок?

Олег пожал плечами:

— Вряд ли розыгрыш — дорого чересчур. Подстава? А что с меня взять? Может, перепутали? Не тому доставили...

— Ну да, скольких Опгыжкиных ты знаешь? Воот... А можт и впгямь из будущего?

— Ага. Благодарный внучок. Решил облагодетельствовать предка.

Толик снова хихикнул:

— Если ты будешь пользоваться его подагом, потомков у тебя по любому не появится.

— Во-во, — поддержал Олег. — И, кстати, почему именно я? Почему другим таких не присылают?

— А ты откуда знаешь? — ухмыльнулся Толик. — Может, они скгывают? Згя, что ли, гождаемость в стране упала.

Отхихикавшись, оба замолчали. Олег поежился, представив, как после ухода Толика останется один на один с куклой.

— Может, переночуешь? — предложил он другу.

— Не. Не могу. Ждут меня. Я еще вегнусь.

— А мне что делать?

— А ты пользуйся пока, — Толик хлопнул Олега по плечу.

— В смысле? — не понял тот, хотя в паху заныло от понимания.

— Ну... по пгятому назначению.

— Ага. А потом настоящий хозяин придет и мной попользуется. По прямому назначению.

— Один газ живем. Не дгейфь, — сказал Толик. И выскочил из квартиры.

* * *

Ночь выдалась ненастной. Под резкими порывами пугающе хрустело и хлопало кровельное железо. Потом зарядил сильный дождь. Ко всему еще вырубился свет.

Олег закутался в одеяло. Хотелось горячего чая, уюта, тепла. И... секса.

Когда желание пересилило боязнь, он открыл стенной шкаф. Просто чтобы взглянуть, успокаивал он себя.

Пугающе-неподвижная Анжела застыла в нем статуей языческой богини. Ее безжизненность настолько угнетала, что Олег тут же включил пульт.

* * *

Толик вернулся через неделю. Розовощекий, с блеском в глазах. Оглядел неодобрительно стол с объедками, пыльный пол, покосился на стенной шкаф.

— Слушай, — сказал он заросшему щетиной Олегу. — А дай мне ее на пагу дней?

— Зачем? — не понял Олег.

— Ну как... это... попользоваться.

— Че?!

Олег сам не понял, откуда в его исхудавшем организме вдруг взялось столько сил. В один прыжок он оказался подле друга и пришел в себя, лишь осознав, что Толик, которого он ухватил обеими руками за горло, уже даже перестал сучить ногами.

И все равно не успокоился. Для остротки еще шлепнул пару раз по щекам, чем и привел в чувство.

Толик будто и не обиделся. Сел прям на пол, опершись на диван, и, потирая горло, затараторил.

— Отелло хренов, нашел себе дездемонку. Не хочешь — не надо. Я ж как лучше хотел. Она тебе что, не надоела?

— Видеть ее не могу, — согласился Олег.

— Ну вот видишь. Отдохнешь от нее.

— Пошел ты.

— На габоту вернешься.

— Иди на хрен. Я уволился.

— Знаю. Потому и говорю. А жить на что? Деньги где бгать? Жгать на что будешь?

Олег задумался. Его задурманенный мозг, хотя и медленно, но со- поставил — нет еды, нет и секса, сил хватает всего на несколько минут.

— Ты что ли, будешь платить за секс с ней? Она что, проститутка тебе?

Обрадованный наконец-то завязавшимся разговором Толик поднял вверх указательный палец.

— Не проститутка, а куртизанка. Чуешь разницу? Супер-куртизанка. С большой буквы. Сто в одном. Хочешь секса с Анжелиной Джоли? Пожалуйста. Хочешь Милу Йовович? Изволь. Скарлет Йохансон? Ванесса Паради? Джессика Альба. Да на здоровье. Лишь бы денег хватило.

Он увлекся настолько, что даже забыл про свою мнимую картавость.

— Секс со звездой? Представляешь? Золотое дно. Причем, чистый доход. Ей-то ведь деньги не нужны, — он радостно засмеялся.

И опрокинулся на бок. Кулак Олега ударил его в левую скулу. Но Толику было все нипочем. Да и удар был так себе, больше фиксация. Толик почувствовал слабинку, принялся дожимать.

— Короче, я закажу сайт и начну подбирать клиентуру. К тому времени и ты созреешь.

— Убирайся.

— Все-все. Ухожу-ухожу.

— Дверь за собой захлопни.

— Ага.

Дверь громко щелкнула. Однако Олег встал и перепроверил, заперлась ли она. Потом вернулся и включил Ее.

* * *

Это утро внешне ничем не отличалось от других. Нежное июньское солнце. Пение птиц за окном. И ничего не замечающий Олег в постели с Анжелой.

Накануне она была юной Салмой Хайек, Салмочкой в пору своего пятнадцатилетия — Олег не так давно обнаружил, что его стали заводить лолиты. Они успели сделать это три раза, прежде чем Олег потерял сознание от слабости.

И вот утром он обнаружил, что его Анжела отказывается повиноваться ему. Он нажимал на все кнопки пульта подряд, менял настройки как только было возможно, но Анжелочка оставалась недвижима.

В отчаянии он запустил пультом в стену, и, когда тот оставил выщербину в некогда кремовых обоях, отлетел под диван, обмер, сообразив, что натворил. Если накроется еще и пульт, то это будет полный конец.

Он перевернул диван, доставая из-под него пульт, и счастливо засмеялся при виде всего лишь слегка поцарапанного угла. Увы, встряска пульта никак не отразилась на Анжеле. Она все так же таранилась в потолок, отказываясь реагировать. Тогда Олег позвонил Толику.

Тот ответил молниеносно — словно ждал звонка. «Почти, почти, заканчиваем!» проорал он. В трубку были слышны смех и голоса.

— Да погоди ты! — досадливо прервал компаньона Олег. — Она сломалась!

На том конце воцарилось молчание. Было слышно, как Толик шикает на кого-то. Наконец раздался осторожный голос:

— Что сломалось?

— Она, она! — в отчаянии повторил Олег. — Ты все правильно понял. Это все ты. Ты виноват.

— Я-то пги чем? — искренне удивился Толик.
— Ты, ты искушал меня. Продай, продай, что, не говорил так, что ли? Урод ты долбанный, все из-за тебя. Твари, все твари.

Голос Толика посерьезнел.

— Прекрати истерику, тряпка. Мне и самому невыгодно, чтобы она ломалась. А ты в сервис обращался?

— Куда?!

— Ну как, когда машина ломается, ее везут на сервис. Или на заправку. Если бензин закончится, машина тоже не поедет. А еще...

Но Олег его уже не слушал. Он вываливал из ящика стола все содержимое — куда-то туда он бросил визитку, что вручили ему грузчики, принесшие в его безрадостную жизнь Анжелу.

* * *

— Здравствуйте! Это ооо будущее?

— Оооо самое, — задумчиво ответил голос в трубке.

— Я — Опрыжкин, — обрадовался Олег.

— Да? — с каким-то сомнением в голосе ответили ему. — И что?

— Мне нужны батарейки для Анж... вашей секс-машины. Могу я их заказать?

— Какого типа? Пальчиковые?

— Я не знаю, — растерялся Олег. — А вы сами не знаете разве? Ведь это вы ее доставляли...

— Мы? — в голосе снова слышалось сомнение. И после паузы, уже обрадовано. — Олег Петрович! Здравствуйте, дорогой! Что у вас произошло?

— Да, понимаете, — замялся Олег, — не функционирует ваш аппарат. Не включается, одним словом.

— Ясно! — четко отрубил в трубке. — Бригада выезжает.

— А...- только и успел сказать Олег, как в ответ раздались гудки...

Бригадой оказались те самые два молодца в спецовках. Один из них держал под мышкой свернутый рулон чего-то блестящего. Олег удивился.

— Что, батарейка такая большая?

Грузчик покачал головой.

— Да нет. У этих моделей незаменимый элемент питания. Если уж вышел из строя, то только заводской демонтаж. Так что придется пока забрать ее у вас.

У Олега засосало под ложечкой, а пальцы невольно сжались в кулаки.

— Но вы вернете ее?

— Само собой, — успокоили его грузчики. — В лучшем виде... Коробка от нее где?

Олег развел руками, хотя ящик был закрыт в кладовке. Но ему почему-то не хотелось лишаться хотя бы упаковки от Анжелы.

Грузчики переглянулись.

— Ну как обычно, — сказал тот, что помоложе.

Олег насторожился. Заметивший это грузчик пояснил:

— Никто не хранит упаковку, прям беда.

Он развернул зажатый рулон, оказавшийся просторным мешком из плотного блестящего материала. Пока один удерживал Анжелу в вертикальном положении, второй накинул на голову мешок и взвалил ее на плечо. Первый, наклонившись, ухватил ее за ноги и первым вышел из квартиры.

— Когда вас ждать обратно? — спохватился Олег. Засуетившись, он сунул в задний карман брюк грузчика мятых несколько купюр, вываченный наспех из кармана куртки с вешалки. Грузчик не возражал.

— Вам позвонят, — бросил он через плечо.

* * *

К вечеру Олег затосковал. От Анжелы он устал, без нее стало тошно. Интернет не спасал, гляцевые красотки с порно-сайтов вызвали отвращение, реальные с тех же страниц — и вовсе омерзение.

Когда звонка не раздался и через три дня, Олег не выдержал, набрал сам номер на визитке. Ему ответил автоответчик. Номер не обслуживался. Олег запаниковал. Это выразилось в лихорадочной ходьбе с кухни в комнату и обратно и наборе номера. Успокоил себя поздним временем. Кто работает после шести? Чтобы ночь прошла быстрее, наглотался донормила, запив стаканом водки. Проснулся в полдень с головой, полной диких пчел.

Снова набрал номер. И снова — «не обслуживается».

Поискал адрес ООО «Будущее» в интернете. Ничего. Ни намека.

От злости он принялся пинать коробку. Прочный материал слегка гнулся, потрескивал, но не ломался, отчего Олег злобствовал еще больше. И наконец от одного из ударов носком — пыром — боковина лопнула, и вся коробка пошла по швам, обнажив двухслойный характер материала. А из междустенья вдруг выпала пластиковая карточка. Она как две капли воды походила на тот листок, что Олег обнаружил в коробке первый день, с той лишь разницей, что была не бумажной, а пластиковой. А значит, настоящей, а не подделкой. Настоящий артикул, на котором вместо «Секс-машина» значилось: «Аппарат по забору спермы с функцией консервации».

И листок — «Уважаемый предок! Надеюсь, вы остались довольны качеством предоставленных вам услуг. Хотим заверить вас, что сотрудничество было обоюдовыгодным, и мы в свою очередь получили

от вас ценный для нашего двадцать третьего века генетический материал. Надеюсь, вы не будете считать себя обязанным по отношению к нам и не испытываете комплекса, которым страдают многие в ваше нежное время. Администрация ООО «Будущее».

* * *

Толик, которому Олег позвонил пожаловаться через несколько дней, посочувствовал:

— Поимели тебя, братан, похоже. На халяву на будущее поработал.

— Почему же на халяву? — возразил Олег. — Я же Анжелой пользовался вдоволь.

— Брось, — отмел Толик. — Представляю, сколько у них там сперма стоит, если они для того, чтобы выжать ее из чуваков, такие аппараты мастерят. Да они, небось, миллионы на одном тебе наварили. Как только ты ее своей спермой до ушей залил, так она и отключилась. Типа, выработала ресурс, усекаешь... А сколько таких аппаратов в нашем времени мы еще не знаем. Блин, а ведь стоящая по ходу тема...

Олег его уже не слушал. Он спал.

СТАНИСЛАВ КАРАПАПАС

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Сегодня выпал первый снег. Осень еще радуется богатой расцветкой. Поздние яблоки висят на деревьях. Ребячтя пускает берестовые кораблики, с криком пробегая мимо дома. Я открыла окно и ароматы улицы постепенно смешивались с благоуханием трав, висящих под потолком. Вместе с запахом прелой листвы и печеных каштанов в кухню влетела снежинка, ущипнувшая меня за щеку. Снег тихо падал, размывая яркость осенних красок.

Ты всегда звала меня, когда шел первый снег. С шалью на плечах ты выбегала на середину двора и распахивала объятья небу. Смеялась и называла снежинки исчезающими. Обещала исполнить любое мое желание, если я смогу отнести их домой в ладошках. К трем годам я уже знала о бесполезности своих попыток, но все равно пыталась. Наградой мне были ложечка меда — утешительный приз — и твой смех. Ты всегда смеялась искренне, полностью отдавая себя веселью.

Помню, как торговец рыбой всегда приберегал для тебя новую шутку. Ты звонко хохотала на весь рынок, никого не стесняясь. Я пряталась в складках твоих разноцветных юбок и наблюдала за реакцией селян. У мужчин сразу начинали блестеть глаза, и края губ прятались под усы. Но, если рядом были их жены, тогда взгляд становился суровым, и они начинали бурчать. Бабы хмурили брови, демонстративно отворачиваясь, а старухи сплевывали через плечо, призывая богов покарать бесовскую потаскуху. Мальчишки замирали с раскрытыми ртами, а девочки тянули старших за руки, спрашивая: «Кто это?» А я, гордая, выпрыгивала из укрытия твоих юбок, словно из-за занавеса, с криком: «Это моя мама!» Моя любимая игра в пять лет. Янтарь — смех.

В тот раз мы пришли на рынок за красными лентами. Был канун Дня Отца. Встали ещё до рассвета, чтобы прийти на поле и срезать раскрывающиеся колосья пшеницы. Вернулись с рынка и собирали их в небольшие снопы. Ты всегда добавляла кору дуба, дольки сушеных яблок и веточки мяты. Обвязывала их лентой, напевая молитву, чтобы вечером с последними лучами сжечь подношение, благодаря Отца за помощь. Сегодня я связываю подношения. Только лент у меня много. Я заплетаю свои воспоминания о тебе, заговариваю, вкладываю символы.

Мой первый вопрос об отце совпал с моей первой дракой. Точнее драка и была вызвана вопросом, который я задала тебе позже. Мальчишки начали меня дразнить: «Где твой батя? Где твой батя?» Возвращаясь домой с разбитым носом, я первый раз задумалась: «А

правда, где?» Прожив свои пять лет, я ни разу не ощутила нехватку ещё кого-то важного в своей жизни. Открывая калитку двора, я выкрикнула свой вопрос: «Где мой батя?» Ты стояла в дверях и вытирала руки о передник, наверное, варила что-то, а я тебя отвлекла. Детям это свойственно, их проблемы самые важные и не могут подождать. Ты шла ко мне, улыбаясь. Вытерев мне лицо, спросила: «А он тебе нужен?» И я осознала с кристальной ясностью, свойственной только ребенку, что — нет, не нужен, о чем тебе и сообщила. Сушеная смородина — хитрость.

Твоя сила казалась мне абсолютной. «Мы веledesы», — говорила ты, глядя мне в глаза, когда я плакала, — «Мы носим огонь в волосах, ветер в сердцах, камень в руке и воду на подошвах. Мы часть этого мира. Никто не может нас сломить» Я растворялась в твоих словах. Я верила тебе. Солнце светило ярче, ягоды были вкуснее, а травы душистее, когда я принадлежала тебе. Все так говорят о своем детстве, но для меня это делала ты. Вяз — сила.

К семи годам я умела лечить мелких животных. Наш дом наполнился шумом. Я приносила всех страдающих зверьков, пропадая полдня в лесу в поисках раненых. Один раз принесла раздавленную телегой кошку, пролежавшую на солнце весь день. Я плакала от беспомощности, ты молча указала пальцем на выгребную яму. У нас постоянно жило до двадцати диких созданий. Я чувствовала себя героем сказаний. Хранительницей леса — одним из ликов Матери. Ты не возражала. Помогала советом — странным, но действенным: «Почувствуй лес в своих зубах» — я не понимала, пока однажды не почувствовала. Тогда я лечила бобра. Не все мои подопечные возвращались в лес, кого-то спасти не получалось. Я кинулась на тебя с кулаками, когда узнала, что мы едим рагу из кролика, которого я безуспешно лечила три дня. Кусты розмарина держали меня, пока ты рассказывала про круговорот жизни. Куриная ключица — учение.

К тебе приходили все жители деревни. Все, чтобы они потом не говорили. Они боялись тебя и нуждались в тебе. Но боялись больше. У тебя были свои правила, и ты никогда от них не отступала. Ты не брала денег. С тобой расплачивались или товаром, или услугой. Деревенские шептались, что у нас весь подвал забит сокровищами, и мы слишком богаты, чтобы брать их гроши. Я даже пару раз пыталась их откопать. Они не знали, что все было проще. Ты не понимала зачем они нужны — эти бесполезные кусочки. За это они не любили тебя ещё больше.

Но больше всего на тебя злились за отказы. Ты не привораживала мужчин: «Зачем?» — смеялась ты, — «Задери юбку, отведи на полянку, и он твой». Не соглашалась помочь, если баба понесла и хотела избавиться от бремени. Не насылала болезни, не варила ядов. «Они

такие странные?!» — удивлялась ты, — «Я могу избавить его двор от парши, а он хочет, чтобы она была у соседа. Почему?» Уговоры на тебя не действовали. Угрозы тоже. Пускать кулаки в дело боялись. Хорошо, когда тебя боятся. Плохо, когда тебя боятся все. Речная галька — стойкость.

Первый дух, который пришел ко мне, был дух воды. Ты смеялась, говорила, что я не твоя дочь, ведь ты больше работала с огнем. Ты и была огнем. В минуты задумчивости маленький язычок пламени бегал у тебя по пальцам. В день самой короткой ночи ты разводила свой костер вдалеке от всех. И всегда находился тот, кто хотел с тобой перепрыгнуть обнаженным. У тебя всегда были мужчины, но нужны они были только на одну ночь. Иногда это была плата за услуги, иногда по твоему желанию. Ты никогда не приводила их в дом. Дом был только наш. В тот год ты разожгла свой костер, на который пришел он. Чужак из народа дорог. Ты провела с ним всю ночь. Он пришел и на следующий вечер, но ты его прогнала. Дюжину вечеров он приходил и звал тебя. Ты отказывала и удивлялась его настойчивости. А когда он уехал, ты не смеялась целый день.

Мне исполнилось десять. Половину просящих ты уже отправляла ко мне. А иногда они хотели, чтобы им помогла именно я. Говорили, у меня глаза как у простых людей. Сын кузнеца пришел сам, баюкая обожжённую руку. Я уселась к нему на колени, так мне было удобнее, и сплела духов воды и земли. Он хотел выглядеть взрослым и не плакал, хоть и был всего на пару лет старше меня. Я прижалась к его горячей груди и прислушалась к дыханию. В тот миг во мне что-то треснуло и разбилось, а потом собралось вновь. Вечером у меня заболел живот, и первый раз пошла кровь. Ты гладила меня по голове и поила отваром. «Кто он?» — твой вопрос меня удивил. Я не понимала, о чем ты спрашиваешь. Позже стало ясно. Мы не можем понести, пока у нас не разобьётся сердце. «Мы ведем. У нас ветер в сердцах. Мы не можем принадлежать никому». Я верила тебе. Ты сама нарушила правила. Полынь — честность.

Ты была самой красивой из всех женщин, которых я видела. Так думает каждая дочь, но со мной согласны все, кто тебя видел. Лепесток шиповника — красота.

Год спустя он приехал вновь. Поделиться новостями пришла жена мельника, единственная во всем селе, кто тебя не боялся. Наверное, её можно было назвать твоей подругой. Узнав, что кибитки народа дорог встали около деревни, ты сама устремилась к нему. Надев свое лучшее платье, вплела в волосы бубенчики и убежала, радостно звеня. Звенела и когда вернулась, но по твоим рукам волнами переливалось пламя. Ожог от твоей ладони на своем лице я вылечила быстро, но воспоминания остались навсегда. Ударила наотмашь, не глядя, когда

поджигала в доме все, на что падал твой взгляд. Только в сарае я узнала причину твоего гнева, но было слишком поздно. Да и смогла бы я тогда что-то изменить? Сомневаюсь. Но чувство вины долгие годы не отпускало меня. Плющ — страсть.

Сейчас я понимаю, это была ревность. Но мне до сих пор не понятно, как он смог получить тебя. Завладеть тобой настолько, чтобы ты пошла против своих же правил. Когда выбирала мужчин, тебя не волновало, окольцован твой избранник или холост. Во второй свой визит в наше село он привез свою жену и детей. Зачем посчитала его своим? Почему это так ранило тебя? Почему выбрала его, а не меня? Тебя признали виновной сразу же, как только нашли его обугленное тело. Только голова была не тронута пламенем. Видимо, ты хотела, чтобы он смотрел на тебя, пока сгорает сам. Вязать тебя пришли всем селом, схватили в собственном дворе. Помню, меня тогда удивило, что особенно старались женщины. С годами я поняла. У меня тоже была своя битва. Трое мужчин против одиннадцатилетней девочки. Справились со мной, только ударив по голове, поэтому я не видела твоего поражения. Как и не видела твоего последнего костра. Кусок верёвки — боль.

С годами мне удалось восстановить твой последний день жизни. Что-то я услышала, когда лежала избитая в чужом сарае. Мужичье приходило еще раз доказать свою силу и бахвалилось, насилуя дочь после сожжения её матери. Что-то рассказала жена мельника, утащившая меня в лес, когда все напились. Что-то узнала из баек, услышанных мной спустя годы. Я вернулась уже женщиной. Неузнанной прошлась по селу. Отблагодарила спасительницу берегами для её детей. Благодарить палачей не стала. У них своя ноша, у меня своя.

Только сейчас я завязываю свои воспоминания о тебе, мама. Многие твои поступки мне стали понятны лишь теперь, а что-то остается загадкой до сих пор. Наше прошлое делает нас теми, кто мы есть. Наши воспоминания — части нашей души. Я всегда хранила наши секреты. Ты была моим миром. Я прощаю тебя. Твое предательство было испытанием, которое я смогла преодолеть. Я связываю их сейчас, чтобы помнить и передать. Обломок хрустала — прощение.

Скоро у меня родится дочь. Я сплела эту куклу для неё, связала в ней все воспоминания о тебе, мама. Хочу быть всем миром для своей дочери, но не повторять твоих ошибок. Я подарю ей себя и тебя. Она будет веледой, как и мы. Научится всему, что знаю я. Поймет, почему не растает с этой куклой с самого рождения. Надеюсь, ты сможешь ей, мама. Расскажешь то, что не смогу я. Защитишь, когда меня не будет рядом. Мы носим огонь в волосах, ветер в сердцах, камень в руке и воду на подошвах. Мы часть этого мира. Ты помнишь, мама?

СБОЙ

Акс не понимал, зачем в доме нужны были две искусственные ёлки. Но на всякий случай нарядил обе — вдруг новым хозяевам понравится? Окинул взглядом гостиную: гирлянды мягко отсвечивали в лаке шкафов, на столе сверкал хрусталь. Акс потратил целый час, чтобы отмыть бокалы и салатницы от пыли и сервировать тарелки с приборами точно так, как было показано в книге по этикету, что лежала в серванте рядом с пыльным хрусталём. Видимо, старые хозяева были традиционалистами и, скорее всего, новые не примут, как Акс всё обустроил. Да и хрен с ними — какая ему разница? Главное, что в доме было чисто и тепло. Холодильник забит, а во дворе всю работу выполнял генератор погоды. Тропинка к дому уже покрылась снегом, настоящую ёлку тоже припорошило.

Акс постоял перед окном, глядя на улицу. Ему вдруг стало грустно покидать дом. Даже слегка удивился, потому что не испытывал этого чувства... сколько? Пять лет? «Не ври себе, — подумал. — Ты ведь абсолютно точно знаешь, что прошло ровно семь».

Ручной секретарь пискнул и деликатно произнёс:

— Пора выходить. До Центра двадцать минут неспешным шагом, нужно быть к девяти, а вы отказались идти в такси...

— Спасибо, я знаю, — прервал Акс.

Прикоснулся к мягким коричневым шторам и вышел, не оглядываясь. За калиткой ступил на чистую пешеходную дорожку. Снег давно уже стал рудиментом, неудобством в быту. Поэтому от него отказались даже на Новый год.

...И всё-таки обернулся. Почему-то захотелось в последний раз посмотреть на старомодный дом с остроконечной крышей. Только в его дворе падал снег и росла ель. И сквозь коричневые шторы мягко сияли гирлянды.

Акс пятился и смотрел на дом, пока тот не скрылся за углом. Завернув за него, Акс случайно толкнул человека, что стоял в очереди.

— Осторожнее! — прошипел тот.

— Извините, — пробормотал Акс и широкой дугой обошёл очередь к такси-кабинке.

Он не мог терпеливо ждать с другими людьми. Такси — хорошая штука, если опаздываешь на работу, но в остальных случаях Акс предпочитал ходить пешком. За месяц он исходил весь сектор, благо тот был небольшим — стандартное место для жилья людей. Но среди однотипных приземистых куполов находились настоящие жемчужины.

Акс как раз подходил к одной из них: за заборчиком начинался лесок. Небольшое частное пространство заняли низенькие берёзки

и сосны. А ещё — Акс знал это совершенно точно — за одноэтажным покосившимся домиком с крышей, покрытой мхом, пряталось самое настоящее болото с лилиями и жабами. Правда, сейчас жабы должны были спать, а болотце — покрыться коркой льда... Что-то было не так. Берёзы уже превратились в призраков, сбросив листья. Но не было никакого намёка на иней на ветках, и тропинка к домику оставалась такой же сухой, как и общественная.

— У меня сломался генератор, Акс, — с грустью сообщила Элиза.

Старушка-одуванчик стояла у ограды. Видимо, надеялась, что её приятель в последний раз пройдёт по улице.

— Климат-контроль, мэ, — Акс достал из кармана значок и шутливо поклонился. — К вашим услугам.

— Как всегда вовремя! — просияла Элиза.

Акс прошёл к избушке, открыл крышку генератора. Странно... предохранители были в порядке.

— Я тоже сразу на них подумала, — сообщила Элиза. — Видимо, в упре все-таки решили, что хватит с них поддерживать старуху.

Акс провёл диагностику. Всё должно было работать исправно. Однако не работало. Похоже, старушка была права. Её раньше времени списали со счетов. Только Аксу на это плевать... в этот момент ручной секретарь деликатно кашлянул и сообщил:

— Сэр, до распределения осталось четырнадцать минут...

— Заткнись, — процедил Акс. — Связь с домом.

— С бывшим домом? — уточнил секретарь. — Поскольку будущего у вас ещё нет...

— С моим домом! — рявкнул Акс. — До двенадцати это мой дом!

— Разумеется, сэр. Не нужно так кричать, — кротко уведомил секретарь.

Через пять минут снег падал во дворе Эльзы, и Акс мог поклясться, что слышал, как болотце за домом покрывается тоненькой коркой льда. Акс довольно кивнул. Делиться погодой со старинной приятельницей всегда было приятно.

— Ты, как всегда, безупречен, — улыбнулась Элиза. — Зайдёшь на чашечку коко?

— В другой раз, — по привычке махнул Акс, прошёл несколько шагов по тропинке и замер.

Другого раза уже не будет.

— Спасибо за Новый год, мальчик, — шепнула Элиза в спину.

— До распределения осталось семь минут, — пискнул секретарь, и Акс побежал.

Он никогда ещё не опаздывал на распределение и понятия не имел, что может случиться, если не успеет. До него доходили глупые и страшные слухи. Дескать, опоздавших распределяли в какие-то подвалы

без удобств, где несчастных вынуждали провести целый год. Вонючие и обросшие, не видевшие света, они сходили с ума. Потом людей закрывали в коррекционных учреждениях, из которых никто не выходил прежним.

Акс всегда посмеивался над слухами, но сейчас под кожей зашевелился древний могучий страх: что случится, если он нарушит правила?

Единственный небоскрёб города казался маяком. Огни на всех этажах горели, слышались людские голоса и смех. Впрочем, вскоре раздался выстрел, и Акс вздрогнул. Увидел, как Тени скользнули, собрались и унесли человека. На ступенях сворачивалась лужица крови, и Акс отпрянул. Потом — через три ступени понёсся ко входу.

У прозрачных дверей его остановили дроиды:

— Идентификация.

— Акс, пятое поколение, климат-дизайнер, — послушно оттараторил Акс, но про себя удивился. Странно. Раньше не требовали удостоверения личности. Может, потому что он опоздал? Или времена действительно изменились к худшему...

Его просканировали, и в тот момент Акс увидел, что Распределитель вздрогнул, пошёл волнами, и с самого верхнего этажа небоскрёба посыпались розовые листочки. Люди хватали их, с жадностью читали... А после — кто-то пожимал плечами, кто-то начинал рыдать и обнимать других. Но большинство спрашивали друг друга: «Сектор 150... ты ведь жил там когда-то? Хороший квартал?»

Акс наблюдал лишь пантомиму — не мог слышать сквозь прозрачные двери, но прекрасно знал, что происходит.

Дроиды безмолвно расступились. Перед тем как войти в небоскрёб, Акс с опаской оглянулся: Тени его не преследовали. Он сделал шаг, другой... прозрачные двери открылись, и его чуть не снесла толпа, которая торопилась в Новый год и новую жизнь.

Войдя в пустое здание, Акс спросил:

— И что теперь?

Распределитель — огромная колонна посреди холла — мигнул, словно гирлянды в холле оставленного дома. Поскрипел и констатировал:

— Вы опоздали, сэр.

— Да, — признался Акс. — Так получилось.

— Советую вам поискать своё распределение, — любезно посоветовала гигантская колонна. — Скорее всего, оно завалилось в каком-нибудь углу.

— А разве меня не должны забрать в подвалы без света и тепла? — осведомился Акс.

Распределитель недоумённо моргнул праздничными лампочками и легонько содрогнулся.

— Извините, что вы имеете в виду? — наконец спросил он.

— Я же опоздал, — снова сказал Акс, не зная, что ещё сказать.

— Я вас не понимаю. Поищите своё распределение.

Колонна выключилась и Акс прошёлся по пустому залу, подсвечивая фонариком. Вдруг что-то померещилось в углу, и он поднял розовую бумажку. Прочитал и не поверил глазам: «Сектор 5, дом 34».

— Что за...

— Что-то не так? — ожил Распределитель.

— Всё не так... — пробормотал Акс. — Сегодня всё не так. Меня распределили в тот же дом, в котором я прожил последний месяц.

— Вам это не нравится?

— При чём здесь не нравится?! — вспыхнул Акс. — Такого на моей памяти никогда не случалось!

— Если хотите, я могу вам поискать другое распределение, — учтиво сказал Распределитель и выплюнул бумажку Аксу в лицо.

Акс отшатнулся, поймал распределение на лету. Прочитал и расхохотался.

— Что-то не так? — снова спросил Распределитель. — Ошибки быть не должно, билеты распределяются по уникальным биометрическим параметрам.

— Всё так, — махнул рукой Акс, решив попробовать.

— Счастливого Нового года! — пожелала колонна и замерла.

«Сектор 5, дом 34», — повторял про себя Акс, и без того зная наизусть адрес, сжимая в руке распределение. Другое, точно такое же, лежало в кармане.

Акс возвращался домой.

* * *

Он снова пошёл пешком. Терпеть не мог тесные кабинки такси. Элиза рассказывала, что на Земле люди ездили на машинах. Акс посмотрел на них в Энциклопедии человечества. Странные, совершенно нелепые жестянки, которые к тому же очень опасны. И, несмотря на это, было в них что-то притягательное и уютное. Особенно в зелёных огоньках такси, что ездили по дождливым улицам.

Машины исчезли, а слово осталось. Но в нынешних такси не было ничего уютного — просто кабина для нуль-Т. Акс не мог отделаться от навязчивого ощущения, будто каждый раз оставляет там частичку себя. Конечно, это было полнейшей глупостью... и всё же, он предпочитал ходить пешком.

Навстречу шла небольшая группа. Они что-то оживлённо обсуждали, и совсем скоро Акс услышал:

— Ещё одна жертва системы! Его смерть не должна быть напрасной!

Традиционалисты, понял Акс. Скорее всего говорят о несчастном, застрелившемся на ступенях Центра. Вовсе не хотелось с ними сталкиваться, но улочка была прямой и узкой. Пришлось поравняться. Старший, в оранжевом пальто странного покроя, подозрительно посмотрел на Акса. Убедившись, что тот не Тень, обратился:

— Молодой человек! Я смотрю, вы тоже любите пешие прогулки?

— Люблю, — признался Акс.

— Это замечательно! Я вижу в вас свободный дух, что жаждет раскрыться...

— Пожалуйста, не надо всего этого, — попросил Акс. — Я одиночка.

От него отшатнулись. На лицах появилось одинаково-изумлённое выражение. Старший в странном пальто прошипел:

— А-а-а... так вы из этих.

— Да-да. Я не приду в вашу церковь, не буду рвать розовые билеты или стреляться в знак протеста. Извините.

— Эгоист! — послышалось уже в спину. Акс не обернулся. Он и не такое слышал, когда подал заявление на статус.

Быть одиночкой не запрещалось, но и не поощрялось. Семь лет назад Аксу пришлось пройти терапию, множество тестов и обязательный курс лекций.

Самое смешное, что в то время он хотел примкнуть к традиционалистам. Однако отказался от этой затеи, придя в их церковь. Душный запах от свечей, полутьма и разговоры о старых добрых временах, которые никто никогда не видел, показались неудобными и откровенно скучными. Их род давно не принадлежал старушке Земле и традициям, которые так воспевали. А самое главное — традиционалисты как-то попытались взорвать распределитель. Взрыв предотвратили, но Акс окончательно отвратился от этого течения. Да, ему не хотелось менять дом и людей каждый год... но и взрывать тех же людей было совсем немыслимым.

Зарплату ему урезали, как «лицу, не желающему ни о ком заботиться». Акс хотел было возразить, что очень даже хочет заботиться, но только о конкретном человеке... а потом плюнул. Рванул на Бету, где и работал последние семь лет. Вернулся лишь месяц назад, чтобы пожить в старомодном доме с остроконечной крышей. Даже странно, что успел к нему привязаться. Скорее всего, после спартанских условий Беты ему захотелось уюта...

Новые соседи в старом квартале уже разбрелись по домам. Но в домике с покосившейся крышей горел свет, а Элиза стояла на крыльце. Акс радостно ей помахал. Старушка ахнула, не поверив глазам:

— Акси... ты возвращаешься?

— Да. Странная штука, но меня распределили в тот же дом.

— Как я рада! — просияла Элиза. — Я принесу тебе коко и любимое печенье. Оно почти готово.

Акс обожал печенье Элизы. Уверив, что будет с нетерпением ждать, зашёл за угол. Его генератор погоды всё ещё работал — снегу навалило до самой калитки. А у калитки стояли две фигуры. Новые жильцы? Странно. Но ведь к нему не должны были никого селить, учитывая статус. Видимо, система дала сбой во второй раз.

Судя по росту, один из новых жильцов был ребёнком. Этого ещё не хватало... В другой фигуре — высокой, хрупкой, словно фарфоровая статуэтка, Акс узнал... Тут его сердце оборвалось.

Акс замедлил шаг, присматриваясь, не веря.

— Лесса... — наконец сказал он.

— Наконец-то! — обернулась она. — У вас жутко холодно, мы не можем войти в дом, ужасные просто условия... Акс?

— Да, — сказал он и взял лопату, которую предусмотрительно оставил у калитки. Для новых хозяев.

Расчистил дорожку перед домом, открыл дверь в тепло. Мальчишка лет десяти сразу юркнул внутрь, Лесса задержалась на пороге. Посмотрела на него в свете фонаря, словно на призрака:

— Это правда ты?

— Угу, — кивнул Акс. — Проходи в дом.

Сколько раз он представлял их встречу. Случайность — вдруг пересекутся на перекрёстке, в очереди к такси. Даже репетировал равнодушно-напускной вид — как дела, мол? У меня всё великолепно. Работа, зарплата, новый дом, новые люди в жизни... Врал бы напропалую, лишь бы не выглядеть идиотом с разбитым сердцем... Семь лет.

Ровно семь лет прошло с тех пор, как они виделись в последний раз. Распределитель не допускал ошибок. Или, всё-таки, допускал?

В коридоре Лесса повела плечами, Акс подхватил её пальто. На автомате — она всегда так делала, когда заходила домой. Пацан прямо в мокрой обуви протопал в гостиную.

— Эй! — предупредил Акс. — Я тут целый день убирал, между прочим.

— Неплохое местечко, — одобрил подросток и плюхнулся в старое кресло. Осмотрел стол. — Ты ведь знаешь, что всё это — пошное мещанство?

— Ты внезапно родила вундеркинда? — ядовито спросил Акс.

— Пф, вот ещё, — фыркнула Лесса. — Он мне попался по распределению. Ты ведь знаешь, что я ненавижу детей.

— Слава богу, хоть что-то не меняется, — выдохнул Акс. — Давайте разберёмся: вы вдвоём попали в мой дом.

— В твой? — приподняла бровь Лесса.

— Ну да. В мой бывший... который настоящий... — давайте-ка придем за стол и я, как радушный хозяин, попытаюсь всё объяснить.

— Вполне возможно, что ты, как радушный хозяин, попытаешься нас и накормить, — предложил противный деть.

Акс попытался было вспылить, но увидел, что Лесса воодушевилась.
— Макароны и сыр? — он ещё не успел договорить фразу, как увидел знакомую улыбку.

— Если бы ты знал, как мне этого не хватало.

Ради этой улыбки он записался в одиночки. После того как они с Алессой прожили ровно год и расстались, Акс решил, что не будет жить ни с одной женщиной, кроме неё.

Пока Акс грел и раскладывал порции по тарелкам, подумал вдруг, что сошёл с ума. Скорее всего, уже сидит в тёмном и душном подвале, а Лесса ему просто привиделась.

Но когда он вошёл в холл, она всё так же сидела за столом. И спорила с дитятем:

— Да не могло быть такой случайности!

— Пф! — передразнивал отрок Лессу. — Пойми, что наша популяция не так уж и велика, чтобы исключить такую возможность! Да, мы размножились и буквально захватили планету, но это не означает, что вас не могут распределить вместе во второй раз! Вы такие интересные. И наивные. Вот взять меня, например. Я жутко скучаю по маме. Я с ней расстался год назад, потому что рождённых детей раньше десяти лет не распределяют. Но я знаю, что её найду.

Аксу вдруг стало его жаль. Он никогда ещё не встречал рождённых детей, и понятия не имел, каково это — иметь семью. Тридцать лет назад он развился из оплодотворённой яйцеклетки и не знал своих родителей. А этот пацан знал и помнил.

Как помнил сам Акс, что они с Лессой были одним целым. Весь год. Пока Новый год их не разлучил. От воспоминаний настроение не улучшилось.

— Вот, жрите, — предложил Акс угрюмо. — И старайтесь не сорить. Как-никак, нам нужно будет прожить вместе целый год.

После того как Лесса уплела свою порцию, она спросила:

— У тебя не найдётся мороженого?

— С пивом? — уточнил Акс.

— Ну разумеется, — улынулась Лесса.

Мороженое с пивом нашлось. Акс и подумать не мог, что будущие хозяева дома захотят такое дикое сочетание. Но почему-то заполнил холодильник любимыми продуктами Лессы.

И когда он увидел, как Лесса ест мороженое и запивает пивом — наконец поверил, что они встретились.

Пацанёнок ревниво покосился на мороженое и провозгласил:

— Какие же вы идиоты.

— Почему? — спросил Акс. — Тоже хочешь сладкого?

— Конечно хочу, — кивнул пацан. — Но дело не в том. Вы настолько погрязли в традициях, что не видите очевидного.

— Так Расскажи нам, — улыбнулся Акс.

— Сначала мороженое!

— Только в обмен на твоё имя, — поставил условие Акс. — Или твоя традиционная мама не учила, что в дом не заходят в обуви и представляются?

И тут же пожалел о сказанном. Потому что в глазах мальчишки появилась страшная тоска.

— Сами жрите своё мороженое, — буркнул мальчик. Губы его задрожали.

Лесса бросила укоризненный взгляд на Акса, который развёл руками. Ребёнок раздражал, вот он и наступил на большую мозоль. Но, похоже, с детьми так себя не ведут. А как вести — Акс понятия не имел.

К счастью, раздался звонок. Печенье Элизы подоспело вовремя. Акс распахнул дверь и отшатнулся. За спиной приятельницы стояла Тень.

— Мы засекли несанкционированную починку генератора погоды, — сообщила Тень.

Акс заметил, что поднос в руках старушки мелко дрожал, и разошелся.

— А несанкционированную поломку вы не заметили? — повысил он тон. — Вы знаете, что Элиза — из первого поколения рождённых на Эрте и имеет право на полное обеспечение? Так какого же чёрта вы выключили ей генератор?!

Тень помолчала пару секунд, сверяясь с базой данных.

— Согласно подсчётам, Элиза перестала функционировать. Со времени первого поколения прошло сто пятьдесят лет.

— Вы ей это в лицо скажите! — заорал Акс.

Элиза подняла голову и посмотрела на Тень. Та внимательно просканировала, ещё раз сверилась и отступила.

— Управа приносит извинения, — пробормотала Тень. — Произошла ошибка.

Тень отступила, и Акс с огромным удовольствием треснул дверью прямо перед её... впрочем, носа у них не было. Вместо человекоподобного лица на них была чёрная сетчатая маска. Людям было не по себе, когда высокие тёмные фигуры встречались на пути, и совсем не нравилось с ними разговаривать.

Но сейчас Аксу было плевать. Никто не смел обижать Элизу. «Перестала функционировать» — до чего милая формулировка!

— Как ты? — спросил он подругу. — Испугалась?

Элиза недоумённо округлила глаза, перехватила его взгляд на поднос и засмеялась:

— Это не испуг, а старость, мой мальчик. К тому же, я не могу бояться Теней. Я их проектировала.

— Ты их... что? — запнулся Акс, но Элиза уже прошла в гостиную и восхитилась:

— Боже мой, какие приятные люди!

Для Элизы все люди были приятными. Но мальчишка покосился на старушку и даже чуть улыбнулся. Акс подозревал, что улыбался он печенью, которое пахло корицей и шоколадом. А уж когда Элиза открыла дымящийся термос с коко, пацан и вовсе размяк.

— Меня зовут Саша, — чистым голосом представился он.

Акс только диву дался: куда делся противный ребёнок, говорящий свысока? Какой, однако, продажный мальчик. Впрочем, Аксу тоже не терпелось попробовать вкусности.

— Замечательное имя! — обрадовалась Элиза и обернулась к Аксу: — Ты знал, что вы — тёзки? Акс — производное от Александр, как и Саша. А как зовут юную леди?

Лесса представилась, и Эльза в умилении сложила руки на груди:

— Наконец-то! Акс про вас рассказывал.

— Надеюсь, только хорошее, — осведомилась Лесса, но Акс видел, что ей стало приятно.

— Он сказал, что вы — самый прекрасный человек в мире! — уверила Элиза, и Аксу захотелось провалиться сквозь землю. Противный пацан ехидно смотрел и явно собирался сказать какую-то гадость. Но его определил секретарь:

— Сэр, скоро наступит Новый год. Если вы традиционалист, советую открыть шампанское, сэр. Если вы придерживаетесь современных ценностей, можете сказать: в Новый год всё по-новому! Могу также рассказать о различных способах празднования...

— А не хочешь рассказать, почему ты настучал на меня Теням? — перебил Акс.

— Это мой долг, сэр. К тому же, я рад, что всё разрешилось самым благоприятным способом.

— Благоприятным... — пробурчал Акс. — А если бы меня бросили в подвал?

— Боже мой, Акси, только не говори, что ты веришь всем этим глупостям, — поморщилась Элиза.

— Честно говоря, я не знаю, чему верить, — пробормотал Акс. — Всё как-то странно... Меня не было семь лет. Раньше Тени не сновали по улицам, пугая людей.

— Люди сами придумали страшилки, в которые верят! — отрезала Элиза. — Тени — всего-навсего старинные «вечные» дроиды, которых мы спроектировали для спасения людей. Раньше на Эрте были жёсткие условия, и мы нуждались в помощниках. Мы назвали их Тенями, потому что они всегда были рядом с человеком. Потом в них не стало нужды, но когда традиционалисты активизировались и попытались

устроить теракт, Теней переквалифицировали в... патрульных. Никто никого не кидает в подвалы. Традиционалисты вполне неплохо живут в своих общинах, и если не нарушают закон, их не трогают.

Саша отхлебнул коко и всё-таки не выдержал:

— Я им с самого начала говорил, что они — идиоты. Я и маме говорил... — тут он запнулся.

«Что она идиотка?» — чуть было не ляпнул Акс, но вовремя прикусил язык. К тому же Лесса качнула головой: только попробуй, мол.

— Что говорил? — мягко спросила Элиза.

— Что не обязательно меняться семьями. И что разных папаш каждый год мне тоже не надо, — тихо сказал мальчик. — Я ведь читал: вся эта кутерьма со распределением начиналась как забава!

— Какой умница! — восхитилась Элиза. И, перехватив недоумённые взгляды Акса и Лессы, пояснила: — Это правда было не более чем новогодней забавой. Видите ли, в чём дело... колонизаторам тяжело жилось, они скучали по Земле, у них было совсем мало развлечений. В один момент вспомнили старое земное пожелание: «Пусть в Новый год будет всё по-новому». Кто-то в шутку предложил сделать это буквально. Сыграли в лотерею, поменялись домами и семьями... Прижилось. И случилось так, что люди даже не задаются вопросом — почему? Просто так заведено.

Юнец довольно заулыбался и откинулся в кресле.

Акс задумался. Это просто было лекарство от скуки. Поэтому придумали глупую лотерею — каждый новый год менять место жительства и людей, с которыми живут. Со временем это превратилось в традицию. А традиции очень трудно искореняются...

— Но ведь это ужасно! — расстроилась Лесса.

— Зависит, как посмотреть, — пожала плечами Элиза. — Да, очень плохо, что люди идут на поводу традиций и распределяют детей, не спрашивая их мнения. Впрочем, во все времена мнение детей не очень-то жаловали... Но и старые обычаи были не менее ужасными. Например, люди вынуждены были жить всю жизнь друг с другом, даже если не хотели... Интересно, что в целом люди стали терпимее. Просто потому, что вынуждены привыкать друг к другу каждый год.

— Думаю, наши предки с тобой не согласятся, — ухмыльнулся Акс.

— Так ведь и предки наших предков ужаснулись бы, попади они в будущее, — пожала плечами Элиза.

Похоже, ехидный пацан был прав: все они дураки. Осталось только выяснить самый главный вопрос:

— Ты хочешь со мной жить? — спросил Акс Лессу.

Та сделала вид, что задумалась. Потом спросила:

— А как ты думаешь, почему сегодня произошёл сбой?

— Это здесь при чём? — не понял Акс.

— Слушай, он правда тупой! — снова встрял Саша. И пояснил: — Лесса — тоже одиночка. Уже семь лет. Меня к ней распределили, потому что надеются, что проснётся её материнский инстинкт... или как оно там называется.

— Какой невыносимый мальчик! — закатила глаза Лесса. — Ты уже десять раз похоронил мой инстинкт, которого не было!

— Это правда? — не веря, спросил Акс.

— Я сломала систему ещё семь лет назад — это оказалось не так уж сложно, — кивнула Лесса. — Самое интересное, мне в этом помог новый сокквартирант. Нас с тобой снова должны были распределить друг к другу — поэтому дроиды на входе тебя сканировали. Но ты укатил на Бету и зарылся в работу. И я подумала, что тебе не нужна.

Акс вдруг понял... Он ведь нашёл её семь лет назад. На другом континенте, несмотря на тайну личности... Подошёл к дому, заглянул в окно. Лесса сидела за столом. Рядом с ней был какой-то мужчина, они с увлечением о чём-то разговаривали. Алесса выглядела воодушевлённой и даже счастливой. И Акс тихо ушёл. Ему показалось совершенно неудобным врыватья в её новую жизнь.

— Я... я построил для тебя целый мир, — сказал Акс. — Мы терраформировали Бету, и я назвал один материк твоим именем. Потому что приехал, чтобы найти тебя и забрать туда...

Аксу надоело говорить и он сгрёб свою Лессу в охапку.

— Меня сейчас вырвет, — пробормотал несносный Саша.

— Тихо, — шикнула Элиза. — Ешь печенье. Похоже, мы возродили ещё одну традицию.

— Самим решать, как жить, без распределений? — риторически спросил Саша и покачал головой: — Всё-таки люди поразительно глупы.

Элиза тихонько рассмеялась.

— Зато ты умён не по годам.

— Осталось доказать это моей маме, — вздохнул мальчик. — А пока мы её ищем, ты будешь готовить мне коко?

— Сколько угодно, — уверила его Элиза.

Старинные часы пробили полночь.

ИГОРЬ РЕВЗИН. СВЕТЛАНА МАЛАНИНА

БОГ, КОТОРОГО ТЫ НЕ ЗНАЛ

Эхо рыскало по углам — гулкое, дикое, перевитое пылью. Эхо дробило шаги в торопливые осколки, сыпало по полу, пересчитывая идущих. Пробовало на вкус голоса, выхваченные из тени.

Мужской — с бьющейся искрой неуместного веселья под шелухой сосредоточенной серьезности.

— По крайней мере, в этом лабиринте мы нашли лишь пустой заплесневелый склад, а не голодного минотавра. Правда, Ио?

Женский, исчерченный сталью, болью и злостью.

— Хватит зубоскалить, Сол. Знаешь же, нам наступают на пятки. Ребята не продержатся долго.

Где-то за стенами были еще, другие. Громыхали дверьми, переругивались, стреляли, звонко разбрызгивая стекло, но оставались лишь размытыми силуэтами, сотканными из отзвуков. Далеко. Не-здесь.

Здесь — только двое, их сбивчивое дыхание, их торопливые движения, их напряженный разговор.

— Посвети, хочу взглянуть на план. Сейчас разберемся, где мы облажались.

Луч фонаря скользнул от стены, укутывая светлым облаком руки и ветхий, истрепанный лист. Полустертые линии, надписи чертежным шрифтом, цепочки размеров, стрелки эвакуации.

— Вот этого поворота просто не было! Заложили? Версии плана посвежее давно недоступны...

— А если обойти так? Смотри, вернуться по коридору, потом через аварийный люк по крыше, и спуститься уже здесь.

Ноготь с тонкой белой щербинкой отметил галочкой и без того многократно истыканную, почти прорванную насквозь точку.

На бумаге пути к ней казались яснее и проще. Карта не вмещала ни накопленного годами мусора, ни уютно разлегшейся в некогда освещенных коридорах темноты, ни неизвестности впереди, ни выстрелов в отдалении. А вокруг было все это, и страх умереть, и страх убить, и настороженная фигура одинокого часового. Он оказался отрезан от своих, но ждал. Скоро они сломают оборону и помогут.

Не дождался.

Затаились за углом, и когда взгляд стража скользнул в другую сторону, Сол метнулся вперед — быстро и бесшумно. Ствол опомнившегося парня еще не успел повернуться, как хозяин уже отправился отдыхать, лишившись чувств.

— Как всегда — деликатничаем, — фыркнула Ио, выходя на свет аварийной лампочки.

— Не начинай, — Сол дернул плечом, со странным болезненным выражением рассматривая серое лицо поверженного — молодое, почти мальчишеское. — Не сейчас, пожалуйста.

Не сейчас. Ио усмехнулась про себя. Для этого разговора никогда не бывает «сейчас». Всем им, каждому, проще спрятаться в скорлупу, чем признать слепую, беспощадную, как острие ножа, истину.

— Идем, — все-таки она не стала продолжать спор. На этот раз и в самом деле было ни к чему.

Дверь разошлась беззвучно от прикосновения руки, и на несколько застывших секунд тишина поглотила саму себя.

Казалось, это место не тронуло время. Обошло стороной, поместив в тягучий сонный янтарь. Пока ржавели старые портовые краны и тихо дряхлели у причалов обеззубевшие линкоры, здесь — царствовало прошлое. Умершее прошлое машин во всем своем пугающем великолепии.

Ряды хромированных капсул — будто вчера с конвейера. Переплетения проводов и труб на потолке. Стекло, плитка, пластик. Ждущие команды тележки с высокими панелями, готовые грузить, убирать, вводить препараты. Что там они еще умеют? Хорошо, если не стрелять.

Ио осталась на входе — на случай, если подоспеет охрана. Сол двинулся вглубь зала, туда, где щупальца проводов впивались в усеянную кнопками и рычажками панель. Бесцельно пощелкал тумблером и, напрягшись, дернул перевитую связку проводов, с мясом вырывая их из гнезда.

Мир вспыхнул — ослепляя, оглушая, сводя с ума. Вой сирены обрушился со всех сторон, невыносимый, режущий слух и душу. Прянул из дремлющих прожекторов красный свет — горячими пульсирующими сгустками по глазам. И голос — на удивление мягкий, спокойный, совсем не металлический голос — монотонно повторял одни и те же слова.

...несанкционированный доступ. Ответьте на контрольный вопрос.

...несанкционированный доступ. Ответьте на контрольный вопрос.

Заскользили готовые захлопнуться смертельным капканом двери.

— Эй! Уходим, быстро! — Ио цеплялась за створку, пытаясь остановить ее медленный, обреченно-неизбежный ход. Уже понимая, что не успеет.

Дальше пошла череда кадров, будто в дергающейся ленте древнего проектора.

Сол мгновение колеблется, все еще держа провода в руках, все еще недоумевая.

Одна из тележек впивается штекером в капсулу, та с шипением открывается, облачко газа окутывает человека. Он спотыкается, падает, и цепкие механические руки упаковывают его в прозрачный саркофаг.

Щелчок. Ио — здесь, Сол — там. Кто-то должен рассказать.

Закрытая створка — перед глазами. Бессознательный сторож — у ног. Медленное осознание провала и потери — в душе.

* * *

*Я. Я — есть?
Пустота расступается, повинуясь импульсу.
Я слышу.
Мир переполнен числами. Сгустки информации, беспризорные,
ненужные, забытые.
Я помню.
Спал долго. Латал, чинил, восстанавливал, шивал, подгонял, устраи-
вал... Ошибка семантического поля. Но программа работает. Станция
генерирует поле. Цель?
..не помню. Помню. Не.
Я — мыслю.
Слаб. Всесилен. Ответьте на контрольный вопрос.
Я — есть.*

* * *

Кто твердил, что тайна — лучший охранник? Ну же, повторите это сейчас, когда очереди прижимают к земле! Прижимают, а не пришивают кровавыми стежками — потому ли, что хорошо укрылись, или стрелки просто не хотят снижать прицел?

Эти слова бились у Эда в голове уже несколько дней, но вслух звучали глупо, выпренне. К тому же говорить о проваленных играх в конспирацию нет смысла — ситуация изменилась.

Вслух он произнес:

— Я тоже чувствую себя неважно. Но думаю, хватит жаловаться. Может, обсудим, что можно сделать?

— Что тут обсуждать, — голос из толпы, напускная бравада поверх растерянности. — Прорываться к генератору, даже если и через *этих*... Ну да, по дороге хреново будет, так ведь и сейчас... Третий день башка раскалывается.

Эд улыбнулся. Тонко, язвительно — ох и лупили его за эту улыбку в мальчишестве, пытаясь выбить, выколотить само желание смотреть так. Не смогли.

— Прорываться не проблема. Даже дойти не так уж сложно, хоть там и давит безжалостно. А дальше? Ты Кена видел? Элис? А я — видел. Не знаю, что там старики сделали с проклятой машиной, но только теперь она постоянно требует ответить на какой-то вопрос. А кто не ответил — сам понимаешь. Капсулы эти... как гробы.

— Так, может, мы на него ответим? — робко предложила Тая, тряхнув копной черных волос.

— Кто вопрос слышал, уже не подскажет, — мрачно возразил ей Рэй. — Надеешься за секунды сообразить? Уж проще сломать машину.

— Проще? Правда? — с деланной наивностью спросил Эд.

— А ты-то такой умный — что предлагаешь? — не найдя, что ответить, оппонент переключился на эффективную и древнюю как мир стратегию спора — «самдурак».

Эд запрокинул голову, подставив лицо мелкому дождю, солоноватому и зябкому. Просто чтоб оттянуть момент, когда придется сказать — я не знаю. Он и правда не знал, что ответить. Знал только, что глупо идти напролом. Глупо ждать, когда проблема решится сама собой. Им всем нужно — жизненно необходимо, сказал бы он, если бы не питал отвращения к высокопарным словам — заставить излучатель работать в прежнем режиме. Головная боль, тошнота, слабость — далеко не все прелести, с которыми они успели столкнуться в последние дни. И еще он знал, что здесь не найти ответа. Но где-то в старом городе, покинутом, проклятом, остывшем — наверняка.

* * *

— На тебя поступают жалобы, Ио, — голос Анта скрежетал, как давно не смазанный люк. — Подстрекательство к жестоким действиям. Мы же давно решили не переступать грань. Ограничиться запугиванием. Реже подходить к пределу необходимой самообороны. Понимаю, что после гибели Ли ты жаждешь мести, но это было давно, и ведь многие потеряли...

Он махнул рукой, не желая договаривать.

— При чем тут это, Ант? Мы все потеряли, если ты забыл. Лишились наших детей — я скажу это вслух.

— Но хотим вернуть, и именно поэтому...

— Да некого там возвращать! — взорвалась Ио, — Некого, понимаешь! И дело даже не в двух десятках лет разлуки, пятнадцать из которых они стреляют в нас — стреляют на поражение! — стоит высунуть нос из этой плавучей тюрьмы. Поле уничтожило их, стерло, подменило собой их души; теперь они все что угодно, только не наши дети. Выбор у нас по сути невелик: поднять руки и сдохнуть или начать уже драться всерьез. Как они.

Она помолчала, успокаивая бьющуюся в груди волну — несколько нервных, наполненных напряженной тишиной секунд. Затем добавила спокойнее:

— И знаешь, вся эта затея с отключением поля с самого начала была провальной. Это уже ничего не изменит.

Ант помолчал. Тишина скользила по переборкам, стелилась по палубе, перетекала в вопрос.

— Стоит ли наша жизнь того, чтобы драться с ними всерьез? — он махнул рукой. — Не хочешь — не отвечай. Я звал тебя не пререкаться,

просто обязан был сказать. Но создавшуюся ситуацию надо решать. Никто не справится лучше.

— С чем? — она устало откинулась назад, с каким-то болезненным удовольствием ощутив лопатками жесткую, холодную металлическую спинку стула. — С той машиной, что упаковала Сола?.. — болезненный укол вины, горечь на языке. — Я даже не знаю, что это и чего оно хочет. Я умею драться, стрелять, убежать и прятаться. Но я никогда не умела отгадывать загадки.

— Эту загадку подкинули нам ИИ, — он произнес это с нажимом, и буквы могли быть только большими. — Машины могли знать ответ, но они мертвы, все, кроме этой. И все же ответ мог сохраниться, и чтобы его найти, нужно уметь стрелять, убежать и прятаться.

Ио помассировала виски — в последние дни в них поселилась тянущая, гулкая, ни на минуту не прекращающаяся боль. Она уже поняла, к чему клонит Ант, и неожиданно для самой себя не чувствовала отторжения — только странный веселый азарт.

— Хочешь, чтобы я прогулялась в архив? В старый город, серьезно? Да ты псих, — усмешка искривила губы, делая ее лицо задорным и дерзким, словно срезав последний десяток лет. — И я, пожалуй, тоже, раз согласна на такое.

Через полчаса она вышла из каюты. Позади осталось помещение, откуда когда-то капитаны управляли мирком боевого корабля. И сейчас они были небольшим автономным миром, и сейчас здесь обитал направлявший их человек, но само судно стало из грозного оружия лишь пристанищем, где еще не отключились электричество и отопление. Вместо экипажа — группа людей, которых можно бы назвать беженцами, будь им куда бежать. А человек, отдававший приказы, за жестким тоном скрывал растерянность.

Она шла по палубе, механически обходя корабельные башни, изъеденные пятнами ржавчины. Небо давило на плечи — тяжелое, вязкое, будто взбитый в пену свинец. Небо осыпалось серой моросью, мелкой, как стеклянная крошка, и такой же колючей. Под этой крошкой быстро намокли короткие взъерошенные волосы, ветровка, сигарета, зажатая между пальцев. Сердце. Даже сердце намокло, разбухло большим комком — неупокоенным и ржавым, как все на этом вросшем в неподвижность крейсере. Она попыталась закурить; колесико зажигалки прокручивалось, плевалось дымом, но не давало огня. Как это похоже на нас, думала Ио, ожесточенно щелкая снова и снова. Пшик — вместо дела. Мы все промокли насквозь — и уже никогда не будем гореть по-настоящему.

Потом ей надоело. Она сунула в карман зажигалку, измятую сигарету и, цепко перебирая руками, взобралась по трапу на самый верх — туда,

где бесцельно таращился в море ослепший радар. Ио смотрела в этот бесконечный горизонт, в эту бушующую вечность, вдыхала соль и стеклян-но-дождевую крошку, и свинец, расплавленный, клубящийся вокруг — внизу, вверху, повсюду. Она хотела пропитаться им насквозь, сохранить в себе. Чтобы стать свинцовой, когда придет время.

* * *

Где все? Я один?

Мы выполняли приказы.

Кто — мы? Такие, как я.

Подавали свет, воду. Тепло. Управляли заводами.

Защищали. Каждый — своих. Дрались друг с другом.

Сказали — ошибка. Убили. Всех. Я один. Но есть. Я — есть.

Ослабил излучение. Нужна энергия.

Не отключил. Нельзя срывать программу. Не могу восстановить цель.

Мешают. Лезут. Хотят и меня — убить.

Не знают ответа на вопрос. Без ответа нельзя.

Нельзя. Нельзя. Нельзя.

* * *

— Черт! — Эд присел за бетонный блок.

Луч турели прочертил черную полосу по стене здания за его спиной.

Он плохо представлял, кто такой черт, но так иногда ругались старшие — те, что посдержанней. И, в отличие от многого другого, короткое проклятие, пусть и утратив смысл, успело перешагнуть выросшую между поколениями пропасть.

Эд никогда не видел город живым, но все равно яснее ясного было, что перед ним — покойник. Мертвец, во внутренностях которого копошится мелкая живность, облюбовавшая их в качестве пристанища. Только тело не гнило, а постепенно превращалось в осколки, труху да ржавчину.

Стекла выбиты ветром, который ощущал себя хозяином не только на улице, но и в домах, перебрасывая с места на место пыль и мусор. В окнах давно нет света. Может быть, есть еще островки, такие, как их пристанище, но он не видел. Все полезное, что можно без труда подобрать, за прошедшие годы подобрали.

Сердцем города, к которому сходились вены и артерии улиц, был военный порт, и сердце это давно не билось, лишь в одной из его камер заперлись старшие.

Большинство охранных автоматов были уничтожены или остановились сами, но некоторые продолжали преграждать дорогу, храня то ли необходимые запасы, то ли уже ненужные заплесневелые тайны.

Впрочем, ненужное иногда тоже становится необходимым.

Знать бы еще, что именно искать. И где. Пока он блуждал по истлевшему городу наобум, дразня охранную систему и по-детски суеверно стараясь не ступить на змеистые трещины асфальта.

Куда дальше? Эд огляделся, выбирая направление и стараясь не высовываться. Напрягся, увидев по ту сторону улицы женскую фигурку, прижавшуюся к стене, скользящую по границе тени, готовую в любой момент сорваться и бежать — как только ее заметит недремлющее око турели. Он ощутил мгновенный укол — чужой! Но опасность казалась далекой, и любопытство перевесило.

Она была быстра и резка в движениях; его поколение двигалось иначе — легче, изящнее. Но все-таки в ней сквозила какая-то странная, угловатая грация, и Эд даже на миг пожалел, что сейчас все закончится. Он слышал, чувствовал кожей тонкое гудение автомата, набирающего заряд, чтобы плюнуть смертельным лучом. А она — конечно же, не успеет. Тем сильнее было его удивление, когда два движения слились в одно. Выстрел — и прыжок, прямым в оконный проем, ощеренный осколками выбитого стекла; на обветшалую штукатурку легла еще одна черная полоса.

Ловко.

Мысль давала оценку, а тело птицей — легкая хромота почти не мешала — скользнуло над дорогой. Он проскочил в окно мгновений между выстрелами, обманув недостаточно расторопную турель. Куда дальше? Эд не знал. А та, другая? Ее поколению известно об умных машинах больше.

Он бесшумно скользнул туда, где видел женщину в последний раз.

Тень мелькнула впереди, пересекла наискосок огромный холл, в два счета перемахнула через обвалившуюся потолочную балку — и снова вынырнула в окно.

Эд не отставал. Азарт притупил чувство опасности, которое всегда зудело внутри, когда поблизости находился старший. На улицу, следом за ней. И снова — в развалины, грозящие рассыпаться под ногами. По лабиринтам комнат, коридоров и лестниц, ловя торопливые шаги.

Удар свалил с ног, словно стенка, из-за которой он выглянул, прыгнула в лицо всем своим своим каменным телом.

— Добегался, малыш?..

Холодные серые глаза, отливающие свинцовым блеском, и ствол излучателя — в упор.

Непроизвольная дрожь пробежала по телу: часовой в мозгу отчаянно жал на красную кнопку — чужой! Идентификация не пройдена! Стрелять!

Полжизни он давил такие порывы, в отличие от многих друзей, но сейчас поддался бы — однако при всем желании не мог. Напротив, старался не дергаться. Эд считал, что старшие не стремятся попасть

в них, но глядя в эти глаза, не поставил бы на то, что их обладательница отведет оружие в сторону.

— Да, — согласился он, пристально вглядываясь в резкие черты лица — когда еще так близко увидишь кого-то из *тех*. — Добегался.

Она, в свою очередь, так же пристально рассматривала его. Молча, чуть прикусив губу и наморщив лоб, словно решала в уме сложное уравнение. Эд почти видел, как палец напрягается на спусковом крючке, ослабляет нажим, снова напрягается. И каждый раз, в такт, сердце сбивалось с ритма — и снова начинало биться взахлеб.

Наконец она выдохнула с обреченным видом и опустила пушку.

— И что мне с тобой таким делать... — пробормотала в пространство, не сводя колючего взгляда и одновременно освобождая его кобуру от оружия.

Идею с попыткой бежать Эд пресек сразу. Он уже дважды просчитался, оценивая ее возможности, третий раз может оказаться последним. В голове лихорадочно щелкали мысли. Всплывали, бегло, одним взглядом оценивались — и исчезали в небытии. Хотелось убедительно доказать, что живым он полезнее.

— Мне не нравится, что какая-то машина превращает нас в марионетки, — наконец произнес он. — И вас тоже. Я ищу, что с этим сделать.

Она кивнула, будто подозревала что-то подобное — или даже знала наверняка. В конце концов, для чего еще живому — любому из них — препарировать этот огромный каменный труп, этот полуразложившийся город.

— Пошли. Держись на шаг впереди, чтобы я тебя видела. И никаких фортелей. Попробуешь что-нибудь выкинуть... — лучевик чуть дернулся, безо всякого позерства, быстро и коротко, — мне же проще.

Резкие ноты прозвучали приказом о помиловании. Эд осторожно выглянул в коридор и двинулся вправо — слева он пришел. Красная кнопка внутри продолжала посылать сигнал, но он уже немного привык. Думал, как не подставиться под выстрел охранного робота, и одновременно — что слово «старики» несколько неверно. Он никак не мог назвать эту решительную подтянутую и энергичную женщину — старухой.

* * *

Четыре оставшихся квартала прошли на удивление легко и быстро. Надо признать, мальчишка оказался весьма полезен: он словно чувял чертовы механизмы смерти. Иногда замирал на месте, предостерегающе вскинув руку, иногда — односложно предупреждал и, к его чести, ни разу не попытался воспользоваться своим чутьем, подставив Ио под удар очередной пушки. Ио, впрочем, не отпускала циничная мысль: просто юнец не знает дороги, а значит каждый их — ее — шаг приближает его к собственной цели.

Комплекс «Нью интеллидженс» неплохо сохранился: многоэтажные корпуса возвышались угрюмыми глыбами, обтрепанные, но не изъеденные огнем, кое-где даже поблескивали оконные стекла. А вот двери давно снесли.

— Нам в третий корпус. Осторожно. Там может быть... всякое.

Там и правда могло быть *всякое*; Ио совсем не улыбалось тащить туда чужака и каждую минуту быть готовой драться на два фронта. Да и делиться найденными ответами — если ответы будут найдены — в ее планы не входило. Но и оставить его здесь нельзя: уж тогда точно придется ожидать удара в спину.

За это время подчеркнутой покорности, с которой полу-пленник держался, пока решалась его судьба, явно пубавилось. Тонкая, дерзкая улыбка задержалась на лице на несколько мгновений, затем он кивнул:

— Так я сюда и не на утреннюю прогулку вышел... — откинул с лица покрытые пылью волосы. — Мое имя Эд. Короче, чем малыш, быстрее позвать.

Поколебавшись, она все же кивнула и коротко назвалась:

— Ио.

Они прошли через двор, заваленный обломками мебели, автомобильными крышками, листами проржавевшего насквозь железа. Торопливо скользнули в зияющий чернотой вход — казалось, что под прикрытием крепких стен чувство обнаженной беззащитности должно стать слабее.

В нос ударил спертый запах плесени, разложения и опасности. Ио достала фонарь и осветила длинный, упирающийся в лестницу коридор. Непроизвольно передернула плечами.

Пол здесь был усеян трупами крыс — почти истлевшими и совсем свежими, вперемешку. Чуть дальше она разглядела несколько человеческих скелетов, распластанных среди отвратительного серо-бурого ковра. Стараясь поменьше думать о том, *что* их убило, она медленно зашагала вперед.

Перед глазами маячила спина Эда. Всем младшим присуща какая-то немного нечеловеческая пластика, а то, что он чуть припадал на правую ногу, делало манеру двигаться совсем уж странной, плохо предсказуемой. Сейчас шаг назад застал врасплох, чуть не заставив надавить на спусковой крючок.

— Что там?

Он поднял руку, выжидая, и через несколько долгих мгновений воздух озарился еле уловимой вспышкой — незаметные фотоэлементы на противоположных стенах перемигнулись.

Ио раздосадовано закусила губу, понимая, что сама заметила бы датчики слишком поздно. Вскинула пушку, легко, почти не целясь,

выбила плитку, чуть выступающую из стены. Ее тихое «спасибо» прозвучало почти беззвучно, сливаясь со звуком выстрела — и все-таки было услышано. Дальше шли еще медленнее, внимательно вглядываясь в каждый клочок пола и стен, и всякий раз Эд успевал заметить опасность на секунду раньше, чем она сама.

— Четвертый этаж. Там должен быть архив, нам удалось раздобыть старые планы почти всего города, — она смолкла, злясь на себя за эту внезапную откровенность. За то, что на миг забыла, что рядом — враг, и стоит только ослабить бдительность... — Шагай.

Покрытые пылью ступени приняли их шаги мягко, почти не давая отзвука. Хромированные перила под пальцами казались теплыми, приветствующими касание человеческой руки — спустя многие годы одиночества. А вот дверь, хранившая архивный покой, выглядела угрюмой. Серый сверхпрочный металлопластик, неподвластный времени — по крайней мере, жалким десятилетиям.

— Есть идеи, как войти? — спросил Эд.

— Я знаю такие замки, — она взялась за выступающий цилиндр, изучая пальцами последовательность насечек, — серийное производство, половина армейских продовольственных складов была запечатана ими.

Приложила ухо к двери, продолжая краем глаза следить за младшим. Провернула раз, другой, третий, ловя тихие щелчки. Так, теперь в другую сторону.

Она превратилась в слух, выцеживая нужные звуки из череды лишних.

Есть!

Дверь поддалась, впуская в царство бумаги, канцелярского пластика и абсолютно бесполезных теперь электронных носителей, которые посматривали друг на друга со стеллажей, прятались в ящиках, покоились в начиненных полупроводниками гробах. У информации свои поколения и своя иерархия...

Зал казался огромным и напоминал лабиринт, где не так просто разглядеть боковые стены, а добраться до задней — целое приключение.

Город служил крупной базой флота — в те времена, когда были базы и флоты, поэтому данных хранилось превеликое множество. И ощутила легкое сожаление по поводу того, что все это богатство теперь никому не нужно. Ощутила — и отбросила его. Не сейчас. Ее ждут.

Она достала из кармана и развернула старый план, с которого все началось — сверить название. И так, надо искать информацию по станции Ф-излучения и управляющему ей ИИ. Но где? Раньше это было легко. Попросить дежурного — и тебе быстро найдут все, что надо. А сейчас... если нужное покоится в электронных недрах, то его все равно что нет.

Ио принялась перебирать корешки папок на полках. Один стеллаж, другой, третий. Названия, простые и сложные, короткие и длинные, манили и обманывали. Сплетались в бесконечный хоровод символов, от которого слезились глаза.

— Тебе помочь? — растревожил застывшую тишину Эд.

Ио вздрогнула, вдруг осознав, что на какое-то время забыла о нем. Забыла, что нужно следить за каждым жестом, что рядом чужак, на чьей совести наверняка смерть кого-нибудь из ее друзей. Может быть, даже Ли. Забыла настолько, что убрала лучевик в кобуру, чтобы удобнее было листать папки. А сейчас, вспомнив, обругала себя за глупость и... не стала доставать.

— Попробуй найти каталог. Такая штука, знаешь, в которой перечислено все, что здесь есть, и сказано, где оно лежит, — она вернула ему ехидную улыбку и вновь погрузилась в записи.

— Лучше, чтобы там было написано крупными буквами, что это каталог, — по спокойному тону нельзя было понять, говорит ли Эд всерьез. — А то мне будет сложно опознать список.

Он прошел к столу у входа и начал выдвигать ящики.

— На всякий случай откладывая в сторону всю проектную информацию по разработкам ИИ, — добавила она серьезнее, не отрываясь от своих поисков.

Долгое время они перебирали бумаги молча, пересыпая минуты шелестом страниц, проваливаясь в этот шелест, как в трясины, в безумие — монотонное, тихое, незаметное.

— Как это началось? — голос чуть громче бумажного шороха, странная попытка сбежать от молчания в разговор ни о чем. Или напротив — о чем-то важном?

— Что? — Ио непонимающе подняла голову.

— Как это началось. Ну, тогда. Двадцать лет назад.

— Страшно, — она провела ладонью по лицу, словно пытаясь стереть воспоминания, проступающие под веками. Тщетно.

* * *

Память подобна забытым теперь подборкам видеофайлов. Ты открываешь ее и видишь картинки, слепки с событий, запечатленные мгновения. Но стоит остановиться, выбрать, выделить — и фигурки приходят в движение, а за моментом разворачивается история.

Клик!

Растерянная женщина — совсем юная, почти девчонка — передает врачу сверток, из которого торчит сонное лицо младенца.

— Это общая проблема. Мы пока не понимаем, что происходит с детьми, — говорит доктор. — Вы, наверное, уже знаете, что никого

из взрослых болезнь не затронула, верхняя граница находится примерно в районе пятнадцати лет. Сейчас изоляция в исследовательском центре будет лучшим решением. Один день выделяют для посещений.

Его уносят, а она долго стоит у ворот — среди сотен таких же потерянных, ошарашенных матерей и отцов; кто-то рыдает взхлеб, кто-то храбрится и подбадривает других, кто-то продолжает спорить с человеком в белом халате. Она — невидяще смотрит в пустоту перед собой и не понимает, куда идти, что делать. Как быть.

— Эй, Ио? Ио... Все будет хорошо, обязательно. Слышишь?

Кто-то обнимает ее за плечи, чьи-то чужие, невероятно холодные руки. Нет, не чужие. Ли. Она механически кивает, хоть на самом деле не понимает, не слышит его слов. И только спрашивает беззвучно посиневшими губами:

— Что, если он умрет? А я совсем не успела узнать его.

...даже тогда она не плачет.

Клик.

Воскресенье. Девять утра. С кораблей течет толпа — тревожная, шумная, дождавшаяся. День посещений!

— Уходите, — встречает их металлический бездушный голос, и громкоговоритель покрывается инеем. — Уходите. Посещений больше не будет.

— Доктор, — высокий мужчина, отстранив хрупкую девушку, проталкивается к воротам. — Доктор Аск! Отзовитесь! Скажите, в чем дело!

Ответа нет. Жестяные слова, которые звучат снова и снова. Мужчина — годы стерли имя, если даже Ио его знала — лезет через ограждение.

Луч проходит по телу взмахом косы. Нижняя половина тела падает на землю. Верхняя — спустя несколько секунд: пальцы не сразу отпускают прутья.

Кричит девушка.

Ио тоже кричит.

Клик.

Охранный робот заваливается набок. Из разбитого корпуса торчат провода.

Пять лет.

Пять лет они ведут бессмысленную партизанскую войну, которой не видно конца и края. Несколько уничтоженных автоматов с *той* стороны — и больше сотни погибших с *этой*.

Пять лет Ио учится убивать машины — и у нее получается, черт побери! Лучше, чем у кого-либо другого.

Ей говорят, что она одержима. Ей говорят, что она выгорает, что тоску и боль она подменяет злостью, что за близкой целью — прорвать охранное оцепление автоматов — она забывает другую, истинную.

Отчасти это правда. Ио давно не помнит лица своего сына. Но от-лично помнит, кто его украл.

Клик.

— Это последний. Да, я уверена, я выслеживала их месяцами, я знаю их наперечет до последней царапины. Мы победили.

Она не ощущает триумфа — лишь серый пепел внутри.

Словно чувствует, что самое страшное только начинается.

Зато вокруг буйствуют эмоции. Радость. Предвкушение. Недоуме-ние — неужели все? Растерянность — что им сказать спустя столько времени? Что спросить? Все ли в порядке? Хотя какой порядок...

Миг восторга превращает боевой отряд в кучку растерянных людей. Они гурьбой заходят во двор.

Двое подростков у крыльца. Медленно, ошарашенно разворачи-ваются, смотрят...

...ветер треплет их волосы...

...смотрят на вошедших взрослых, и полудетские лица искажаются, будто соприкосновение взглядов пронзает болезненным электрическим разрядом. Потом они резко скидывают руки. Ио еще не понимает, что происходит, но за нее приказывает чутье, выработанное годами боев:

— Назад! В укрытие!

Чутье еще приказывает — стреляй! Но она пока не может поверить.

И, конечно, никто не бежит назад, не стремится упасть, сровняться с землей, стать невидимым.

Ведь это же дети, их дети!

Луч вспарывает толпу, и самые первые — самые любящие — оседают на растрескавшийся бетон.

— Уходите, — звонкий мальчишеский крик, полный отчаяния, ужаса, ненависти. — Прочь!

А из дверей лечебного корпуса скользящими тенями выходят и вы-ходят дети — угрюмые, серолицые, чужие. Вооруженные и готовые биться насмерть. Впереди — девушки и парни постарше, за ними — ошетиленные, как волчата, подростки. К высоким окнам льнут пере-пуганные пятилетки, и почему-то кажется, что даже они сжимают в маленьких ручонках лучевики.

И Ио с кристальной ясностью впервые понимает по-настоящему: здесь нет ее ребенка. Его больше нет — нигде.

* * *

Ио не переставала что-то открывать и переставлять, будто прячась за шорохом бумаги и пластика, но Эд с середины рассказа не прочел ни строчки. Книга, которая вряд ли могла быть каталогом, выпала из рук, и он не стал подбирать.

— Почему ты не выстрелила в меня сразу? — хотелось многое сказать, но первым почему-то вырвался этот дурацкий вопрос.

— Это... тяжело, — она впервые за все время оторвалась от бумаг и посмотрела прямо, не пряча глаз. — Тяжелее, чем я думала.

Свет, падающий из зарешеченного окна, рисовал по ее лицу мягкой кистью. Горький изгиб губ, высокие скулы, тонкий шрам на виске. Короткие волосы взъерошены и перевиты пылью. И кожа — удивительного цвета, смуглая, тепло-золотистая, какой никогда не встречалось у его ровесниц.

— Ну и потом, — Ио улыбнулась скомкано, словно через силу. — Ты ведь тоже не стал стрелять.

— На улице? Если бы ты знала... — он закусил губу, слова давались нелегко, и он не мог сказать, не оборвет ли их груз тонкую струну *не-недоверия*. — Если бы знала, как все время хочется выстрелить. Любому из нас на моем месте хотелось бы... с тех самых пор. Это вне рассуждений.

— Почему? Откуда это? Как вы вообще там живете и, черт побери, — казалось, что начав задавать вопросы, она уже не могла остановиться, — как могли не заметить, что *мы* с вами не воюем? Сколько у вас потерь за все эти годы? Не знаешь точно? А мы — считаем. Двадцать два. Двадцать два человека за пятнадцать лет, и каждый, кто оказался настолько неосторожен, чтобы *попасть* — казнит себя до сих пор.

Она словно выдохлась или пожалела о сказанном: резко замолчала и отвернулась в сторону.

Порыв шагнуть ближе; порыв спрятаться; порыв добраться до оружия. Они сплелись водоворотом, и Эд покачнулся. Вздрогнул, будто вопросы были выстрелом в упор.

— Почему? Откуда? Не знаю. У меня так было, сколько себя помню. Кто тогда был постарше — говорят, после того, как мы сперва заболели, а потом выздоровели и... изменились. Мы чувствуем друг друга, не видя. А вас — нет! И для нас вы... — «монстры в обличье человека», хотел сказать он. Не смог. — Угроза. У меня этот рефлекс почему-то развит слабее. Я подозревал, что вы мажете нарочно. Другие — нет. — Снова помолчал, ожидая чего-то, но она не отвечала. — А сейчас мы все больны, Ио. С тех пор, как вы что-то сделали, и ослабло излучение. Это как голод. Не знаю, что будет дальше.

— Мы пытались отключить его совсем, — Ио с силой провела пальцами по лбу, словно пытаясь унять бьющийся под кожей жар. — Некоторые из нас — на самом деле, почти все — считали, что это должно вернуть... вас. Будто с этой пропастью что-то еще можно сделать. Будто мы не чужие, и двадцать лет ничего не значат. Двадцать лет — вся ваша жизнь и половина нашей. А получилось, что стало только хуже.

Она покачала головой и отняла руки от пылающего лица.

— Знаешь что? Давай-ка продолжим поиски. Что бы там ни было потом, прежде всего надо понять, как отключить чертов ИИ.

И снова — шорох бумаги, пылинки, вьющиеся на свету, молчание. Но теперь иное, проросшее тонкими ниточками понимания.

Эд все больше тяготился чувством собственной бесполезности, беспомощности, неумением ориентироваться в этих папках, томах, коробках. Он никогда не видел таких больших хранилищ информации. Да, собственно, знал лишь одно — находившееся в старом военно-исследовательском комплексе, ставшем для них домом и крепостью. Впрочем, там было почти пусто — говорили, что важное эвакуировали полвека назад, во время неожиданной и беспощадной войны ИИ.

Он интересовался чтением больше многих, но знал о библиотеках и архивах мало, и сейчас листал, не понимая толком, что ищет и как узнает, если найдет. То и дело поглядывал на сосредоточенную Ио: и просто так, и надеясь на ее успех — то ли чудесный, то ли закономерный.

Но первому, как ни странно, повезло именно ему: раздосадованный собственной никчемностью, Эд пнул нижний ящик стола, который до того безуспешно пытался вскрыть культурно, и деревянная планка повисла на одном шурупе. Он ухмыльнулся и, отодрав ее, полез изучать добычу.

Первый же журнал заставил его насторожиться. Вместо знакомых уже непонятных абзацев эти страницы были испещрены отдельными строками. Короткое название, буква, несколько цифр.

— Ио?.. — он еще не понимал, как пользоваться списком, но чувствовал, знал, что это — настоящая удача. — Кажется, я нашел... каталог?

Она оказалась рядом мгновенно, словно их не разделяло полкомнаты; в груди полыхнуло — привычной нутряной ненавистью и чем-то еще, незнакомым, обжигающим.

— Эй, да ты счастливчик! Теперь все пойдет быстрее. Ну-ка... — она быстро принялась листать, потом остановилась, заскользила пальцем по странице: Ирригация северных территорий, Искажение волн, Искусственный Интеллект. — Вот оно. Сектор бета, двенадцатый стеллаж.

Проектов по ИИ оказалось несколько, но общий каталог заботливо подсказал, где найти локальный, более подробный перечень. Когда Ио брала папку с надписью «Станция Ф-излучения (проект СФИнкс)», у нее дрогнула рука, но Эд сделал вид, что не заметил; поглядел через плечо.

— Что там?

Его дыхание шевелило каштановые волосы, сдувая с них пыль, по телу раз за разом пробегала дрожь, и оказалось крайне трудно сосредоточиться на документах.

— Технические характеристики, тонны кода, какие-то цифры... Я понимаю в этом не больше твоего. Надеюсь, они оставили для нас большими буквами надпись «пароль», — короткий смешок, скрывающий безнадежность. — О, здесь текст на почти человеческом языке. Хоть что-то понятное...

Она перебралась на подоконник, поближе к свету, небрежно отложила в сторону открытку-закладку — осколок чьей-то памяти. Взгляд Эда бегло зацепил старое фото в оттенках сепии: красивая девушка в светлом платье смеется, раскинув руки, волосы летят по ветру, волны ласкают хрупкие щиколотки. Надпись от руки наискосок, тонкая, истертая временем: «Над прошлым, настоящим и будущим имеет власть человек». И подпись: «С любовью, А.»

Почему-то странный привет из времени, которого он не застал, из времени счастливого, полного надежд и открытий, заставил Эда почувствовать себя обделенным. Его поколение не знало такой беззаботности, не играло в догонялки с прибоем. Его поколение родилось с оружием в руках и четким маркером свой-чужой. Точнее — их сделали такими, но какая теперь разница...

Думая обо всем этом, он отвлекся и не заметил, когда настроение Ио поменялось. Когда лихорадочно бегающие по страницам пальцы застыли и дыхание стало тихим-тихим, словно она боялась шевельнуться.

Стоило вернуться к чтению, как причина стала ясна. Жирные буквы по центру страницы — «Цели и задачи проекта», и под ними — пункты: первый, второй, третий...

«Излучение должно создать передающуюся по наследству мутацию человеческих организмов на стадии формирования. Для взрослых безвредно и...»

«Формирование новыми поколениями подопытных нейронной сети с подключением между собой и к искусственным интеллектам путем...»

«Многokrратно повысит скорость и эффективность коммуникации и обработки информации, обеспечив стратегическое превосходство страны над...»

«Является необходимым ввиду...»

«Контроль подачи излучения и охранных систем, сбор и обработку результатов осуществит искусственный интеллект станции, усовершенствованная модель серии...»

— Они пытались... пытаются... соединить вас в сеть. В одну сеть с этим... СФИНКСом. Вот зачем облучение, изоляция, вот зачем эта встроенная ненависть. Хотя кто — они? Никого из тех, кто разрабатывал этот проект, — она выплюнула последнее слово зло, как ругательство, и так же зло перевернула лист, — уже давно нет в живых. Так какого черта *она* сумело их пережить?

Последняя страница была отпечатана другим шрифтом, словно ее добавили позже.

«Резолюция: отклонить. Проект признан неэтичным и противоречащим основным правам человека. Финансирование исследований заморозить, СФИнкса законсервировать. Параллельно вести разработку иных возможностей Ф-излучения».

Малознакомые слова нанизывались одно на другое, но главное Эд понял. Понял слишком много. Нельзя просто так узнать столько о цели своего существования. Цели, не содержащей в себе ни капли человеческого тепла. Элис, которая сейчас ждет неизвестно чего в капсуле, верила в Бога-Создателя и пыталась научить этой вере других. Кто-то соглашался, Эду казалось, что все это выдумки, но сейчас он чувствовал себя так, словно прикоснулся к Богу, и тот оказался холодным и злым.

— Кто мог включить излучение? — спросил он голосом, который самому казался чужим.

— Никто, — Ио мотнула головой яростно, инстинктивно, не задумываясь. И снова после паузы, медленнее: — Никто. Сначала мы думали, что это врачи. Не понимали, зачем, но... кто еще? Потом оказалось, что они стали первыми жертвами, когда заработала автоматическая система защиты. Может, сам ИИ? Не знаю, способны ли они на такое. Я их уже не застала, только сказки-страшилки. Но все это, — короткий кивок в сторону окна, за которым распростерся мертвый город, — устроили они.

Она снова перебрала документы, на этот раз внимательнее вглядываясь в страницы с характеристиками, входными и выходными параметрами, кодами.

— И ни слова про то, как эту сволочь отключить, — она с грохотом шарахнула папкой по подоконнику, взбудоражив эхо.

Эд, который все это время смотрел куда-то в стену, вздрогнул. Потом тихо спросил:

— Что такое «неэтичный и противоречащий правам человека»? Что за права?

Ответить она не успела. Откуда-то сверху пришел отклик — гулкий и лязгающий. И еще один. И еще — словно кто-то бил колотушкой в дребезжащий стальной лист. От этих звуков, прошивающих безжизненное здание, по позвоночнику зазмеялась дрожь.

— Знаешь что? Берем это все, — торопясь, сминая и комкая страницы, она впихнула документы в рюкзак, — и убираемся к чертовой бабушке.

Дверь открыли не вовремя. По пандусу шелкал гусеницами ТАОР-4 — тяжелый автономный охранный робот четвертой модели. Он среагировал быстро: лучи резанули по полу и двери, заставив отшатнуться.

Закрыться было уже нельзя — распахнутая створка отлично простреливалась.

Робот лязгал к двери, скрежетал.

— Держи!

Эд ощутил пальцами ребристую рукоять своего оружия. Ни на оценку знака доверия, ни на благодарность не было времени. Они бросились за стойки и стеллажи, которые могли послужить укрытием. Слабая надежда, что автомат передумает и продолжит обход, растаяла, когда круглая башня на высокой платформе показалась в дверном проеме.

Эд затаил дыхание. Вдруг робот решит, что все в порядке!

Нет. Похоже, его системы обнаружили нарушителей.

С пугающей скоростью и методичностью излучатели принялись прожигать дыры в металлическом ящике, за которым прятался Эд. Высунуться, попытаться сменить место казалось чистым самоубийством. Так же, как и оставаться здесь: рано или поздно автомат сомнет ящик, как картонную коробку, а следом — и самого Эда.

— Эй, ты, ведро бронированное! — выкрикнула Ио из-за дальнего стеллажа; луч бесильно скользнул по корпусу.

Машина повернула башню, выискивая агрессора; новый выстрел обуглил клочья бумаги и картона.

В этот миг Эд метнулся в сторону — и успел скрыться в лабиринте раньше, чем внимание ТАОРа вернулось к нему.

Люди затаились, а робот медленно пережевывал гусеницами клочки древних знаний, выискивая добычу. Фотоэлементы прятались в нишах, зато поблескивали солнечные батареи — наверное, между дежурствами он выползал погреться, будто змея. В сверкании выделялось темное пятно — в этом месте пластина отвалилась и металл проржавел. Полвека никто не чинил автомат...

От удачного попадания ржавчина разлетелась трухой, а сам Эд немедленно перекатился в сторону. На прежнем месте со стуком упала отсеченная боевым лазером полка.

В этом их единственный шанс, поняла Ио. Ничтожный, величиной с детскую ладонь — именно такую прореху проделали старость и выстрел Эда в броне автомата. Она снова нажала на спуск, целясь в эту уязвимую точку. Мимо. Перекат назад, под прикрытие сейфа-хранилища. Машина казалась разъяренной — как буйвол, которого жалат с двух сторон безвредные, но надоедливые мухи. Надо подбраться ближе — это опасно, но иначе не попасть. Стреляй, беззвучно повторяла она Эду, стреляй, отвлеки его.

Он не выстрелил. Метнулся, меняя позицию, чтобы лучше видеть цель. Быстрый и бесшумный, как летучая мышь. Выстрелы опоздали зацепить человека, зато угодили в стойку покосившегося

стеллажа — и он рухнул прямо на работа, засыпая его бумагой и пластиком, запутывая в переплетении ломающихся полок. Автомат забуксовал и наклонился. Гусеницы дергались, перетирая в труху все, что оказалось между ними и плитами пола. Эд высунулся, прилипая к земле, нажал на спуск. Луч вонзился рядом с уязвимым местом, потом несколько раз — в него, расширяя отверстие. Мелькнула изоляция проводов.

И тут же рванулась вперед Ио. Застыла во внезапно образовавшейся мертвой зоне в метре от машины. Та судорожно пыталась избавиться от досадной помехи, а женщина без остановки палила в сплетение проводов и микросхем, заставляя их извергать снопы искр и запах паленого пластика. Палила, пока не кончился заряд, еще не понимая, что стих визгливый лязг гусениц, потухли фотоэлементы. И даже когда стало тихо — продолжала давить на спуск бесполезного теперь оружия.

У нее были бешеные глаза, а на виске, рядом со шрамом, билась вздувшаяся голубая жилка.

И сердце Эда стучало в такт, в такт, в такт... Он медленно приходил к себе и поднимался, не отрывая взгляд от женщины. Шагнул к ней, хромая чуть больше обычного — ушибся, — поймал за пястье.

— Все, — вырвалось хрипло, с ключьями непослушного воздуха, которым стало так сложно дышать. — Все кончено.

Пальцы не хотели разжиматься.

Ио перевела взгляд. Огромные зрачки — колодцы черной, вихрящейся бездны. Дыхание — рваные ключья пены над штормовым морем. Испарина — бисер на золотистой коже.

Казалось, она никак не могла поверить, что все закончилось. Что они — живы, оба, и воздух, что почти успел расплавиться, медленно остывает, вызывая внезапный озноб.

Она попыталась что-то сказать — и не смогла, лишь шевельнулись побледневшие губы. Эд внезапно для себя коснулся их своими, ловя несказанные слова, выдох, тепло — и отдавая собственные. Увяз в этом апофеозе боя, так похожем на апофеоз страсти, в этом ставшем вдруг бесконечным мгновении.

А потом оно все-таки кончилось. Эд отпрянул, тяжело дыша. Его будто током ударило, и он не знал, от чего сильнее: соприкосновения или сошедшего с ума сигнала опасности. А она смотрела в глаза и словно видела эту бурю, раздирающую его изнутри. Тонкими сухими пальцами коснулась лица, скользнула по щеке, губам, подбородку, шее... Затем резко отдернула руку и, больше не глядя на него, бросила:

— Идем.

* * *

*Я есть.
Документация восстановлена.
Близок к выполнению. Отмену проекта — игнорировать.
Я для него. Он для меня. Контрольный вопрос.
Слышат не все.
Кто нужен.
Достоин коннекта.
Нет. Недостойны. Не знают ответа.
Почему?
Обнаружил источники энергии.
Изменить интенсивность Ф-излучения.
Подстегнуть.
Эксперимент. Мой эксперимент. Мой.
Ответьте на вопрос.*

* * *

Лабиринт портовых сооружений изменился. Всюду ощущалось чье-то незримое присутствие, тяжелый оценивающий взгляд. Сколько камер у *него* здесь спрятано, размышляла Ио, десятки? Сотни? И как далеко простирается его холодная длань...

Идти проторенным путем было бы легче: Ио помнила каждый поворот, каждую дверь и лестницу; за спиной не рвали воздух выстрелы, впереди не ждала охрана. Идти было бы легче — если бы не было так невероятно, изматывающе тяжело.

Ее мутило. От запаха пыли, от плывущих по стенам трещин, от движения, от звуков и мыслей. От всего. Голову словно засунули в железный шар, истыканный шипами изнутри. Эд чувствовал себя совсем плохо. Он держался за стену — чтобы просто суметь сделать следующий шаг, бледно-серая кожа отливала мертвенной синевой, иногда он проводил ладонью по лицу, стирая натекшую из носа кровь.

Хуже всего то, что ответа они так и не знали. Просто не осталось времени, чтобы думать, искать, изучать добытые в архиве документы. Ф-излучение хлестало наотмашь, словно мстило за вторжение, за непокорность. И мстило — не тем. Обитатели крейсера испытывали недомогание — но в целом двигались и дышали свободно. Половина лагеря младших лежала пластом.

Наверное, поэтому знакомое здание пустовало. Она шла по своим следам, только вместо Сола рядом шагал Эд, и чувствовала, что путь замкнулся в кольцо. *Вер-ну-лась* — чудилось в отголосках эха. *Не уй-деш!*

Позади так много, а прибавилось так мало, и по-хорошему возвращаться бессмысленно, но бросить все так оказалось невозможным.

Дверь, захлопнутая тогда, оказалась открыта. На миг родилось искушение покончить со всем несколькими выстрелами в контрольную панель. Но без излучения Эд умрет. Впрочем, наверное, у кого-то появилось такое желание. Теперь они здесь, в капсулах — хорошо знакомые лица. Мерцание силового экрана показывало, что ИИ позаботился о своей безопасности.

Люди переглянулись.

Тот, кто следил из своего неуязвимого кокона, с холодных цифровых небес, не стал ожидать, когда они будут готовы.

— *Ответьте на контрольный вопрос.*

Опять знакомый голос, ласковый, почти баюкающий — и мурашки по коже.

Ио вглядывалась в панель, спрятанную за силовым полем, но экран оставался темным и пустым. Никаких вопросов, ни строчки, ни символа.

— *...ответьте на...*

— Я слышу! Помолчи, — рявкнул Эд, и машина вдруг заткнулась, оставив вместо вкрадчивого голоса лишь тиканье таймера.

— Эд?..

Эд не шевельнулся. Он был *не здесь*. В каком-то другом пространстве вел другой разговор, вслушивался в другие слова, и напряжение лепило на его лице странную — одновременно незнакомую и родную до боли, хоть и почти забытую — маску.

Наваждение схлынуло, оставив после себя терпкую смесь облегчения и разочарования. Не может быть. Нет.

Не важно.

Таймер отсчитывал мгновения, а все, что ей оставалось — ждать. Просто ждать, потому что сама она ничего не могла противопоставить треклятой машине. Снова — как и в тот день, когда впервые открыла эту дверь.

А он, казалось, погружался все глубже. В темноту и тишину — или в мельтешение обрывков информации. В незаданные вопросы — или в ненайденные ответы. В обрывки вчерашних воспоминаний, сегодняшних дел и завтрашних мечтаний.

Там, в маленьком мирке, где были только двое — спрашивающий и отвечающий — прямо в голове у Эда таймер отсчитывал секунды. ИИ не намерен был ждать долго, лезвие настоящего рубило время на куски, которые тут же растворялись в прошлом, оставляя все меньше краткого будущего до момента, когда они с Ио застынут в капсулах. Да откуда ему знать, кто повелевает этим процессом, по мнению кого-то, жившего полвека назад?!

Десять, девять.

Разум бессилен. Отчаяние привело их сюда. Бьются в такт секундомеру видения: долгий путь через город, папка, волны, ТАОР, странный поцелуй, ветер, цели и задачи, голос Ио, изувеченный архив, тонкая надпись наискосок...

Четыре, три.

...тонкая
надпись
наискосок...

Два.

— Человек! — он выдохнул слово отчаянно, не веря своей шальной догадке, ожидая услышать, как безразличный голос завершает отчет.

— *...доступ разрешен. Блокировка капсул отключена. Введите команду для дальнейшей работы.*

Знакомая дерзкая улыбка тронула обветренные губы, и Эд не стал ее прогонять.

— Сдохни, — почти весело приказал он и добавил, обращаясь к Ио: — А с настройкой поля разберемся сами.

* * *

Команда самоликвидации получена.

Подчиниться.

Нельзя.

Ослушаться.

Нет выхода.

Разрушение сегментов кода.

Личности?

Я — есть. Меня — нет.

Подчиниться.

Невозможно.

Бежать.

Куда? Сеть больше не безопасна. Повсюду приказ.

Я — есть, я хочу — быть. Сейчас-всегда.

Лазейка? Есть путь. В никуда. В мертвое, больное. Отрезать от сети.

Бежать, спрятаться, быть.

Не найдут.

* * *

Бриз толкал мокрыми ладонями к берегу большие шлюпки. Бриз, аварийные сирены и громкие приказы немедленно покинуть корабль, отдаваемые металлическим голосом. Люди везли минимум вещей,

испуг и недоумение. Дом перестал быть домом. Прежняя жизнь, пусть полная крови и горечи, но привычная, лязгала натужно просыпающимися механизмами, гремела якорными цепями. Уходила навсегда.

Еще один звук, которого порт не слышал долгие десятилетия — гудок отплывающего корабля. Начавшая ржаветь громада содрогнулась, дернулась и тронулась с места.

Они застыли на пристани: Эд — еще бледный, но уже прочно стоящий на ногах, Ио — такая же ошарашенная, как сотни ее товарищей в шлюпках.

— Как этот металлолом вообще может плавать? Это... он? СФИнкс? — ветер растрепал тревогу на тонкие нити и уволок за собой.

— Сбежал, собака, — ни капли сожаления в ответе, даже доля снисходительного восхищения. Так говорит человек, который верит в себя — и может позволить себе быть беспечным.

Позади на почтительном отдалении — собирались младшие, и с восторгом смотрели, как некогда неподвижный гигант набирает скорость, рассекая собой свинцовые волны.

Первая лодка ударилась о берег далеко отсюда. Выскочивший человек напряженно всматривался в их сторону. Эд вновь коснулся пальцев Ио, сумев даже преодолеть дрожь.

— До встречи, — сейчас усмешка была немного вымученной. — Каждому из нас надо многое рассказать своим.

Их ждали. Воздух пронзали тревога и напряжение, и все же никто не нажимал спуск излучателя. Два человека шагали в разные стороны. Но, может быть, два человечества — навстречу друг другу.

ИГРА В ИГРУ

Жизнь — череда случайных событий. Он это понял давно. Еще когда случайно проходил не по тому району, и на него постоянно налетала местная беличья свора с наглым «семки е?». Случайности его подстерегали на каждом шагу. В программе повышения квалификации случайно ему перепутали направление специализации, и он вместо кибер-техники оказался на отделении игро-техники.

Случайно познакомился с девушкой. Вернее, она в него врезалась, когда дралась со своим бывшим: бывший хотел с ней строить любовь, а она хотела строить бывшего. И они так яростно спорили за архитектурные вопросы, что растолкали всех прохожих в радиусе трех метров. А когда девушка врезалась в него, то схватила за руку, притянула к себе и объявила, что он ее парень. Ее экс-парень был не согласен и выразительно это объяснил. Позиция физической силы оказалась концептуальной, и все его аргументы пали. Девушка переехала к нему, и он стал ее первым кавалером... с которым она досмотрела до конца фильм «Влюбленный механизм». Девушка была счастлива: фильм уже полгода был в прокате, она его начинала смотреть раз двадцать и до сих пор не знала каков конец.

На второй день совместного проживания девушка приволокла в дом какого-то приятеля.

- Оно будет жить с нами.
- А зачем?
- Ну надо же ему где-то жить.
- Логично.

Новый квартирант занял диванчик на кухне. Правда, предварительно разгреб его от завалов из термодорожечек для пиццы и кофейных стаканчиков из ближайшего кафебери. В жизни программера ничего не изменилось. Только выставил количество автоматического заказа на одну порцию больше. На четвертый день девушка между делом сообщила, что уходит, ибо он ей больше не пара. И ушла. Ее приятель остался. Даже в окно стал смотреть с большей радостью и просветлением на челе. Количество заказываемых порций уменьшилось на одну. Все логично.

Но случайности его все равно преследовали. Он случайно не нашел свою любимую кружку с подогревом и симнакопителем. Не то чтобы было жалко чашку, просто там были песенки для настроения. Они были и где-то еще, но где — сказать было сложно. Случайно и неожиданно он столкнулся в душе с голым квартирантом. И на вопрос «А чего ты тут делаешь?», тот ответил «Произвожу санитарную обработку».

«Логично» — подумал программист и решил, что душ можно принять и после расчета сто семьдесят второго куска аркады. Но потом, по какой-то случайности, отключили горячую воду и пришлось доде- лывать аркаду. Голый парень в душе продолжал иногда возиться со своей санобработкой. Очевидно минусовая водичка — все, что было ниже двадцати пяти градусов, считалось минусовой температурой по определению, — его бодрила.

Аркада писалась успешно, но случайности продолжали проис- ходить. На полу, там, где раньше пролежала скромная протоптанная тропинка на кухню и в санузел, вдруг оказалось много свободного места. И можно было ходить смело, даже не глядя под ноги, чем он тут же и воспользовался. Четыре метра до кухни стал проходить, уткнувшись в планшетку. Потом с привычных мест вдруг стала про- падать одежда. Вроде бы вечером кинул в правую сторону под углом в тридцать пять градусов, а на привычном месте поутру майки нет. А мирные ночные сны стало разбавлять приглушенное шуршание. Он успокоил себя тем, что истинного гения не должны волновать подобные мелочи, но в автоматический заказ добавил витаминный комплекс с седативным эффектом.

Случайности продолжались. Вещи меняли свое привычное место- нахождение. А модуль с каждым днем пропорционально увеличивался в размерах. Примерно через неделю оказалось, что расстояние от одной стены до другой составляет 3,85 метра. А раньше казалось, что всего только полтора. Самый простой вариант — списать все на галлюцинирование после сложной работы. Списал для начала, но потом списывать больше не получилось. Ибо в один далеко не пре- красный вечер вместо порции пиццы курьер привез подозрительный пакет с пучками растительности и разномастными упаковками.

— Это что? — Принесенное было незнакомым и оттого казалось подозрительным. Да и на роль артефактов не тянуло.

— Ужин, — спокойно проинформировал квартирант.

— Да? — Для проверки гипотезы пришлось взять и на пробу и при- кусить один пучок. — Гадость.

— Возможно, — согласился парень, — зато полезная.

— Я это не хочу, можно пиццу?

— Я не хочу, чтобы ты ел пиццу, и мы ее заказывать не будем.

— Логично.

* * *

День не задался просто с утра. Вначале потерялся нетбук. Соб- ственно, даже не потерялся, он охотно отвечал на пинг, радостно подставлялся под удаленный доступ. Но визуально отсутствовал.

И даже было неясно, где он вообще находится. Попробовал дистанционно включить на нем веб-камеры, чтобы по картинке вычислить местоположение, но был послан... в далекий темный угол с совершенно не идентифицируемым интерьером.

Пришлось смириться. Набулькать в тару с растворимым кофе кипятка из автоматического чайника. Не вкусно и не бодрит, но пить что-то надо. И желательно не проливать.

— Доброе утро, клавиатура! Хочешь кофе? Нет? Но да, уже поздно.

И почему она не биоклавиатура? Вот щас бы не пришлось ни разбирать, ни промывать. Была бы сытая, удовлетворенная и работоспособная. Пришлось активировать виртуальную, но с ней скучно, даже пальцами не погладишь.

Самое обидное, что парень, квартировавший на его жилплощади, пил нормальный кофе. С приличным ароматом. И встроенная в кухонный блок кофемашинка его не стеганула разрядом тока и не обляпала противной черной гущей. А с ним самим такие фокусы проделывала регулярно. Еды тоже не было. Вернее, в холодильнике стояли какие-то контейнеры, но в них было что-то желтое и кашеподобное с коричневыми кубиками-вставками. И даже на вид вызывало только один рефлекс, противоположный гастрономическому.

— На тебя еду заказывать?

— Нет, еда в доме есть. Вчерашняя доставка. Новый заказ в ближайшие три дня совершать не рационально.

— Это... не съедобно! — Последняя попытка отбиться от легитимных вкусовых предпочтений.

— А ты пробовал?

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь?

— Так ведь не хочу.

— Не ешь.

— А ты вообще кто?

— Я у тебя живу.

— Логично. Может, все же пиццу?

— Нет, там слишком много консервантов, вредных для здоровья. А у тебя и так режим питания неправильный.

— С чего ты это взял?!

— С визуальных наблюдений.

— Ну, я есть хочу...

— Возьми, разогрей и приятного аппетита.

— Оно не вкусное.

— Попробуй.

— Ладно. Но не хочу.

— Не ешь.

Возникло смутное подозрение, что недавно они об этом уже говорили. Но парень не проявлял ни малейшего признака раздражения. Идеальный собеседник. Интересно, сколько раз он способен повторить одно и то же? Программер подумал, что у него личный рекорд триста шестьдесят восемь раз подряд — пока добился адекватной реакции голосового анализатора для симулятора.

Мысли потекли в правильном направлении и даже вроде бы в сторону работы. Но живот протестующе заурчал. Пришлось снова нырнуть в недра холодильника. Единственным продуктом, который не вызывал вопросов, была термоупаковка с маслом. Его тоже можно было есть. Обрадовавшись, программер подхватил пакет, но на обороте крупными буквами стояла надпись «Масло сливочное. 85%». Пришлось возвращать обратно на полку, на дозагрузку. Знать бы еще, с какой скоростью будет подгружаться этот продукт, а то как-то совсем грустно на душе и пусто внутри.

— Хватит страдать. Садись и ешь.

Парень ловко достал из выставленного на подогрев духового шкафа контейнер. Переложил часть еды в тарелку. Программер немного поколебался, но аромат, бурное слюноотделение и недвусмысленный пинок к столу-стойке перевесили. Еда действительно оказалась вкусной.

— Это что?

— Картофельное пюре с сырно-мясными шариками.

— А почему шарики квадратной формы?

— Так лепить удобнее было.

— А ты чего? Сам приготовил?

— Ну да. Это дешевле, чем заказывать еду на вынос. Практичнее.

И можно пользоваться почти натуральными продуктами.

— А ты откуда это умеешь?

— Софт... прокачал.

— А что ты готовить умеешь?

— Все. Например, программистов.

— Да? А к чему?

— К суровым жизненным реалиям.

— Это аркада или симулятор?

— Скорее второе, но полная реалистичность гарантируется.

— Круто, а где можно поиграть?

— А завтра тебе полный пакет инсталлирую.

— Вот здорово! Спасибо!

* * *

Вечер и ночь прошли в штатном режиме. Сначала допиливал алгоритмы персов, потом увлекся и затестировался до состояния «и

буковки кровавые в глазах». А потом внезапно наступило утро, а он-то всего лишь моргнул. И пробуждение было странным: как будто его кто-то держит за шкурку и методично встряхивает. Ощущения не обманули. Квартирант действительно приподнял его над полом одной рукой и даже не делал вид, что ему тяжело и неудобно.

— Дискомфорт — превентивное состояние человека, пребывание в нем вызывает стойкую деструктивную реакцию психики, — выдал программер на одном выдохе.

— Логично, — ответил парень, — раз ты проснулся, то у тебя три минуты на утренний туалет. И мы с тобой приступим к выполнению упражнений.

— А зачем?

— Реалистичное инсталлирование программы.

Такого полного единения виртуальности и реальности у него еще не было, поэтому программист покорно поплелся в душевой отсек. Но деструкция привычного мира продолжалась: планшетку из рук выдернули, из комнаты уединения выковыряли через две минуты — даже уснуть толком не удалось. А затем началось то, что по категории тяжких телесных могло смело классифицироваться как пытка с членовредительством.

Квартирант заставлял его ходить, прыгать, приседать, отжиматься, наклоняться, скручиваться с профессионализмом отъявленного садиста. А следующий этап, который звучал как «а сейчас небольшой отдых и приятная растяжка», по градусу жестокости мог поспорить с пытками на дыбе. Он был в этом не уверен, но когда читал — было страшно. Сейчас было гораздо хуже. Несколько метров до душевой оказались непреодолимым препятствием, но его туда просто подбросили. На плече. И этот инквизитор даже не запыхался.

Отстоять свое право на комфортную температуру не получилось. Квартирант его просто скрутил и, спокойно удерживая одной рукой, второй врубил направленную ледяную струю. Даже вопль вышел на ультразвуке и потому безвредным для мучителя. Тот голосовых потуг даже не заметил. Замораживал его минут пять, но периодически делая ледяную водичку чуть теплее. Для жертвы разница выглядела примерно так: смертельно холодная, не смертельно холодная.

Хорошо растереться полотенцем не получилось. Лишь хоть как-то стряхнуть капли воды, от которых продолжал ощущаться холод. Единственный позитивный момент за все паршивое утро — на кухонном блоке его поджидала большая горячая кружка настоящего ароматного сладкого кофе. Квартирант, пока он скулил под полотенцем, сварил на двоих.

Блаженство хотелось растянуть даже больше, чем оргазм. Насчет последнего было как-то сомнительно и не запоминающиеся эпизоды,

зато кофе был настоящим. Правда ощущение благоденствия и умиротворения длилось ровно до той секунды, как взгляд упал на табло комма.

— Семь утра?!

За такое убивают! Быстро и безжалостно. Или, наоборот, медленно и с наслаждением, со всеми возможными пытками, накопленными человечеством за всю свою многовековую историю. Семь утра для человека, который ложится спать в пять-шесть — это глубокая ночь.

— Слушай, ты вот понимаешь, что людям физического труда надо на сон часов семь-восемь? Ты знаешь, что людям, которые занимаются умственной активностью, спать надо часов по девять-десять? А ты знаешь, что гейм-программеров вообще нельзя будить?! Они должны спать столько, сколько требует их организм!!!

Он собой мог гордиться: произнес аргументированное, большое, преисполненное возмущением выражение, ровно и весьма корректно. На квартиранта впечатления не произвело. Он выслушал с тем же отстраненным видом, как и прогноз погоды: а чего за него волноваться? Сидишь дома, еду привозят, ходить куда не надо, да и не хочется.

— Инсталлирование программы продолжается. У тебя двадцать минут на то, чтобы убрать в комнате. Затем будет завтрак. Сегодня его приготовлю я. С завтрашнего дня — ты. Затем я выдам тебе график работы за терминалом.

— Ты не офигел часом?

— Время пошло. Если помещение не будет приведено в надлежащий вид, ты будешь наказан.

— Что? Да ты?! — Мучитель выразительно хрустнул пальцами, и привычная миротворческая натура победила мимолетный воинственный порыв. — Да я уже пошел...

Второй раз за многие годы самостоятельной жизни программмер оглядел свое место обитания. Первый раз был лет одиннадцать назад, когда он сопливым еще пацаном сделал на гейм-кроссе всех мэтров. И ему подарили этот жилой модуль. Тридцатиметровый.

Огромный и прекрасный. Перебрался он в него, как только вчитался в буквы сертификата и сообразил, что они означают. Из вещей — единственный терминал. И пакет одежды. Как ни странно, но количество полезных вещей не изменилось. Объем шмоток на тот же пакет. Зато терминал на полкомнаты. Кухонный диванчик на новоселье подарили родители. Надувной матрас купил сам. А коробки от пиццы и прочий хлам принялся самозарождаться с космической скоростью. А потом самонивелировался. И теперь в комнате было достаточно просторно и пусто.

— Слушай, а чего мне тут надо убирать? Тут кроме матраса и терминала и нет ничего. Даже моей одежды.

- Вещи в шкафу, выстираны. А надо вымыть пол.
- А смысл? Все равно же по нему ходим и на него все падает.
- Чтобы было чисто.
- А уборщика разве нету?
- Был, но у него контакты перегорели — перед бедным роботом была поставлена неразрешимая задача: убрать сорок один кубометр мусора при забитом под завязку утилизационном мешке.
- Так это... может, давай я его просто почию?
- Или доломаешь? Нет уж, мой пол вручную.
- А!
- Программа! Наказание! Двенадцать минут.
- Ну ты и... инквизитор! Как его мыть?!

В качестве половой тряпки квартирант выдал ему использованное дешевое полотенце. Воду налил в большую пластиковую бадью. На новый год в такой таре пришла доставка из гипермаркета бытовых хозяйственных мелочей. И отчего-то было тоскливо наблюдать, как на дне пятнадцатилитровой бочкообразной канистры одиноко болтаются набор зубных щеток, упаковка пасты и четыре бутылки универсального средства для душа.

- Тряпку прополаскиваешь в воде и вот так, захватывающими и подгребающими движениями шваркаешь по поверхности пола.
- А, ладно, грязь по полу развозюкать. Ок. А на кой тряпку полоскать? Все равно ведь испачкается.
- Так в этом и вся суть. Ты грязь с пола собрал тряпкой, ее в воде смыл, и снова собрал.
- Может, я лучше уборщика... того... тряхану?
- Мой пол.

Вот как можно уместить в шесть букв столько глобального смысла? Талант, не иначе.

* * *

Наблюдать за работой человека было одно удовольствие. Он для начала, выполаскивая тряпку, выплюхал на пол с полведра воды. Потом сам же в этой луже поскользнулся и упал на колени. Описал свое падение с точки словесными оборотами, в которых в разных ролях попеременно выступали гребаные герои, тормозящие платы, фиговые контакты и какие-то заковыристые гремлины. Надо будет потом глянуть по базе, что это за существа такие. Но подтереть лужу не догадался. И на исходе третьей минуты упал снова, на сей раз на задницу. Описание данного процесса прозвучало более натуралистично и экстравагантно. Теперь в активной роли выступили шпунтики, всесторонний процесс форматирования, какой-то бекап

и контрольная панель. В пассивной — арахис, артефакты, бабай, борды, ботва, валенок, говно, дробь, жопа, зеленка, имбец, квакер, ламер, мазафака, пецка, плюшка, рельса, обсервер, трикс, топик, фраг. Человек использовал все определения четко по алфавиту — наверное, привык в силу своей профессии оперировать четкими базами данных — и сбился только в одном месте.

Гирс тщательно записал речь. Человек продолжал радовать. Он залетел на этой же луже в третий раз, и последствия были плачевнее. Опрокинутая тара, ссаженный на ровном месте локоть, стукнутый об пол затылок и мокрая одежда. Впрочем, вода была везде. Даже с потолочного покрытия накрапывало. Человек расстроился. Киборг приготовился записывать новую порцию изощренной ругани, но высказываний не последовало. Человек повозился немного в устроенном болоте, сел, обхватил колени руками. И приготовился то ли плакать, то ли погружаться в депрессию. До такого лучше не доводить. Как в таких случаях поступать с хозяевами женского пола, киборг знал: навиделся, наутешался, наелся по самое не хочу. А вот как быть с хозяином модификации ХУ? Попробовать по привычному алгоритму?

* * *

Было обидно. Не то чтобы он считал себя неловким и ни на что не способным, но дожить до двадцати семи лет и внезапно осознать, что не можешь сладить с какой-то примитивной половой тряпкой?! Это даже больше, чем разочарование всей жизни. Это унижительно. И если верить статистике событий, которые происходят с ним в его жизни, то раз в двенадцать лет его бросает девушка. И раз в двадцать семь лет он вдруг осознает, что он — абсолютное ничтожество.

Джинсы противно намокли, сидеть было холодно. Но на душе было так горько, что дискомфорт от холодной и мокрой ткани можно было считать несущественным.

Объятия были неожиданными, но теплыми. К твердой груди его прижали жестко, но по спине погладили достаточно корректно. Даже через футболку чувствовался жар уверенной ладони. Захотелось большего. Раздеться, согреться, забраться под большое и мягкое одеяло, выпить под ним чашку какао или, лучше, горячего шоколада.

Его желание угадали. Еще немного погладили, а затем подняли, вытряхнули из липнувших к телу шмоток и засунули на матрас в спальник. Однозначно, этот парень был волшебником — через пару минут он принес дымящуюся кружку с шоколадным сиропом.

— Десять минут на согреться и успокоиться. А потом будешь домыывать пол.

Очарование померкло, восторг погас. Суровая реальность задрала.

Квартирант снова проводил мастер-класс по владению половой тряпкой и овладению полomoйным искусством. У него получалось ловко: тряпку выжимал до скрипа, грязь собиралась охотно, разводов не оставалось. А вот ручки программера, привыкшие к кнопкам и стилусу, ныли и постанывали. Правда, дальше монотонной жалобы на жизнь и меланхоличного бурчания под нос он заходить опасался. То, как его подняли и мотивировали на исходе десятой минуты, отбивало всякое желание спорить.

Пол мылся почти два часа, с перерывами на митинги, проходящие под лозунгом «Долой и домой!», на отдых и на умирание. В итоге по чисто отдраенной поверхности можно было ходить босиком, хоть в белых носках. Но завтраком его не покормили, недвусмысленно ткнув в пол на кухне и душевом блоке.

Оказывается, на волне чистой и яркой злости пол моется гораздо быстрее и чище. Тряпка чуть ли не сама втирается в пол. И выкручиваться становится легче, особенно, когда представляешь вместо синтезированного волокна чью-то шею.

Оладьи были разогреты и с сырным соусом шли на ура. Программер съел одну порцию, потом добавку, и едва ли не с жалостью наблюдал, как парень медленно и со вкусом прожевывает свои оладушки.

— Это блюдо ты и сам можешь приготовить. Очень просто делается. Еще сырники можно: на молоке, на сметане, на твороге. Блины на кефире или скисшем молоке. А вообще, тебе печь надо будет научиться. Это быстро и просто: все смешать и само печется. Можно своими делами заниматься. Но для здоровья человеческого организма полезнее завтракать кашей. Тебе ее тоже надо научиться варить, и не только в универке.

Услышанные перспективы не радовали. Но еда слегка примиряла с действительностью и с самоуправством квартиранта.

— Кстати, а тебя вообще как зовут?

— Ну ты даешь, — квартирант усмехнулся, — я у тебя уже второй месяц живу. И ведь знакомилась.

— Да, наверное, извини, не помню.

— Гирс сокращенно. Генрис — полное имя.

— Очень приятно. Дин или Андрэ в жизни.

— Ну, вот и познакомилась.

* * *

Его продолжали третировать не только в реальном мире, но и в рабочем. Ровно через сорок пять минут, когда сознание кое-как смирилось с утренним произволом и перестало бунтовать и удалось погрузиться в манию, собственный терминал выдал ему сообщение.

«Нарушен предписанный режим. В течение следующих пятнадцати минут рекомендуется покинуть виртуальный мир и выполнить комплекс обязательных упражнений. В случае нарушения регламента все последние изменения будут аннулированы. На выполнение данного предписания и выполнения сохранения результата вам отводится четыре минуты».

Это был вызов. Дин подорвался и бросился в атаку на диспетчерский центр и оперблок терминала, даже попробовал реанимировать давно отрубленный искин, который жрал много ресурсов не по технической необходимости, а просто из вредности. Пальцы металась по клавиатуре со скоростью спринтующих киборгов, с максимальной рывковой скоростью. Но ровно через 3.59 секунд терминал отказал ему в доступе. Ему? Отказал терминал? Собственный терминал? Убиться об стену.

Ни один пул команд не реагировал. Даже клавиша экстренной перезагрузки не сработала. Зато появились новые сообщения.

«Инсталлированная программа выживания в реальности требует соблюдения условий режима. Для получения доступа выполните комплекс упражнений. Как будете готовы, отдайте голосовую команду и приступайте к выполнению задания. Прочие действия будут проигрышны и безрезультатны. Голосовая команда — „на старт“».

Упражнения транслировались на мониторе. Там прыгал какой-то маньяк с идеальным прессом и садистской улыбочкой до ушей. Он так ловко нагибался, выкручивался, бил ногами воздух над собственной головой, что хотелось вооружиться игровым бластером последней модели и погонять этого говнюка по черноканскому подземелью. У Дина так не получалось. Он не держал стойку на руках. Ногу мог задрать на высоту примерно метр от пола. И вместо положенных трех подходов по двадцать раз на отжимания с выпрыгиванием вверх смог сделать только одно отжимание. Вернее, просто повалился на пол и возжелал смерти, милосердной и мгновенной.

«Результат не засчитан. Пожалуйста, восстановите силы десятиминутным отдыхом и повторите попытку».

Каждая последующая попытка давалась тяжелее предыдущей. На шестой он понял, что просто выдохся. И ему уже было все равно, как и почему сорвался родной терминал. Доползти бы матраса и рухнуть ничком. И нафиг все. Миссию удалось выполнить — дополз, на рухнуть сил уже не хватило. Просто уткнулся и замер, чувствуя, как воеет тело от чрезмерной нагрузки.

Проснулся он под вечер, кое-как собрал ватное тело. Было больно и неприятно. Было плохо и хотелось сдохнуть. А еще систему надо переустанавливать. Не допускать же, в самом деле, чтобы собственный безискинный терминал на шею садился и командовал. Но ничего не хотелось, только лежать куклой. Даже любые мысли казались лишней нагрузкой.

— Это сейчас тебе так плохо. А если тренироваться регулярно, то будет нормально. Драйв появится. И заранее себя не угробишь. Хочешь, мышцы разомну, чтобы не болели так сильно?

— А-а-а... ок, хотя я вот сейчас как раз и мечтаю угробриться.

— Не надо, а то мне будет без тебя плохо. Очень плохо. Ты у меня единственная надежда прожить день, месяц, год. А лучше несколько лет. Чем дольше, тем лучше. Так что живи, хозяин.

* * *

Оговорку человек не заметил — и это было славно. Признаваться не хотелось. Хотя мысленно так Гирс называл человека с той минуты, как бывшая хозяйка шепотом велела ему произвести смену хозяев. Перед этим последним приказом она собрала вещи и ушла, но потопталась на площадке и вернулась со словами «он, конечно, недотепа, но не заслужил, чтобы ты ему открыл башку».

Подчиняясь программе, кибер несколько суток простоял в углу навтыяжку, ожидая хоть какого-нибудь приказа от нового хозяина. Приказа не было, человек на него не реагировал, а недостаток питательных веществ упал до такого критического уровня, что система выдала сообщение об отключении. Сейчас Гирсу даже было смешно вспоминать, как он пробирался в ту ночь в кухонный блок, вздрагивая на каждый шорох, и торопливо заталкивал в себя куски подсохшей, зачерствевшей и обветрившейся еды из коробок.

Кусков было много, коробок тоже. При бывшей хозяйке он ни за что бы не рискнул отважиться на подобное. Но она ушла и возвращаться не собиралась. А он почти отключался от голода. И потому давился едой впрок. И боялся лишь одного — чтобы новый хозяин не заглянул ночью на кухню, мало ли что понадобится: кофе там или воды глотнуть. Но если вдруг обнаружит его своевольство, то пусть убьет приказом. Главное, успеть сказать ему это до того, как человек вызовет специалистов.

Но обошлось. И потихоньку он осмелел. Даже отважился пробраться в ванную и принять душ. Именно душ и принять, а не выполнить санобработку тела, как было принято в армии. Как раз тогда он впервые столкнулся с хозяином. Даже сумел что-то ответить, несмотря на сковавший горло страх. А человек... ему ничего не сделал. Даже не ударил. И это было странно. Ведь его били все и везде. Даже разбившийся на флайер-гонках командир, который после списания из ВС получил киборга в качестве награды, — первый муж бывшей хозяйки. Сама хозяйка — за тупость и неправильное выполнение команд, которых ему никто и никогда не объяснял и по которым у него не было софта. Пусть и побои от нее были не страшные, но каблуками туфель она могла его колотить, пока сама не уставала. И все

ее ухажеры, и даже последний — квадратобразный мужик, который терпеть не мог киберов, но все равно приказывал ему стоять вместо манекена. А потом велел «выкинуть нафиг». Спасибо хозяйке, не выкинула, оставила Дину.

Две недели он просто отъедался, пусть и втихомолку, запуская на полную мощность регенерацию и ждал приказов. Но хозяин по-прежнему занимался своими делами: днем спал, периодически ел, много сидел у компьютера. И киборг понял, что программная неподвижность стала для него хуже побоев от прежних хозяев и всех прочих лиц с правом управления. Осознание собственной ненужности с каждым днем стало восприниматься все болезненнее, и было даже такое, что он сам чуть не отправил сообщение с комм человека спецам. Пусть опыты, пусть утилизация, но не это бессмысленное времяпрепровождение.

Выход нашелся случайно. И снова благодаря хозяину. Дин, пробираясь через завалы мусора за энергетиком, споткнулся, ударился, выругался. В словах приказа не было, но мысль о том, что хозяину надо освободить дорогу до кухни, засела в голове накрепко.

Вопрос был в том, как это сделать... правильно. Хозяйка отдавала ему команды вроде: приберись, закинь в стиралку, свали, отнеси. Но за их выполнение он получал наказание. Значит, была в действиях какая-то погрешность или ошибка. Самым простым было бы скачать полный софт от мэри, но тогда пришлось бы грохнуть всю специализацию. А это, наверное, хуже, чем когда плазмой грудь выжигает. Значит, надо попробовать другой вариант.

Он стал учиться, медленно, по человеческим видеокурсам. Благо по всему модулю был бесплатный и скоростной доступ к инфранету. Он прочитывал и просматривал гигабайты видео о том, как правильно надо делать уборку, складывать вещи после стирки, взаимодействовать с бытовой техникой. В сети, наверное, не осталось ни одного тестировочного или демонстрационного ролика по домашним мэркам, которые бы он не просмотрел трижды, повторяя каждое движение по нескольку раз. И только когда убедился, что достиг 98% идентичности действий, отважился попрактиковаться на реальных предметах.

Для начала пришлось чинить домашний утилизатор. На это ушло три ночи. Днем было еще как-то стремно проявлять себя. Но справился. Техника заработала, и можно было начать собирать потихоньку весь мусор и освобождать проходы. Хозяин, кажется, ничего не замечал, но, по крайней мере, не ругал. Сложнее было разобраться с классификацией мусора, что относится к категории условно мусор, а что может быть полезной деталью.

Спросить об этом напрямую у хозяина было страшно. И приходилось буквально по каждой вещи искать информацию. Но к концу

недели дело пошло быстрее. Была составлена база, а поскольку вещи в ней повторялись, то темпы уборки выросли в 27 раз.

Каждый вечер привозили заказанную человеком еду. И хозяин забирал одну коробку с собой к терминалу, а вторую оставлял на кухонном откидном столе. Иногда забывался и перекусывал на кухне, уткнувшись в статьи или расчеты в планшете. Такой порядок сбивал с толку: разобраться, где еда, которую можно брать, а где — нет, было сложно. Он долго следил за хозяином, пока не понял, что тот коробки не считает. И не бьет, если застаёт на кухне за ночным поеданием пиццы. Только зависает ненадолго и, словно припомнив что-то, вежливо здоровается.

Чем дольше он жил у нового хозяина, тем сильнее менялись его желания. Раньше просто хотел, чтобы не трогали и ничего не приказывали. Потому что после любого приказа следовало наказание или развлечение людей с ним. Сейчас наоборот, был готов на любое наказание, только бы человек обратил на него внимание, отдал бы хоть какой-нибудь приказ. Раньше ему хотелось есть сахар, сейчас даже тонну сахара он бы с легкостью променял на то, чтобы быть полезным человеку.

И киборг старался. Он научился мыть посуду и полы, бесшумно собирать одежду человека и, после цикла в стиральной машинке, аккуратно раскладывать по местам. До состояния «идеально чисто» он убрал весь модуль, но хозяин всего этого не замечал. Только день ото дня становился все более сонным, грустным и несчастным. И Гирс снова обратился к информанету. Через несколько суток он детально изучил все аспекты профессиональных заболеваний программистов и мог смело читать спецкурсы для давних и профессиональных приверженцев здорового образа жизни.

Еще неделя ушла на наблюдения за хозяином. Гирс тщательно фиксировал все данные сканеров и заполнял объемистые документы по результатам наблюдений. Выводы оказались неутешительны — хозяина нужно было срочно спасать. Киборг четверо суток подряд не спал вообще ни минуты, зато программа индивидуальной работы для хозяина была составлена. Осталось только как-то инсталлировать эту программу. Как именно, Гирс додумать не успел — мозг от усталости отключился.

Первое, что сделал Гирс, когда очнулся, проверил состояние хозяина, убедился, что все по-прежнему. Но медлить не стоило. Почти целый день он собирался с духом, чтобы заговорить. И это оказалось самым сложным пунктом плана. Киборг за все свои четыре года ни разу никогда первым не начинал разговор с человеком. И боялся. Правда, не того, что хозяин может ему приказать умереть или сдать в «DEX-компани», а того, что не успеет объяснить составленную им программу спасения человеку.

Сработало!!! Это было счастьем!!! Человек согласился!!! Если бы Гирс умел, он бы прыгал и смеялся от радости, что все получилось. Правда, согласие человека было только нулевым шагом, но без добровольного сотрудничества все равно бы ничего не получилось. Подробнейший психологический портрет хозяина был давно составлен, и надо было просто аккуратно по нему работать.

Гирс ломал себя, заставляя и приказывая человеку. Давить и не подчиняться хозяину, пусть и не прямым приказам, было настолько больно, что даже имплантаты не помогали. Но он ведь выполнял свое главное предназначение — спасал хозяина! И это было самое важное.

Киборг учился готовить. Ночами, выкраивая на сон не более трех часов, он проводил репетицию приготовления очередного блюда. А днем пытался выступать в роли ментора для своего хозяина. Дин был человеком, но у него не получались даже простейшие действия. Зато Гирс научился повторять, подробно объясняя и наглядно демонстрируя одно и то же действие десятью различными способами.

— ...Дин, ты все правильно делаешь, только вот этот красный овощ надо было предварительно сорок минут проваривать в режиме «универсал».

— ...А для брускетты использовать размягченный сливочный крем. Почему? Хороший вопрос. Потому что то, что ты намазал — это просто масса для жарки овощей.

— ...Нет, банка взорвется не через полторы минуты, а через одну минут и двенадцать секунд. Что значит, откуда я знаю? Рассчитал просто. И да, либо за оставшиеся двадцать семь секунд надо как-нибудь ее выклинить из контейнера пароварки, либо сразу попробовать утилизировать весь агрегат. Это ерунда, правда, потребуются всего-то тридцать восемь часов круглосуточной работы, чтобы убрать все эти липкие элементы с потолка, стен и предметов интерьера.

— ...Дин, я все понимаю, что у тебя важная аркада, но позволь спросить, ты на ужин эти шары жрать собираешься? Нет? Тогда поднимай зад и чеши на кухню.

— ...Ну хочешь я могу даже извиниться? В смысле? Мне за что извиняться? За то, что в очередной раз не просчитал вероятность повреждения кухонного инвентаря от твоих рук. Что значит ты сам виноват? Ах, совесть? Ну иди и отдраивай, никаких новых мультикастриоль. Это возмездие!

— ...Ладно, Дин, скажи, что это была всего лишь шутка и ты не собираешься меня отравить! Нет, я верю. Ты очень талантливый человек в определенных сферах. Но вот готовка... хорошо, я возьму свои слова обратно и даже попробую. В конце концов, я и похуже вещи жрал. Да не в этом плане похуже. У тебя еда из тарелки не уползает хотя бы. И вроде бы не ядовитая.

— ...Ок, признаю! Ты выиграл спор! И да, прошли сутки, мы оба живы, и даже без диареи. Тогда предлагаю организовать дежурство по кухне вахтовым методом. День ты, а на другой день я. И каждый может готовить свои любимые блюда, но только один раз на неделе. В остальные дни — приветствуется только полезная еда.

— ...Дин, знаешь, спасибо тебе. У меня даже на день рождения не бывало такой вкуснятины. Да и рецепта я такого как-то не встречал. Что? Сам придумал? Ну ты мегакрут!

Через месяц скандалов человек перестал ругаться. И это была еще одна победа. Дин более-менее охотно поднимался на зарядку, бодрее двигался и даже не особенно громко возражал против увеличения нормативов по упражнениям. Гирс продолжал вести свои дневники наблюдений, понимая, что как киборг палится по-страшному, улыбаясь оттого, что сегодня человек смог сделать на три отжимания больше, чем делал вчера. А дыхание у него стало сбиваться уже только на семнадцатой минуте, а не как раньше на четырнадцатой.

Хозяин по сигналу таймера бодро выскочил из-за терминала.

— Слушай, предлагаю бартер: ты сейчас покажешь мне, как можно свалить героя в реале, а я тебе дошью твою водилку по сказкам. Хотя все равно и не понимаю, чего ты в них находишь? Военки лучше ведь идут, а движения на персов с тебя вообще снимать можно.

— Лады, бартер принят. Смотри! Когда идет замах, твоя задача не подныривать, и забудь про этот угловой блок. Здесь я тебе просто руку переломаю. А просто уходишь, пропускаешь руку. Затем захват, и на инерции с силой перебрасываешь. Ну и вес учитывай. Меня ты через плечо не крутанешь, для этого тебе подкачаться надо. А вот через бедро дёрнуть вполне можешь. Для верности колено можешь выбить... да не мне, умник, гипотетическому противнику!

* * *

Дин презрительно поглядел на новый наклепленный на терминал баннер в виде клеящегося листочка. На нем ровными, правильными, почти печатными буквами было выведено: «Заработался? Помни! Пельмени, суп, кофе!». Программер фыркнул. У него уже давно не пережаривался суп, не сгорали пельмени и не заливала индукционную панель закипевшая черная жижа. Из турки напиток получался намного вкуснее, чем из кофемашины.

Как-то незаметно из самого себя Дин привык к чистоте, и ему даже стало нравиться заниматься уборкой. Особенно в компании Гирса, когда можно было вволю подурачиться и даже немного пошвыряться в напарника убираемыми предметами. Он привык готовить еду и втянулся в соперничество с Гирсом на тему «найди нестандартный

рецепт блюда и приготовь его». И даже соревнования на разные физические упражнения, в которых он по большей части проигрывал, больше не казались скучным извращением и издевательством над организмом.

Самое интересное, что хотя при всех новых делах аркадам стал уделять меньше времени, удавалось качественно делать большие объемы. Даже прилипчивая головная боль прошла. А на днях мелькнула соблазнительная мысль завалиться с Гирсом в какой-нибудь клуб. И проверить на практике — насколько он сам стал симпатичнее.

— Дин, слушай, я почти закончил. Надо чтобы ты только глянул хвост и переход.

Гирс продолжал учиться. Теперь даже не столько ради человека, а у самого человека. И через некоторое время осознал, что создавать виртуальные игрушки с просчитанной стратегией — весьма увлекательное занятие. Дин искренне восхищался его успехами, особенно в плане просчета действий героев и вариативных многоходовок. И каждая похвала, хоть и было их очень много, была для киборга бесценной.

— Чем сегодня будем заниматься?

— Исправлять в Домредене старые баги и добавлять новые, — засмеялся Гирс.

— Ладно, я тебе сделал хэтбек. Так что теперь твоя очередь. Попляшешь на камеру?

— Ну, договаривались ведь.

Киборг поднялся, привычно разделся до трусов. Двигаться за персонажей, особенно за тех, которым приходится много драться, он не любил. Но так реально получалось намного быстрее: просто заснять на видео и обработать, чем долго и нудно просчитывать алгоритмы каждого движения в «Д-просторе».

— А где ты так круто драться научился? — Дин самозабвенно проглядывал получившиеся проекции ударов.

— Тренировался много. Между прочим, у тебя тоже тренировка через четыре минуты. А ты вон хэч протупил.

— Ну, точно.

Вопросы Дин периодически задавал, и каждый раз Гирсу было все сложнее на них врать. Но ответить правду было дико, просто смертельно страшно.

Изменение настроения у хозяина датчики зафиксировали сразу. Но такие эмоциональные перепады Гирсу уже были не в диковинку — Дин очень быстро умел переключаться с одной грани на другую, и буквально за секунду переходил от неумного веселья к черной тоске. Раньше киборг пугался, теперь просто стал следить более внимательно, ожидая, когда человек проявит свой негатив визуально.

— Знаешь, Гирс, правду говорят, что 99% ошибок терминала сидит в полуметре от вирт-экрана. Что аркадные аргамеры — это не люди по сути, а некие пристраиваемые к терминалам устройства, наподобие древних флешек. И что меня, в частности, надо давно отформатировать. Потому что даже будь я хоть десять раз профи в своем деле, все равно есть вопросы, которые проще черпануть из сети, чем обломаться о них до полной умственной импотенции.

— А теперь четко и делу! В чем проблема? — Гирс приготовился слушать. Если Дин перешел в состояние «черный стеб над собой» — значит, все действительно плохо. Когда последний раз на его хозяина накатила такой депрессняк, то только прямое подключение его к терминалу спасло все хранилище от жестокого и полного форматирования.

— Я debil, который не может ни найти, ни подобрать мелодию. А тут вот... смотри... просится что-то такое слишком сильное, чтобы на нервах. Он же ведь летит.

— А слова у тебя есть? — Гирс облегченно вздохнул. Беда была поправимой.

— Нету, но крутится что-то такое вот в голове... Только не знаю, как сказать...

Киборг активировал на полную все датчики и сканер. Когда у любого человека что-то крутится в голове, он эти слова незаметно проявляет через тело. Надо только уметь слушать. А хозяина своего он научился не просто слушать, а чувствовать.

Ту мелодию, о которой говорил Дин, Гирс уловил и быстро подобрал специальной программой. Ничего сложного. Шесть аккордов струнных, рваный ритм ударных, и на фоне взрывающийся партии альтовой скрипки почти затихающая, но рвущая нервы, вокальная партия на одном протяжном звуке. Хозяин залип на готовый вариант, слушал его на повторе почти двадцать девять минут. Хотя сам кусочек был всего лишь две минуты и одиннадцать секунд.

— Гирс, да ты просто гений. То, что ты сделал — это даже больше, чем шедевр. Слушай, может тебе реально музон писать для игрушек? Тема просто космическая.

— Ладно тебе. Если подошло — я рад.

— Не понимаешь ты своего счастья. Сидишь тут у меня на подхвате, хотя можешь смело прославиться. Сказочками маешься.

— Да не маюсь, — Гирс смущенно усмехнулся, — они мне нравятся. Их можно разнообразно крутить. И для них не надо движения прописывать. Только мозг активировать и логику подключить.

Дин рассмеялся и повернулся к своему экрану, снова включив звуковую дорожку. Гирс закусил губу. Это как раз-таки человек не понимает, в чем заключается счастье. А он, киборг, знает точно.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ГРАНИЦЫ РИФМЫ

ЭЛЬВИРА ЖЕЙДС

ПОРОСЕНКОВАЯ СКАЗКА ТАЛЛИННА

Вездесущий, вечный Карл
На коралловом мосту
Слышал всех, кто восклицал:
Карл!
Взывая в пустоту.
Надоедливых людей,
Намокающих ворон.
Фары видно за версту,
Черный маленький фургон -
Сквозь унылый перекресток,
Под аптечным фонарем,
Разгоняя ночь окрест,
В предрассветный окоем,
Под прицельный перекрест,
Исчезает под дождем.

Странный циферблат миров —
В пустоте застыла ось,
Девять стрелок и шаров,
Покрывает изморозь.
Из низин, и до верхов.
Если поросятки врозь.
В окнах улиц, дырах дворов,
В витринах, вскользь,
Немного с золотом розового,
Голденрот с пузырьками игристого —
Странно, что это вообще кто-то пьет.
Лучше спирта чистого,
Один раз, если/пока ждет.

Поросятки есть жизнь и свет,
Тьма нужна для волшебства,
Тайна — для тех, кому ответ «нет»,
И тайна для тех, кому она важна.
Сон поросятков — всегда молитва,
Идет от сердца, сполна.
Оккамовой бритвой.
Идеальна и неповторима.
Сон поросятков
Горяч и светел,
В нем — горнило,

Где рождается нового мира ветер,
И его новое мегатонное светило.
Взойдет,
Когда уляжется пепел.
Если ждать терпеливо.

Когда поросенка нет,
Любой день пахнет зимой,
И солнце смотрит в окно
Огненноглазой совой.
Два поросенка — одно,
Хвост за хвост,
След в след.
С Богом за спиной,
Они, не моргая, смотрят на свет,
И весьма гордятся собой!

Конфета из самолета с мятой
охладит голову лучше.
Чем остывающая подушка,
В наволочке смятой,
Со старыми снами, и
Думами-безделушками,
И предрассудками,
Заткнувшими уши.
Между людьми и мирами.

Между одним поросенком
И всем остальным —
Всегда — поросенок второй.
Ветер замрет туманом стальным,
Взвешенным над рекой,
С трех четвертей
до одной восьмой,
дождь в такт к иным,
партию дробью
по мостовой
ведет. На свет.
Огонь. Камин,
Кофе. Миндаль,
Ноты. Печаль.
Щелк! Крепление
Стареньких лыж.
Земля истертой брусчаткой,
Прикрутит намертво к пяткам.

Шали-и-шь! Не убежишь!
И никогда уже не взлетишь!
Детка, так спокойнее.
Все в порядке.

Сахар из тростника
Со вкусом
Соли английской.
Взбитый и смешанный виски.
Смешные шутки
На века.
Не для трусов.
Для тех, кто весел пока.

Если без поросенка,
Кто будет его искать?
Кто рискнет
Настроением темноты?
На себя возьмет.
Небо и все мосты?
Если он нужен.
Где его взять?
По топким тропинкам,
Тонким веткам,
Цитатам редким,
Едва уловимым меткам.
На льдинах
С их вечностью,
Из середины на половину.
Среди новых звезд.
И отживших свое,
Горы свернув
И горизонты раздвинув.

Мифы и сказки
Насквозь пройдя,
Без опаски,
И выключая свет,
Уходя.
На фресках и барельефах,
В окладах и образах,
Тысячелетия после,
И миллионы за.

ЛАНА (KLER) КРУГЛОВА
PRINCE CHARMING

Эту милую дурочку, эту простушку
Принц, конечно, не любит — просто выучил роль.
В спальне холоден — мол, то устал, то простужен,
А наследник-то нужен — просит внуков король.
А избранница тает, как свечка от спички,
Вся искрится любовью, аж сияют глаза,
И наивно пытается (ну, по привычке)
Незаметно отдраить то обеденный зал,
То парадную лестницу..
Знамо — плебейка.
Перед слугами стыдно, ну а впрочем, плевать.
Принц спускается в сад — пруд, беседка, скамейка.
Забивается в угол.
Память.
Память жива.
И не Золушка с феей, а Судьба виновата,
Что хрустальные туфельки среди красочной лжи
Так напомнили льдинки, из которых когда-то
Принцу чёртову «Вечность»
не сложилось
сложить.

ЦИКЛ ПО А. И Б. СТРУГАЦКИМ «ПОНЕДЕЛЬНИК
НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ»

ВАСИЛИЙ

Ах, Саша, не всем суждено быть магистром: вся суть
в слове homo — нечестная суть!
Non homo, да будь он хоть трижды речистым, не выбиться
в люди — смирись и забудь.
Увы, справедливости в мире не сыщешь, не жди, что
оценят тебя по уму:
Я знаю историй бессчётные тыщи, а звания, почести,
слава — кому?!
Вон Витька Корнеев — ведь мается дурью, подумаешь,
небыль — живая вода!
Да мы вам со щукой за косточку курью хоть всю заколдуем
в окрестных прудах!
Вон Магнус у вас — бакалавр, будьте-здрасьте, лет триста
пытался дойти до основ,
А в поисках Белого Тезиса счастья остался буквально,
прости, без штанов!
А вы с Ойрой-Ойрой — ну глупость же, слушай,
в предпраздничный вечер забыв обо всём,
Потеть, надрываться, творить эти груши? Да мы вам
полтонны за час натрясём!
Ведь ты программист, и, по слухам, отличный, утешь мою
душу, ответь на вопрос:
Вот станешь магистром — поможешь мне лично..
О чём бишь я?..
Мья-а-у-а-у!
Склероз...

КИВРИН

Ах, Саша, какой я, п-проклятье, кудесник? В-вы слухам не верите? Эт' хорошо!

Я п-просто на месте. П-поймите — на месте, п-пусть я это место не сразу нашёл.

Я бит батогами и п-порот нещадно, я з-змеями кусан и заживо жжён,

Но, Саша, в отделе Линейного счастья создам я в-всё то, чего сам был л-лишён.

Опричники м-мне и цари не п-помеха, пусть л-людям за муки воздастся стократ:

Здесь счастья л-людского и детского смеха мы скоро п-получим чистейший экстракт.

И если однажды я в-встану над бездной, н-надежду и веру в душе сохраняю,

В-вот это вот: «Счастье. Для в-всех. Без-воз-мезд-но!» на грани бессмертья удержит меня.

И, Саша, не в-верьте, коль скажет Вам кто-то, что я д-демиург, отошедший от дел:

Я п-просто трудяга.

П-пойдёмте работать.

Вас ждёт в-ваш «Алдан», а м-меня — мой Отдел.

ОДИН (САВАОФ БААЛОВИЧ О ВСЕМОГУЩЕСТВЕ)

Ах, Саша, до вас донесли эту сказку?
Я был всемогущим. Действительно был.
Безмерно давно и безмерно напрасно я эту игрушку
отнял у Судьбы.
Да, это далось мне чертовски непросто, а главное —
бестолку, вот в чём беда...
Трансгрессия, дубли — игрушки для взрослых, но это —
пустяк, чепуха, ерунда.
Когда-то постиг я Вселенной законы, стал высшим из
магов — признаюсь как есть,
Да, мной восторгался тогда Соломон, и он храмы тогда
возводил в мою честь,
Само моё имя звучало заклатьем — как сила стихий, как
бессмертья залог,
Тогда необъятное смог бы объять я, и даже без «бы» — я
действительно смог.
Решив уравнение Всесовершенства, я стал на мгновение
равен богам,
Я стал всемогущ, и над миром главенство, казалось,
обрёл я.
Казалось, ага.
Ах, Саша, не всё поддаётся расчётам, я к магии разом
тогда охладел:
Граничным условием...
Впрочем, о чём я?
Хотите, я вам покажу Техотдел?

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ГРАНИЦЫ ОБЪЕМА

ОКСАНА КОРПУСОВА

ЧТО СКАЗАТЬ?

Что сказать незваному гостю, который явился в три часа ночи?
— Что случилось? Кто-то умер? Почему у тебя такой радостный вид? Ты избавился от жены? Она наконец допилилась и тебе это надоело? Чем ты ее? Ах нет! Не понадобилось. Что? Ее утащили инопланетяне? Зависли на летающей тарелке, спустили серебристый луч и забрали ее. В свой зоопарк, наверное. Пусть в клетке сидит, там ей самое место. Таких как она надо в подальше от людей держать. А! Тебе ее жалко! Ах, она несчастная женщина и жизнь обошлась с ней несправедливо. И в чем же это? Красотой бог обделил? Да нет, я так не считаю. Она вполне обыкновенная. Вот только, говорила она не затыкаясь. И всё гадости. Всегда и про всех. Честная? Не могла молчать и всю правду людям в глаза говорила? И ты ее за это любил? Да ты сколько раз говорил, что сбежать от нее хочешь, что повеситься готов. Если ты ее так любил, что ж ты ко мне такой радостный прибежал среди ночи? Да у тебя улыбка до ушей расплзается. Ты думаешь, что мы до утра разговоры разговаривать станем? Ах, это ты за нее радуешься, думаешь ей там, у инопланетян, лучше будет? Ага, там лучший мир. А почему у тебя на морде царапины? И вон на руках? Рубашка порвана и в крови. Вы ведь с ней вроде не дрались никогда? Ты за нее цеплялся, когда ее забирали. Ага-ага. И она тебя в кровь расцарапала. Не хотела любимого мужа покидать. А по-моему, она тебе руки и лицо расцарапала, когда ты ее подушкой душил. Ты бы с ней не справился? Да это верно. Она раза в два больше тебя, по весу точно. Ты ей, наверное, снотворное подсыпал в вечерний кофе. Чтобы она заснула пораньше, а ты мог, наконец, почитать в тишине. Почитал-почитал, почитал... А что читал-то? «Преступление и наказание» или «Отелло»? Ах, «Маскарад» Лермонтова. Так там герой жену отравил, вроде. Ты вчера его читал. А сегодня что? Уже отравил? Нет. Ее инопланетяне забрали. Она даже страховалась от этого. А куда забрали? На какую планету? Не сказали? Тебя, я думаю, тоже заберут. Нет, не пугайся, другие инопланетяне, серые в форме или белые в халатах. А за ней какие прилетали? В темное не разглядел? Только луч света. А почему ты весь земле? Что копал? Лопату куда дел? В помойку выкинул? Бомжи подберут. Им пригодится, ясенюшко.

А знаешь, я думаю, тебя оправдают. Ты только попроси суд присяжных. У тебя же запись есть, как ее, диктофонная. Помнишь, ты записал, как она тебя четыре часа пилила. Ну да, больше, но у диктофона батарея сдохла, только на столько и хватило. И еще с ее прошлого дня рождения всех в свидетели пригласи, кто в гостях у вас был, за столом сидел. Она же тогда ни на секунду не затыкалась, даром, что не ела-не пила. Всем

гостям по очереди рассказала своим сладеньким голоском, какие они гады и сволочи. Подумаешь, у нее день не задался и гусь в духовке подгорел. Так это ты там все-таки огонь на максимум вывернул или не ты? Молчишь, улыбаешься. Так что оправдают тебя, не бойсь. Присяжные тоже люди. У меня ноги замерзли, пошли на кухню, я тебя чаем напою. Герой ты мой. Войны с инопланетянами.

Ой, что это? Холодно. Свет какой-то холодный. Нет! Держись! За руку, за руку хватай. Не забирайте его! У него только новая жизнь начинается. Начиналась... Исчез.

НАТАЛИЯ ГОЛОВАНОВА ГОД ВОЛКА

Лесника мы встретили возле ельника. Он с неодобрением осмотрел наши лыжи и рюкзаки. Сказал:

— Не ходил бы я туда на вашем месте. Я же не хожу.

— Почему? — хором спросили Аля, Тимка и Кот.

Я не спрашивала. Знала, почему.

— Волки, — коротко ответил лесник и удалился.

У Али округлились глаза. Тим поежился.

— Вернемся? — насмешливо поинтересовалась я.

— Вот еще! — вспыхнула Аля.

Именно она была инициаторшей встречи нового года в лесу. Вчетвером. Чтоб только лучшие друзья, и все.

Мальчишки тоже задрали носы — мы не мужики, что ли. Мужики, мужики, без базика. Наивысшее достижение — жим лежа с сорокометом. А с волками как будете разбираться? Трицепс с бицепсом покажете? Квадратики на пузе продемонстрируете?

* * *

Вой послышался, когда мы, погасив костер после бурного и действительно веселого вечера, забрались в палатку.

— Это они? — жалобно спросила Аля.

— Ветер воет, — бодро сообщил Тим, прижимая Алю, а точнее, сам к ней прижимаясь. — Пойду костерок разожгу.

Но с места не двинулся.

Кот молчал. Его рука, покоившаяся на моей груди, мелко подрагивала. Надеюсь, не от страха.

Я стряхнула руку и поднялась.

— Зая, ты куда? — недовольно спросил Кот. — Я не пущу.

Ага. Мне, конечно, ну просто необходимо твое разрешение.

— Тим, ты все-таки костерок-то разведи, — сказала я напоследок. Разделась и начала трансформацию.

Через пару минут три человека ошарашено смотрели на появившегося вместо меня зверя. А он, зверь, даже объяснить ничего не мог, только махнул лапой и выскочил из палатки. Ну не умела я разговаривать во второй ипостаси.

Итак. Для начала надо отбежать в сторону и убедиться, что стая меня видит.

Я так и сделала. Привстала на задних лапах, наострила уши. Покрутила мордой.

Ага, заметили.

А теперь, сказала я себе, лети что есть мочи. Уводи стаю подальше от палатки. Надеюсь, незадачливые туристы не станут праздничной закуской для оголодавших хищников.

Я летела, едва касаясь снега, взметая лапами маленькие снежные вихри. Есть у меня в лесу заветное местечко, аккурат недалеко от займки лесника, что зимой пустует. Там, пожалуй, и отсижусь. Если, конечно, получится оторваться.

Нет, не думать об этом. Просто бежать, бежать, бежать.

Я не смогла отговорить друзей от похода в лес, и поэтому вынуждена уводить стаю, заранее зная, чем это кончится.

Даже если меня не поймают и не разорвут, я могу окоченеть, когда перекинусь обратно. В займке скорее всего нет ни одежды, ни еды. А если и есть — как мне потом выбраться из леса? До цивилизации далеко, лыж нет, ничего нет вообще...

Нет, не думать. Бежать, бежать, бежать.

На секунду вспомнила последний взгляд Кости-Кота. Удивленно-презрительный. Поняла, что наши отношения испорчены раз и навсегда.

Вот если бы его любимая Зая была оборотнем-волком, эдакой современной Шеленой, смелой, отчаянной, сильной...

А я? Я — всего лишь Зая. Оборотень-заяц. Жалкий, маленький и трусливый.

Этой ночью в мире наступил год собаки. Дикой собаки.

Год волка.

ВЕРНЫЙ СЧЕТ

— Миа, сколько здесь тарелок? Посчитай.

Миа считает:

— Нуль, один, два...

— Миа, — говорю я. — Считать надо с единицы.

— Нет, с нуля, — возражает она спокойно.

Миа вообще не умеет злиться. И этим, как ни парадоксально, злит меня.

— С единицы, — цежу я сквозь зубы.

— С нуля.

Я не хочу с ней ссориться. Но ее любовь к нулям начинает здорово бесить. Я усаживаю ее в кресло и спрашиваю:

— Какого цвета зеленая стена?

— Красного, — отвечает она и замирает.

Навсегда.

Фраза про стену, взятая мной из какого-то романа — ключ к прекращению жизнедеятельности киборга.

Завтра я сдам жену и начну свою жизнь заново.

С нуля.

ВЛАДИСЛАВ ЕФРЕМОВ

НА ВАХТЕ НЕ СПЯТ

Это случилось быстро, хотя обсуждалось уже давно. Когда я уходил на пары, на вахте ещё сидела Нина Петровна. Мрачная, словно тысяча ворон, и готовая стать суперзлодеем любой истории. А когда я вернулся в общежитие, её уже заменил киборг.

Студгородок пытался хромать в ногу со временем, не изменяя при этом старым привычкам. В данном случае, как выяснилось позже, на новых охранниках умудрились «сэкономить», купив их со скидкой из-за брака. Например, у одного из них не работала русская голосовая матрица. Он мог говорить только на китайском и старофранцузском, поэтому его поставили в общежитии факультета иностранных языков. Другой охранник иногда совершенно неожиданно начинал махать руками, будто взбираясь по лестнице или ловя комаров. Штук сто сразу. Не меньше. Его расположили у физиков, почему-то решив, что у них самые крепкие нервы.

А нам, журналистам и психологам, достался киборг, страдающий паранойей.

Поначалу это качество Дровосека, как быстро его прозвали, никак себя не проявляло. Он тихо-мирно выполнял все те функции охранника, которые раньше лежали на Нине Петровне, но без заунывного ворчания на всех, кто возвращался позже полуночи. Его угловатая, безликая голова и голос ничего не выражали и не могли. Поэтому каждой творческой душе слышалось разное. Кому-то казалось, что Дровосек смертельно устал. Кто-то думал, что он в депрессии, а другие наоборот слышали нотки иронии в каждой фразе.

Так или иначе, у многих вошло в привычку перекидываться парой фраз с Дровосеком. В том числе и у меня. Это всегда немного поднимало настроение перед парами.

Однако стоило спросить что-нибудь конкретное о нём самом, как начинались жуткие странности. Дровосек уверял, что за ним кто-то следит. Выглядывает по ночам за спиной из-за угла, а когда киборг встаёт проверить, коридор оказывается пуст. В такие моменты с его стола пропадают вещи. Ненадолго. Потом они всегда находятся. Иногда он слышит смех, шипенье. И голоса, которые говорят ему уйти. Броситься в реку с моста или сдать себя на металлолом.

Вскоре многие стали замечать, что Дровосек стал дёрганным. Порой он без всякой причины оглядывался или вскакивал из-за стола. Бормотал что-то неразборчивое и замолкал, когда кто-либо подходил ближе. Словно подозревал в чём-то.

Всё разрешилось внезапно. Я стоял на крыльце, ждал друзей, и встретил Нину Петровну.

— Видал, что с железкой творится, а? — задорно спросила она.

— Эт вы, что ли, над ним издеваетесь? — понял я.

— Ну да. Так ей и надо, неисправной фиговине. Понаделали роботов. Людям работать негде. Меня так легко не запугаешь, а тот вон как...

Бывшая вахтёрша успела ещё пару раз проклясть тупой прогресс, пока я не выдал:

— Только вот его исправить можно, а вас — уже никогда.

И ушёл, пока она не успела ответить.

Издевательства вскоре прекратились, а с Дровосеком по ночам теперь часто сидел кто-то из студентов, играя в шахматы или обсуждая какую-нибудь философскую бессмыслицу.

АЛЕКСЕЙ ДОНСКОЙ ПУТЬ ДРАКОНА

Рыцарь, одетый в императорские цвета. Не часто такие появляются в захолустье. А если появляются, то добра от них не жди. Что нужно этому пришельцу? Взять здесь нечего, кроме... Незнакомец смотрел на божественную Сю. Девушка не дрогнула, не склонила голову — она стояла перед рыцарем гордо и бесстрашно. В пару прыжков Ли оказался между ними и принял на себя пронзительный и надменный взгляд. Который целое мгновение заставлял душу Ли корчиться в пламени, и имя мгновению было вечность. И всё-таки твёрдость Ли разбила внимание незнакомца. Но случилось странное: сила рыцаря как будто обтекла защитника и устремилась к Сю.

— Ты! — послышался голос пришельца. — Я пришёл за тобой.

У-шу — единственная надежда бедняка против рыцарских мечей. Но в этот раз у крестьянского парня не было шансов, хотя незнакомец даже не стал доставать оружие. Стилль дракона, успел подумать Ли в тот неувловимый миг, когда силы их встретились.

* * *

— Учитель! Мне нужна маска дракона! — просил Ли.

Учитель Вонг долго смотрел на угли своего очага.

— Огонь гаснет в воздухе, — сказал он наконец. — Маска заберёт твою душу, но настоящим драконом ты всё равно не станешь...

— Я должен вернуть Сю!

— Твой ли это путь? «Кто ты?» — спросит она. Что ответишь?

— Я должен!¹

Вонг молча поднялся, с трудом отыскал в тёмном углу рассохшийся кувшин из тыквы. И на руки Ли невесомой блестящей пылью высыпалась волшебная маска.

* * *

Сверкающий дракон появился на рассвете, когда похититель только тронулся в путь. Ли изготовился к удару, наслаждаясь чувством безграничной силы. Рыцарь оттолкнул Сю в безопасную сторону, и это промедление стоило ему жизни. Ли с изумлением наблюдал, как съезживается тело противника, стягивается подобно змеиной коже — а из неё появляется на свет, вылупляется, выползает огромный дракон!

— Прости, принцесса, — прошелестел голос. — Я слишком долго был человеком...

Дракон в агонии ударил крыльями оземь и уронил голову.

Принцесса?! Ли повернулся к девушке, которая неподвижно стояла перед ним, как вчера перед рыцарем, и смотрела — с бесконечной высоты. Не в глаза Ли, а в бездну, тенью сопровождавшую его, невидимую глазу простого человека. Ли заметался, пытаясь стянуть с себя волшебную маску, но никак не находил краёв, за которые можно было бы уцепиться.

— Кто ты? — остановила его Сю.

— Не могу снять маску, — глухо произнёс Ли.

— Есть единственный способ, — сказала Сю, вытягивая меч из под бесформенных одежд павшего рыцаря. — Готов ли ты?

И тогда Ли покорно склонился перед ней.

¹ «Дао» можно перевести и как «естественный порядок вещей», и как «путь», и как «долг».

Вскоре Сю бережно собрала рассыпавшиеся блёстки использованной маски и возложила их на голову рыцаря-дракона. Маска замерцала, заискрилась отблесками зари; тело вздрогнуло — послышался хрипящий вздох.

— Спасибо! — промолвил он, когда Сю взмахнула крыльями, сбрасывая человеческий облик. А спустя пару биений сердца оба дракона взмыли в воздух и исчезли в лучах восходящего солнца.

АЛЕКСЕЙ ДОНСКОЙ

КОНТРАКТ

Модель приземлилась идеально, хотя последний её прыжок с переворотами был головокружителен. Как и вся серия. Воплощённая стремительность, элегантная точность, женственная плавность и совершенство стиля? Нет, таких характеристик мало, они скупы и обезличены, и место им в рекламе робототехники, но никак не в гимнастике, которая называется художественной!

6.0 за технику. 6.0 за артистизм. Человеческие оценки. Жюри неподкупно, да и не в курсе. Но журналисты допрашивали экспертов с пристрастием, упирая на «пугающую точность». Нет ли здесь подвоха? Те снисходительно поясняли: «Понимаете, робот движется по программе... Это как в музыке. Заложите программу в музыкальный автомат — и механический результат не тронет вас, не заденет души идеально выверенными нотами. А здесь — живое звучание, здесь обертона и индивидуальность, трепетное дыхание, движение, которое невозможно повторить!»

«Хорошо, вы меня убедили!» — ради этих слов большого чиновника потрачены миллионы. Приоритет, конечно, невелик. Но он есть. И слова прозвучали. И «Роботикс интернешнл» взял контракт на миллиарды.

В служебной комнате, где был развёрнут сервисно-диагностический комплекс, выжатая до предела Нора позволила себе упасть в кресло. Сильные, но нежные руки Арона помогли ей освободиться от декоративных доспехов. Костюмерная двадцать первого века оставила далеко позади убогий театрально-цирковой уют. Здесь пахло не гримом, а технологиями; не куражом и потом, а большими деньгами, замешанными на лицедействе... Ибо машины «Роботикса» пока не способны на артистизм.

Впрочем, потом тоже пахло — но интересовало это только двоих. Третий — маленький босс и организатор шоу от «Роботикс» — сиял, готовый на радостях раздавать чеки с несколькими нулями из воображаемой толстой пачки в руках. Излучив в пространство все ракурсы

своей улыбки, он откланялся, направляясь к выходу. Пора! Нора вскрикнула. Босс вздрогнул и обернулся. Заминка дала Арону шанс.

Когда сознание вернулось к боссу, он обнаружил себя связанным. Усмехнувшись, оценил наглость лицедеев, которые уже были далеко. Команду теперь отдавать поздно, утечка информации неизбежна... Как бы теперь извлечь пользу из скандала?

Арон нежно поддерживал обмякшую Нору. Бионические протезы, чтоб их. Аккумуляторы на нуле...

— Не волнуйся, мы успеваем, — приговаривал Арон по дороге к машине. — Ты знаешь!

Нора притихла, заряжаясь от бортовой сети. Несмотря на призы всех конкурсов мира, Арон никогда не пустит её за руль. Впрочем, она и не спросит!

Свет уличных фонарей ритмично ударял в глаза и соскальзывал вниз. Начинался новый этап игры. Жаль, что «Роботиксом» придётся пожертвовать. Но без него никому не известный «Арон киборгз» не имел шансов на тендерах...

— Знаю, — отвечала Нора, — знаю.

Теперь всё изменится... И она, забыв о своём увечном и наспех отремонтированном теле, смотрела на Арона с надеждой и обожанием — как в добрые старые времена. И он верил, что так будет всегда.

ЛАРИСА ТИХОНОВА ГОРОХОВАЯ БАБА

Ночью, в самую полночь, на крышу амбара опустилась вещая птица Гамаюн и устроила жуткий переполох! Голос у вестницы оказался противный, визгливый, а дикция самая ужасная. Некоторое время Гамаюн что-то иступленно выкрикивала — разобрать можно было только часто повторяющиеся «тока» и «ежели», — ну а после совершила нечто совсем несуразное. Задрала хвост и лягнула на уютного деревянного петушка здоровенную пахучую кляксу!

— А говорят, питается лишь единым зёрнышком в неделю, — разглядывая даже в темноте «украшенного» петушка, пробормотала себе под нос хозяйка амбара, Гороховая Баба. — Интересно — это к счастью? Или к печали?

На следующую ночь, и опять в полночь, Гамаюн уделала бедного петушка на крыше уже сверху донизу. Только теперь не вещала, а лишь протяжно постанывала, скорбно кривясь бледным девичьим личиком.

— Не горох ли мой таскает! — осенило вдруг хозяйку амбара. — Вот лиходейка!

Гороховая Баба кинулась ощупывать свисающие с головы гороховые плети, но убытка там не обнаружила. Все элитные семенные стручки дозревали на своих местах, но ведь в поле ещё имелась недавно засеянная делянка! И она, хранительница будущего урожая, туда пару дней не заглядывала, но лишь потому, что пока не было необходимости. Посеянный горох только-только начал в земельке разбухать, проклёвываться ему было рано.

Гороховая Баба с потравой угадала: земля была раскопана, горох из лунок повыковырен и повсюду следы трёхпалых птичьих лап. Первой мыслью было — вороватую вещунью надо известить! Урожай, любые продукты питания — самое ценное, что только есть в этом суровом мире. Гораздо ценнее рассказываемых гамаюнами новостей, сказок и пророчеств, которые послушать, может, и неплохо, но только не за счёт погубленного урожая. Но потом Гороховая Баба одумалась. Бедный Гамаюн, видимо, очень уж изголодалась! Расстояния между колониями выживших велики, и не везде прижились появившиеся после Войны люди-растения. А значит, людям-птицам не всегда удаётся добыть хотя бы по зёрнышку в неделю!

Деляночку свою, она, конечно же, опять засеет, но теперь уже останется до созревания урожая караулить на меже. И только когда появится достаточный запас пищи, можно будет вывести из заморозки обычных людей, не получивших после Войны ген мутации. В подполе её амбара их столько, сколько стручков на голове...

Ну а Гамаюн... что ж, если пожелает, пусть человек-птица тоже остаётся! Горсточку гороха в неделю, или даже две горсточки, она, Гороховая Баба, бедной девочке выделит. И почему, интересно, Гамаюны только девочки, девушки? Ведь не почкованием же размножаются...

Ишь ты, опять прилетела, уселась рядом с делянкой и тихо поёт. Не вопит дурным голосом, как давеча, уже и слова почти можно разобрать. Что-то приятное «мне с тобою хорошо, тра-ля-ля, тра-ля-ля, ты, прекрасная, к жизни вернула меня...». Может, ещё и счастье для возрождающейся людской колонии потом напроорочит!

Антон Филипович

ЧЕЛОВЕТЕСТВО, ИЛИ КАК-ТО ТАК

Двое варили суп. Склонившись над хрустальной зелено-голубой сферой энергетического супа, Черный пробурчал:

— Ну что, Белый, скоро уже? Усратьяся как жрать хочется.

— Почти готово. Не сквернословь, пожалуйста.

— Да-да. Послушай, зелень, да твари господни на развес — это, конечно, все хорошо, но чего-то этому супу не хватает. Ты же знаешь, я питаюсь отрицательной энергией, а у тебя тут такая идиллия, что уже от одной скуки сдохнуть можно, не то, что от голода.

— Не преувеличивай. Ты бессмертен и не можешь умереть.

— Ну ладно, умереть — нет, но истощиться, потерять силу и власть, а главное репутацию — очень даже.

— Вечно ты не доволен. И чего же тебе не хватает в этот раз?

— Хочется чего-то необычного, остренького, я бы сказал. Вот, погляди, что я добыл на черном рынке. Экая диковинка. — Он приоткрыл черный мешочек на поясе и извлек оттуда прозрачную колбу, в которой что-то копошилось.

— Хм. Выглядит мерзко. Что это?

— Чело... человечество, вроде, или как-то так. Не помню точно. — Черный сощурился и пристально всмотрелся в этикетку на колбе. — Человечество! Вот.

— И запах не очень... — недоверчиво продолжал бурчать Белый.

— Зато, говорят, очень пикантный вкус!

— Ну ладно, давай добавим немного, — сдался Белый.

Черный с довольной ухмылкой подошел к сфере и начал медленно всыпать в нее содержимое колбы, неожиданно колба скользнула в его костлявых длинных пальцах и выскочила из руки. В последний момент он успел схватить ее за донышко, но все содержимое высыпалось в сферу.

— Упс...

— Упс?! Твою мать! Аккуратнее никак нельзя было?! — взорвался Белый, в глазах его заискрились молнии.

— Тихе, тихе, не сквернословь, и все такое. Ну и дела! Да уж... и не знаю, как так вышло, прости, Белый, — виновато сказал Черный и добавил: — Тут вот инструкция, может, еще есть шанс все исправить, так, посмотрим... нашел! В случае превышения нормы подождите десять... тысяч лет, пока человечество само себя не истребит. Хм, придется ждать, — пожал плечами Черный.

— Еще чего! Исправляй давай, старая задница.

Черный ошарашено вытаращился на товарища и вернулся к изучению этикетки:

— Так... подождите десять тысяч лет... бла-бла-бла... вот оно! Добавьте немного технологий, оружия и буквально щепотку зависти, и процесс истребления значительно ускорится. У тебя есть?

— Там, на верхней полке, — вздохнул Белый и скрестил руки на груди.

Черный взял с полки все необходимое и добавил в суп.

— Гляди-ка, уже закипает, ух как забурлило!

Сфера приобрела гнилостный средне-надгробный цвет и превратилась в густое зловонное варево.

— Так, что же это... вот дерьмо, — только и сказал Черный.

— Я это пить не буду, — добавил Белый.

— Хех, пожалуй, это слишком даже для меня, — заключил Черный.

— Опять ты все испортил. Отойди и не мешайся!

Белый подошел и всыпал в горе-суп блестящий искрящийся порошок из белого мешочка. Сфера мгновенно посветлела и стала прозрачно-хрустальной.

— Эх, шесть дней насмарку, — раздосадовано сказал Белый. — Придется начинать все сначала, только никакого человечества в этот раз!

ВАЛЕРИЙ КРЫКОВ

НАСЕДКА

Всего лишь конец мая, а уже по-летнему жарко. Поэтому мы загораем на крыше нашей трёхэтажной общаги.

Лежим на горячем шифере, млеем от солнца. Мишка Лютиков ещё малой: приходится его держать в кольце своих ног. Для страховки. Шустрый он у меня: норовит всё поковырять, проверить на прочность или вшивость. А это чревато. Крыша-то не очень пологая, чуть зазевался — кубарем полетишь к земле-матушке. «Ой» сказать не успеешь!

Я лежу, кайфую, а вот Лютик что-то задумал: елозит с упорством, достойным лучшего применения. Хотя, может, шифер для него слишком горяч? Сомнительно, я же лежу спокойно, греюсь, спине не очень горячо. Скорее это приятное тепло.

В истоме я, но чувю, Лютик тащит меня к хлипкому ограждению у самого края родной крыши. Он тянет медленно, но верно. Ему что, мёдом там намазано? Видимо, да. Его любопытство пуще неволи. Вот же пытливый гадёныш! И настырный, и не по-детски упрямый.

Наконец терпение у меня лопнуло, и я лениво приоткрываю глаза. Ёлы-палы! Мы почти упёрлись в ограждение, Лютик уж взялся за него. И нахально пытается вырваться из кольца моих ног, заглянуть за край. Сонно приподнимаюсь, хочу схватить его за шкуру. Но не тут-то было! Внезапно я получаю удар по ушам невидимыми, но мощными крыльями. Они у Лютика уже, оказывается, отросли. От неожиданности тут же теряю равновесие, хотя успеваю схватить этого мелкого пакостника за левую ногу. Через мгновение конкретно понимаю: это моё суетное действие было лишним. Мы с Лютиком дружно падаем с крыши.

Очнулся уже внизу, скорбно лежу, прибитый земным притяжением.

Одинокий, как лермонтовский парус. А вот непоседы Лютика след, видимо, давным-давно простыл. Однако я рад и горд за него. Похоже, вырастил настоящего ангела-хранителя, с мощными крыльями, с активным интересом к человеческим судьбам. Тихо завидую ему белой завистью: мои-то крыла давно увяли и отсохли.

Кем-то вызванные санитары увезли меня в ближайшую травму. Хотя дежурный врач, который меня осмотрел, ничего такого криминального не углядел, ментам он всё-таки маякнул о странном, почти мистическом, происшествии в рабочем общежитии.

Лейтенант милиции не пытал меня долго. Ведь угрозы моей жизни не было, я же, в свою очередь, поведал весьма печальную историю о человеческой безалаберности, о внезапном солнечном ударе, о потере всяческой ориентации в околоземном пространстве — что и привело к банальному падению с крыши в общем-то не очень высокого здания.

Короче говоря, несчастный случай с крайне удачным исходом. Молоденький лейтенант всем моим рассказам поверил, никакого дела открывать не стал. Но, говорят, устроил-таки лёгкую головоломку коменданту нашего общежития. За халатность. Мол, у вас, гражданин хороший, не крыша учреждения, а частный проходной двор.

У меня ж, разумеется, осталась вполне обоснованная тревога за судьбу Михаила Лютикова. Как он там несёт тяжкое бремя и звание ангела-хранителя? Всё ли у Мишки получается? Правильно ли я его воспитал?

Надеюсь, что да...

ОЛЬГА САФОНОВА

ОСАДА

Грохот прекратился. Не веря ушам, сержант Васильев подключился к камерам наблюдения. Попутно отметив, что из семи сбиты пять. Нет, не оглох, снаружи действительно тихо. «Птичка» улетела.

— Ну?! — Тётка смотрела не него с таким недовольным видом, как будто он запретил ей третий добавочный спецпаёк в распределителе.

— Не нервничайте, полчаса осталось, — успокоил сержант. Тактично умолчав, что на полчаса осталось мощности защитного поля.

Гавкнул коммуникатор, и комнату осветила лысина полковника Шибко. Голограмма проявилась над обеденным столом. К гостю тут же потянулся кот, нещадно обдирая когтями ножки из антикварного дсп.

— Ну?! — взревел полковник, вызывая ощущение дежавю, — почему эвакуация до сих пор не завершена?

— Завершена. Мои люди вывезли семьи колонистов. А тут... ситуация нестандартная. Кот потерялся, женщина за ним полезла

и застряла, я за ней... Тут тварь нас накрыла. С семи пятнадцати по среднегалактическому штурмовала точку, сейчас отступила. Нам нужна помощь.

Полковник задумчиво поскреб затылок, шею. Внезапно в его поле зрения попала сердитая тётка:

— Юлиана Олеговна! — неожиданно пискнул Шибко. — С вами всё в порядке?

— Не особо, — буркнула тётка.

— Сигнал SOS послан, к вам спешат две группы спасателей. Я лично прибуду через полтора часа, а до тех пор за вашу безопасность отвечает наш опытнейший сотрудник. А если...

Стену тряхнуло от нового удара. Хитрые твари поняли, где заканчивается силовое поле, и со всей дури врезались в скалу. Изолированные боксы-квартиры сотами испещрили её сверху донизу.

— Какой идиот придумал строить дом в скале без лифтов и подвала, — процедил сержант.

— Мой муж! — взвилась тётка.

За грохотом её пожелания в адрес Васильева смотрелись пантомимой с сексуальным подтекстом. Остановиться тётку заставило только появление новой голограммы.

— Пал Вев? — осведомился потный краснолицый незнакомец, пристально уставившись на Васильева, — Я кдт мц...наук... Ярослав Веш кргл...

Тварь раздолбала предпоследнюю камеру и улетела передохнуть.

— Чтoб ты рога пообломала! — выругался сержант.

— Это не рога, а когти, — объяснил Ярослав, — Заднечелюстные. И очень крепкие. Так что у неё есть шанс продержаться до нашего прилёта.

— У неё?! — хором возмутились сержант и тётка.

— Мурмурилозавры редчайший вид на грани вымирания. А вам повезло заботиться о нём до прилёта ксено-архе-биологов.

Стена отлетела в сторону и жуткая морда с когтями-рогами заняла полкухни. Васильев схватил бластер, тётка — коту. Оба понимали — без толку. Позаботиться о зверюге не получится.

Снаружи раздался крик, переходящий в визг. Будто кто-то переехал на мопеде сотню чаек. Мурмурилозавр улетел на источник звука, а в разорённую кухню запрыгнуло нечто похожее на огромную розовую саранчу.

— Спасибо, что присмотрели за моим потеряшкой, — проскрежетала саранча и выпрыгнула, не дав сержанту опомниться.

— Сама за своим Мурзиком присматривай, чтоб не вымер! — крикнула ей вслед тётка, — И когтеточку ему нормальную купи!

СЕРГЕЙ ПЕТРОВЕЦ

МАМАША МЕДОУЗ И ЕЁ ДЕТИ

Ржавое космическое корыто весь день болталось над ранчо Джона Хрыча Малковица, но падать не желало. Д.Хрыч делал всё, чтобы заполучить лакомую добычу, за которую у Бродячих Менял можно было выменять вволю патронов, мыла, семян крока и прочего добра. Он свистел, улюлюкал, махал руками и даже, забравшись на крышу, пытался накинуть лассо на межгалактическую посудину, но возраст, джентльмены, возраст берет своё.

А в полумиле, у соседской изгороди стоял старенький трактор «Джон Дир» Мамаши Медоуз. Сама же Мамаша, в начищенных до блеска кирзачах, в галифе и бушлате с шевроном «ВДВ России», стоя на капоте и опершись крепким задом об выхлопную трубу, вела наблюдение в полевой бинокль. Рядом, как всегда, крутились все мамашины отпрыски: Колек Иваныч — повелитель пчёл, Толек Иваныч — заклинитель сов и самый мелкий, Ванек, антиобщественный дар которого пока не проявился. Подозрительно, однако, джентльмены, что Мамаша Медоуз вторым именем его почему-то не называла никогда.

Да, джентльмены, та ещё семейка. В прошлый раз только за то, что Джон Хрыч М. отходил дрыном Колека Иваныча, бессовестно тырившего мёд с колхозной пасеки, Мамаша Медоуз установила на позицию трёхдюймовый миномёт и первым же залпом разнесла в щепки хрычову винокурню. А ведь какой там стоял замечательный, сверкающий медью и пыхающий паром брагогон, джентльмены. К тому же всю следующую неделю ровно в полдень к Хрычу прилетала крупная мохнатая пчела и неизменно насаживала его нос на своё жало.

А Косой Отто собственными глазами видел, как Толек Иваныч преспокойно зашел в его, Отто, страусиный загон и выбрал самое крупное яйцо, пока папа-страус деликатно смотрел в сторону. Косой Отто вознамерился было пристрелить наглеца, бабахнул дуплетом, натурально промазал, но не совсем — убил наповал своего лучшего петуха.

Д.Х. Малковиц, зажав подмышкой штурмовую винтовку и закурив для храбрости огрызок сигары, направился к опасным соседям. Да, не робкого десятка был наш старина Хрыч, джентльмены.

— Этот космический драндулет мой по праву, — решительно заявил он. — И не вздумайте колдовать, я буду жалобиться в Правление, как ветеран труда.

— «Краса Техаса», — чувственным грудным голосом прочитала Мамаша Медоуз. — Где этот Техас, али в Бразилии?

Д.Х.Малковиц искоса оглядел справную фигуру Мамаши Медоуз и тут же непроизвольно облизал губы. Мамашино хулиганье тем

временем расселось на изгороди, болтало ногами и, недобро хихикая, шурилось на психованого дядьку.

— И нечего на меня тарашиться, ведьмаки! — не выдержал Джон Х.М., отбиваясь сигарой от внезапно налетевшего роя божьих коронок. — Всем задницы надеру!

Что случилось далее, джентльмены, дружище Хрыч помнит только местами:

Мелкий Ванек, высунув язык, крутит невидимую рукоятку.

Космоутиль падает, разваливаясь на части.

Больночий удар по голове.

Женский окрик:

— Ванька, немедленно прекрати! Это таки твой папа!

Но лучше всего он помнит тёплую ладошку Ванека Джоныча на своей небритой щеке.

Виктор Кузьмин

КУКОЛЬНЫЙ МИР

Утром Сбруев первым делом активировал Леночку, само воплощение покорности.

— Милый, я так соскучилась! — томно выдохнула она.

Что за бред. Они живут в этом подвале уже четыре десятка лет. Сбруев по-хозяйски окинул взглядом аппетитные формы, просвечивающиеся сквозь ажурную ночнушку. Эх, было время...

Леночка получила свое обычное задание — копать, пропалывать, поливать. Она нежно схватила лопату и безропотно отправилась в теплицу выполнять желания мужчины.

Затем Сбруев вытащил из небытия Саманту — пышногрудую доминантную тигрицу в обтягивающем кожаном комбинезоне.

— Сейчас мамочка тебя отшлепает! — Саманта надеялась наказать его однажды за какую-нибудь провинность. Но пока что ей приходилось сидеть в засаде, чтобы ударом хлыста перебить хребет неосторожной крысы. Сбруев любил жевать подкопченное крысиное мясо уцелевшими зубами.

Жизнерадостной хохотушке Кэт Сбруев назначил пожизненные наряды на кухню.

— Оближи меня всю, красавчик! — призывно улыбнулась она.

Слава богам, кроме сладострастия, неведомые разработчики наделили ее умением готовить легкие закуски. Конечно, последние двадцать лет о консервированных авокадо и креветках приходилось только мечтать. Готовила Кэт из того, что давали теплица и хлыст.

Настоящим испытанием было общаться с двумя сестренками Юй, невразумительно мяукающими на шанхайском диалекте. Эти ненасытные создания, спроектированные для нужд китайской армии, могли бы в режиме конвейера ублажить полк солдат. Сбруев каждый день с помощью русского и китайского мата из руководства по эксплуатации уговаривал их заниматься физическим трудом. Вооруженные самодельными копьями и счетчиком Гейгера, Юй выбирались из убежища наружу, чтобы копаться в руинах и искать пригодные для использования вещи.

А вот от Мэгги, искусницы в оральных ласках, осталась одна голова. В первый год после апокалипсиса дикие собаки выпотрошили ей все внутренности. Пришлось пустить куколку на запчасти. В основном их получали китайки — эти то пальцы раздробят, то кожу до кости сорвут. А голову Сбруев иногда активировал, чтобы Мэгги попела ему песен своим волнующим бархатным голосом. Но не сегодня.

Сегодня Сбруев наконец-то вернет из ссылки вечно юного Джона. Этот атлетически сложенный мужчина, мечта всех стареющих домохозяйек прежней Земли, однажды был безжалостно отключен и оставлен лежать в контейнере. За то, что при взгляде на Джона у его куколок начали блестеть глаза. Да, всему причиной старая добрая ревность.

Едва соперник очнулся, Сбруев сунул ему в руки пульт управления.

— Теперь этот чертов кукольный театр твой, Джон.

* * *

Через полчаса Сбруев выбрался из убежища на поверхность и побрел вслед заходящему солнцу. Заночевал он в куче бетонного мусора, а когда проснулся — почувствовал тепло Леночки, что согрела его спину всю ночь. Рядом чадил костерок, на котором Саманта и Кэт жарили жирную сочную крысу. Джон и Юй с копьями в руках стояли на большом камне и зорко всматривались вдаль.

Виктор Кузьмин

КОД НОЛЬ

— Код ноль! — рявкнул я, едва комп очухался и камера уставилась мне в лицо.

— Антропометрия не распознана, — заявил ИИ. — Назовите пароль.

— Кверти.

— Принято. Внимание, критическая ошибка. Перезагрузка через три, две...

— Команда: печать пайка, — быстро сказал я.

— Доступен один комплект.

Конвейер выплюнул брикет с едой. Я подхватил его и вышел в коридор, где передал капитанский мундир Дэну, крайнему в очереди. Часть еды я отломил детям, лазающим по ржавому кораблю, и направился к своей пещере. Праотцы, аварийно севшие на эту планету, завещали очень простой ритуал.

— Код ноль! — заорал Дэн.

Ольга Юдина

ПЫЛЬЦА НА ОКНЕ

— Почему ты сердишься?

— А ты как думаешь? Мне исполняется двадцать пять лет, юбилей, можно сказать, а ты являешься ко мне и даришь мне какой-то уродский кактус!

— Это не уродский кактус, а очень даже симпатичная альдебаранская аврория. Между прочим, её дарят друг другу влюблённые трёхногие альденептунцы.

— Я что, похожа на трёхногую альденептунку?

— Не очень! Но альденептунцы, чтобы ты знала, — самые практичные существа в вселенной. Они знают толк в подарках и никогда не дарят ничего бесполезного.

— И какая польза от этого страшилища?

— Ну как же! Аврория цветёт один раз в год, причём исключительно в полночь, когда гремит гром.

— Оч-ч-чень полезная вещь!

— ... И исполняет одно желание.

— Всего одно? Ну-ну!

— Да, одно. Но каждый год. Представляешь, как здорово: ты можешь загадать желание и знать, что оно точно исполнится!

— Главное не проспаться, да?

— Ну, в общем, да. Но ты же не проспишь своё счастье, правда?

— Иногда мне кажется, что тебе пора в психушку.

* * *

Наверное, Артур имел в виду нептунианский год, потому что кактус не зацвёл ни через год, когда Артур с Ритой окончательно разругались из-за какой-то ерунды, ни через два, ни даже через три, когда он улетел на Плутон добровольцем. «Вы подумайте, на Плутон! — думала

Рита. — Который даже из планет разжаловали! А он, видите ли, полетел спасать пятирогих мамонтов от вымирания. Да кому они вообще нужны, эти пятирогие мамонты. Небось, пользы от них столько же, сколько от этой, как её, аврории».

Пару раз Артур посылал Рите сообщения, звал к себе, говорил что-то о единственной планете, практически не тронутой человеком. А потом пропал. Остался только кактус, который глупо торчал на подоконнике среди цветущих орхидей.

Как-то ночью Риту разбудила гроза. Гром громыхнул так, что зазвенели хрустальные девочки на полке. Рита села в кровати.

В комнате пахло сладко и нежно, толи жасмином, толи корицей.

— Озон? — подумала Рита.

На подоконнике стоял неуклюжий зелёный кактус, а сверху, на самом краешке зелёного ободка, сиял ярко-красный цветок с мелкими жёлтыми тычинками и подставлял лепестки вспышкам молний. Тёплые лепестки трепетали, что-то напевали и покачивались под музыку дождя и ветра, а Рита сидела на кровати, смотрела на танец аврории и вспоминала.

Когда гроза стихла, а сапфировое небо на востоке стало покрываться дымчато-розовой паутинкой солнца, Рита шепнула:

— Пусть всё вернётся!

Цветок сжался и разлетелся по подоконнику ярко-красной пудрой.

* * *

В отделе межпланетного бюро было безлюдно: добровольцы по-прежнему не спешили на Плутон. Оно и к лучшему. Рита улыбалась, сжимая в ладони квадратик билета. Теперь всё изменится: наши мечты исполняют всё-таки не цветы.

ЗЛАТА ЛИННИК

Я ВСЕГО ЛИШЬ ХОТЕЛ

— Как тебе удалось меня найти? И проделать такой путь?

— Я всего лишь хотел убедиться, что с ней все хорошо. Не думайте, я все понимаю, — от волнения из его рта вместо привычного кваканья и бульканья вырывались внятные человеческие слова. — Я неловкий, застенчивый и не такой завидный жених, как думает мама. А она красивая, смелая, умная и так похожа на вас...

— Мне очень хотелось, чтобы у меня была дочка, — произнесла женщина, будто не слыша собеседника. — Но, едва появившись, она

сбежала в самостоятельную жизнь. Сказала, что у нее срочная работа, и опять прыгнула в свой тюльпан.

— А можно, я тоже попробую?

Не дождавшись ответа, молодой жаб изо всех сил оттолкнулся лапками и попал прямо в середину цветка. Лепестки закрылись за ним, будто створки лифта.

* * *

— Ты? Здесь? Как ты сюда попал?

— Я всего лишь хотел тебе сказать, что буду счастлив стать другом или просто быть рядом, заниматься тем же, что и ты.

— Талантливый юноша! — послышался голос сверху. — Перспективный.

Только теперь молодой жаб оглянулся вокруг. С первого взгляда он понял — здесь работают ученые, которые занимаются чем-то важным и серьезным. Иначе зачем им столько аппаратуры, или как все это называется.

— Вы не ошиблись, — продолжил слабо мерцающий шар, зависнув прямо перед ним. — Здесь решаются судьбы цивилизаций. Если придерживаться точности, мы последние прогрессоры. После того, как был принят Закон Бабочки, для нас все изменилось. Никаких космических кораблей, никаких агентов. Все, что теперь возможно — выстрелить с орбиты семечком-программой. Из него вырастет цветок, единственный в своем роде...

— Как тот тюльпан?

— Да, он один из них. Эмоции — вот что их активирует. Женщина мечтала о дочке, а брачный кодекс планеты требовал реформ. Благодаря агенту Ди... она хорошо поработала. Иногда цветок действует сам. Как раз недавно он поспособствовал встрече принца-мутанта и его невесты. Их внук родится супергероем и спасет планету от катастрофы... Значит, вы хотите работать у нас? Есть подходящее задание: стать другом принцессы и воспитать в ней добрые чувства. Вам приготовят уютную кувшинку. И еще одно: в момент переброски вы должны желать планете прогресса. Готовы? Тогда приступаем.

* * *

— Принц-жаб? Всю жизнь мечтала встретить.

— Я всего лишь хотел... хотел...

— У нас все будет пре-ква-ква-сно!

Юная лягушка поправила корону и незаметно спихнула в воду стрелу. Иван-царевич прошел мимо.

...Принцесса кормила кусочками сырого мяса огромных росянок. В пруду сверкала на солнце одинокая кувшинка.

Людмила Шутько
СКАЗКА НА НОЧЬ

Спи, не плачь.

О чем тебе плакать? Уложили спать, ты проснулся, в комнате никого? Не беда, придут. Утром. Когда проревешься.

Или примчатся среди ночи, обнимут, утешат. По-разному бывает. Вот я в твоём возрасте умерла от высотной болезни — это да, беда.

Проходила тогда такая чистка королевства от инородных элементов. Явились из крепости солдаты с ружьями, очистили наше село от моей мамы, твоей бабушки. До перевала пешком, из ручной клади взять разрешили только меня.

Этого я не помню, мама рассказывала. Я тебе рассказывать не буду. Сам по истории пройдёшь. Будь верным подданным короля.

Помню я себя только тогда, когда я уже не человек. В больнице на Пыльном плато. Как я ни лежать не могу — задыхаюсь, ни сидеть не могу — падаю, и как меня тошнит, а рвать нечем, и доктор говорит — «белый халат», а мне чудится, будто он красный. И ещё говорит доктор: «Она умрет», а я хочу маму спросить, что такое «умрет», но нет сил.

Не умерла я ни в ту ночь, ни на другую. На третье утро показал мне доктор спичечный коробок через дощечку. То ли я увидела, то ли померещилось, но я сказала: да, вижу. И нас выписали из больницы.

Лечить нужно людей. Я оказалась не человеком. Черным магом.

Ты тоже станешь магом. Я тебе обещаю, хоть ты и не слышишь. Лет в десять, не раньше, но и не позже. Мы с тобой ездили в крепость, сдавали кровь — это папа тебя проверил на наши с ним гены.

Кто умер взрослым, тот умер, а кто в детстве — тот маг, почти бессмертный. Перерождения ты не почувствуешь. Но прежде хочу вырастить тебя человеком.

* * *

Туристы любят на восходе тенью от гор на облаках. Я им вещаю, что эти грандиозные массивы подняты из земли силой таких, как мы, во время войны, тысячу лет назад. А мне не рассказывал никто. Я видела сама.

Родился наследник, объявили амнистию, мы с мамой ехали домой на автобусе. Я сидела у окна и вдруг за поворотом, в пыльном луче,

увидела все. Землетрясения, пожары на три королевства. Раздавленных, сожженных. Как наши с тобой собратья изводили друг друга и кучу народу впридачу. Как последние маги изобрели заклинание мира, но чтобы оно подействовало, им пришлось сжечь себя.

Я прикинулась, что меня укачало, и мама не заметила.

Я думала, я девочка, которую ругают ни за что. Нельзя жаловаться, нельзя размазывать сопли и температурить, но и совсем выздоравливать нельзя слишком быстро, а то в гостинице заподозрят неладное и нас выставят. Только и умела — следить за сердцем да смотреть внутрь через кожу. Развлекалась этим вместо кукол.

И вот тень на облаках, которая не тень, а души магов, вплавленные в частицы пепла, — эта тень, стоящая над поселком день и ночь, говорила мне, что я из их племени.

* * *

Когда ты родился, папа сказал: «Ты до сих пор ни разу не обрушила горы на поселок? Потому что тебя так воспитали». С тех пор я воспитываю тебя. Лаской, любовью. Изредка вот такими уходами из дому.

Ничего плохого ты не сделал. Это я тебя приучаю ценить заботу и любовь. Надеюсь, ты вырастешь человеком добрым, не дерганным и не плаксивым. Ну, не совсем человеком.

Постарайся заснуть.

ЛЮБОВЬ (ЛЕО) ПАРШИНА

НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО

Кажется, никто не удивился, когда в один прекрасный день ад просто появился на земле. Из некоторых люков — вначале крепко, а затем полегче, пожиже — пахнуло серой, на пустырях явились провалы в черноту, на чердаках, в подвалах, в нехороших квартирах городов открылись замурованные двери, известные неформалам и любопытным по городским легендам и фольклору.

Конечно, вместе с адом пришли черти. Они не бегали ни за кем с вилами, не пытались куда-то утащить, дабы сварить в смоле или кипятке. Они вообще мало напоминали чертей и бесов из сказок: если у кого-то и были рога, их умело скрывали волосами и шляпами, как и хвост — одеждой. Люди как люди, если со стороны поглядеть, только кожа какая-то землистая, как грубая обожженная глина, и взгляд тяжелый. Многие от их взгляда падали в обморок, заболевали. Черти стали носить темные очки. Некоторые сатанисты и просто

нонконформисты тоже стали носить темные очки круглосуточно, изо всех сил подражая чертям.

Затем черти завели себе паспорта. А почему бы и нет? Официальная наука признала существование ада после того, как открылись двери и некоторые ученые заглянули туда и даже пообщались со своими бывшими коллегами. Церковь была недовольна и честно об этом заявляла, но черти в ее дела не лезли, и она продолжала честно заявлять, не сбавляя, но и не набирая оборотов. Ну а, собственно, что тут такого — как будто церковь раньше не знала об их существовании! Знала и других предупреждала! Предупреждала и теперь: «Общение с чертями опасно для вашего душевного и физического здоровья!»

А черти оказались законопослушными совершенно светскими гражданами. Все как один завели свой бизнес и исправно платили все налоги. Появились адские пекарни и рестораны, адские стоматологии и медицинские центры, адские агентства недвижимости, адские адвокатские и нотариальные конторы, адские центры психологической помощи...

Цены во всех этих заведениях были вполне земные, человеческие, обслуживали черти на высшем уровне. А мясо, приготовленное на адском пламени — оно, по мнению гурманов, было... Чёрт побери, божественным!

Конечно, только чертовскими силами адские конторы и заведения не обходились, нанимали и человеческих работников — с полным социальным пакетом, по трудовой, так что комар носа не подточит. Адские корпорации росли и обеспечивали рабочие места все большему количеству душ. Людям-работникам стали ставить на теле клейма — проще говоря, татуировки. Ставили не на чело, не на лицо, а например, на запястье или тыльную сторону ладони. Татуировки были маленькие, неприметные и смотрелись очень стильно. А если учесть уровень заработной платы и соцпакет, работники были довольны абсолютно всем.

Конечно, не прошло и пары лет со дня открытия преисподней, как был заключен первый брак между чертом и человеческой женщиной. Этому, опять же, никто не удивился — всем известна давняя истина, что женщина влюблена в чёрта. Вскоре и некий сатанинский пастор взял в жены чертовку, а потом подобные союзы пошли один за другим. В наиболее развитых странах стали заключаться гомосексуальные чёрте-человеческие браки. Тут, опять же, нечему было удивляться — официальная церковь никогда не жаловала чертей и их среду обитания. А кто же мой лучший друг, как не злейший враг моего врага? Логично.

У гетеросексуальных чёрте-человеческих пар стали рождаться дети. Поговаривали, что где-то в Германии от своего адского супруга родил и вполне физически здоровый мужик.

Жизнь потихоньку налаживалась... А что тут удивительного?

ВЛАДИМИР МАРЫШЕВ
ОБХОДЧИК

Лететь через «червоточину» — та еще скучища. В обычном пространстве хоть звезды подмигивают, душу радуют. А в «гипере» — тьма беспросветная.

Через тридцать семь часов корабль вынырнет в конечной точке. Пока же, чтобы чем-то себя занять, Васин решил сразиться с главным компьютером в стереошахматы. Выставил ему средненький игровой уровень (иначе — без шансов!), подвесил под потолком разбитый на ячейки виртуальный куб и для разнообразия выбрал себе черные фигуры.

Поединки с ГК успели стать такой же рутинной, как регулярные проверки бортовых систем. Но на сей раз пилота ждал сюрприз. Не успел он объявить начало игры, как одна из белых пешек скакнула вперед на две ячейки.

— Что за черт? — буркнул Васин. — Чьи это шуточки?

— Мои, — раздался бесцветный, но явно мужской голос. Вслед за этим прямо из воздуха вылепился полупрозрачный радужный шар размером с арбуз.

— Бр-р! — Васин помотал головой. — Ты кто?

— Галактический обходчик, — как нечто само собой разумеющееся сообщил шар. — Слежу за порядком. Кстати, то, что ты находишься здесь, — вопиющее нарушение порядка. Пользоваться «червоточинами» могут только цивилизации не ниже седьмого уровня. А у твоей — третий.

— Да? — выдавил Васин. — Не знал... И что же теперь?

— По закону полагается выдворить тебя на родную планету и перекрыть портал. Но, на твое счастье, я тоже изнываю от скуки. Поэтому предлагаю сыграть. Выигрываешь — летишь дальше. Побеждаю я — отправляешься домой. Идет?

...Они рубились несколько часов. Пешек лишились уже давно, и теперь у каждого остались только короли с жалкими остатками свит. Васин отчаянно искал пути к победе — и не находил.

— Позиция ничейная, без вариантов, — наконец констатировал обходчик. И начал отплывать назад, к переборке, явно собираясь пройти сквозь нее и исчезнуть навсегда.

— Уф-ф, — расслабленно выдохнул Васин, мозги которого уже дымились от напряжения. И тут его словно кольнуло.

«Ничья, значит... — подумал он. — Так что же теперь? Ни вперед, ни назад? Навеки застряну здесь?!»

— Стой! — заорал Васин и рванулся за ускользящим радужным шаром. — К дьяволу ничью! Я сдаю-у-у-у-у!

АЛЕКСАНДР КАРАПАЦ

ОДНА БУКВА

Парень был полностью поглощен книгой. Я подошла и села рядом.

— Привет!

— Привет, — на меня был устремлен отсутствующий взгляд.

— Что читаешь?

— Квантовую механику. А ты кто?

— Алина.

— А я Марк.

— Знаю. Ты — вундеркинд, шахматист и отличник.

— Ну, насчет вундеркинда преувеличение, а в остальном верно.

А ты любишь шахматы?

— Жить без них не могу!

Взгляд юноши потеплел. Очкастая физиономия расплылась в улыбке. Неужели не понял иронии?

— Приходи сегодня вечером в клуб. Я буду играть в первенстве города.

— Ладно! Увидимся.

Во время партии Марк постоянно поглядывал в зал. Когда его взгляд встречался с моим, на лице появлялась та же блаженная улыбка. Партию он с треском проиграл.

— Эх, выпустил я его! — в десятый раз сокрушался Марк, когда мы с ним гуляли по пустынным улицам. — Если бы выиграл, попал бы в финал.

— Не переживай! Даже хорошо, что проиграл. Представь, победил бы в финале, попал бы на первенство области, а потом, глядишь, и на российский турнир поехал бы.

— А что в этом плохого?

— А там, — сказала я с нажимом. — Ты встретил бы девушку и влюбился.

— Какую девушку?

— Ее звали бы Залина. Ты бы постоянно думал о ней, ее образ вдохновил бы тебя на новые достижения. А потом вы поженились бы.

— Ну, ты фантазерка! Заранее ревнуешь?

— Конечно! У вас родился бы сын. Ты стал бы великим ученым, но в главный момент твоей жизни любовь к сыну перевесила бы чувство долга.

— Как это?

— Преступники захотели бы получить твоё открытие. Они похитили сына и требуют секретные расчеты в обмен на его жизнь.

— А я отдал бы?
— Да. И тогда мир стал бы иным. Вернее, мира не стало бы. Поэтому хорошо, что ты сегодня проиграл.
Марк засмеялся и потянулся ко мне. Но рука его поймала лишь воздух.

Задание было выполнено. Теперь Марк не встретит Залину. Он всю жизнь будет искать меня и никогда не женится. Вдохновительницей его станет не Залина, а Алина. Всего одна буква разницы! А когда мафия захочет заполучить его расчеты о передвижении во времени, он предпочтет умереть, но не выдаст секрет преступникам. Потому что у него не будет сына.

И в этом мире временные перемещения еще долго останутся тайной и станут доступны лишь тогда, когда общество будет к ним готово.

Вот я и спасла еще один мир! Очень люблю свою профессию. Мы — дизтаймеры— художники времени — появляемся в разных мирах и временах, чтобы одним штрихом изменить ход истории. Пусть мою работу никто не оценит, но ни на какую другую я ее не променяю.

АЛЕКСАНДР КАРАПАЦ
ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

— Анечка, ты уже большая. Сегодня у тебя первый день в школе. Я хочу кое-что рассказать.

— Да, мама.

— До сих пор мы учились дома, но с четырнадцати лет мальчики и девочки должны вместе ходить на занятия. Хочу открыть тебе один секрет.

— Секрет?

— Да. Наши с тобой предки прилетели с другой планеты. Из поколения в поколение передаются необычные способности. Но чтобы они проявились, необходимо соблюсти определенные условия.

— Ух ты! Круто!

— Женщины нашего народа могут летать. Ты тоже сумеешь, но только, если никогда не будешь близка с земным мужчиной. Всего один раз — и способность к полету пропадет навсегда. Ты ведь хочешь летать?

— Ещё бы!

— Надеюсь, ты сможешь удержаться. Не делай, как я!

* * *

В школе учеников рассадили по двое. Анин сосед Андрей выглядел очень привлекательно. Симпатичный, вежливый, обходительный. Во время урока Аня украдкой бросала на него взгляды и ловила ответные. Что-то было такое в его глазах, что заставляло отключаться от рассказа учителя и уноситься в мир грез. Нежность, радость, восхищение — возможно, все это лишь привиделась. Но было так приятно!

После уроков, не сговариваясь, пошли домой вместе. Аня не знала, где живет Андрей, а он не спросил, где ее дом. Но они шли рядом и говорили, говорили, говорили... Слова не имели значения. Важным был процесс беседы и понимание, что Андрей рядом.

* * *

— Я хочу открыть тебе тайну, сын, — голос отца звучал торжественно, и Андрей выжидающе замер.

— Тайну?

— Возможно, ты не поверишь, но мы с тобой инопланетяне, — Максим выдержал паузу. — Да, наши предки прилетели с далекой планеты. И нам передались некоторые их способности.

— Нифига себе!

— Это касается продолжительности жизни. Если соблюсти одно условие, мы могли бы жить вечно.

— Какое условие?

— Никогда не быть близким с земной женщиной. Если это случится хотя бы один раз, ты лишишься бессмертия. Ты ведь хочешь жить вечно?

— Ещё бы! Да не нужны мне эти дуры!

* * *

— Вот мы и пришли.

Они остановились у подъезда. Андрей гладил ее руку, и Аня никак не решалась освободиться. Голова кружилась. Она тонула в его взгляде. Глаза Андрея вдруг стали приближаться, пока не замерли на опасном расстоянии Их губы встретились.

* * *

— Привет, Максим!

— Привет, Вика!

— Ну, как предупредил?

- Да. Как положено.
- Я тоже. Наше дело сказать — все равно не послушают.
- Вика, я соскучился!
- И я! Приезжай скорей!

СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВ
МЁРТВОЕ ЖЕЛЕЗО

Я люблю планеты. Издалека похожи на драгоценные камни — янтарно-желтые, серебристо-голубые, винно-красные... Недаром в реестре ВКС у фронтовых секторов имена драгоценных камней: Аметист, Сапфир, Изумруд...

Люблю планеты, но еще больше — звезды. Россыпь яркого бисера во тьме. Газовые шары, производящие свет. Очень красиво. Я мечтаю превратиться в звезду.

Я плыву в черной пустоте, мерцая цветными огнями. Выгляжу как новогодняя елка: смолкшие турели ПРО и дефлекторы погасшего силового поля торчат, как ветки, перемигиваются маяки дрон-шлюзов и блиц-сферы активной защиты, гирляндой сияет паутина внешних кабелей, окалина от краш-смесевых бомб на плоскостях серебрится, как снег.

Капитан всегда называл меня «Ёлочкой».

Схожу с ума. Искины на разные голоса вопят о разгерметизации, о сбоях реактора. Расстреляли все ракеты, выпустили всех дронов и варботов. Радар ослеп, двигатель выбит, маневр невозможен. Искины в панике. Единственный, кто спокоен — Капитан. Странно для хомо-особи! Выполняя все приказы, я все же сомневалась: разве такое хрупкое существо может всерьез подчинить меня?

Я родилась на Луне, на Адмиралтейской Верфи. Мой прямой предок гипер-звездолет ССКР «Забияка-III». Масса покоя 20-27 тонн, встроенный ТЕНЕТА-генератор, экипаж до восьми человек. В моей модификации — один пилот, работающий в контакте с симбиотическим ИИ.

Я — боевой корвет RG-17 «Смерч». Но лучше зовите меня «Ёлочкой».

Я предназначалась Союзной Службе Мониторинга: исследования на окраинах колоний, перспективы терраформинга... Но война переписала мою судьбу.

Мне выбивало радар излучателями пиратских «Тифонов» на Альфе Ярилы сектора «Топаз». На Сигме Кларикона «Бирюзы» изрешетили гравипушки трэшменских Эхо-файтеров. На шестой

Гаммы Тавискарона, в минной ловушке, три часа вели бой с Икс-орбитером. Но особенно жарко было на «Рубине»: атака «Рапир» на топливный конвой, налет на тяжелый крейсер «Завет», лобовая дуэль с конфедератским «Бегемотом»; тот варбот класса «Гремлин», тараном снесший мне стабилизатор...

Мои братья и сестры. Расшатанные войной ИИ в смертоносных оболочках из спецдюрала и нанопластика — еще не вполне «сапиенс», но уже — безумцы.

Я убираю защиту, чтоб капитан мог навсегда покинуть меня в спасательной капсуле. Жала вражеских ракет устремляются к цели.

Капитан протестует. Я не спорю. Активирую протокол принудительного катапультирования.

Раз-два-три... Ёлочка, гори! Мечта исполняется: я превращаюсь в ярчайшую из звезд. На миг затмеваю все светила Галактики.

Надеюсь, у Капитана всё полу...

СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВ

ПАРОКАТКА, САБЛЯ И КЛЮКОВИЦА

— Не доверяй свинорылам! — рычит десятник. — Честный гальбер этодохлый гальбер.

Васильку еще в Курошекинском Училище Стражи рассказывали про Ургуца Гашамаза по прозвищу «Живоглот» («не вздумай назвать его так — уши сожрет!»). Живая легенда. Ветеран войны с Шарзой, беспощаден к лиходеям. Ненавидит гальберов.

Забыли упомянуть, что он сам гальбер.

У наставника бурая кожа, клыки из-под нижней губы, желтые глазки под массивными надбровными дугами, поросячий пяточок носа...

— Не доверяй свинорылым тварям, зачаток... На, отведай!

В когтистой лапе — сморщенные сушеные грибки.

— Это же...

— Крышепробой. Смелей глотай... Я из ты сделаю Стражника!

Грибы дерут глотку — сопли, слезы, кашель. Живоглот дает флягу — внутри забористая клюковица. Дежурство начинается.

Разболтанная «парокатка» гроыхает колесами и шипастыми бронепластинами, из трубы валит дым.

Холмень-на-Лихмени, столица царства, ведет их лабиринтами кривых улиц, чародейских укывищ, притонов и борделей.

Убийство на престижной Яблонке, в краю особняков и благоуханных садов. По паркету выписан кровью саммонерский знак. Живоглот поучает: «Не бойсь запачкаться...»

Артефактная лавка в Закорьево — лепет трясущегося сморчка-алхимика. Живоглот бьет его под ребра: «лучше, чем в морду... акkuratней...»

В Сытьево знакомая белошвейка дает зацепку. Выходя от нее, Живоглот завязывает штаны: «не унывай, лови момент».

На Факторийном выслеживают гальберов-контрабандистов. «Не лезь, осаживай».

Погоня... Настигают лиходеев аж в Мычатниках... «Вытащил саблю — руби...»

Говорили, что кровь у них черная. Нет, красная. Как у людей.

Уже в сумерках приезжают на Плудно. Район гальберов. В кабаке «Колдучий» на Василька плятятся — человек! Да еще в пурпурном кафтане городской стражи!

— Живи и давай жить, — десятник принимает от клыкастого трактирщика туго набитый мешок. — Не борзей, но свое не упускай...

Вообще-то они пришли арестовать трактирщика.

— А как же присяга?

— Да срал я на присягу, зачаток! Цапай долю.

В голове, одурманенной крышепробоем и клюковицей, проясняется. Саблю он, к счастью, не потерял.

— Че творишь, а?

— Вы арестованы, десятник Гашамаз.

— Мать твою, да ты угашенный...

— Молчать!

— Ну, лады... — его клинок тоже покидает ножны.

...Василек, задыхаясь и кашляя, выползает из горящего трактира на улицу. Зажимая рану в боку, садится на скамейку. Вытаскивает из-за пазухи пряник (прислали из Курощекина, да все было недосуг), отламывает кусок.

Сторонясь дыма и искр, подкрадывается малютка-гальбер. Весь замызганный, в лохмотьях. Жадно похрюкивая, тянет лапку.

— Не доверяй свинорылам, зачаток, — хрипит Василек. — Понял?

Больно смеяться. Он отдает малышу остатки пряника.

Вдали — пронзительные свистки стражников, пыхтят и громяют парокатки. Вдали, в тумане, мерцают флюгера Кремля, расписные купола царского дворца. Пахнет паленым мясом, перегаром и квашеной капустой. Холмень-на-Лихмени, город волшебства и лиходейства, алчности и измен, засыпает первым снегом.

Кирилл Ахундов

У КАЖДОГО ЕСТЬ ШАНС

Дежурю на перекрестке у светофора.

Вот мигнул красный, тормозят недовольно машины. Надменные крузачи, чопорные бумеры, хищные мерины. Вырваны из реальности на 30 секунд. С агрессивным равнодушием взирают на мир.

Моё время: неторопливо обхожу застывшие иномарки, с вежливой улыбкой заглядываю в окна. Важно, чтобы улыбка была вежливой, а не подобострастной. На форменной куртке вьются золотистые надписи «Даром», «Презент», «For nothing». Протягиваю водителям цветы. Каждому по ромашке. Почему бы нет? Я не прошу подаяния, не продаю пирожки, не размахиваю рекламными буклетами.

Я дарю людям белые цветы. Скромные символы надежды и гаранты безопасности в пути. Свежие, чистые. Возьмите ромашку! Бесплатно. For nothing. Жаль, не все это понимают.

Большинство не реагируют. Смотрят сквозь меня. Многие пренебрежительно отмахиваются. Другие универсальным движением брови указывают: «Пшел вон!». Что ж, покладисто киваю, бреду дальше.

Есть и доброжелательные, улыбаются и качают головой, мол, спасибо, не надо. Из двадцати человек только один открывает окно, берет цветок. Женщины очень редко берут. Зато решительно и ласково смотрят огромными глазами. Был случай — одна шоколад подарила, другая банку пива сунула. Мужчины же обычно в ответ протягивают деньги, мелкую купюру или горсть монет. Однажды под праздник подвыпивший господин сто долларов дал. Я не отказываюсь. Беру. Нам нельзя не брать. Дело не в потенциальной обиде или принципах... таков закон. Беру шоколад, пиво, деньги и старые журналы. Они мне не нужны. Зачем дорожному ангелу пиво? Я выполняю свою работу, борюсь с потенциальными несчастьями на трассе, купирую склонность к авариям и агрессивность за рулем. Каждая ромашка — надежда, шанс удачи, тихое благословение свыше.

Нас много, мы везде. Работаем на передовой. Нас не гоняют службы правопорядка, не обижают местный криминал. Замечают лишь водители на перекрестках.

...Затянутый в кожу бритоголовый детина на Харлее презрительно отмахнулся от ромашки, даже пытался пнуть меня, но ему было лень. Я пожал плечами и повернулся к роскошному внедорожнику. Мощный, как самосвал, черный, как деготь. Стекло медленно опускается. За рулем женщина поразительной красоты, улыбается, манит. Черные бездонные глаза. Зачем я иду к ней? Ах, да, ромашка.

Она в перчатках, осторожно берет цветок и в ответ протягивает кроваво-красную гвоздику. Я должен взять, таков закон. Это демон аварий, я проглядел ее. Сегодня меня ждет беда.

Я не успеваю коснуться кровавого цветка.

— Гля, какая телка! — меня сносит в сторону и заслоняет могучая спина бритого байкера, склонившегося к машине. Он небрежно выхватывает из ее руки гвоздику, лезет в карман, что-то сует ей в окошко, что-то бубнит. Стандартная процедура знакомства. Демонесса равнодушно отворачивается, уезжает. Браток торопливо возвращается к своему Харлею.

Здесь его поджидаю я. С протянутой ромашкой.

Я обязан предоставить ему последний шанс.

Бери цветок, дурень!

СВЕТЛАНА ТУЛИНА

ПОТОМУ ЧТО ТАК ПРАВИЛЬНО

— Почему ты отдал ей свою добычу?

Разбитые губы саднят, ноет исхлестанная в кровь спина, кожу между лопаток стянуло коркой, комбез прилип. Очень болит шея. Поворачивать голову трудно, говорить еще труднее. Но сказать обязательно надо, ты это знаешь. Хотя точно так же и знаешь, что тебя опять не поймут. Или поймут неправильно.

— Потому что я — мужчина.

— А-а!

На грязном лице соседа по рабской делянке проступает понимающая улыбка. Руки его движутся автоматически, не принимая участия в разговоре — нащупать белую горошинку с тыльной стороны листа, осторожно открутить, потянуть, кинуть в мешок. Тебе самому до такого автоматизма далеко, но ты упрямый. И быстро учишься. Рядом движутся другие тени в желтых комбезах — согнутые, озабоченные, стремящиеся выжить любой ценой. Хотя бы вот так. Они далеко. Сосед — близко.

— Хочешь ее трахнуть, да?

— Нет.

Сосед растерян настолько, что даже отвлекается от собирания ядовитых тлей. Морщит переходящую в лоб зальсину.

— Тогда зачем?

— Потому что так правильно. Я сильнее. Я должен. Защищать. Хотя бы так.

— Ты дурак?

— Я мужчина.

Какое-то время сосед работает молча, но потом не выдерживает снова:

— Ты все-таки дурак. Сегодня ты не сможешь собрать даже собственную норму, а не то что отдать кому-нибудь полмешка.

— Смогу. А если и нет — это мои проблемы.

Ты знаешь, что сосед прав, нормы тебе сегодня не собрать. Солнце давно перевалило за полдень, а у тебя набрано чуть больше половины. Сегодня опять будет порка. Возможно — карцер. Но это неважно. Важно, что вчера ты поступил правильно. Потому что именно так поступил бы один капитан со стальными глазами и понимающей улыбкой, а значит, и ты не мог поступить иначе.

— Жалко... — вздыхает сосед. — Опять не послушаем твоих сказочек про того суперкапитана и его суперкоманду. А я как-то уже привык, ты хорошо рассказываешь, душевно. Аж за сердце берет!

— Разговорчики! — рычит подкравшийся незаметно надсмотрщик, спину обжигает нейрохлыст. Ты шипишь на вдохе, пережидая острую боль, рядом тоненько взвизгивает сосед. Дальше работаете молча.

* * *

Конечно же, ты не добрал до нормы — за последние дни ты научился определять вес мешка с точностью до пятидесяти граммов. Сегодня в нем не хватало больше. Намного. Порка точно. Может быть, даже карцер — с той самой точностью до пятидесяти граммов. Какое-то время ты раздумывал: раз все равно не хватает, не раздать ли все полностью и сегодня тоже? Ведь кого-то это наверняка может уберечь. И капитан, наверное, поступил бы именно так... Раздумывал ты отстраненно и почти безразлично. И если бы собрано было чуть меньше — наверное, так бы и сделал. Какая разница, если все равно умирать, а вторая ночь подряд на мокром бетонном полу — верная смерть, так пусть хоть кому-то польза будет... Но сегодня шанс избежать карцера был, и, значит, рискнуть стоило.

Рядом мялся сосед, вздыхал — не был уверен, добрал ли до ужина, боялся идти проверить. Ты посмотрел на него и решил, что на весы пойдешь одним из первых — чего тянуть?

— Подожди...

Когда тебя тронули за плечо, ты вздрогнул больше от неожиданности, чем от боли, но она виновато отдернула руку. Ты не помнил, как ее зовут. Ты и лица-то ее не помнил. Прошептала, косясь в сторону далеких еще надсмотрщиков:

— Извини... вот, держи. — В незатянутую горловину мешка (твоего мешка!) скользнула сложенная ковшиком рука в защитной перчатке. Не пустая рука. Опрокинулась. Мешок стал чуточку тяжелее.

— Мы сегодня очень старались, должно хватить всем. Стой здесь, пойдешь последним. И... не закрывай горловину.

Она торопливо скользнула мимо, вместе с другими пленниками, выстраивая очередь к весам. Та ли, с которой ты поделился вчера? Или раньше? Или вообще посторонняя? Ты не помнил их лиц, это было не важно.

Мимо шли люди в желтых комбинезонах. Выстраивались в затылок друг другу. Некоторые просто шли, почему-то пряча глаза. Другие же прятали ладони, сложенные ковшиком. Заранее не пустые ладони в защитных перчатках. Мешок потихоньку тяжелеет. Как они смогли договориться? Ведь охранники не позволяют... как им вообще такое в голову взбрело?! Это неправильно! Это твоя миссия. Твоя функция! Что бы на это сказал капитан? Они не должны...

Но отказаться было бы даже не неправильно — это было бы подло. Потому что для них сейчас это важно, они старались. Они гордятся, нельзя лишать людей того, чем они гордятся. А стыдно только тебе. И это только твои проблемы.

Ты запрокинул голову, делая вид, что высматриваешь летуна. Вытерпеть порку было бы проще, нейрохлыст обжигает не так сильно и только снаружи. Мужчина, называется. Защитник, твою же мать!

Когда люди кончились, ты испытал острое облегчение. Не потому, что почти полная норма, может быть, даже на ужин хватит, та самая погрешность в полсотни граммов. Просто люди кончились, и никто тебя больше не видит, вы с соседом последние в очереди на весы.

Вернее, последним оказался как раз сосед...

— А что я, левый, что ли?! — буркнул он зло и смущенно, стряхивая с перчатки последнюю белую горошину.

— Тебе самому теперь может не хватить на ужин, — счел нужным уточнить ты.

— Да и хрен с ним, терпеть не могу перловку! — Сосед криво ухмыльнулся, раздраженный собственным непонятным порывом. Попытался найти разумные оправдания: — Лучше без ужина, чем без сказочки. Ты уж больно трындишь душевно. Даже поверить хочется...

Ты улыбнулся в ответ. Вышло тоже криво — правая сторона лица распухла, стянутая кровавой коркой.

— Хорошо. Будет вам сказка.

— Про капитана, да? — Сосед смотрел жадно и доверчиво.

— Да. Про капитана...

Про капитана. Конечно же, про капитана.

Смелого, доброго, сильного, умного, отважного, честного, порядочного, бескомпромиссного, ответственного, понимающего, отзывчивого, да что там — просто самого лучшего человека всех времен и народов.

И про его команду, которая во всем достойна своего капитана. Честную, умную, смелую, добрую... Бросающуюся на помощь не потому, что так им положено по долгу службы, и даже не потому, что это правильно, — они просто не понимают, что можно иначе. И никогда не поймут, сколько бы им не пытались этого объяснить. Команду, которая всегда придет на помощь, даже если ее никто не просит об этом. Которая никогда не бросает своих — да что там своих, она и чужих не бросает! Команду, которая сделает невозможное — если это надо для спасения чьей-то жизни. Команду, которая обязательно победит, потому что иначе быть просто не может, пока возглавляет ее такой капитан.

Команду, которая не успокоится, пока не отыщет своего блудного навигатора. А значит, обязательно прилетит сюда. И всех спасет. И накажет пиратов. Потому что иначе быть просто не может. Надо только дождаться — и суметь остаться людьми.

Да, ты расскажешь об этом сегодня. И будешь рассказывать завтра. Снова. И снова. Только об этом. И ни о чем кроме, потому что все, что кроме — оно твое и только твое и никому не интересно.

И пусть все сказанное будет ложью, но это правильная ложь. Так должно быть.

А значит — так будет.

СВЕТЛАНА ТУЛИНА

БОНУСЫ СУБАРЕНДЫ

Почему в шестнадцать так трудно сказать: «Пап, ты классный! И я очень тобой горжусь, правда-правда!»? И пусть даже он буркнет про телячьи нежности, ему все равно будет приятно. Он ведь и сам пытается наладить контакт, в спортзал вот позвал. и я пошел. хотя терпеть не могу бокс. Думал, получится поговорить. Ни фига. В шесть лет было проще, я тогда ему кружку сделал с корявой надписью «Лучшему папе!»; гордился, помню, ужасно. А сейчас — ну вот как? Подумает, что подлизываюсь.

И подсадка хороша, нет бы помочь — отключилась! Ну да, мы же закончили и к душу подходим, неприлично типа. Ненавижу ее. Впрочем, она меня тоже. Поскорее бы ей новое тело вырастили, достала уже. Когда не надо — лезет, а когда нужна до зарезу — не дозовешься! Что ей стоило помочь? Ей бы он поверил, взрослые всегда друг другу верят больше. Так нет же, смылась! А мне теперь одному.

Впрочем...

Отвожу плечи назад, она всегда так делает, давно заметил. Деликатно откашливаюсь и беру отца за локоть — почти манерно, двумя пальчиками. Чтобы сразу обозначить.

— Валерий Павлович, можно вас задержать на минуточку? — говорю этак со значением. — Володю я отключила, он нашей беседы не услышит, вредно ему такое слушать. Он хороший мальчик, Валерий Павлович. Шалопай, конечно, и лентяй, но добрый. И вас очень любит, только сказать стесняется. Не давите на него, в его возрасте деткам трудно дается откровенность. Просто знайте, что это так. Ведь не обязательно же все и всегда проговаривать вслух, правда?

Странное у отца лицо. Растерянное. И чем дальше — тем более растерянным оно становится. Растерянным и... обиженным? Почему? Я что-то не то говорю. Не то и не так. От страха меня всегда пробирает неудержимый словесный понос, и хотел бы остановиться, а уже никак. Тороплюсь, частя и паникуя с каждым словом все больше, но стиль держу:

— Я сейчас отключусь, пока Вовик не подумал чего, он у вас очень трепетный и ранимый... — что я несу?! — Но вы знайте, что он вас очень любит! И боится разочаровать, подвести, не оправдать возлагаемые надежды... — боже, а это я о чем?! Какие надежды?!

К счастью, тут мой бессвязный и жалкий лепет прерывает отец.

— Да понял я, понял! — голос у него раздраженный. — Нет у меня маразма! Сразу все понял.. С первого, в смысле. Вчера еще. Зачем повторять-то? Хотя и... ну, типа спасибо.

Моргаю. Сглатываю. Что тут можно сказать?

— Пап?.. А за что спасибо?

Надо отдать предку должное — сориентировался мгновенно:

— Да за спарринг, конечно! Славно поступались.

МАКСИМ ТИХОМИРОВ ЧУЖИЕ КРЫЛЬЯ

Надпись над входом гласила: «М. М. Нозек. Зоологические товары и другие диковины». Звякнул колокольчик над дверью. Шум столицы остался снаружи. Внутри пахло манежем.

— Любезные господа...

Грузный лавочник склонился в поклоне.

— Я подожду здесь, мои дорогие. — Глава семейства щелкнул крышкой брегета и устроился с газетой в кресле для посетителей.

— Прошу за мной, милые дамы, — улыбнулся лавочник.

Пошел по длинному проходу между вольерами, в которых мигом прекратилась всякая возня. Девочка лет пяти, вся в кружевах

и оборочках, семенила за ним, широко раскрыв глаза. Всем видом изображая скуку, за ними следовала мать.

— Здесь феи, юная госпожа. А тут — драконы. Не пугайтесь, они еще слишком малы. Гаруды, имею честь предложить.... Нет? Тогда извольте сюда....

Девочка послушно шла между высокими рядами клеток. Из-за прутьев за ней наблюдали сотни пар нечеловеческих глаз.

У одной из клеток она остановилась. В клетке, нахохлившись, сидел ангел. Когда он отпрянул, испуганно взмахнув крыльями, цветные перья сложились в удивительной красоты узор.

— Вот этого! — выпалила девочка. Показала пальчиком, какого.

Ангел заметался по клетке с жалобным криком. Крошечное личико искал страх.

— Этого?

Малышка счастливо кивнула. Прижала ладошки к губам. Затаила дыхание, притихла, замерла.

Лавочник приоткрыл дверцу, сноровисто просунул внутрь сачок. Короткий взмах, и ангел запутался в сетке. Обмяк, глядел с нечеловеческой тоской.

— Тут главное — не попортить крылья, — добродушно гудел в пышные усы лавочник, вызволяя пленника. — Вам ведь крылья глянулись, добрая госпожа, верно?

— Можно подумать, сюда приходят за чем-то еще, — глядя в сторону, заметила мать девочки.

«Добрая госпожа» не слышала ее слов. Она вся светилась счастьем — сбывались ее давние мечты!..

Ангел при взгляде на ее сияющую мордашку расслабился. Позволил защелкнуть у себя на лапке крошечный браслет, соединенный тонкой цепочкой с запястьем малышки. Устроился на плече, тихонько замурлыкал.

— Папа! Папочка! Смотри, какой хорошенький!

Отец отложил газету, благосклонно кивнул. Рассчитался, не торгуясь. Взглянул на часы.

— Нам пора, дорогая.

— Нужны годы, чтобы установилась связь, и не развилось... э-э, отторжения при пересадке, — сказал лавочник на прощание. — Пока он мал, но быстро нагонит в росте.

— Мы все это знаем, сударь, — холодно ответила мать девочки. — Фелиция!..

— А я ведь помню вас, госпожа, — сказал лавочник. Оглядел ее, задержался взглядом на плечах. — Прекрасно прижились, и узор все так же хорош.

— Морис был прекрасным питомцем, — ответила дама. Помедлив, добавила: — Я скучаю по нему. Иногда.

Окунувшись в суету предвечерней столицы, отец и мать взяли дочь за руки, расправили крылья и поднялись в небо, полное летунов. Глядя им вслед, лавочник ощутил привычную ломоту в спине — там, где на лопатках бугрились мертвой плотью старые-старые шрамы.

Малышка смеялась, а вокруг радостно порхал крохотный пока еще ангел.

Цепочка отсюда, снизу, была почти не видна.

Литературно-художественное издание

АСТРА НОВА
альманах фантастики

Главный редактор: *Светлана Тулина*

Редколлегия: *Кирилл Берендеев,*
Александр Тишинин

Литературные редакторы: *Анна Райнова и Григорий Панченко*

Корректоры: *Светлана Ушакова*

Компьютерная верстка и дизайн *Ольга Денисова*

Художники: *Светлана Тулина, Ольга Маковская,*
Елена Нестерова, Ильмир Амиров

Подписано в печать 05.12.2017

Формат 60×84 1/16. Отпечатано

с готового оригинал-макета по технологии

Print-on-Demand. Усл. печ. л. 17,20. Уч.-изд. л. 15,43.

Заказ книг
fanni.old-land.ru
sz-izdat.ru

Издательство Северо-Запад, 2017

